ПОЛИНА ВАХТИНА
НАТАЛЬЯ ГРОМОВА
ТАТЬЯНА ПОЗДНЯКОВА

ДЕЛО БРОННИКОВА

«... О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФАШИСТСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ КРУЖКОВ И АНТИСОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ САЛОНОВ»

№249-32

РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Дело Бронникова» — книга-расследование. Она сложилась из пятитомного следственного дела 1932 года. Среди обвиняемых — переводчик М.Л. Лозинский, лингвист Н.Н. Шульговский, киновед Н.Н. Ефимов, художник В.А. Власов. Но имена других сегодня никому ничего не говорят. Пропали их сочинения, статьи, стихи, записки, письма, даже адреса. А люди эти были очень талантливы: А.В. Рейслер, П.П. Азбелев, А.А. Крюков, М.Н. Ремезов, М.Д. Бронников… — ленинградские литераторы и искусствоведы.

Авторы собирали информацию по крупицам в официальных и частных архивах и пытались увидеть живых людей, стоящих за найденными материалами этого забытого дела.

- Полина Вахтина, Наталья Громова, Татьяна Позднякова
  - К истории исследования «Дела Бронникова»
  - Дело Бронникова
    - Никаких «своих кругов»
    - Бронников Михаил Дмитриевич
    - Шуппе Георгий Николаевич
    - Власов Василий Адрианович
    - Ремезов Михаил Николаевич
    - Ефимов Николай Николаевич
    - Рейслер Александр Владимирович
    - Азбелев Павел Петрович
    - Ласкеев Борис Федорович
    - Крюков Алексей Алексеевич
    - Волков Дмитрий Васильевич
    - Лозинский Михаил Леонидович
    - Рыжкина-Петерсен Мария Никитична
    - Владимирова Татьяна Михайловна
    - Моор-Зубова Любовь Юльевна, Моор Вильям Рудольфович
    - Вержбицкий Глеб Дмитриевич
    - Бруни Георгий Юльевич
    - Наумов Павел Семенович, Наумова Вера Кирилловна
    - Пестинский Борис Владимирович
    - Билибина Татьяна Владимировна
    - Шульговский Николай Николаевич
    - Петкевич-Пильц Элеонора Иосифовна
    - Следователь Алексей Бузников

- Приложения
  - Люди, осужденные по «Делу Бронникова»
  - Кружки, указанные в «Деле Бронникова»
    - «БАНДАШ»
    - «ШТРОГЕЙМ-КЛУБ»
    - «ШЕКСПИР-БАНДЖО»
    - «ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ»
    - «АКАДЕМИЯ»
    - «ФАБЗАВУЧ»
    - «БЕЗЫМЯННЫЙ КЛУБ»
    - «БОДЛЕРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ»
    - «ШЕРФОЛЬ»
    - ЯЧЕЙКА В 115-М ЗЕНАРТПОЛКУ
    - МИСТИКО-СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН В.Р. И Л.Ю. МООРОВ
    - МИСТИКО-СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК НАУМОВОЙ В.К
    - ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН БИЛИБИНОЙ Т.В
  - Фрагменты произведений обвиняемых[218]
    - Михаил Бронников
    - Алексей Крюков[219]
      - 1. Отрывок из поэмы «Актябрь»
      - 2. XIII. Тринадцатилетие октября
      - 3
      - (Из последних)
      - 5
      - 6. Крестовые походы
      - 7. 28, 29 гг.
      - 8. Толпе
      - 9. 29–30 гг. Проклятье войне
    - Павел Азбелев
      - Гафиз
      - Музе
      - * * *
    - Николай Шульговский
      - Из рукописного сборника «Овидь безбрежная» 1924-1
      - * * *
    - Автор неизвестен
    - Михаил Ремезов
      - Путешествие вокруг комнаты
      - Поездка в направлении сна
    - Глеб Вержбицкий

- Никита Мещерский
  - Небольшое послесловие
  - Именной указатель
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219

Полина Вахтина, Наталья Громова, Татьяна Позднякова
Дело Бронникова «О контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов № 249-32»

Светлой памяти Полины Вахтиной посвящается эта книга

К истории исследования «Дела Бронникова»

Эта книга прошла очень долгий путь от первоначального замысла до воплощения. Она возникла из пятитомного дела ленинградского ОГПУ «О контрреволюционных организациях фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов № 249-32», или «Дела Бронникова».

Идея создать эту книгу принадлежала Полине Вахтиной, библиографу и архивисту Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. К сожалению, она не дожила до ее выхода. Полина Лазаревна ушла из жизни 9 марта 2017 года.

В 1989 году, занимаясь подготовкой материалов к 175-летнему юбилею РНБ, Полина Вахтина пыталась прояснить судьбу сотрудников библиотеки, попавших под каток репрессий. В поисках информации она обратилась к документам, собранным центром «Возвращенные имена»[1]. Среди прочих здесь хранилось никому неизвестное «Дело Бронникова»[2]. Полина Вахтина обратила на него внимание, так как нашла в нем материалы на известного переводчика М.Л. Лозинского и библиографа М.Н. Рыжкину-Петерсен, работавших в РНБ. На страницах «Дела Бронникова» оказалось еще около ста имен. Но по обвинительному заключению проходили лишь двадцать три человека, среди которых были не только сотрудники Государственной публичной библиотеки (нынешней РНБ), но и студенты Государственного института истории искусств (ГИИИ), работники ленинградской кинофабрики, представители технической интеллигенции. Каждый из них был участником одного или нескольких небольших неформальных объединений. Следователи выбрали на роль главного организатора Михаила Бронникова, который действительно создал в конце 1920-х годов в Ленинграде восемь кружков, где молодые люди изучали современное искусство и делились собственными литературными опытами. Поэтому дело № 249-32 и получило второе название — «Дело Бронникова».

Неформальные объединения людей в кружки — свидетельство их «тихого сопротивления», их стремления хотя бы к временному освобождению от жестких рамок советской действительности. Уничтожение подобных объединений говорило о страхе властей перед любым проявлением человеческой свободы и независимости.

«Дело Бронникова» вполне вписывалось в советскую политику по последовательному разгрому интеллигенции. 1921 год — «Таганцевское дело», 1925-й — «Дело лицеистов». В 1928-м — крупный Шахтинский процесс, когда органы ОГПУ раскрыли «контрреволюционную вредительскую организацию горных инженеров». Считалось, что все они действовали под руководством Парижского центра. Вслед за ним было развернуто дело Промпартии (крупное дело о вредительстве в промышленности) 25 ноября — 7 декабря 1930 года, где утверждалось, что «буржуазная техническая интеллигенция» действовала по заданию французской разведки.

В октябре в Москве развернулось дело «Весна», которое коснулось бывших военных, офицеров, военных моряков, преподавателей военных академий. На этом фоне шло «Дело академиков», предполагавшее разгром и уничтожение прежней Петербургской академии наук и полную замену ее членов. Сюда же примыкало дело 1929–1930 гг. о «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции» А.А. Мейера «Воскресенье», куда входили ученые, преподаватели и философы: М.М. Бахтин, И.М. Гревс, Н. Анциферов, М. Юдина и другие.

Газеты пестрели ключевыми словами: иностранцы, тайные и подпольные организации, вражеская интеллигенция, философия, литература, религия.

Среди обвиняемых по «Делу Бронникова» встречаются имена известные: переводчика М.Л. Лозинского, лингвиста Н.Н. Шульговского, киноведа Н.Н. Ефимова, яркого представителя соцреализма в изобразительном искусстве В.А. Власова и др. Но имена других сегодня никому ничего не говорят. А люди эти были очень талантливы: А. Рейслер, П. Азбелев, А. Крюков, М. Ремезов, М. Бронников… — ленинградские литераторы и искусствоведы. От многих не осталось ни строчки, ни документа. Пропали их сочинения, статьи, стихи, записки, письма, даже адреса. Словно и не было их на свете.

Основная задача, которую поставили перед собой авторы книги, заключалась в том, чтобы перевести мертвый язык следственных протоколов, допросов, признаний и обвинительного заключения в документальное повествование о людях, большинство которых исчезло как из культуры, так и из памяти. Авторы собирали информацию по крупицам в официальных и частных архивах и пытались увидеть живых людей, стоящих за найденными материалами этого забытого дела.

Дело «О контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов» («Дело Бронникова») представляет собой сумму двадцати трех дел обвиняемых плюс обвинительное заключение, находящееся в папке с грифом «Совершенно секретно».

В настоящем издании протоколы допросов и фрагменты обвинительного заключения приводятся по материалам архива Центра «Возвращенные имена» при РНБ к 16-му тому «Ленинградского мартиролога».

В архиве ФСБ в отдельной папке под архивным № П-74002 собраны конфискованные при арестах членов кружков рукописи и машинописи их литературных произведений. Они оказались в папке безо всякой системы, авторы иногда указаны неверно, иногда вообще не указаны. Здесь же лежат и часто написанные скорописью отдельные протоколы собраний кружков. Фотографировать и ксерокопировать материалы нам было запрещено. К сожалению, не было возможности полностью их переписать. Фрагменты материалов будут представлены в Приложении.

В протоколах допросов каждого из обвиняемых встречаются не только имена других обвиняемых, но и имена людей, по счастью, к следствию не привлеченных. (Понять логику следствия здесь не представляется возможным.) Мы посчитали необходимым в тексте или в примечаниях дать справки о тех из них, чья личность, судьба и роль в исследуемой истории нам известны.

Протоколы допросов публикуются в современной орфографии, с сохранением их стилистики.

Благодарим за помощь в исследовании Анатолия Яковлевича Разумова, Павла Петровича Азбелева, Елену Ивановну Арефьеву, Петра Алексеевича Багрова, Вильяма Петровича Барабанова, Полину Юрьевну Барскову, Всеволода Олеговича Волкова, Михаила Юрьевича Германа, Сергея Георгиевича Глотова, Людмилу Владимировну Дербилову, Марию Георгиевну и Елену Константиновну Дьяковых, Галину Павловну Иванову, Ирину Геннадьевну Иванову, Нину Владимировну Лукину, Ирину Витальевну Платонову-Лозинскую, Ольгу Герасимовну Прутт, Андрея Ивановича Рыбачка, Наталью Олеговну Рыженок, Ольгу Владимировну Сахарову, Веру Викторовну Сомину, Михаила Никитича Толстого, Надежду Юрьевну Черепенину.

Дело Бронникова

Никаких «своих кругов»

Первый арест произошел 15 февраля 1932 года. Второй — 8 марта. 9 марта взяли Бронникова и еще пятерых его товарищей, затем еще одного — 13 марта, и уже четырнадцать человек — 20-го. Итак, аресты шли больше месяца. Людей уводили крепкие мужчины в черных пальто, в черных кепках и высоких сапогах. Тянулась цепочка — машины ОГПУ заворачивали на 1-ю, 9-ю, 10-ю, 12-ю линии Васильевского острова, на Советский проспект, проспект Майорова, улицу Красных Зорь, проспект Пролетарской Победы, на 1-ю улицу Деревенской бедноты, на проспект 25 Октября, Ораниенбаумскую, Корпусную, Писарева, Бармалеева, на набережную Лейтенанта Шмидта[3]…

Чем же конкретно занимались молодые люди в своих кружках? Воспоминаний об этом практически не сохранилось. Составить представление об их деятельности можно только на основе протоколов допросов. При этом мы знаем, что показания почти всегда писались под диктовку следователей, в них постоянно звучали продиктованные определения «антисоветский», «контрреволюционный», «погромный», «похабный» и др., которые допрашиваемые однообразно повторяли, рассказывая о своих занятиях и называя их порой «антисоветским болотом». Такова была установка следствия и следователя.

В 1927 году Михаил Бронников и несколько его знакомых, увлеченных киноискусством, организовали кружок и дали ему необычное название «Бандаш»[4]. Здесь занимались практической деятельностью: не имея возможности создавать кинофильмы, создавали фотофильмы. Писали сценарии, выстраивали мизансцены, фотографировали их, потом монтировали. Деятельность кружка «Бандаш», как скажет М. Бронников на допросе, «шла под знаком освоения буржуазного кино- и фотоискусства. Не удовлетворяясь пассивным восприятием кино и подбором фильмов, проходящих в советском прокате, мы решили создавать свои собственные произведения». «Мы» — это М. Бронников, М. Ремезов, В. Власов, Г. Шуппе, Н. Ефимов…

Вслед за кружком «Бандаш» с 1927-го по 1931-й возникли «Дискуссионный клуб», «Безымянный клуб», «Штрогейм-клуб», «Шекспир-Банджо», «Академия» и «Фабзавуч», «Бодлеровская академия».

Из «практического» «Бандаша» выросли «теоретические» «Дискуссионный клуб» и отпочковавшийся от него «Безымянный

клуб». Основной темой дискуссий было современное искусство, а также мировоззренческие и политические вопросы. По словам подследственных, в этих кружках выпускались рукописные журналы («Журнал с именем», «Журнал без имени»). Сюда приходили также физик Георгий Шуппе, друзья Бронникова по Институту истории искусств: «словесник» Михаил Ремезов, «киношники» Фаня Минц, Николай Ефимов… Читали заграничные журналы. Литературу выписывали через издательство «Международная книга», получали от знакомых иностранцев, отыскивали в библиотеках, переводили и вчитывались в нее. Обсуждали современное кино.

Георгий Шуппе показывал о кружках «Бандаш» и «Дискуссионный клуб» следующее:

> В 1928 г. я познакомился, еще будучи комсомольцем, на квартире Власова с Бронниковым и примкнул к организованному им антисоветскому кружку «Бандаш», в который помимо меня и Бронникова входили Власов, Шишмарева, Сафонова, Порет Алиса Ивановна, Блетова и молодежь из кинотехникума, из которой я помню двух девиц — Макарову и Москаленко. В дальнейшем я примкнул также к антисоветскому кружку Бронникова «Дискуссионный клуб», где сам не выступал, а слушал других. Помню, в частности, доклад Бронникова о Прусте, сделанный им на одном из собраний клуба.

Любопытны два упомянутых имени: Алиса Ивановна Порет — художница, подруга Даниила Хармса, и «девица Макарова» — не кто иная, как будущая знаменитая актриса Тамара Макарова и жена советского режиссера Сергея Герасимова. Им удастся избежать ареста.

Молодые культурные девушки и юноши искали свой круг, свою среду. И находили. А дальше кому-то везло, а кому-то нет. Логика чекистских преследований загадочна: почему была арестована Э.И. Петкевич-Пильц, чье имя не встречается ни в одном протоколе допроса, почему не тронули активнейшую участницу кружков Фанни Минц? Эти вопросы пока остались для нас без ответа.

В «Безымянный клуб» ходили преимущественно бывшие студенты киноотделения Института истории искусств.

В «Штрогейм-клубе» (название — от имени американского кинорежиссёра, актера и сценариста Эриха фон Штрогейма) занимались углубленным изучением западного кино. В «Шекспир-Банджо» изучали драматургию и театр, создавали сценические

интерпретации классических произведений, разыгрывали их в «театре для себя». Кружки «Академия» и «Фабзавуч» были созданы для просвещения молодых людей, не искушенных в искусстве. Зато в «Бодлеровской академии» рафинированные эстеты читали друг другу и обсуждали свои собственные литературные произведения.

Кружок поэтического творчества под названием «Бодлеровская академия» собирался регулярно, один раз в две недели, по вторникам, на квартире М.Д. Бронникова. И этим кружком он тоже руководил. Сюда приходили зав. отделом сбыта завода «Красная Заря» Александр Рейслер, сотрудник Научно-исследовательского геологоразведочного института Павел Азбелев (бывший студент и сотрудник Института истории искусств) и инженер Ленпроектдора Борис Ласкеев. Последний показывал:

> В 1928 г. по предложению Бронникова я вошел в антисоветский нелегальный кружок «Бодлеровская академия», руководимый и идейно направляемый Бронниковым. В кружок входили исключительно лица из круга инженерно-технических работников. Политической задачей руководства кружка являлось проникновение в среду технической интеллигенции, втягивание в кружок и антисоветское разложение, используя для этого искусство, в частности, литературу как средство. Достигалось это путем отрыва членов кружка, занимавшихся, помимо своей специальности, также и литературой, от советской тематики и пролетарского метода в творчестве, насыщая его антисоветским содержанием, чтением на регулярных собраниях круга своих и чужих контрреволюционных произведений. На наших собраниях запрещалось чтение современных или даже близких современности произведений. Допускалось чтение исключительно дворянских писателей, воспевающих красивую придворную жизнь, на образцах творчества которых мы и учились. Как я показывал, на вечерах нашего кружка мы читали свои антисоветские произведения. Творчество руководителя кружка М. Бронникова, который наиболее чаще читал свои собственные произведения, насквозь пропитано монархическими и дворянскими идеями.

Оказывается, Бронников заставлял всех читать дворянскую литературу!

Особое место занимал кружок «Шерфоль», где руководителем

был не Бронников, а Михаил Лозинский, учитель Бронникова и многих других его коллег по переводческому искусству. Объединение это сложилось еще в 1920 году как студия перевода при издательстве «Всемирная литература». Ее участники переводили сонеты поэта Эредиа, а заодно издавали рукописный журнал «Устои», пародировавший современность. Коллективно писали стихи и пьесы, которые затем разыгрывали в своем кругу.

ОГПУ посчитало, что деятельность кружка «Шерфоль» «свелась к антисоветской театрализованной игре: кружок стал представлять собой воображаемое герцогство с соответствующим феодально-монархическим этикетом с установленным дворянским гербом…»

Все были молоды, веселы и с удовольствием превращали их общую жизнь в игру. Каждый из членов кружка имел прозвище. Лозинского как руководителя кружка называли Великим герцогом Шерфольским, Бронникова — капельмейстером Пинским и кавалером де Пиньяком, Аду Ивановну Шведе (до замужества Оношкович-Яцыну) — архиепископом Маврикием, Марию Рыжкину-Петерсен — Пренбесомде — духом-предводителем мрака и беснования, Екатерину Малкину — скифским утопленником. После значительного перерыва бывшие участники студии стали вновь собираться вместе в конце 1931 года, так как появилась возможность издания коллективных переводов Эредиа. Теперь уже на квартире М.Л. Лозинского.

К названным кружкам — в сущности, просветительским — примыкали салоны Билибиной, Наумовой и семьи Мооров. Для них был создан специальный раздел обвинительного заключения по следственному делу № 249-32 — «Мистико-спиритуалистическая деятельность организации». Эти объединения Бронников не организовывал, а только, в силу своей активности, посещал. Здесь собирались люди более солидные, встречавшиеся еще до революции. Это было другое поколение, которое искало выход в обретении веры вне церкви.

В то время и в Москве, и в Ленинграде стали популярны разнообразные мистические течения, собрания новых розенкрейцеров, тамплиеров, спиритов, страстно мечтающих о конце большевизма и пытающихся жить в духовном подполье. От допрошенных были получены сведения о том, что Моор «неоднократно заводил беседы с присутствующими о существовании загробного мира, о необходимости иметь с этим миром постоянную связь… показывал присутствующим снимок жены писателя Конан-Дойля, вырезанный им из современного английского журнала, под которым эта последняя сообщала, что ей при помощи организованного ею кружка спиритов удается

сноситься с духом своего мужа… Моор устраивал спиритические сеансы…».

Г.Ю. Бруни на допросах рассказывал нечто поразительное:

> Мы вызывали духов, причем эти духи очень часто говорили всякие антисоветские вещи, вроде того, что дух Ленина в загробном мире кается в совершенных им на земле грехах.

У Мооров часто выступали и с чтениями своих произведений.

Бронников читал свои переводы Кокто, Соколов — свою поэму, воспевающую монархический дореволюционный Петербург, Тянь-Шанский — свои подражания образцам древней литературы. Л.Ю. Моор читала с артистической декламацией свои лирико-упаднические стихотворения, одно из которых называлось «“Шахматы” и содержало прямые политические мотивы».

Считалось, что один из участников кружка Моора Алексей Крюков, призванный одногодичником в армию, организовал в своем полку «антисоветскую ячейку».

Участники всех этих кружков — будущие персонажи многотомного «Дела Бронникова» — по большей части были хорошо образованы. Многие из них — бывшие слушатели курсов искусствознания (отделений кино, тео[5], словесности) Государственного института истории искусств. Некоторые имели непосредственное отношение к знаменитому издательству «Academia», работавшему в конце 1920-х под руководством А. Кроленко при ГИИИ. К 1930 году ни этого издательства, ни самого Института в Ленинграде не стало: они мешали властям своей подчеркнутой аполитичностью. Кружковцы тоже хотели жить так, словно никакой Советской власти не существует. Этого позволить было нельзя.

Сегодня нам известно, что один из кружков Бронникова оказался в поле зрения органов еще в 1931 году. Реформированный и укрепленный Секретно-политический отдел ОГПУ (СПО) подготовил секретный доклад «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год». Доклад этот был составлен 4 отделением (часть СПО), которое занималось агентурно-оперативной работой по печати, зрелищам, артистам, литераторам и интеллигенции гуманитарной сферы. Возглавляла его бывшая жена пролетарского писателя Ю. Либединского Марианна Герасимова. Доклад был отпечатан в шестидесяти экземплярах, разослан всем членам коллегии ОГПУ, всем полномочным представителям ОГПУ, всем местным подразделениям. В ЦК ВКП(б) были отправлены четыре

экземпляра: Сталину, Кагановичу, Постышеву и Молотову.

В докладе, в частности, говорилось что, «несмотря на разгром контрреволюционных организаций в издательствах, кинопромышленности, краеведении, музейных сообществах, остались наиболее законспирированные группы, которые глубоко зашифрованы в антисоветской деятельности…» Там указывалось: «Нелегальная литература создана ленинградской антисоветской литературной группой “Шекспир-Банджо”, нелегальные антисоветские произведения имеются у ряда московских писателей и антисоветских писательских групп, зачитываются в “своем кругу”»[6].

Смысл донесения сводился к тому, что вылавливать теперь надо было тех, кто пытался встроиться в советскую жизнь, стараясь никак не проявлять себя на службе или в общественной жизни, сохранял свое личное независимое пространство, собираясь в литературные, переводческие или эзотерические кружки. Никаких «своих кругов» больше не должно было существовать.

После этого донесения судьба кружковцев была окончательно определена. Началась горячая работа по организации дела. Следователь Алексей Бузников создавал на абсолютно пустом месте огромное дело об антисоветских и фашистских (!) кружках. В 1931-м он работал с обэриутами[7] (кстати, некоторые «кружковцы» были близки с обэриутами), теперь он стал вдохновителем «Дела Бронникова».

Известно, что одним из его помощников был начинающий практикант Александр Николаевич Федоров. К 1938 году он вырастет до помощника начальника 4-го секретно-политического отдела УГБ УНКВД ЛО и будет участвовать в следствии по делу ленинградских писателей, и в частности Бенедикта Лившица. А уже в 1955 году он будет жить в престижном доме в Ленинграде[8].

Но пока Бузников был занят другими делами и кружковцы еще могли ходить по улицам, бывать друг у друга в гостях, влюбляться, писать стихи, обсуждать тревожащие их проблемы, спорить…

В ходе следствия обвиняемые вели себя по-разному: только двое (М.Л. Лозинский и Н.Н. Шульговский) с безукоризненным достоинством не признали своей вины, большинство же в растерянности и смятении давали добровольные «признания»; были и такие, кто торопился как можно больше сообщить о «преступлениях» своих друзей.

Обвинительное заключение инкриминировало их участникам пропаганду фашистской идеологии и монархизма,

культивирование традиций дворянской знати, шпионскую деятельность в интересах империалистических государств. Следствие было коротким — началось в марте, а закончилось уже через четыре месяца, в июне. Если сравнивать с машиной «Большого террора», то можно считать, что оказалось оно весьма гуманным: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО (Ленинградского военного округа) от 17 июня 1932 г. к высшей мере никого не приговорили, давали только по несколько лет исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) или ссылки. Правда, большинство получили потом повторный срок, погибли или пропали в лагерях, кто-то умер в заключении. А те, кто выжил после лагерей и ссылок, старались не оглядываться назад и не вспоминать события весны 1932 года.

Бронников Михаил Дмитриевич
«Моя жизнь стала похожей на прут, который переламывается…»

Итак, Бронников. Его имя в обвинительном заключении стоит на первом месте. В следственном деле упоминается многократно, заносится в протокол при каждом допросе.

Он — центральное лицо «блока строго законспирированных антисоветских искусствоведческих кружков, литературных и мистических салонов и созданной членами организации антисоветской ячейки в Красной армии». Он — «руководитель и идеолог восьми нелегальных кружков молодежи: “Штрогейм-клуб”, “Бандаш”, “Дискуссионный клуб”, “Бодлеровская академия”, “Фабзавуч”, “Академия”, “Шекспир-Банджо”, “Безымянный клуб”». Он — активный участник кружка М.Л. Лозинского «Шерфоль», «литературных и мистических салонов» Мооров и Наумовой.

Это по его инициативе создавались и распространялись «рукописные антисоветские журналы: “Журнал без имени”, “Альманах моих друзей”, “Журнал с именем”, а также антисоветского содержания фотофильмы». Он стремился привить «членам кружков и клубов интерес к современной западно-европейской фашистской литературе» — Клоделю, Кокто, Прусту, Жироду, дадаистам. Эти авторы «переводились в кружках на русский язык и углубленно прорабатывались». Он «предлагал организовать Пруст-клуб». Он сам писал произведения, «пропитанные ненавистью к Советскому государству», «насыщенные идеей жалости к белой эмиграции, страдающей и бедствующей в отдалении от родины».

Он «вербовал молодежь в кружки для отрыва ее с путей советской действительности для переподготовки в классовых врагов пролетариата». Он «развернул в кружках сильнейшую агитацию за прелесть жизни “среди” ментиков и эполет с царскими вензелями, агитацию за старую императорскую гвардию и монархический строй». Он считал, «что Красная армия в период военных столкновений с врагом окажется быстро деморализованной, т. к. крестьянину — основному контингенту армии — в будущей войне нечего будет защищать»…

Преступлений вполне хватило для статьи 58–10 УК[9]. Виновным себя признал.

Все эти данные — из материалов дела.

Там же можно почерпнуть информацию о том, что М.Д.

Бронников — автор сценария «Цирк» о жандармском генерале, вынужденном в эмиграции стать клоуном, сценариев «Женщина-стрелок», «Вор», «Ангина», «Портнихи», «Прачки», что он переводил Ж. Эредиа, Ф. Жамма и Ж. Кокто, что написал книги о Марселе Прусте и Мэри Пикфорд, что готовил к печати исследования о немецкой киноактрисе Елизабет Бергнер и американском кинорежиссере Эрихе Штрогейме, что у него есть собственный рукописный поэтический сборник и сборник рассказов «Пять снов».

Подельник Бронникова Михаил Ремезов на допросе показал: «Он поразил меня невероятным количеством рукописей, лежавших у него на столе». «Невероятное количество рукописей» кануло безвозвратно. Мы почти видим, как они исчезали.

Когда Михаила Дмитриевича Бронникова арестовали, его племяннице М.Г. Дьяковой было шесть лет. Вот что она помнит: «Мы с мамой в какое-то очень серое утро приехали на Васильевский, в бабушкину квартиру. Там и Микочка жил. Нам сообщили, что надо скорее туда ехать. Нет, телефона не было, вроде бы на почту маму вызвали. Вошли мы в полутемную прихожую. Слева была бабушкина спальня. Бабушка не вышла к нам. А прямо — дверь в гостиную. Гостиную я отлично помню. Там зеркало было, диван, зеленовато-желтая такая, атласная, полосатая обивка, два кресла и стол. Гостиная длинная была, высокая, в одно окно. Огромное окно. На нем всегда висела тяжелая штора. Шерстяная, коричневая, или нет, цвет ближе к бордо и по нему — бежевые узоры. Сейчас я понимаю, что какие-то они восточные были. Это дед (Д.П. Бронников, отец М. Бронникова. — *Авт.*) мог из своих морских путешествий привезти. Так вот, в то утро вижу — шторы нет. Огромное окно без шторы, темное, за ним — утро совершенно серое такое. …Все Микочкины книги, все его письма, все его бумаги, все его литературные труды — все… Сорвали этот занавес, все туда сбросили, узлом завязали и увезли… И его схватили и увезли…»

Каким он был, Михаил Дмитриевич Бронников, 1896 года рождения? Где его корни? Как он рос? Как стал собой? О чем и как писал? Но, главное, как ему — молодому и малоизвестному человеку — удалось объединить между собой столько людей, создать столько кружков? А может быть, это все возникло в фантасмагорическом сознании следователя Бузникова? И ничего подобного не существовало?

Мы знакомимся в Петербургском историческом архиве с личным делом лицеиста М. Бронникова. Ищем сведения о нем в опубликованных и неопубликованных мемуарных источниках. Разыскиваем следы его друзей. Внимательно и бережно читаем

каждый обнаруженный его текст. Находим и расспрашиваем его племянницу Марию Георгиевну Дьякову (дочь его сестры Татьяны), пытаемся распутать истории и легенды, которые она нам поведала.

В семье звали его Микой, Микочкой, в Кадетском корпусе и в Лицее за невысокий рост и субтильность — Мальчиком, это же имя закрепилось за ним и в семинаре М.Л. Лозинского. Участница семинара Лозинского Ада Оношкович-Яцына добродушно-насмешливо называла Михаила, по возрасту старшего из всех студийцев, «косоглазым старынулей» и ласково — «бедным Бронником», «Броникусом». В их кружке ему еще дали имена Замизинец и де Пиньяк. Историк искусства, философ, балетовед Аким Волынский уважительно обращался к нему — «Коллега». Николай Ефимов, член «Безымянного» и «Дискуссионного» клубов, не вполне шутливо называл его «Диктатором».

О. Г. П. У.

Гор. _____
(Наименование органа)

_____ к делу № _____

Протокол допроса

193 2 года 5 мес. 15 дня, я уполномоченный СПО О. В. Кузнецов допрашивал в качестве

[illegible]няем. гражданина(ку) _____

_____ и на первоначально предложенные вопросы он(а)

[illegible](а). _____

1. Фамилия Бронников

2. Имя, отчество Михаил Дмитриевич

3. Возраст (год рождения) _____

4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или

[illegible]анство) _____

5. Местожительство (постоянное и последнее) _____

6. Род занятий (последнее место службы и должность) _____

7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилия, адреса, род

[illegible]тий до революции и последнее время) _____

Павел Константинович Бронников, дед Михаила Дмитриевича, оперный певец и театральный педагог, автор учебников по вокалу и драматическому искусству и нескольких оперных либретто, преподавал сольное пение в Петербургской консерватории. Завершив свою музыкальную карьеру, в чине действительного тайного советника исполнял функции цензора поступавших в Россию иностранных газет по разделу искусства при Главном управлении почт и телеграфа. Отец Дмитрий Павлович Бронников — морской офицер. Одно время учился в Консерватории. Профессиональным композитором не стал, плавал, служил в Адмиралтействе картографом Главного гидрографического управления при Морском министерстве, дослужился до подполковника. Однако пробовал сочинять музыку, сам играл на виолончели. Домашнее музыкальное образование получили все пятеро детей — Михаил, Татьяна, Лев, Александр и Надежда (Диночка). (Двое младших позже закончат Консерваторию. Надежда Бронникова станет женой известного дирижера К. Элиасберга.)

Дед называл своих внуков Ми, Та, Ле, А, Ди, водил «на музыку», в Павловский вокзал: летом с Васильевского острова их часто привозили к деду в Павловск, в дом доктора Буша на Госпитальной улице. Дмитрий Павлович воспитанием детей занимался мало. Возвращаясь из плаванья, он устраивал с ними игры: посадит всех на ковер, намажет лицо себе чем-то черным, будто он арап, и подает им марципаны…

Дмитрий Павлович умер раньше своего отца, в 1907-м. Валентина Александровна Бронникова, урожденная Воронец, перебралась с детьми в квартиру поскромнее. Жили вшестером на пенсию вдовы подполковника. И хотя не бедствовали и свекор помогал, но через некоторое время Валентина Александровна пошла служить делопроизводителем на Бестужевские курсы.

Всех трех мальчиков дед устроил в Первый кадетский корпус. Он и оплачивал их образование.

О кадете Михаиле Бронникове можно получить некое представление, листая журнал «Кадетский досуг»[10]. М. Бронников во многих номерах выступал как редактор. А почти в каждом номере публиковались его произведения. В некоторых за строчками придуманных историй слышатся отголоски его докадетского детства и чувствуется подражание символистам. Вот начало рассказа «Петрушка» (с подзаголовком «Девять странных сцен»): «Это было ужасно. Я думал, она никогда не согласится отпустить меня на балаганы. Мне так, так хотелось; и отец был “за”, но мама… Боже мой, мама не хотела и слышать об этом… Наконец она уехала в гости… Мы пошли, взяв с собой нашу

новую горничную Марию Герасимовну…» В кармане у главного героя был «Всадник без головы». Но вот одна из «странных сцен» возникла явно не без влияния блоковского «Балаганчика»: умер Петрушка, и у мальчика в кармане теперь — Петрушкино сердце из папье-маше…

Кадет, который, казалось бы, должен готовить себя к суровой военной карьере, сочиняет сентиментальные «Звезды-талеры. Из бабушкиных сказок», подсказанные не входящими в программу образования кадетов сказками Оскара Уайльда.

«Кадетский досуг» свидетельствует о романтических настроениях, об интересе к истории, о художественных и человеческих пристрастиях юного Михаила Бронникова. Вот его перевод из Виктора Гюго:

Шел снег… Спускались хлопья средь полей,
Все серебря кругом.
Мучительный поход:
Не знали ни знамен, ни строя, ни вождей.
Вчера могучий враг,
Сегодня жалкий сброд!

31 июня 1914 года Михаил Бронников получил Аттестат об окончании I Кадетского корпуса № 3783 и представил его в канцелярию Императорского Александровского лицея[11]. В его Свидетельстве об успехах и поведении из 12-ти возможных баллов по Закону Божьему, русскому языку, русской словесности, французскому языку, рисованию — 12. По остальным предметам — чуть ниже, по строевой подготовке — 11, слабее всего различные разделы геометрии — 9. В целом средний балл вполне достойный — 10,76. И резюме: «Окончил по первому разряду с правом поступления в специальное училище». Военная карьера не прельщала. Решил изучать право. Юристов готовили и в Университете, и в Училище правоведения. Но выбран Императорский Александровский лицей, первейший по широте образования и уровню преподавания.

Недешевое обучение внука в Лицее готов был из своих средств оплачивать Его Превосходительство Павел Константинович Бронников.

Вдова подполковника Валентина Александровна Бронникова подала прошение в канцелярию Императорского Александровского лицея:

«В число своекоштных воспитанников III класса <…> желаю я определить сына моего Михаила Дмитриевича Бронникова, которому от роду к 1 июля 1914 г. будет 17 лет 10 месяцев. Если

по надлежащим испытаниям в науках окажется он достойным принятия в Лицей, в таком случае обязуюсь немедленно представить за содержание его вперед за полгода 450 рублей серебром, впредь же платеж сих денег имеет быть производим непременно в надлежащее время, то есть к 1 июля и к 1 января каждого года…»[12]

В Лицей был зачислен, посему в армии не служил и в Первой мировой не участвовал, хотя имел Свидетельство о приписке к призывному участку от 2 марта 1913 года, выданное Петроградским городским по воинской повинности присутствием.

И снова основным источником сведений о взрослеющем Бронникове служат его юношеские тексты. Одни из них сохранились в лицейском деле, другие были опубликованы в «Лицейском журнале»[13].

Анна Ахматова, тщательно собирая «в библиографию» всё, что было за полвека написано о ней и о ее творчестве, скорее всего, не заметила маленькой статьи «О современной поэзии. (*Causerie*[14])», опубликованной в ноябре 1915 года в этом издании, выходившем на правах рукописи:

«…Мы в кругу прихотливых настроений, образов и сравнений, совершенно новых и чуждых русской поэзии.

> Как соломинкой пьешь мою душу.
> Знаю, вкус ее горек и хмелен…

Это из Анны Ахматовой — очаровательной медузы, с звонким голосом и носом — идеалом художника-кубиста. К ней давно начали прислушиваться, многие уже поняли эту лирику, отданную во власть страданию. <…> Она берет иногда самые необычные темы, но претворяет их в чистейшем лиризме. Вслушайтесь в эти “Стихи”:

> Сколько просьб у любимой всегда!
> У разлюбленной просьб не бывает…

Разве большой и нервный талант не оправдывает здесь необычность темы и некоторых образов?..» И подпись: М. Бронников.

В следующем номере того же журнала лицеист III класса Михаил Бронников опять рассуждал о современной поэзии: «Анну Ахматову я люблю, М. Моравскую — не очень, И. Северянина — почти нет, г-жу Б.-Бельскую <Богданова-Бельская> считаю бездарной — и тут ничего не поделаешь».

Эти решительные оценки характеризуют и самого́ юного правоведа: у него отменный поэтический вкус, к тому же юноша знаком с живописью — знает альтмановский портрет Ахматовой, представленный на выставке «Мира искусств» в 1915-м в Художественном бюро Надежды Добычиной.

Впечатляет и творческая активность лицеиста Бронникова: он опять-таки редактор журнала, он — режиссер спектаклей на лицейской сцене, он ведет в журнале рубрику литературной критики, чуть ли не в каждом номере можно встретить его собственные произведения. Снова в подражание символистам и — Андерсену пишет, например, грустную «Китайскую сказку».

«Но отбоя от музыки нет» — и, выстраивая композицию «Дневника мальчишки», выявляя основные мотивы этого рассказа, Бронников оперирует музыкальными терминами: Часть 1. «Интродукция в виде менуэта»; Часть 2. *«Tokkata»*… А главное действующее лицо этого рассказа — «“Мальчик”, или, более официально, — Михаил Дмитриевич Стальский…» Это автор сам о себе: мы уже знаем, что Мальчик — его собственное прозвище в Лицее, ну а бронь он легко заменил сталью. В рассказе Мальчик отказывается идти с подругой Анютой на маскарад, потому что «занят Сенекой и Петронием». Она сама на маскараде явится мальчиком Стальским. И пусть гости гадают, кто здесь кто на самом деле.

Лицеист 2-го класса Михаил Бронников на самом деле был занят Сенекой и Петронием, так как готовил курсовое сочинение на тему «Луций Анней Сенека Философ и Тит Петроний Арбитр как представители римской литературы эпохи упадка цезаризма».

Педагог, давший положительный отзыв на эту курсовую, резюмировал: «Автор много и с интересом работал над темой, это сказалось некоторым отражением его личности в сочинении».

Мы постарались разглядеть «отражение личности» Бронникова, внимательно вчитываясь в его лицейское сочинение.

Двадцатилетний философ взял к своим размышлениям в качестве эпиграфа грустную максиму Сенеки: «Куда ты не взглянешь, везде ты найдешь конец своим мукам. Видишь ли ты эту пропасть? Это путь к свободе! Видишь ли ты это море, реку, этот колодец? На дне их скрывается свобода! Видишь ли ты эти низенькие, нескладные и голенькие деревца? На них висит свобода»[15].

На основе самостоятельного изучения античных источников М. Бронников решительно набросал черты, характеризующие эпоху конца римской империи:

«Чувство недоверия и страха вызывала такого рода монархия, зрелище же всеобщего страха опьяняло правителей — вот ключ к

пониманию тираний и оппозиции»; «Трудно вообразить себе всю силу, всю власть императоров. Главенствующим оружием ее была система доносов — она весьма древнего происхождения и по существу это интереснейший продукт государственной жизни Рима»; «Я утверждаю, что все ораторское искусство эпохи упадка, такое торжественное и разработанное, было создано исключительно под влиянием доноса».

Будто это написано не тогда, в 1916 году, а много позже — в 1930-е. Будто это сказано эзоповым языком о нашей «империи». Но нет, просто все уже на свете было…

Следующий пассаж из лицейского сочинения Бронникова будто впрямую оценка его собственной деятельности спустя десять лет после окончания им Лицея, собственной деятельности и ее последствий:

«Кружки, собрания и та литература, которая своим оппозиционным характером могла бы нанести удар престижу цезарьской власти… конечно, это была оппозиция несерьезная, а главное, недостаточно планомерная, чтобы вызвать репрессивные меры. Однако эти меры скоро появились, и с такой строгостью, которые мы даже и не можем себе представить»[16].

На торжественном собрании Лицея 1916 г. мая 15 дня воспитаннику Михаилу Бронникову был вручен «Похвальный лист от Канцелярии Императорского Александровского лицея во внимании к благонравию, прилежанию и отличным успехам в науках».

Михаил Бронников стал выпускником 73 лицейского курса (считая от первого, пушкинского). Последний лицейский выпуск, который от того, первого, отделяло ровно сто лет.

О себе лицеист Бронников в одном из своих очерках в «Лицейском журнале» написал: «Я не люблю полемики, но очень люблю разговаривать, даже в Лицее, на лестнице, после завтрака».

Из своих юношеских лицейских стихотворений спустя годы ценил вот это «Восьмистишье», которое сохранилось в бумагах его друга композитора А. Розанова[17]:

Теряю не многое — все!
Лицейские годы.
Подхожу к краю
Грустных и сумречных вод.
Седой от гроз небосвод
Над нами плачет
Недолго… И то, что прошло, —
Летейские воды.

М. Бронников

1917. Лицей

Выпускной работой лицеиста М. Бронникова стала диссертация «Психология и физиология смеха, этика и эстетика иронии».

Чем занимался Михаил Бронников по выходе из Лицея, служил ли где — неизвестно. Беглые упоминания о нем есть в дневнике Александра Бенуа того времени. Значит, он был не чужд кругу бывших мирискусстников.

В доме Бенуа он встречал Новый, 1918-й, год. Играл с Атечкой (Анной — дочерью Александра Николаевича Бенуа) в четыре руки на фортепиано. Тут же Добужинский с дочкой Верочкой, искусствовед Сергей Эрнст, театральный декоратор и график Дмитрий Бушен… Любопытно, что Бенуа, перечисляя своих гостей, чаще всего называл их просто по фамилии и только к фамилии Бронникова порой прибавлял его инициалы — «М.Д.». Что тут — подчеркнутое уважение? Или скорее легкая насмешка?

В середине января Бенуа записал о том, что беседовал с Бронниковым на политические темы: «“Красная газета” (еще один официоз, редакция которого в самом Смольном) ликует по поводу воссоединения Крестьянского съезда с Рабочим, а также по поводу отхождения двадцати казачьих полков (их представителей) от Каледина. Так ли это? Бронников считает, что чиновничий саботаж подходит к концу. Но уже все рычаги государственной машины у большевиков! Любопытно, как саботажников примут и как они приспособятся»[18].

«Рычаги государственной машины» захватили большевики, и семья Бронниковых начала испытывать нужду. Благо, было что продавать. В семье рассказывали как грустный анекдот историю с самоваром. Серебряный самовар с подносом был прислан теткой из Москвы «еще на Микочкины крестины». Старьевщик-татарин (из тех, что во дворах кричали: «Халат, халат!») захотел приобрести эту ценную вещь. Дал деньги, самовар — под мышку и пошел. И вдруг Диночка, младшая, увидала, что поднос-то он не взял. Побежала за ним с криком: «Вы забыли!»

Другу семьи, композитору и музыковеду Александру Розанову, запомнились высокие английские часы XVIII века, которые звонили в уютной квартире Бронниковых в нижнем этаже дома № 23 на 10 линии Васильевского острова, и им откликались другие, с фарфоровыми пастушком и пастушкой. В этой квартире в начале 1920-х еще сохранялось много красивых вещей.

Постепенно их становилось все меньше. Как-то Дина по приказу матери бросила в прорубь у моста Лейтенанта Шмидта именные часы деда — подарок цензору от самого Николая II в дни празднования 300-летия Дома Романовых. («Там, говорят… очень много чего лежало», — рассказывала М.Г. Дьякова.)

В нищем 1920 году главными событиями жизни Бронникова стали его занятия в семинаре по стихотворному переводу под руководством М.Л. Лозинского.

Мария Никитична Рыжкина вспоминала: «Вероятно, осенью 1920 года примкнул к нашему семинару некий Михаил Дмитриевич Бронников — человек, сыгравший такую несчастную роль в судьбе участников семинара и моей»[19]. Но это она писала спустя годы, оглядываясь на судьбы своих товарищей по несчастью.

Семинар открылся при Литературной студии Дома искусств, позже занятия перенесли в помещение издательства «Всемирная литература». Переводили объединенными усилиями, при непременном участии руководителя. Не только работали со страстью, но и играли. Было у студии еще одно, игровое, наименование — «Рукавичка».

Спустя годы М. Рыжкина в своих мемуарах утверждала, что это название возникло вследствие того, что комната Лозинского в Доме искусств по форме своей напоминала рукавицу. Однако в дневнике А.И. Оношкович-Яцыной написано, что саму их «дружную компанию», первоначально состоявшую из пяти человек, она прозвала «Рукой»: «Мизинец — ртутная Катя <Малкина>, безымянный — он же Макс, он же Памбэ <Мария Рыжкина>, средний — солидная, добродетельная Рая <Блох>, я — указательный. И большой — *Pousse* — Лозинский»[20]. Первоначально пять «пальчиков» — студийцев вместе с руководителем, потом их будет 10–12 человек. Все девушки, и только Бронников — «Мальчик»! Свое второе прозвище Замизинец он получил то ли потому, что пришел в семинар позже Кати Малкиной («Мизинца»), то ли по причине его миниатюрности (меньше мизинца).

В мемуарах Мария Рыжкина пишет о нем несколько высокомерно: «Был он маленький, плюгавенький, недоучившийся лицеист Александровского лицея, носивший еще форменную шинель и “штатскую” шапку из черной кошки. Из-под брюк выглядывали у него “клешиком” красные шерстяные носки. <…> Но малый он оказался компанейский и сразу был принят в “Шерфоль”». И далее: «Пришлось его обращать в “носорожью веру” (по названию игрового тотема веселой компании. — *Авт.*) — это делал Мориц (Ада Оношкович-Яцына. — *Авт.*), а мне

— экзаменовать по истории “Великого герцогства Шерфольского”, причем он блистательно провалился. Но звание “придворного капельмейстера” он все же получил за игру на рояле… наречен был “Кавалер де Пиньяк”». Последнее прозвище, вероятно, по имени одного из действующих лиц комедии Фрэнсиса Бомонта и Джона Флетчера «Охота за охотником» — незадачливого кавалера де Пиньяка: «Поначалу он стал “строить куры” Оношкович, но место было так прочно занято, что он переключился на Татьяну Владимирову, потом на меня…».

Субтильный Бронников казался студийкам нелепым и смешным рядом с их мэтром Лозинским, «высоким, плотным, широколицым».

«“Придворный капельмейстер” Бронников, — пишет вдневнике участница кружка Ада Оношкович, — по просьбе студийцев в гостиной Дома искусств и у себя дома, на Васильевском тоже, “не покладая рук, играл на рояле”»; «Играл мне Грига». Ходили всей компанией в капеллу на Всенощную Рахманинова. Слушали во «Всемирной литературе» лекции К.И. Чуковского по истории английской литературы. Провожали друг друга по улицам зимнего Петрограда к Рыжкиной на Кузнечный, к Татьяне Владимировой на проспект 25 Октября… «В этом прелесть нашего времени, — сказал как-то М.Л. Лозинский, — вьемся, как плющ среди развалин»[21].

Но главное — в этой веселой компании шла коллективная работа над переводами «Трофеев» поэта-парнасца Жозе Мария де Эредиа. Коллективная, то есть совместно обсуждаемая, редактируемая Лозинским, но каждый перевод имел своего автора. И тут выразительная статистика: М.Л. Лозинский одобрил 6 переводов Рыжкиной, 4 перевода Оношкович, 7 — Екатерины Малкиной, 5 переводов Раисы Блох, 1 — Г. Адамовича, 11 — Михаила Бронникова.

Floridum mare[22]

Разлившись по холмам, курчавый сенокос,
Волнуясь и шумя, стекает вниз со ската;
И профиль бороны схож с островом фрегата,
В далекой синеве поднявшим черный нос.

Лиловый, розовый, то медь, то купорос,
То белый от валов, бегущих, как ягнята,
Громадный Океан, под пурпуром заката,
Лежит весь в зеленях, как луговой откос.

И чайки, следуя за мчащимся приливом,
На золотую зыбь, идущую по нивам,
Крутясь и радуясь, бросались с вышины;

А ветерок, дыша медвяным ароматом,
Рассеивал, летя в беспамятстве крылатом,
Воздушных бабочек по цветникам волны.

Это стихотворение в переводе М. Бронникова спустя несколько десятилетий будет выбрано для публикации в томе «Европейской поэзии XIX века»[23].

Вот отклик Г. Адамовича на переводческую деятельность студии Лозинского: «…переводы удивительны по точности передачи текста, по звону, пышности, напоминающему блистательный оригинал. Покойный Гумилев считал эти стихотворения лучшими образцами русской переводческой школы»[24].

Переводы кружковцев тогда изданы не были — их опередил Эредиа в переводе Глушкова, вышедший в Госиздате. В переводе студии М.Л. Лозинского Эредиа появится только в 1973 году в издательстве «Наука» в сборнике, составленном И.С. Поступальским.

К сожалению, почти не дошли до нас переводы Бронникова из других авторов. А они были, и, скорее всего, он, сегодня забытый, воспринимался тогда как переводчик наравне с крупными, вошедшими в историю культуры именами. В этой связи знаменательна зарисовка из воспоминаний М. Рыжкиной о том, как В.А. Сутугина — секретарь коллегии издательства «Всемирной литературы» — распределяла работу среди переводчиков: «Задолженность была велика, а денег на всех не хватало. И вот Вера Александровна решала: сегодня Михайлов день. Лозинский, Кузмин и Бронников — именинники». Перевел он для «Всемирной литературы» роман Андре Жида «Подземелья Ватикана». Этот роман в его переводе опубликован будет позже в другом издательстве.

Одно время М. Бронников в начале 1920-х посещал в Университете лекции профессора Ф.Ф. Зелинского по поэтике Горация. Чем добывал он средства к существованию?

А.И. Оношкович-Яцына в своем дневнике как-то назвала его «шкарбом», то бишь школьным работником. Видимо, где-то преподавал. Иногда писал внутренние рецензии для

ленинградского кооперативного издательства «Время». Его племянница говорила, что легко музицирующий Михаил Бронников подрабатывал в кино тапером.

В РГАЛИ, в фонде Акима Волынского[25] неожиданно обнаружилось письмо Бронникова, датированное 18 сентября 1923 года. Приводим его полностью:

> Глубокоуважаемый Аким Львович!
>
> Беру на себя смелость, не будучи лично знаком с Вами, препроводить Вам эту работу. Уже по размерам ее (значительно превышающим журнальную норму), а так же по тому, как она перепечатана, Вы убедитесь, что я не предназначал ее для печати. В противном случае многое в ней, конечно, было бы изложено совершенно иначе: более отчетливо, сжато, популярно и парадно, словом, что называется *«à grand orchestre!»*.
>
> Здесь же — моей единственной заботой было внутренне исчерпать свою тему, высказаться до конца…. Очерк этот писался исключительно для Вас. Я обращался (и сейчас обращаюсь) только к Вашему суду.
>
> Те два-три утверждения, которые Вы найдете на стр. 6 и 8, при иной аудитории и обстоятельствах я никогда бы не решился выдвинуть столь опрометчиво, т. к. обсуждение вопросов, подобных этому, сейчас, по-моему, и преждевременно, и может до некоторой степени дать повод к излишним «соблазнам»…
>
> Думаю, что мало что писалось с большей духовной свободой, чем это!
>
> По-видимому, это был действительно долг, так как в настоящее время, отправляя Вам этот пакет, я чувствую большое удовлетворение.
>
> Пятнадцатилетним мальчиком (меньше) я прочел на улице наспех Вашу статью «Священнодейство танца», и медленно слагающаяся моя эстетика обязана Вам с тех пор бесконечно многим! Мне пришло в голову, что было бы хорошо, если бы Вы знали, что это не всегда забывается и что не все мое поколение все забывчиво и неблагодарно.
>
> Этим отпечатанным на машинке (и как нельзя более плохо!) экземпляром, само собой разумеется, Вы можете располагать по своему усмотрению… Рукопись хочу оставить себе, так как не теряю надежды когда-нибудь, после, вернуться к этой теме. Все это писалось наспех и крайне нуждается во внимательном просмотре и

поправках. В особенности за одну вещь, я уверен, Вы будете бранить меня. Прошу Вас, таким образом, смотреть на это как на простой черновик, первоначальный набросок. Все это можно было бы изложить в несколько раз лучше!

Не скрою также от Вас, что мне доставило бы бесконечное удовольствие получить от Вас небольшую записку, написанную Вашей рукой: просто уведомление о получении…

Мой адрес: Вас. остров, 10 линия, дом 25, кв. 3.

Примите уверения в глубоком моем уважении и преданности.

М. Бронников

Так и не узнаем никогда, чему посвящена была эта работа — не сохранилась. Если, как сам пишет ее автор, на его эстетические взгляды оказала влияние статья «Священнодейство танца», значит, он, М. Бронников, ценил «пиршество слов», с интересом воспринял мысли А. Волынского о литургических основах театра, о преображении плоти духом как высшем смысле танца, о торжестве творческого начала в бисексуально гармоничной личности.

Ответ Акима Волынского остался в РГАЛИ в его фонде в черновике. Написан скорописью. Прочитать удалось далеко не все. Однако можно составить общее представление о реакции адресата на полученную им рукопись:

М.Д. Бронникову

Дорогой Коллега.

Я получил Вашу рукопись и прочел ее, не отходя от стола, тут же на скаку. Критиковать Вас мне не приходится: <нрзб> но понимаете сами, что мне трудно писать на эту тему, и нужно, чтобы прошло время, довольно продолжительное, прежде чем я соберусь с силами поговорить <зачеркнуто> по существу заданных Вами вопросов. Одно несомненно — и это вижу <нрзб> Вы владеете пером живописно, изобретательно, в высшей степени двуполо… <нрзб> И еще прибавлю два слова благодарности за драгоценный подарок. Я сохраню рукопись с большой <нрзб> к ее автору. Но призываю Вас <нрзб> и в Вашем лице <нрзб> на своем пути дружественную… <нрзб> Во дни, когда будут <нрзб>, я несомненно буду с Вами…

В 1924 году творческая активность Михаила Дмитриевича Бронникова, казалось бы, нашла себе практическое применение. Запись в дневнике А.И. Оношкович-Яцыной от 31 октября 1924 года: «…Довольно часто вижу Бронникова. Рада, что после стольких лет упорной кабинетной работы он начинает наконец писать для публики. Будет, вероятно, поставлена его пьеса, переделанная из романа Честертона, а “Русский современник” собирается печатать его статьи»[26].

Что за пьеса и какова ее судьба — выяснить не удалось. В «Русском современнике» действительно появилась фамилия Бронникова, но не под статьей, а под обзором новинок французской литературы в рубрике «Библиография. Иностранная литература»[27]. Видно, что он абсолютно свободно ориентируется в материале и не стесняется в высказывании собственного мнения. Дает краткие, емкие, чаще некомплиментарные характеристики вышедшим в 1924-м в издательствах «Мысль» и «Петроград» книгам Ф. Верфеля, Д. Гарнетт, Ж. Психари. Об авторах «Романа четырех» П. Бурже, Ж. Д’Увиле, А. Дювернуа, П. Бенуа заявляет категорично: «Не стоит внимания. Каждый из авторов, соединившихся для коллективной работы, здесь явно проиграл, стал меньше своего подлинного роста». «Власть земли» А. Шатобриана, получившую в 1923-м премию французской Академии, снисходительно хвалит, но тут же иронично оценивает неразборчивость Академии при определении лауреатов: «Прекрасная Франция по-прежнему фабрикует земную прелесть и земную пошлость. В каком году мы живем? Неужели уже “неонатурализм”? Мы рассчитывали, что это будет через пятьдесят лет, не раньше».

Статьи же М. Бронникова в «Русском современнике» напечатаны не были, возможно, потому, что и сам журнал в конце 1924 года прекратил свое существование.

В этом же 1924-м М. Бронников предложил издательству «Время» сделанный им два года назад для «Всемирной литературы» перевод книги А. Жида «Подземелье Ватикана». Сопроводил перевод запиской, свидетельствующей о парадоксальности его суждений:

«После Ницше не было более опасной, более смущающей книги… Она столь же чужда “европейскому” сознанию, как, скажем, учение йогов, танцы Дункан… В этом романе Жид сознательно, последовательно аморален, то есть, если угодно, опять-таки, в конечном счете, морален, хотя “учение” его и облачено здесь в форму чуть ли не бульварного романа.

Психология бессознательности, произвола, реализации мельчайших душевных своих движений, известная душевная гибкость, “чаплинизм”, влекущий по пути наибольшего или, если угодно, наименьшего сопротивления, и во всяком случае далеко за границы норм общежития — вот, в кратких чертах, содержание проповеди Жида. Антирелигиозная тенденция автора и тонкий его аморализм могут быть раскрыты в специальном небольшом предисловии”[28]. Перевод “Подземелий Ватикана” М. Бронникова под ред. А. А. Смирнова и А. Н. Тихонова выйдет в 1927 году в “Артели писателей “Круг”».

Но М.Д. Бронников к этому времени увлекся новым видом искусства — кино. Вполне возможно, что способствовала тому его работа тапером в петроградских кинотеатрах.

В Институте истории искусств в 1924-м внутри театрального факультета возникло, вероятно, первое во всем мире киноведческое учебное заведение. На это отделение приняты были первые студенты, многие из которых окажутся потом связанными с Бронниковым и общей творческой деятельностью, и драматической судьбой. Зародилась в Институте и первая ячейка киноведения — Кинокабинет. Его сотрудники собирали материалы о русских, советских и зарубежных кинокартинах (фотографии, либретто, сценарии, программы, листовки, книги, журналы) и составляли картотеки.

Историк кино, кинокритик, в прошлом — студент теакинофакультета ВГКИ И.Л. Гринберг писал. «Это учебное заведение… получило в 1924 году, когда открылось, странное и длинное название — ВГКИ при ГИИИ. Расшифровывалось это сочетание гласных и согласных так — Высшие государственные курсы искусствознания при Государственном институте истории искусств»[29].

Э.М. Арнольди, имя которого так же, как имя киноведа Н.Н. Ефимова, будет фигурировать в следственном деле Бронникова, вспоминал: «Всю массу материалов надо было не только собрать, но и систематизировать, обработать, исследовать. Надо заметить, что в Институте <…> почти все работы велись “по велению сердца”, достаточно бескорыстно. <…> На всех театроведов имелось полторы штатных единицы. <…> Все остальные где-то и как-то работали, отдавая свободное время любимому делу в Российском институте истории искусств»[30]. Среди таких бескорыстных энтузиастов Э.М. Арнольди называет и М.Д. Бронникова, который со страстью работал в Кинокабинете и выступал со своими научными докладами на заседаниях Кинокомитета, созданного для изучения проблем теории и истории кинематографии. Тексты докладов не сохранились;

известно, что один из них посвящен был творческому методу американского кинорежиссера Д. Гриффита, который практически первым превратил кинокамеру в активного участника действия, а киномонтаж — в решающее выразительное средство.

3 ноября 1924 года А.И. Оношкович-Яцына записала в дневнике: «Вечером Бронников читал мне свою статью “Кино как мироощущение”. Занятно, живо, местами парадоксально. У него такое бледное, несчастное лицо, такие колючие мысли!»[31]

В 1925 году Бронников начал сотрудничать с издательством «Academia». О работе этого издательства — в статье Э.М. Арнольди: «В тесном помещении, заваленном готовой продукцией и материалами, со штатом в 2–3 человека он (А.А. Кроленко, руководитель издательства «Academia». — *Авт.)* выпускал прелестные, изящно, с большим вкусом оформленные книжечки художественной литературы, преимущественно переводной, имевшей большой спрос. “Academia” была образцом и примером качества книжной продукции, ее издания и сегодня составляют большую ценность, библиографическую редкость. Ловко балансируя сочинениями Анри де Ренье и Жюля Ромена (с чудесными иллюстрациями Н.П. Акимова), Боккаччо, Мазуччо и Фиренцуолы, с одной стороны, а с другой — общими задачами изучения искусства и вопросами литературы и драматургии, Александр Александрович ухитрялся сводить итог к общему благополучию. Таким способом появлялись на свет ученые труды Института…»[32]

Первым изданием «киносерии», выпускаемой «Academia», стала книжка М. Бронникова «Мэри Пикфорд». Вышла книга в 1926 году, но до этого был трагический 1925-й. Недолгое счастье М. Бронникова, когда его интеллектуальная жизнь потекла по другому пути.

В 1925 году ленинградское ОГПУ сфабриковало дело № 194Б под названием «Контрреволюционная монархическая организация», другими словами — «Дело лицеистов». Под него подходили специалисты в области юриспруденции. В ночь с 14 на 15 февраля в Ленинграде было арестовано около 150 человек. В первых числах июля 27 из них были расстреляны. Газеты об этом молчали (так же, как будут они молчать и в 1932-м, когда закрутится дело «кружковцев»), ибо, как посчитало ОГПУ, «огласка <…> может породить предположение о якобы существующих больших скрытых силах, находящихся в ведении монархистов, и тем самым может явиться стимулом, побуждающим к активной борьбе против Советской власти»[33].

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ.

ПП ОГПУ в ЛВО ликвидирована антисоветская к.-р. организация литераторов и представителей искусствоведческой интеллигенции.

Организация по социальному составу представляла единую классовую группу потомственных дворян, б.крупных собственников и их детей.

Организация являлась блоком строго-законспирированн антисоветских искусствоведческих кружков, литературных мистических салонов и созданной членами организации антсоветской ячейки в Красной армии.

В к.-р.организацию входили:

I. Нелегальные кружки молодежи, руководимые М.Д. БРОННИКОВЫМ:

1/ "Штроггейм клуб"
2/ "Бандаш"
3/"Дискуссионный клуб"
4/ "Бодлэровская Академия"
5/ "Фабзавуч"
6/ "Академия"
7/ "Шекспир-Банджо"
8/ "Безымянный клуб"

II. Антисоветская ячейка в 115 Запартполку, руководи КРЮКОВЫМ А.А.

III. Мистико-спиритуалистский и литературный салон В.Р. и Л.Ю. МООРОВ.

IУ. Антисоветский литературный салон БИЛИБИНОЙ Т.В

У. Нелегальный литературный кружок М.Л.ЛОЗИНСКОГО

УI. Мистико-спиритуалистский кружок НАУМОВОЙ В.К.

Н.Н. Пунин записал в дневнике: «Расстреляны лицеисты. <… > О расстреле нет официальных сообщений; в городе, конечно, все об этом знают, по крайней мере в тех кругах, с которыми мне приходится соприкасаться: в среде служащей интеллигенции. Говорят об этом с ужасом и отвращением, но без удивления и

настоящего возмущения. Так говорят, как будто иначе и быть не могло… Чувствуется, что скоро об этом забудут… Великое отупение и край усталости»[34].

Михаил Бронников, конечно же, знал, что среди расстрелянных был его однокурсник Константин Турцевич и отец его лицейского товарища Петра Голицына, с которым вместе учился он еще в Кадетском корпусе, князь Николай Дмитриевич Голицын, лицеист 31-го выпуска. Пять лет концлагерей получил старший брат Петра, князь Николай Николаевич Голицын. Выслан был лицеист 60-го выпуска, литературный критик Валериан Адольфович Чудовский. За ним в ссылку поехала его будущая жена Инна Малкина, сестра Мизинца — Малкиной Кати (они погибнут в 1937-м, когда сам Бронников будет в ссылке). Не успели расстрелять приговоренного к высшей мере последнего директора Лицея Владимира Александровича Шильдера — он умер в тюремной камере в мае…

До Михаила Бронникова, незаметного тапера, безвозмездно работавшего в Кинокабинете и Кинокомитете Института истории искусств, дотянутся через семь лет.

1 января 1926 года он принес Аде Оношкович свою только что опубликованную «Мэри Пикфорд» — как ей показалось, «интересную, но не очень блестящую книгу»[35]. Еженедельная газета-бюллетень совпартиздательства «Книгоноша» напечатала за подписью «Н.Г.» заметку об этой книге: «Работа М. Бронникова является опытом монографии о популярной актрисе американского кино. <…> Исследуются отдельные характерные фильмы с Пикфорд. <…> Затем весь этот материал обобщается вокруг основного задания: каков же экранный стиль Мэри Пикфорд? Здесь автор дает много ценных замечаний и остроумных домыслов, много метких определений. Но он <…> слишком злоупотребляет туманным многословием. <…> Мы понимаем всю сложность задачи, стоявшей перед автором. Писать о кино — и ново, и трудно. <…> Это первая русская книга, обращающаяся с кино как с искусством. Это делает ее заслуживающей внимания»[36].

Через год книга вышла в переработанном виде под названием «Этюды о Мэри Пикфорд», в оформлении Николая Акимова. В предисловии к книге советский театровед Стефан Мокульский отметил, что она «нуждается в ряде поправок социологического порядка, которые не умаляют, однако, ценности произведенного в ней формального анализа». И современные исследователи истории кино называют «Этюды о Мэри Пикфорд» «одной из первых попыток в отечественном киноведении дать систематизированный анализ творчества киноактера»[37].

Можно сказать, что эта давно ставшая библиографической редкостью книга М. Бронникова — свидетельство его нереализованных творческих возможностей в области литературоведения и шире — культурологии. В этой небольшой книжке об американской актрисе М. Бронников успевает попутно сделать несколько любопытных наблюдений не только о кино. Вот что он говорит о специфике искусства для детей на примере произведений «классиков англосаксонской детской литературы»: «Этот пренебрегаемый, но во многих отношениях замечательный жанр восхитителен своей яркой непосредственностью. Может быть, это единственный вид романа, который опирается на постулат как нельзя более несложный и прямолинейный: “Счастье следует непосредственно за несчастьем, а не наоборот”. Вот основная мысль, провозглашаемая этой детской литературой, силящейся установить примат счастья над несчастьем во времени». И далее: «В этом романе встречаются и добрые, и злые. Добрые бывают вознаграждены, а злые… не то чтобы наказаны, — это было бы слишком уж прямолинейно, — но сконфужены… <…> В этих счастливых романах бесчисленные дети, как мальчик в богемской сказке, поминутно делают усилие сдвинуть с места бочку человеческих слез и страданий, и это почти всегда им удается… Таковы источники, питающие вдохновение Мэри Пикфорд»[38].

Попутно М. Бронников высказывает и свои соображения об «экранных» приемах в русском классическом романе: «Нельзя не видеть, например, <…> в сцене объяснения Ставрогина и Хромоножки в “Бесах” оранжевый вираж и четыре первых плана»[39].

И снова Бронников задается вопросом о сущности горького юмора, который интересовал его еще в лицейские годы (вспомним диссертацию о «Психологии и физиологии смеха, этике и эстетике иронии») и будет интересовать и дальше: через год выйдет небольшая статья об одной из чаплинских актрис — Эдне Первианс[40], где он выдвинет понятие о «горестной буффонаде».

Сам Бронников с конца 1920-х начал разворачивать бурную активность на новом поприще. Средства к существованию теперь он добывал, работая на неполную ставку в должности конторщика на заводе «Красная Заря», остальное свое время распределял на содержательное общение с широким кругом людей, некоторые из которых не были знакомы друг с другом. Более того, общение с ними он строго структурировал по кружкам и клубам. Инициировал коллективную творческую деятельность, помня, вероятно, уроки М.Л. Лозинского и опыт его

семинара.

Через несколько лет, на допросе 15 марта 1932 года, давал показания:

> Оставаться бездеятельным, пассивным, как это сделали многие из тех, кто, как и я, называются «бывшими», я не мог. Я вышел из положения так: моя жизнь стала похожей на прут, который переламывается в определенной своей части. До четырех часов дня, ради заработка и материальной помощи семье, я работал в незначительных учреждениях на незначительных должностях, с четырех часов и дальше я полностью принадлежал себе и своим занятиям, интересы которых лежали в области искусства вообще и, в частности и больше всего, в области литературы. Надо сказать, что искусство, при всей внешней кажущейся аполитичности, является одним из сильнейших орудий воздействия на людей. <…>
>
> Я искал людей, с которыми я мог поделиться своими мыслями и своим творчеством. Эти люди нашлись, и далеко не в малом количестве. <…> В 1927 году создалась первая организация под моим руководством…

А перед новым 1927 годом автор издательства «Academia» М.Д. Бронников, как и другие уважаемые авторы этого издательства (М. Кузмин, С. Радлов, Н. Радлов, Вс. Рождественский, Н. Акимов, В. Всеволодский-Гернгросс, М. Лозинский и др.), выражая надежду (увы, неосуществимую!) на дальнейшее совершенствование работы издательства, делает запись в Памятной книжке А.А. Кроленко: «*Acade mia!* <Далее — рукописная нотная строка из «Лебединого озера».> Пожелание — довести до конца издание всего Пруста!»[41]

В семье его все по-прежнему называли Микочкой, даже шестилетняя племянница, дочка сестры Татьяны — Маша. Она уже занималась музыкой, готовилась к поступлению в детские классы при Консерватории. Он усаживал ее за пианино, с удовольствием слушал, как она пробует играть. А от ее детского стишка (Мария Георгиевна это прекрасно помнит) он просто пришел в восторг:

> Прилетели мушки вдруг:
> — Где ты, мой подруг?
> — А я в ямку закопата,
> Я сама не виновата.

…Осенью 1931-го, как вспоминает М.Н. Рыжкина-Петерсен, «Лозинский, желая, наконец, покончить с переводом Эредиа, собрал нас несколько раз у себя для окончательной шлифовки». Теперь это был не Дом искусств, а квартира в доме 73–75 по улице Красных Зорь. Работали над переводами, но и вспоминали «шерфольскую» молодость.

В мемуарах М.Н. Рыжкиной читаем: «По окончании этой последней обработки переводов все участники предполагали собраться “на веселый братский пир” приватно, и я однажды позвонила Морицу (Оношкович-Яцыне. — *Авт.*) с целью узнать, когда состоится торжество. “Бронников болен” — был безразличный ответ. Бронников бывал у нее в доме еженедельно, и она была в курсе его дел, а у меня не переступал шесть лет (со времени моего замужества) порога. Встречались мы случайно в трамвае или на улице… “Болен” на советском языке означало нередко “арестован”, точно так же, как “поехал на курорт” означало “выслан”, но мне и в голову не пришло, что Бронникова, служившего где-то счетоводом и человека безобидного во всех отношениях, могут арестовать. Я не расспрашивала. Прошло недели две[42], и я снова позвонила Морицу и снова спросила, между прочим, о пирушке. “Так ведь Бронников болен!” — “Выздоровеет же он когда-нибудь!” И снова Мориц не счел нужным расшифровать тайну его “болезни”».

М.Д. Бронников был арестован 9 марта 1932 года. За три недели до этого уже арестовали Алексея Крюкова, в один день с Бронниковым взяли Василия Власова, Любовь Зубову-Моор, Татьяну Билибину и частых посетителей ее салона Николая Шульговского и Георгия Бруни. 13 марта пришли за доктором В.Р. Моором.

10 марта 1932 года уполномоченный А.В. Бузников снимал с гражданина Бронникова Михаила Дмитриевича первый допрос.

В протоколе «со слов Бронникова» записано:

> Признаю, что вплоть до ареста моя деятельность носила контрреволюционный антисоветский характер и была направлена к группированию вокруг себя идейно близких мне лиц, связанных со мною общностью антисоветских политических убеждений. Эта группирование проводилось мною в форме организации ряда нелегальных антисоветских кружков…

И так «говорит» человек, ценящий «пиршество слов»! Далее перечислены кружки, названы некоторые имена.

На допросе 15 марта Бронников показал:

Была и продолжает существовать еще одна организация, куда я входил, но не в качестве организатора и педагога. Эта организация называется «Шерфоль» и родилась из отстоявшегося ядра переводческой группы изд-ва «Всемирная литература»…

Действовала при бессменном руководстве Михаила Леонидовича Лозинского и ввиду присутствия в ее составе Блох Раисы Ноевны — сестры владельца белоэмигрантского издательства «Петрополис» (ныне белоэмигрантка) — носила мистический характер. Последнее сказалось на кличках, даваемых в организации ее членам…

Началось следствие.

М.Д. Бронников содержался в ДПЗ.

Да, имена он называл, да, подписывал бумаги, в которых речь шла о его антисоветских, монархических и пораженческих настроениях. Но он полностью принимал на себя ответственность за «вину» прочих членов кружков. И достойно звучит его голос со страниц протоколов:

Во всех созданных мною объединениях центральное направляющее положение занимал я. Я насыщал идейно эти объединения. Мои политические, философские и художественные интересы являлись превалирующими в этих объединениях… <…>

Я искал людей, с которыми я мог бы поделиться своими мыслями и своим творчеством… Мои художественно оформленные идеи влияли на них… Я был старше их всех годами и обладал значительно большей культурой, что делало из меня руководителя и организатора этой молодежи… <…>

Я разделил эту молодежь и близких мне сверстников на ряд различных организаций… Группирование проводилось мною в форме организации ряда нелегальных кружков или ассоциаций, которые организовывались мною по принципу разделения на отрасли искусства… <…>

Обычно собрания проходили под моим председательством. Программы занятий кружков, вопросы, включавшиеся в обсуждение и проработку, разрабатывались мною, причем в их содержание я посвящал членов моих организаций очень осторожно, по частям и по выбору. …Дискутируемые на собраниях кружков вопросы ставили в форме рефератов и докладов,

причем к ним члены кружков готовились по заранее намеченным мною темам[43].

Не скрывал Бронников и своих предпочтений в области философии и литературы:

> Моими учителями и наиболее проштудированными мною являются представители крайней идеалистической философии — Бергсон, Ницше и Шопенгауэр. Любовь к этим философам я прививал членам своих объединений. Примат сильной личности над обществом, сознания над бытием, примат духа над материей — всегда импонировали моему мировоззрению… <…>
>
> Из советских писателей выше всего я ставлю Олешу и Пастернака, превосходных стилистов…

В многотомном деле «О контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских салонов» десятки протоколов допросов всех привлеченных по этому делу. Люди напуганы и растеряны, им кажется, что если они согласятся с обвинениями, даже самыми нелепыми, если назовут имена участников различных кружков, если подтвердят, что все кружки имели единое руководство в лице Бронникова, то чем-то себе помогут. Это понятно.

Непонятно другое — зачем один из подследственных с невероятным рвением перечисляет все «крамольные» мысли и действия Бронникова, говорит о том, о чем его даже не спрашивают, зачем накручивает обвинение на обвинение? Перед нами не только протоколы допросов этого человека, но и его машинописные тексты под названием «О литературной деятельности М.Д. Бронникова», жанр которых легко определяется как донос.

> Обладая большими организаторскими способностями, он втирается в различные группы молодежи и где можно организовывает новые. У него всегда наготове план работы, у него всегда под руками необходимые смазывающие средства… <…>
>
> Поле деятельности Бронникова не ограничивалось названными кружками. Геллер и Домбровский[44] через обэриута Минца осуществляли, по всей видимости, связь его с какими-то другими кружками… <…>
>
> Именно увлечение Моранами и Клоделями привело его к фашизму и к активной борьбе с Советской властью… <…> Бронников занимался исследованием

их творчества и, пропагандируя их, выступал в кружках. Это была не только агитация за Морановскую «галантную Европу» или за жизнь среди прустовского избранного буржуазного общества. Бронников изучал глубже этих «китов» фашизма, добираясь и до их идейно-философских платформ. Так выплывали один за другим Ницше, Фрейд, Бергсон и др. Сам Бронников отдавал предпочтение Бергсону, всегда подчеркивая, что именно на основе его философских взглядов только и может строиться большое искусство… <…>

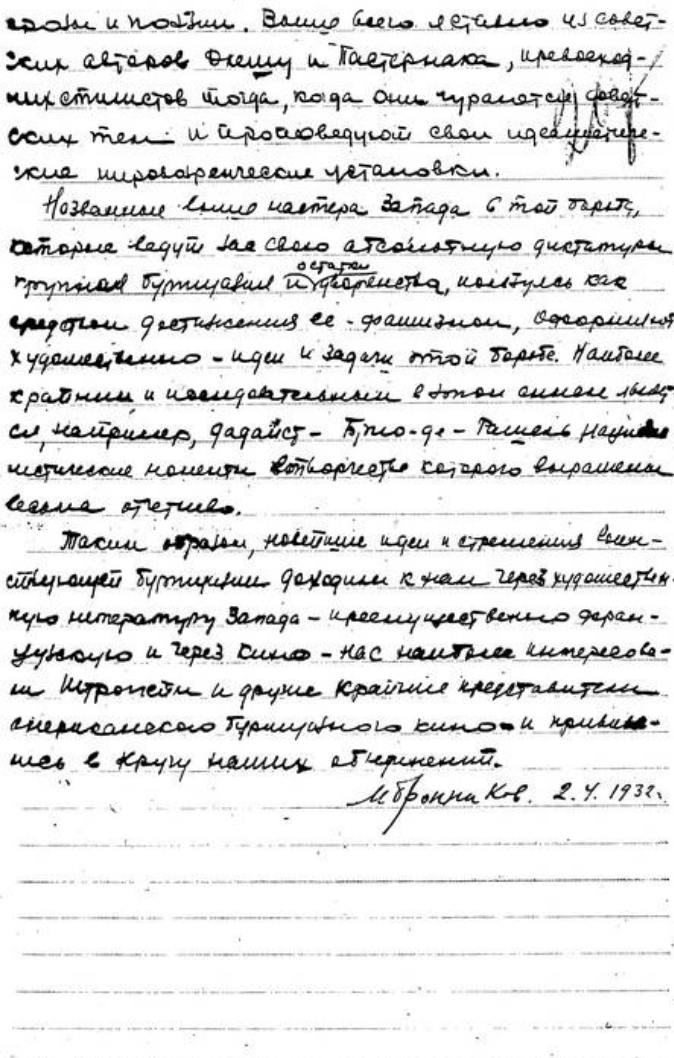
Бронников в 1931 году написал повесть «Две короны ночью»[45]. В этой повести все вещи были названы своими именами. <…> Это авторская исповедь с подробным открытием всей окружающей и давящей на него советской жизни. Все повествование пропитано ненавистью к Советскому государству. Здесь есть и описание советского учреждения, и характеристика советских служащих, и все это характеризовано самыми отрицательными чертами…

Повесть «Две короны ночью» была написана в 1931 году. Мы смогли бегло ознакомиться с ней в архиве ФСБ.

В первой главе, названной «Как принц де Лиль, как голубой Сенан…», главный герой Николай Николаевич Обухов читает Гонкуров, Гамсуна, Кокто, Канта, Гюисманса и пр.; с тоской он размышляет о внешнем виде этих книг: «Какая жалость, — подумал он, — какая жалость, что книги, подобные этой, переплетают таким недостойным образом… я одел бы эту прелесть… в ноздреватый, молочно-белый, цвета простокваши, войлок. Подпись на ней я провел бы карандашом губной помады… Люди потеряли уважение к книгам. Эти картоны ужасны… Продукция ГИЗа регрессирует. Последняя новинка “Командарм 2”, хотя и 3.20 — брошенные деньги».

Во второй главе, ернически названной «Электропух», Бронников писал: «Электропух, несмотря на опереточность самого названия, был солидным учреждением. В Электропухе работало свыше тысячи человек: Электропух вечно кипел в котле реорганизаций… деньги платил необыкновенно аккуратно. В определенные числа эти деньги разносили особые, молодые сотрудницы, в серых, матерчатых конвертах. Фу, черт. Не сотрудницы были в конвертах, а деньги в конвертах… Николай Николаевич Обухов работал в Электропухе с 9 до 4-х. Он обладал счастливейшим свойством ровно в 4 часа, выйдя на улицу, забывать все то, что имело место с 9 утра и по этот

завершительный момент. Словно у волшебного принца, жизнь его обламывалась на две части, как если бы кто-то переломил золотой прут». Это умозаключение героя было отчеркнуто красным, чекисты уверенно провели параллель со словами Бронникова из допроса 15 марта, который мы цитировали раньше: «Моя жизнь стала похожей на прут, который переламывается в определенной своей части».



Еще одно отчеркнутое чекистом место: «…Клеопатра

Александровна была комсомолкой… это увеличивало интересность ее в глазах Николая Николаевича. Он любил опасную игру, его влекли люди с другой планеты… В один из праздничных дней календаря в августе (постойте, какие у нас есть праздники в августе? День МОПРа, Осоавиахима) встретил ее на ячейке, окруженную толпой партийных молодых людей (сам он присутствовал — обещал играть под картину для кино)».

Повесть жестко иронична не только по отношению ко всему окружающему, но и к главному герою — *alter-ego* автора. В ней много натуралистичности и эротики, всего того, что было невозможно в официальной литературе.

Одна из сцен разворачивается в борделе. Его хозяйка говорит главному герою: «Это заведение существует исключительно в силу того, что вкладчиком в него является ГПУ, половина моей клиентуры оттуда». В другой сцене герой выщипывает у себя на теле волосы, так как мнит себя принцем крови.

> Рассказ «Клубоманка» (1931) — один из «Пяти снов». Смысл рассказа так ясен, что никаких выводов не требует. Автору снится сон, что он приезжает в клуб. Место действия — Париж. «Кругом сидели друзья. Это был кружок лицеистов. На всех них был тот бесподобный мундир… который я когда-то носил…» И дальше развертывается описание великосветского вечера с золотыми монограммами, портсигарами, с замечательными дамами и т. д. и т. д. Сон обрывается, и автор кончает рассказ следующей фразой: «…ведь это же могло бы быть, если не со мной, то с каким-нибудь другим счастливцем». Вот каковы «мечты» Бронникова, высказанные им полгода тому назад. Не только во сне, но и наяву он грезит о той жизни, которая «могла бы быть» или которой живут его «друзья-лицеисты» в Париже… <…>
>
> Речь идет о фильме, который бы Бронников считал идеальным. Бронников перечисляет условия: «…еще одно! Никакой идеологии. Ради Бога! Запретят! Не только у меня в СССР, но, по дурости, еще в какой-нибудь другой стране, в Венгрии, например, в Китае. Мотивировки будут, вероятно, диаметрально противоположные…» <…>
>
> «Игра вещей» (статья о повести Ю. Олеши «Зависть». — *Авт.*) дает неожиданно богатый материал не о творчестве Олеши, а об отношении Бронникова к окружающей его советской действительности. Это

«исследование» построено в форме разговора между двумя комсомольцами и автором… <…>

«…Я не ваш, — говорит Бронников комсомольцам. — Не понимаю вас».

«Не ваш значок “жужжит у меня в петлице”…» <…>

Бронников начисто забраковывает социологический метод как метод исследования. Вот что он сам пишет по этому поводу: «Я считаю его (социологический метод) не методом, а диагнозом. Зачем ломиться в открытую дверь? Диагноз Пруста ясен… Пруст никогда не будет близок пролетариату… Можно вполне согласиться принять это как данность. К сожалению, на таком базисе, на таком диагнозе исследования литературной “надстройки” не построишь. Это достаточно скучно…» («Письма о Прусте») <…>

Социализм не обещает жизни, которой живут прустовские герои и бронниковские друзья-лицеисты, и поэтому Бронников категорически отвергает советское сегодня.

Автор «доноса» — активный участник «Штрогейм-клуба», «Бандаша», «Шекспир-Банджо», вместе с Бронниковым работавший над монографией об Эрике Штрогейме, художник Василий Адрианович Власов.

К концу июня 1932 года уполномоченный 4 отделения СПО Бузников закончил работу над результативной частью обвинительного заключения:

Бронников Михаил Дмитриевич, гр-н СССР, ур. г. Ленинграда, 1896 г. р. Потомственный дворянин, образование высшее — окончил Императорский лицей, служащий, литератор, б/парт., холост, бездетный, под судом не был.

<…> Означенные прест. пред. ст. 58–10 и 11 УК. Виновным себя признал.

<…> По сему полагал бы:

По согласованию со ст. пом. обл. прокурора по надзору за органами ОГПУ — направить дело на внесудебное разбирательство коллегии ОГПУ…

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года по статье 58, пунктам 10 и 11 М.Д. Бронников был приговорен к десяти годам концлагеря. Его отправили отбывать срок на Беломоро-Балтийский канал.

Как тут не вспомнить курсовое сочинение лицеиста 2-го

класса Михаила Бронникова о Сенеке и Петронии:

«…Конечно, это была оппозиция не серьезная, а главное, недостаточно планомерная, чтобы вызвать репрессивные меры. Однако эти меры скоро появились и с такой строгостью, которые мы даже и не можем себе представить».

О пребывании М.Д. Бронникова в лагере нам ничего неизвестно. Через четыре года лагерь заменили ссылкой в заполярный город Кировск Мурманской области.

Что такое заполярный город, можно попытаться представить себе, прочитав информацию о погоде в местной городской газете: «Начавшийся с вечера 8 июня шквалистый ветер днем 9 июня усилился. Временами скорость ветра достигала 20–24 метра в секунду. Еще большей силы достигли порывы ветра и снегопада в ночь с 9 на 10 июня…»[46]

Начался совершенно новый этап жизни, в котором появилась неожиданная творческая радость.

«Кировск. Это много скалистых гор вокруг черной глади озера. …Скалы черные, белые борозды снега, белые снежные шапки сливаются с белым небом, откуда, черпая воду, спускается к вечеру туман.

Дымят трубы обогатительной фабрики, летит белая, тончайшая апатитовая пыль, белеют седые стены домов на Хибиногорской улице. Стены сложены из крупных круглых бревен. Каменные здания стоят все наверху, на полукруглой площади.…

Там же кинотеатр “Большевик”. …Всюду снег, глубокий, под тонкой корочкой ледового наста. Таково начало бытия в Заполярье».

Это строки из дневниковых записей композитора и музыковеда Александра Розанова[47].

Александр и Надежда Бронниковы учились с Розановым еще вместе в Консерватории, а теперь их брат Михаил встретил его в Кировске. Александр Розанов, как и Михаил Бронников, в 1932-м был направлен на строительство канала, но не Беломоро-Балтийского, а Москва-Волга, в качестве заключенного Дмитлага. В 1935-м вышел на поселение в Кировск. Преподавал в музыкальной школе, работал в Доме культуры, писал детские оперы, приветил Бронникова. Помог ему получить должность художественного руководителя детской эстрады Школы художественного воспитания детей.

Они и поселились вместе, на Хибиногорской, 11. Вместе стали работать над детской оперой. Розанов писал музыку, Бронников — оперные либретто. Он занимался со школьниками

вокалом и актерским мастерством. К новому 1939 году готовили постановку оперы «Веселый портняжка»[48] по мотивам сказки Братьев Гримм:

…Пел он песни беззаботно,
Пел о том, как мир хорош.
Хоть работал он охотно,
Да, увы, за медный грош.

Но и грош — большое дело,
Коль с умом умеешь жить.
Все в руках его кипело,
Поспевай лишь петь да шить…

М.Д. Бронников любил повторять, ссылаясь на Вольтера: «Все, что слишком глупо, чтобы быть сказанным вслух, достаточно хорошо для пения».

Газета «Кировский рабочий» предоставляла место для публикаций Бронникова и Розанова и печатала отклики на их постановки.

Вот фрагменты из статьи Бронникова, опубликованной в конце 1938-го:

«Не желая стеснять композитора, я дал ему право не считаться с текстом моих песенок. По сути дела, я их писал потом, подгоняя к написанной музыке».

«Объединенными усилиями мы работаем над развитием музыкальной культуры. Опера есть лучший проводник музыкальной культуры, синтетический вид искусства. Тут и театральное зрелище, и оркестр, сольное и хоровое пение, балет.

Почему взята опера-сказка? Она лучше и быстрее дойдет до того круга слушателей, для которого опера предназначена. Сюжет мудр и прост, вместе с тем он достаточно динамичен. Он говорит не только о мудрости народа, но и о его борьбе со всеми формами угнетения.

Наши маленькие зрители будут смотреть и слушать нашу музыку-сказку с тем же увлечением, с каким мы, авторы, работаем над ней и с каким работают над оперой молодые исполнители.

Исполнительнице главной роли в опере Тамаре Орловой (учащейся 9-го класса 1-й средней школы), как и другим участникам, постановка даст возможность, попутно с работой над вокальным мастерством, испробовать себя в формах сценического творчества. Даст то стимулирующее начало, которое может определить счастливое артистическое будущее этих ребят»[49].

Весной 1939-го — заметка А.С. Розанова:

«Желание сделать музыку простой и доходчивой до маленького зрителя, не снижая при этом качества музыкального языка, руководило мною при написании детской оперы “Веселый портняжка”. Опера написана в форме зингшпиля, в котором также написаны “Свадьба Фигаро” и “Дон Жуан” Моцарта, “Волшебный стрелок” Вебера, — требует разговора, а не речитатива.

Важна прежде всего оперная трактовка всей музыки в целом: принцип руководящих мотивов, трактовка арий и ариетт в оперном стиле, введение симфонических антрактов — картин и т. д.»[50]

Сохранилось два письма, отправленных Бронниковым из Кировска в Москву композитору Владимиру Крюкову. Первое датировано 10 января 1941 года:

> Дорогой Володечка!
>
> Во-первых, с Новым Годом! Желаю творческих успехов и радостей.
>
> Обо мне ты, вероятно, знаешь подробно от Диночки, и особенно распространяться я не буду. Я очень доволен «третьим» этапом своей жизни. Он создался как-то сразу, не стоил мне никаких мучений, стабилизировался и четыре года неизменен. Я обитаю городок, один из красивейших в мире. Жаль, что ты его не видел. У тебя есть вкус к туризму. За такое «окружение», в котором я пребываю, по-моему, следует платить большие деньги.
>
> Я очень мило устроен в жилищном отношении (правда, этот элемент моей жизни в самое ближайшее время будет подвергнут пересмотру: собираюсь переезжать) и еще лучше — в отношении работы. И я много зарабатываю (800 р., что на одного — более чем достаточно) и занят исключительно приятной работой.
>
> В местной Консерватории (которую здесь называют ДКВД) я 12 часов в неделю играю балету собственный монтаж из Шумана, Грига, Чайковского и Делиба и руковожу собственным вокальным классом одаренных ребят. Их у меня 21 человек. У меня очень милое помещение, обмеблированное с хорошим вкусом. Занимаюсь я с ребятами очень много, и это страшно интересно, святая и беспрецедентная работа. До всего дохожу сам. Голосов я не ставлю, потому что не умею, да и в этом возрасте (от 8 до 17 лет) это бесполезно, а даю только «навыки», определяю тенденции. Я почти безотчетен в этой работе, и ребята поют у меня много и

всё: Брамса, Делиба, Танеева… всё более или менее легкое (не в музыкальном смысле) и доступное.

Много выступаем на концертах. Играю я ежедневно не менее десяти часов и очень хорошо из-за этого себя чувствую. Много слушаю музыки (по радио). Во многие ценности я изверился, но неизменен к Мусоргскому, Франку и Прокофьеву. А вообще — кушаю все. Ежегодно два месяца (июнь-июль) я провожу в Ленинграде. Читаю не очень много, «дома» бываю ½ часа в день и ничего не пишу (кроме писем). Окончательно и бесповоротно. Это не следует понимать очень буквально: я много транспонирую, пишу тексты к вещам с дурным переводом или фортепьянным вещам, написал два оперных либретто и имел удовольствие видеть их реализацию и написал пять-шесть вокальных вещей.

Давай, милый, изредка «аукаться» письменно. А летом, м. б., увидимся. Мой адрес: г. Кировск Мурманской области, Хибиногорская улица, д. 11, кв. 30.

Крепко целую тебя, милый.

Мика.

Привет папе.

Второе письмо от 5 июня 1941 года: *5.06.1941 г.*

Дорогой Володечка, друг мой!

Уезжая из Кировска, написал тебе немаленькое письмо, сообщая об отъезде. Теперь я на Васильевском в объятиях семьи и блаженствую. Ты давненько не писал. Теперь нет смысла писать нам врозь. Сообщаю тебе, что в Ленинграде я думаю быть до 1.08.

Целую тебя крепко и надеюсь в скором времени увидеть.

Мика[51].

Из записи в домовой книге по адресу Васильевский остров, 10-я линия, д. 25, кв. 3 узнаем, что М.Б. Бронников приехал в июне в отпуск из Кировска, просил о временной прописке на жилплощади, где проживают его сестра Бронникова Надежда Дмитриевна, 1903 г. р., пианистка-аккомпаниатор Комитета по радиовещанию, и брат Бронников Александр Дмитриевич, 1902 г. р., педагог по музыке в ДК им. Горького. В прописке ему было отказано.

Однако он остался в Ленинграде нелегально.

С объявлением войны заторопился обратно в Кировск, где обязан был отмечаться как ссыльный.

5 июля 1941 года был вновь арестован. Что ему инкриминировалось — неизвестно. Осужден был 6 мая 1942 года Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58–10 УК. Приговор — пять лет ИТЛ.

И все. Скорее всего, в 1942-м он и погиб.

…В 1967 году Георгий Николаевич Шуппе, некогда судимый за участие в деятельности кружка «Бандаш» и «Дискуссионный клуб», в письме к давнему другу Василию Адриановичу Власову делился своим увлечением прозой Андрея Платонова. Говоря об острой выразительности платоновского языка, он сравнил его, уже признанного гения русской литературы, с никому, кроме них с Власовым, неизвестным Михаилом Бронниковым: «Вот несчастный и талантливый человек»!

Шуппе Георгий Николаевич
«Заложенное в генах чувство колоссальной внутренней свободы»

Из протокола допроса

1932 г. марта месяца 30 дня, я, уполномоченный СПО Бузников, допрашивал в качестве обвиняемого Шуппе Георгия Николаевича, который по существу дела показал:

Шуппе Георгий Николаевич, 1906 года рождения, отец — потомственный дворянин, местожительство — Ленинград, Бармалеева, 28, кв. 8. Научный сотрудник Электромеханического института. Семейное положение: брат — техник на фабрике Зиновьева, жена — Евгения Сергеевна (в оригинале ошибочно Мергеевна. — *Авт.*) Фотиева — работница Откомхоза (Отдел коммунального хозяйства. — *Авт.*). Имущественное положение: отец жил в Финляндии на проценты с капитала. Образование высшее — ЛГУ. Беспартийный, с 1923 г. по 1928 г. состоял в ВЛКСМ, откуда выбыл. Привлекался в 1922 г. за незаконный, нелегальный переход границы. Находился на территории белых в Финляндии до 1922 года. <…>

В 1922 году я нелегально перебежал финляндскую границу и после одного месяца ареста был выпущен на территорию СССР. Устроившись здесь при помощи родственников на работу, я вступил в комсомол.

Когда всматриваешься в судьбу людей, проходивших по делу «О литературных кружках и салонах», поражаешься удивительной меткости отечественных спецслужб: они выдергивали из обыденной жизни, изолировали или уничтожали самых талантливых, энергичных и ярких. Но даже среди таких неординарных личностей острым умом и человеческим своеобразием выделяется Георгий Николаевич Шуппе.

Физикам, особенно электронщикам, имя Г.Н. Шуппе хорошо известно, а всем прочим оно мало что говорит. Только специалисты по русской живописи XIX века, может быть, вспомнят его в связи с творчеством Репина, чьим усердным

учеником и почитателем Георгий Николаевич был в юные годы. Или вдруг зазвенит звоночек в памяти какого-нибудь студента-зубрилы из прежних времен: Шуппе, Шуппе… что-то такое из марксистко-ленинской философии… Да, да, именно некий Шуппе подвергся нападкам Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме». Сейчас легко обойтись без изучения классика, но любой заинтересованный человек может прочитать об этом философском понятии, основоположником концепции которого является Юлиус Вильгельм Шуппе, дед Георгия Николаевича. Нам важно об этом помнить, потому что в свое время внук пострадает — в числе прочего — и за давно умершего деда.

Георгий Николаевич Шуппе родился 7 мая 1906 г. в Финляндии, входившей тогда в состав Российской империи. Его отец, Николай Шуппе, был магистром фармацеи, владевшим домом и участком земли в Териоках (Терийоках), ныне Зеленогорске — небольшом курортном городке, раскинувшемся среди сосен на берегу Финского залива в 50 км от Петербурга. В положенное время Георгий Николаевич поступил в Терийокское реальное училище и во втором классе познакомился с Василием Адриановичем Власовым, ставшим его ближайшим другом.

«Среди массы товарищей, с которыми я играл в футбол, — вспоминал Власов, — бродил по лесам, просиживал в кино и, конечно, занимался в школе, был один, который оказал на меня огромное влияние. Это Георгий Шуппе… Очень много читавший, много знавший, он был исключительно одаренным в области искусства»[52].

«Первым, кто открыл мне прелесть изображения конкретной натуры, был мой друг Шуппе. Я рисовал из своего окна две чахлые березки с редкими голыми прутьями. Рисовал скучно и безразлично… Георгий взял у меня карандаш и стал “оживлять” мой рисунок, делая индивидуально интересной каждую щель в заборе, каждый кусочек ствола березы, каждую ветку. Мне открылся новый мир, который может возникнуть с помощью карандаша на бумаге и при этом воспроизводящий конкретное явление реальности. Я никогда впоследствии не встречал подростков, нигде не учившихся, кто бы так блестяще рисовал, как он. С одинаковой легкостью он мог сделать и портретный набросок, и рисунок на тему Дон Кихота, прекрасно знал искусство, во всяком случае в пределах полного комплекта “Аполлона”… Меня хвалил за интерес к В. Серову и рекомендовал поискать цветные репродукции с Мане»[53].

Вместе с другом Василием Георгий начал заниматься рисованием у преподавателя училища Д.М. Палатко[54]. В письме

к искусствоведу Б.Д. Сурису от 3 марта 1980 г. Шуппе так рассказывает о методах обучения в студии: «Д.М. Палатко слабым ученикам ставил голову Аполлона, но нас двоих-троих (по совету Репина) заставлял рисовать десятки слепков с кистей рук в разных ракурсах. И это было труднее!»[55]

Палатко был вхож в расположенный неподалеку в курортном местечке Куоккала дом И.Е. Репина «Пенаты» и водил к мэтру своих лучших учеников, в том числе и Георгия Николаевича. В письме Сурису от 14 февраля 1980 г. Шуппе вспоминал одно из давних посещений сурового критика Репина, разнесшего в пух и прах его юношескую работу:

«Репин ругал меня не просто за подражание “Вечеринке” Маковского: я, очень похоже с “Вечеринкой” расположив фигуры, изобразил группу учеников Палатко… у него в мастерской в обществе его самого, жены, матери жены и дочки. Бранил меня Дедка-Репка за скверный рисунок в этом “подражании”: похожи были только Палатко, две его толстые дамы, Василий (Власов. — *Авт.*) и я. Остальных я старался рисовать со спины в профиль, т. к. молодые безусые и нехарактерные лица “с фасада” (сиречь — *en face*) рисовал плохо»[56].

В эти юные годы Шуппе было трудно заподозрить в преклонении перед авторитетом Репина: во всяком случае, нередко разбитые на даче художника в «Пенатах» оконные стекла оказывались делом рук двух друзей-проказников. В конце концов В.А. Власов стал известным художником, чьи работы хранятся в Русском музее, а Георгий Николаевич — выдающимся физиком и знатоком живописи.

В 1922 году в жизни Г.Н. Шуппе произошли важные перемены: он осиротел, закончил реальное училище (аттестат об окончании ему вручал сам маршал Маннергейм) и перебрался в Россию, нелегально перейдя границу отделившейся Финляндии.

Что заставило его сделать этот шаг — неизвестно, но по рассказам хорошо знавших Шуппе коллег-физиков, он уже в этом возрасте не представлял себя вне русской культуры и науки. Териоки находились в каких-нибудь нескольких десятках километров от реки Сестры, отделявшей Финляндию от Советской России, а репинские «Пенаты» и того ближе, и, конечно, молодой Шуппе хорошо знал каждую кочку вдоль границы. И все же он был задержан российскими пограничниками, но отпущен спустя месяц после тщательной проверки. Это было первое и далеко не последнее боевое крещение будущего прославленного физика.

Сразу после освобождения Г.Н. Шуппе устроился на работу в Губернский отдел политического просвещения (Губполитпросвет),

а затем в Губернский профсоюз работников просвещения (Рабпрос). Теперь трудно сказать, повлияла ли первая служба на ниве просвещения на профессиональное будущее Шуппе, но преподавательская работа привлекала его наравне с исследовательской в течение всей последующей жизни.

Из протокола допроса

> В Университете я сошелся с антисоветски настроенной молодежью, в частности, с Полибиным. До самого последнего я продолжал переписку с исключенным за антисоветскую деятельность из комсомола и сосланным в Сибирь моим приятелем Виктором Долгинцевым, который писал мне контрреволюционные погромные письма, ныне отобранные у меня при обыске. Выпадам Долгинцева по поводу страданий сосланных кулаков, по поводу советской власти, по его мнению, лакействующей перед иностранцами, и т. д. и т. п. я не дал отпора. В своих бумагах я хранил контрреволюционные, погромные произведения, два из которых, «О Генуэзской конференции» и похабные антисоветские частушки, отобраны у меня при обыске. В Физико-техническом институте, работу в котором я совмещал с основной, я занял антисоветскую позицию и был судим товарищеским судом за антиобщественное поведение.

В 1925 году Г.Н. Шуппе поступил на первый курс Ленинградского кораблестроительного института, но через год перевелся на физическое отделение физико-математического факультета Ленинградского государственного университета. Его научным руководителем стал выдающийся физик-электронщик Петр Иванович Лукирский. Под его влиянием Г.Н. Шуппе начал свой путь в науку.

Спустя несколько лет курсы П.И. Лукирского прослушала физик и педагог Ц.Б. Кац. Она вспоминала: «Он был нашим профессором в ЛГУ и читал нам “Курс электронной теории” на четвертом курсе и “Строение вещества” — на пятом. Читал в очень хорошей манере — строго, но в высшей степени понятно. Обладая талантом популяризатора, он всегда умел сложный новый материал изложить так, что заражал своим интересом, всё казалось ясным, и только этими вопросами и хотелось заниматься в будущем! На лекциях вел себя очень сдержанно, не допускал

никаких шуток, был строг и неулыбчив — по крайней мере таким казался. Я не представляла себе, что к нему можно подойти, о чем-то спросить, хотя наши студенты это делали… Надо сказать, что в ЛГУ вообще был блестящий подбор лекторов: Фриш, Фредерикс, Смирнов, Бронштейн, Константинов… Это были “боги на Олимпе”! Я как-то никогда и не задумывалась, как они живут, чем интересуются помимо своей работы. О Петре Ивановиче Лукирском, впрочем, я слышала, что он спортсмен, теннисист, имеет яхту и ходит на ней в дальние походы… И вдруг мы узнаём, что почти все они арестованы как “враги народа”. Что? Как? Почему? В то время не полагалось интересоваться — слишком часто и необъяснимо исчезали люди…»[57]

В 1929 году, еще не закончив Университет, Шуппе начал работать в Физико-техническом институте Академии наук. Об обстановке в этом легендарном научном учреждении дает представление следующий отрывок из воспоминаний академика А.П. Александрова:

«В Физтехе стиль работы был такой: во-первых, там существовали семинары. Это были общегородские физические семинары. Там собирались самые крупные физики, которые у нас были в стране. Постоянно приезжали московские физики, Тамм тот же самый, и очень часто бывали физики зарубежные. Доклады, которые делались на семинаре, обычно комментировал Абрам Федорович Иоффе. Он умел самый сложный доклад изложить самым доступным образом, так чтобы все присутствующие могли бы понять до конца, о чем идет речь. Обсуждение докладов велось без всяких, так сказать, церемоний. Если кто-нибудь что-нибудь не понимал, он мог прямо заявить, что вот он не понимает или считает… и начиналась дискуссия вокруг иногда очень даже смешных вопросов. Я помню, там три академика сцепились, это тогда был Иоффе, Чернышёв и Семенов, относительно их толкования закона Ома для переменного тока, что было для каждого ясно, что и как должно быть. <…> Вот это была действительно настоящая школа, и там как-то необыкновенно быстро молодой человек, туда попавший, развивался как физик. Это была необычайно такая… ну я даже не знаю, как это назвать, — совершенно необычайное учреждение, где проявлялись все способности каждого человека, они могли быть проявлены сразу. <…> Какой-нибудь интересный опыт — всегда все прибегали смотреть, что и как, и обсуждали, как это все происходит и правильно ли ты смотришь на то, что там делается. В общем, жизнь там кипела. Каких-то внутренних сложностей, внутренних распрей, которые часто бывают в институтах сейчас, их там вовсе не было — я помню только один

случай за все пребывание там, в Физико-техническом институте, а я как-никак был там с 1930 года и по 1946-й, вот, шестнадцать лет. Только один был случай, когда два молодых физика Полибин и Шуппе побили друг другу морды из-за какой-то лаборантки, которая с ними работала. Вот, собственно, было наибольшее происшествие, которое всех взволновало»[58].

Возможно, именно этот эпизод и явился причиной товарищеского суда, о котором сообщает в протоколе Г.Н. Шуппе. Впрочем, подобная вспыльчивость была свойственна Георгию Николаевичу и в гораздо более солидном возрасте. Так, он чуть не избил в помещении деканата преподавателя философии, вступившись за своего внука-студента.

Связи с ленинградским Физико-техническим институтом Шуппе не прерывал в течение всей жизни. Закончив ЛГУ в 1930 году, Г.Н. Шуппе поступил на работу в только что образованный на базе соответствующей специальности Ленинградского политехнического института Ленинградский электромеханический институт (ЛЭМИ). Преподавательский состав ЛЭМИ был молодым и амбициозным, да и директор Института Александр Федорович Шингарев был немногим старше Г.Н. Шуппе.

Со времени, когда совсем еще совсем молодой Георгий Николаевич перешел финско-советскую границу, и до его ареста прошло десять лет. Все эти годы он увлеченно учился и работал в избранной им области науки — физической электронике. Но в его жизни была и вторая сторона: он много читал, был непременным слушателем филармонических концертов, вместе с другом Василием Власовым, тоже перебравшимся из Териоков в Ленинград, бродил по залам Эрмитажа и Русского музея, не пропускал ни одной выставки. Много позже в неопубликованной статье «Кроме специальности есть еще целый мир…» он напишет о том, что ученый не должен замыкаться в своей профессиональной деятельности, а быть образованным, разбирающимся в литературе и искусстве человеком.

В конце концов, именно такое отношение к культуре привело Георгия Николаевича в организованные М.Д. Бронниковым кружки любителей литературы и искусства «Бандаш», «Дискуссионный клуб» и «Шекспир-Банджо»[59].

Благополучная жизнь Георгия Николаевича оказалась прерванной весной 1932 года арестом, следствием и судом по «Делу Бронникова».

Незадолго до ареста Шуппе женился на Евгении Сергеевне Фотиевой, дочери профессора Технологического института Сергея Александровича Фотиева и племяннице секретаря Ленина Лидии

Александровны Фотиевой. Их брак вскоре распался. В январе 1935 года Е.С. Фотиева также была арестована и заключена в исправительно-трудовой лагерь на три года.

Георгий Николаевич Шуппе был арестован органами ОГПУ 20 марта 1932 года вместе с несколькими другими участниками собраний кружков — П.П. Азбелевым, А.В. Рейслером, Б.Ф. Ласкеевым, П.С. Наумовым — и выпущен из-под ареста под подписку о невыезде. Следователь Бузников допросил его ровно через десять дней, 30 марта.

Как бы то ни было, из резолютивной части обвинительного заключения, составленного в мае 1932 года, следует, что:

> а) Будучи врагом соввласти и автором контрреволюционных произведений и получив воспитание в монархической белоэмигрантской школе, перебежав нелегально в СССР, являлся членом фашистских кружков «Бандаш» и «Дисклуб»;
>
> б) вел монархическую и фашистскую пропаганду и агитацию путем распространения собственных контрреволюционных литературных произведений на собраниях кружков и вне контрреволюционной организации в среде рабочей и учащейся молодежи;
>
> в) вел систематическую переписку антисоветского характера с политссыльными, насыщая последних антисоветскими слухами и материалами.
>
> Означенное преступление предусматривает статью 58–10 Уголовного кодекса
>
> Виновным себя признал.

Итогом этого разбирательства стала высылка Г.Н. Шуппе в Казахстан без права выезда сроком на три года. В короткой автобиографии, сохранившейся в личном деле, имеется запись: «…выслан (по оговору друга) в Алма-Ата».

Об этом периоде жизни Шуппе нам почти ничего не известно. Только в личном листке по учету кадров указано, что он работал вместе с другими ссыльными и заключенными по своей специальности инженером по изысканиям в алма-атинском “Казэнерго” и начальником энергогруппы в НККХ (Народном комиссариате коммунального хозяйства). Через много лет своим ученикам Шуппе рассказывал, что работал главным инженером строящейся электростанции специального назначения, расположенной в удивительно красивом месте — недалеко от высокогорного катка Медео. На стройке работали многие ссыльные и заключенные.

Во время ссылки в Казахстане Георгий Николаевич тяжело

заболел и говорил, что его выходил академик Е.В. Тарле, который приносил ему молоко. Тарле был в это время в ссылке в Алма-Ате по «Академическому делу». Этот эпизод мог произойти до октября 1932 года, когда Тарле вернулся в Москву.

Профессор Рязанского государственного радиотехнического университета С.С. Волков, много позже оказавшийся вместе с Г.Н. Шуппе в командировке в Алма-Ате, вспоминает рассказ Георгия Николаевича об одном случае, произошедшем с ним во время ссылки. Уж чего-чего, а безрассудства Георгию Николаевичу было не занимать:

«Симпатизируя некоей прекрасной даме, он решил в день ее рождения преподнести букет цветов. Дело было ранней весной, когда все цветет, но и цветы были нарасхват — ему не досталось. Тогда наш будущий уважаемый Учитель облюбовал на центральной площади Алма-Ата цветущее черемуховое дерево и срубил его. Однако одному ему, даже физически весьма не слабому, унести дерево не удалось. В этом лихом и благородном деле ему помог друг Калинин, будущий академик. Протащив дерево через весь город, они водрузили необычный букет перед окном именинницы, чем очень ее обрадовали и чрезвычайно удивили прохожих.

Когда Георгий Николаевич закончил этот рассказ, я скромно усомнился в возможности такого дела: “На центральной площади столичного города всегда дежурит милиция, да и прохожие обязательно остановят «лесоруба». Как вообще может прийти такое в голову солидному работнику, главному инженеру электростанции? Возможно, букет черемухи просто «вырос» в памяти до размеров дерева?”

И тут профессор обиделся, насупился как ребенок, начал с горячностью доказывать мне, что ничего не преувеличивает. Видя, что сомнения мои не рассеиваются, заключил: “А вот сейчас Калинин нам и подтвердит!”

Несмотря на поздний вечер, он сел за телефон искать свидетеля, которого не видел уже много лет. К моему удивлению, вскоре они уже радостно здоровались по телефону. А еще через некоторое время к нам шумно вошел очень энергичный моложавый академик Калинин. Буквально с порога он воскликнул: “А помнишь, как ты преподнес (называет имя дамы) цветущее дерево черемухи с центральной площади!”

На другой день после работы, по гололедице, под леденящим ветром, мы ходили к этому заветному окну, выходящему в уютный дворик, окруженный одноэтажными домиками. Георгий Николаевич долго стоял, опустив голову и погрузившись мыслями в интересные годы своей молодости»[60].

Алма-Ата (ранее казачья крепость Верный) в то время была захолустным городом с ярко выраженным восточным колоритом. Центром жизни считался базар, по улицам разъезжали брички с запряженными лошадьми, никакого другого транспорта, кроме гужевого, не было. Правда, в середине 1930-х годов начали асфальтировать улицы и в центре города появились первые многоэтажные жилые дома и несколько общественных зданий, выполненных в стиле конструктивизма.

Город живописно расположен у подножья Заилийского Алатау, к нему подступают горы со снежными вершинами, арыки с ледяной водой, вокруг растет множество деревьев самых разных пород. Конечно, как большой любитель первозданной природы и вообще всего прекрасного, Г.Н. Шуппе не мог не ценить ослепительную красоту этих мест. Но в 1935 году, как только появилась возможность, получив соответствующее разрешение, он переехал в Ташкент, где устроился на работу старшим инженером в «Узбекэнерго».

По сравнению с Алма-Атой, Ташкент был крупным городом с разнообразным национальным составом населения. В городе жили узбеки, русские, уйгуры, корейцы, таджики; в нем также сохранялся восточный колорит.

Г.Н. Шуппе был рад перебраться в Ташкент: хотя город оставался глубокой провинцией, там у него появлялся шанс вновь заняться наукой. В Ленинграде и в Москве найти работу по специальности казалось ему, только что освободившемуся ссыльному, совершенно невозможным делом, да и жить подальше от всевидящего ока ОГПУ, спрятаться представлялось вполне естественным. Недолго проработав в “Узбекэнерго”, Георгий Николаевич получил возможность вернуться к преподавательской работе. Он занял место преподавателя на артиллерийском отделении Объединенной Среднеазиатской военной школы (ОСАВШ), а затем и в Среднеазиатском государственном университете.

Однако налаживавшуюся жизнь прервали война и новые аресты. В течение 1939–1942 годов Г.Н. Шуппе несколько раз сидел в Ташкентской внутренней тюрьме. Мы не можем с уверенностью сказать, какие преступления вменялись ему в вину, хотя есть основания полагать, что на этот раз не обошлось без упоминания дедушки-имманента. В эти годы начали раскручивать новую волну репрессий: брали под арест и предъявляли абсурдные обвинения так называемым повторникам, т. е. тем, кто уже однажды имел политическую статью.

Из рассказов Г.Н. Шуппе мы знаем, что его авторитет был таков, что, несмотря на статус политического заключенного,

уголовники признавали его старшим по камере. Он сидел в одной камере (и даже делил одни нары) с выдающимся хирургом, архиепископом Лукой (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий).

О том, что представляла из себя ташкентская областная тюрьма и камера № 7 в 1939 году, мы можем прочесть в опубликованных много позже воспоминаниях В.Ф. Войно-Ясенецкого:

«Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью тринадцатисуточные допросы. Камера номер семь соединила под своими сводами людей разных. Сидели тут и “белые” генералы, и генералы нового режима, секретари обкомов, члены ЦК. Вместе со старой профессурой ждали своей участи профессора новой формации — партийные. Кадеты и анархисты соседствовали на нарах с коммунистами и беспартийными. Но даже здесь, уравненные перед Богом и людьми в своем несчастье, голодая, задыхаясь в тесноте и ожидая смерти, россияне продолжали тяжбы и взаимные обвинения. “Белые” обвиняли “красных” в злодействе, “красные” клялись, что, выйдя из тюрьмы (их преданность партии и Сталину, конечно же, выведет их отсюда), перестреляют всех “бывших” до единого»[61].

В конце 1939 года В.Ф. Войно-Ясенецкий был отправлен в ссылку в Сибирь, а Г.Н. Шуппе вскоре был освобожден из тюрьмы, но затем вновь арестован. В 1942 году он все же наконец получил долгожданную свободу и смог вернуться на преподавательскую работу на Артиллерийские курсы и в Среднеазиатский государственный университет. Но это была уже совсем другая эпоха.

Сразу после начала войны Ташкент превратился в один из самых крупных центров эвакуации; туда устремились беженцы из оккупированных территорий, город принял покинувшую из-за блокады и бомбежек ленинградскую и московскую интеллигенцию. Несмотря на всю тяжесть военного времени, Г.Н. Шуппе жил по сравнению с большинством эвакуированных в привилегированных условиях: это был его город, где имелось собственное жилье и любимая работа.

Парадоксально, но именно здесь, в Ташкенте, в тяжелое военное время Г.Н. Шуппе окунулся в привычную культурную среду, познакомился с А.А. Ахматовой, с Н.Я. Мандельштам и многими другими эвакуированными писателями, художниками, артистами.

По словам Г.Н. Шуппе, это было время, когда он работал на

износ, зачастую читал лекции по шесть часов в день, не имея возможности очнуться и прийти в себя. В 1943 году он защитил кандидатскую диссертацию по эмиссионной электронике и выпустил две книги: «Важнейшие приложения оптики в военном деле. Дополнительный материал по оптике к стандартному учебнику физики профессора И.И. Соколова “Курс физики”. Ч. 3» (Ташкент, 1943) и «Задачи по механике с оборонной тематикой» (Ташкент, 1943).

В 1943 году в Ташкент приехала больша́я часть профессоров и преподавателей Ленинградского политехнического института. Среди них оказалось немало знакомых, друзей, товарищей по работе. Вместе с ними и сотрудниками других физических институтов Г.Н. Шуппе организует в Ташкенте и других городах Средней Азии новые учебные и исследовательские институты и лаборатории, создает кафедры электрофизики, оптики, физической электроники в Среднеазиатском государственном университете.

Эта деятельность была продолжена и по окончании войны. Г.Н. Шуппе по праву называют основателем научной школы физической электроники в Узбекистане. В 1959 году он защитил в МГУ докторскую диссертацию «Электронная эмиссия металлических кристаллов».

В то время многие известные ученые были репрессированы и после отбытия лагерного срока не имели возможности вернуться к научной работе. Георгий Николаевич не раз пытался помочь им, и иногда эти попытки завершались успехом.

Так продолжалось до ташкентского землетрясения 1966 года, когда был разрушен почти весь город, в том числе и здание университета. Г.Н. Шуппе вновь предложили переехать в Москву или в Ленинград, но он отказался и в конце концов выбрал местом жительства Рязань, где как раз открывалась кафедра физической электроники в Радиотехническом институте. К этому времени Георгий Николаевич был уже давно вторично женат, имел двоих детей: сына Николая и дочь Ирину.

В письме к В.А. Власову от 28 октября 1966 года Г.Н. Шуппе пишет:

> Вася!
>
> Я переехал 17 октября в Рязань (от Москвы отказался). Живу пока в гостинице, *Madame* и *Mademoiselle* еще в Ташкенте (собираются). Работаю на одном объекте Министерства электронной промышленности и в Радиотехническом институте.
>
> Квартиру получил (бывшая квартира в военные годы

Ванды Василевской и Корнейчука — вот гадость!). Квартира на втором этаже в сталинском доме почти совсем хорошая (пятикомнатная). Однако после выселенных (вернее, переселенных) семей двух полковников, живших в ней, все перекрашиваю, переделываю, *etc*.[62]

Наступили самые благополучные и самые успешные в творческом отношении годы жизни Г.Н. Шуппе.

В письме Б.Д. Сурису от 21.06.1980 г.[63] он пишет:

> У меня очень много своих дел: лекции, аспиранты, разные «ученые» советы в Рязани и в Москве (в АН СССР), исследовательская и литературная работа по специальности (электротехнике) и пр.; я связан консультациями с Москвой, Ленинградом, Ташкентом, Алма-Атой, куда часто выезжаю. Со всеми этими делами я едва справляюсь (плохо справляюсь!).

Ученики вспоминают его смешные, афористичные высказывания. «Инициалы после фамилии пишут только в милиции». «Указывать в служебной характеристике женщины “морально устойчива” — это оскорбление»; «Правильно следует писать “профессор, доктор…”, а наоборот пишут только некультурные люди»; «Нехороший человек мужского рода — это “сволоч” без мягкого знака, а женского — с мягким знаком».

Временами шутки Георгия Николаевича были на грани фола. Так, на одной из конференций он сказал, что решетка одного кристалла устроена по системе ГПУ (гранецентрированная плотно упакованная), а другого — по системе ОГПУ (объемная гексагональная плотно упакованная).

В начале 1960-х годов начали потихоньку выходить из печати запрещенные ранее к изданию сочинения отечественных писателей. Стоящий во главе журнала «Новый мир» А.Т. Твардовский рискнул опубликовать два рассказа Солженицына и его повесть «Один день Ивана Денисовича». В 1965 году в издательстве «Художественная литература» вышли рассказы и повести А. Платонова «В прекрасном и яростном мире».

9 июля 1967 года Г.Н. Шуппе пишет своему ближайшему и давнишнему другу В.А. Власову:

> Васенька!
>
> У меня увлечение — Андрей Платонов! Конечно, это влияние Рязани, т. е. России. Во-первых, это технически здорово. Он знает русский, почти как Лесков «плетет

вязь». Во-вторых, остро (вспомнил даже М. Бронникова — вот несчастный и талантливый человек!).

Коля и Катя болтаются вокруг моего нового земляка Солженицына. Рязанец. Чуть-чуть битник (носит такую же бороду из-под подбородка). Мрачен и несчастен. И беден. Я (со своей любовью к Анатолю Франсу) кажусь ему марсианином, нехристем, *etc*. Я его уверяю, что он последователь Платонова[64].

Во время перестройки, до которой Георгий Николаевич, к счастью, дожил, он внимательно читал толстые и тонкие журналы.

Из письма В.В. Кораблеву от 15–17.02.1988 г.:

…беру на себя смелость (наглость?) рекомендовать Вам <…> (в порядке самообразования) прочесть во втором за этот год номере журнала «Сельская молодежь» (чем несчастную сельскую молодежь угощают!!!) беседу некоего корреспондента В. Суворова с Л.Н. Гумилевым. Я пару раз с Л.Н. встречался, беседовал, много был о нем наслышан (в частности от его матери и Н{адежды} Я{ковлевны} М{андельштам}), но не представлял себе, что у него в голове такой навозный КОМПОСТ. Спонтанные выделения халдейского мудреца-звездочета библейской эпохи. Или он дурачил корреспондента? Однако вспомните придуманные им символические знаки на могильном сооружении А{нны} А{ндреевны} А{хматовой} в Комарове. Я, по своей дурости, воспринимал их как намек на ассиролога из ЛГУ Шилейко, второго мужа ААА — такая ревность к которому у сыновей бывает (Фрейд), (был и третий — Пунин).

В чем причина сворота у Л.Н. мозгов? Плохие гены? Лагеря (два раза)? Я был в лагерях тоже два раза (в худших условиях), сидел в тюрьме четыре раза (при Дзержинском, при Менжинском, при Ягоде и при Ежове), отбывал трехгодичную ссылку в Алма-Ате; значит ли это, что у меня также свернулись мозги или их у меня и не было, а потому и сворачиваться было нечему?[65]

Георгий Николаевич Шуппе умер в 1994 году.

«Говоря о Георгии Николаевиче, — писал один из его учеников, — нельзя не сказать о некоторых главных особенностях его личности. Окружающих, как случайных, так и постоянных, всегда поражали его некая экстравагантность и оригинальность в

поступках, высказываниях, даже в печатных трудах и письмах. По моему глубокому убеждению, истоками, первопричинами необычности Георгия Николаевича были не только характер, происхождение, воспитание, глубокий ум, блестящая память, но и заложенное в генах чувство колоссальной внутренней свободы»[66].

Власов Василий Адрианович
«Активно преданный советский человек»

Одноклассник Георгия Шуппе, тот самый Вася, Василий Адрианович Власов, вслед за своим другом детства тоже перебрался из Финляндии в Ленинград. Он поступил в Академию художеств, на курс под руководством Петрова-Водкина. На некоторое время пути друзей разошлись, однако, судя по показаниям Шуппе, именно Василий Власов приведет его в кружок «Бандаш».

В годы учебы в Академии (1925–1927) Василий Власов женился на художнице Татьяне Шишмаревой. Она родилась в семье профессора Санкт-Петербургского университета Владимира Федоровича Шишмарева и Анны Михайловны Усовой, певицы.

В 1925 году Власов вместе с женой начал работать в мастерской художника Александра Ивановича Савинова при Главпрофобре (это было время нэпа и были разрешены частные студии — художественные, балетные).

«Человек он <Савинов> был мало сказать добрый, чудесный, исключительно внимательный, — вспоминала Татьяна Шишмарева. — Василий Власов, который тоже у него учился, увлекся Григорьевым и, конечно, перенял прежде всего внешнюю манеру. Александр Иванович разгорячился и устроил ему разнос. Когда он окончил обход и ушел, кто-то выглянул в окно и увидел, что Савинов спрятался за колонну собора. Заинтригованные, мы смотрели. Вот вышел Власов. Александр Иванович выходит к нему из-за колонны, идет разговор. Позднее мы узнали, что Савинов переживал за разнос, который он устроил, а Власов его утешал и успокаивал. Я помню его однажды разгоряченным перед диспутом с Филоновым. Мы с Власовым встретили его в Академии, он с возмущением говорил: “Кишки и черви, кишки и черви”.

В мастерской, кроме меня и Власова, учились Алиса Порет, Татьяна Глебова, Владимир Максимов, впоследствии архитектор, А. Цветкова и т. д. Зарабатывали мы разнообразными делами: диаграммами, объявлениями для магазинов, вроде “получена сёмга и свежая икра” и раскрашиванием фанерных коров разных пород для какой-то сельскохозяйственной выставки. Последний заработок был основательный — 45 руб. на брата. Это были большие деньги. Но мечтой было получить работу в издательстве. Это было трудно, так как в издательствах были везде свои художники, и в каждом своя определенная их группа, свой стиль

работы. Я старалась одеться несколько по-дамски, используя что-то из гардероба матери, и, изготовив рисунок под стиль данного издательства, отправлялась на “охоту”. Я помню, как в каком-то издательстве обо мне доложили: “Вас спрашивает дама”, но это не помогло»[67].

Наконец им удалось устроиться в ленинградский «Детгиз» и журналы «Чиж» и «Ёж». Два детских журнала «Ёж» («Ежемесячный журнал») и «Чиж» («Чрезвычайно интересный журнал») выходили в Ленинграде и выпускались редакцией С.Я. Маршака. «Ёж» выходил в 1928–1935 годах и был адресован школьникам пионерского возраста, а «Чиж» выходил с 1930 по 1941 год и предназначался для совсем маленьких. Здесь работали Д. Хармс, А. Введенский, Н. Олейников, Е. Шварц и много других талантливых литераторов. О Власове современники вспоминали как о человеке остроумном, замечательном рассказчике, да и компания, куда попали молодые Шишмарева и Власов, была настоящим источником радости и веселья.

После свадьбы Шишмарева и Власов стали жить по адресу: Васильевский остров, 1-я линия, 20, кв. 32. Здесь, в квартире ничего не подозревающего академика Шишмарева, и будет собираться кружок «Бандаш».

Сюда приходили молодая актриса Тамара Макарова (будущая жена С. Герасимова) и ее подруга Ксения Москаленко, снявшаяся в нескольких популярных фильмах.

Власов был арестован 9 марта 1932 года. По всей видимости, он очень сильно был напуган и изо всех сил «топил» организатора кружков — Бронникова.

Если показания Шуппе были «смонтированы» из фактов и нужных для ГПУ слов, то показания Власова о Бронникове выглядят абсолютно иначе. Здесь нет «чужого» голоса, а звучит грамотный, поставленный голос самого Власова.

> Остановлюсь несколько на старшем поколении, которое могло бы явиться базой, питающей и вырастившей Бронникова. Кроме Института истории искусств, на киноотделении которого в первые годы его существования Бронников развивал большую деятельность, он был тесно связан с издательством «Академия»… Из людей, работавших там и с которыми он был близок, в первую очередь надо назвать Лозинского. Под его редакцией печатались бронниковские переводы, через него он же был связан и с «Академией», дважды издавшей его «Мэри Пикфорд».

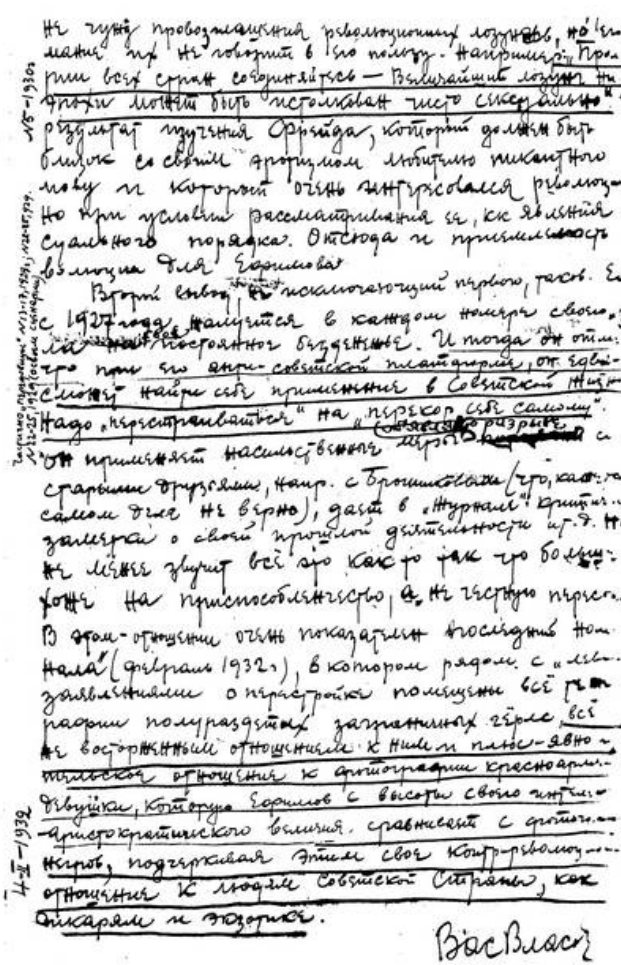
> Кроме того, подтверждением близости Бронникова к Лозинскому может служить и, например, то, что Лозинский до напечатания и постановки дал Бронникову свой новый перевод шекспировского «Гамлета», на основе которого и должна была начаться деятельность Шекспировского клуба…

Странное свидетельство. Перевод «Гамлета». Лозинский. Шекспир. Где тут находится антисоветский подтекст?

Власов продолжал:

> Своей философией Бронников считает интуитивную философию Бергсона. В «Пятом письме о Прусте» (стр. 56–62) неоднократно говорит об этой философской системе… Чем хороша философия Бергсона? Тем, что ее придерживается Пруст. А чем же хорош Пруст как философ? Да тем, что он живет не интересами окружающей его жизни, а памятью. Роман Пруста — это «роман памяти». Бронников цепляется за такую «философию», т. к. она дает ему возможность не глядеть на настоящее, а жить воспоминаниями о прошлом — о I роте, роте его величества Кадетского корпуса («Роман лета 1914 года», стр. 3).

Мы не знаем, почему Василий Власов решил так выслуживаться, ухудшая еще больше положение Бронникова и своих товарищей по собраниям, однако, похоже, он и правда получил послабление в результате сотрудничества со следствием.



Он был осужден: КОГПУ 17 июня 1932 г. по статьям 58–10, 58–11. Его приговор: пять лет концлагеря с заменой на пять лет ссылки в Башкирию. Освобожден досрочно.

Конечно, свою роль в освобождении Власова сыграл и отец его жены — академик Шишмарев. Эти письма, которые приведем ниже, также подшиты к «Делу Бронникова».

В коллегию ОГПУ

15 месяцев тому назад был арестован в Ленинграде муж моей дочери художник Власов Василий Адрианович и постановлением коллегии ОГПУ от 7.06.1932 г. выслан по ст. 58, п. п. 10 и 11 в Уфу сроком на пять лет.

Высылка Власова очень тяжело отразилась на мне самом. Прежде всего морально. Я близко знаю Власова: в течение восьми лет и с полной ответственностью за свою оценку могу характеризовать его не только как советского, но и как активно преданного советского человека. Я уверен, что и в Уфе, где он проживает уже почти целый год, не откажутся подтвердить мою характеристику. Поэтому я очень тяжело переживаю высылку Власова и не могу ни на минуту отделаться от мысли, что она является в отношении его мерой слишком суровой.

Высылка эта, помимо того, тяжело отразилась на здоровье моей единственной дочери, жены Власова, а также и на моем собственном, и без того сильно расшатанном.

Я не говорю уже о моральных затруднениях, которые мне, человеку пожилому, приходится испытывать как прямое или косвенное последствие высылки Власова.

Все это вместе взятое крайне неблагоприятно сказывается на моей работе как руководителя кафедры в Международной книге, институте, занятиях с аспирантами в моем учебном заведении, как на научном работнике. А между тем я не могу не напомнить, что с самого начала Октябрьской революции я активнейшим образом работал как организатор, администратор и специалист по становлению и укреплению советских вузов и советских научных кадров.

Улучшение условий моего материального и морального существования, сохранение моей работоспособности как человека, работающего в международном масштабе в стране, где так высоко ценят культуру и науку, конечно, в интересах ее самой.

Поэтому я уверен, что просьба моя будет удовлетворена.

Я прошу о пересмотре дела Власова, о снисхождении, разрешении ему вернуться в Ленинград, где он как работник сможет быть использован шире и правильнее, нежели где он занят работой, не соответствующей его квалификации.

Профессор, заведующий кафедрой

западноевропейских языков в ЛИЛИ, чл. — кор. Академии наук СССР.

{подпись} В. Шишмарев

Зампред ОГПУ
т. Прокофьеву

Согласно предварительной договоренности с Вами, направляю Вам на Ваше усмотрение письмо ко мне профессора Шишмарева, пересланное им мне заявление гр. Власова и обращение Шишмарева в Коллегию ОГПУ, переданное мне его дочерью по просьбе отца.

С коммунистическим приветом Н. Растопчин[68]

13.06.1933

Многоуважаемый Николай Петрович,

позвольте напомнить Вам о себе. Мы работали с Вами в свое время в 1918 г. вместе, с т. Бидерманом и т. Кагановичем в комиссии по организации в Костроме университета. С тех пор однажды еще судьба сводила меня с Вами, а именно когда я ездил за границу в научную командировку, то Вы представили от себя мне поручительство.

Позвольте вторично обратиться к Вам и просить Вас принять мою дочь, которая направилась в Москву хлопотать о своем муже. Она расскажет Вам подробно обстоятельства дела. Я принимаю в нем самое близкое участие, так как оно, хотя как будто и не касается меня непосредственно, глубоко затрагивает мои научные интересы и вносит много тяжелого в мою жизнь советского ученого, непрерывно с 1917 года работающего на ответственных научных и административных участках. Сейчас, когда в связи с последним постановлением ЦИКа по высшей школе мне приходится активнейшим образом работать по ее перестройке, для продуктивности моей работы, для экономии и правильного использования моих сил было бы крайне важно ликвидировать «дело» моего зятя.

Я очень прошу Вас поэтому выслушать мою дочь и таким образом помочь мне, придя на помощь ей.

Всего доброго,

проф. В. Шишмарев

Постановлением ОС НКВД СССР от 15.11.34 Власов был освобожден досрочно.

Спустя время Татьяна Шишмарева развелась с мужем. Ее ученица Зинаида Курбатова вспоминает: «Спросила, почему она развелась с мужем Василием Власовым, тоже художником и учеником Лебедева. “Мы много работали вместе, выполняли одни и те же заказы и стали мешать друг другу в работе”, — говорила Т.В. Рассказала она мне и некоторые горькие моменты своей личной жизни, никого не осуждая. В.А. Власов с новой женой и дочкой подолгу жили у Шишмаревой на даче»[69].

Василий Адрианович Власов, художник «Красной газеты» и издательства «Прибой», после досрочного освобождения успешно продолжит профессиональную деятельность. Вступит в Союз художников, станет сотрудничать с журналами и издательствами, в частности, с «Детгизом», не изменяя своему интересу к киноискусству, станет главным художником фильма «Выборгская сторона» в 1938 году, во время войны будет готовить агитматериалы для Политуправления фронта. Он будет одним из столпов соцреализма в живописи. В Русском музее хранятся его живописные и графические работы, а также его воспоминания о собственной жизни и о друзьях. Упоминаний о М.Д. Бронникове и о разгромленных кружках там нет.

Его путь был несравнимо легче, чем и у его друга Шуппе, и у других, кто проходил по этому делу.

Ремезов Михаил Николаевич
«Это я (если только я есть)…»

…Эта комната — груда страниц
Неокрепшего гнева и страха,
В этой комнате я уронил
Свое детство и юность с размаху.
Это вещь. Это больше, чем вещь.
Это год. Это даже эпоха.
Это стекол и дерева похоть.
Это я (если только я есть)…

21 марта 1932 года шел обыск в коммунальной квартире № 5, в доме 7 по Ораниенбаумской улице. В руках у чекистов оказалась странная поэма под названием «Путешествие вокруг комнаты»[70]. О чем это? Во всяком случае, точно не о социалистическом строительстве.

«…Под ногами покачивается плот. Как во сне, он мне кажется то из серых, неокрашенных досок (совсем как пол моей комнаты), то из скоропалительно выброшенных изо рта строф. Он расползается в разные стороны, он неслажен. Но это неважно:

Пусть он будет достроен в пути.
Я оставил исход за собою.
Я могу бесконечно идти
Через рифы и через обои.
…
Я вертелся и жил по кругам,
И качался, и чуял причину.
С торжествующим криком «Ага!»
Выгибал свою тощую спину —
Выгибал — изогни — я магнит —
Я магнит — я моргал — я орган —
Я морган — я моргаю от страха —
В этой комнате я уронил
Свое детство и юность с размаху…»

За этими строками бдительные товарищи мгновенно разглядели «фашистскую и антисоветскую агитацию». Именно она и будет инкриминирована Михаилу Николаевичу Ремезову в обвинительном заключении, на основе которого 17 июня 1932

года ему вынесут приговор.

Но до приговора было три месяца следственной работы. И вот, что сегодня нам известно о Михаиле Ремезове.

Михаил Николаевич Ремезов родился в 1908 году в Петербурге. На вопрос о социальном происхождении и роде занятий отца Михаил Ремезов отвечал, что отец был чиновником. В 1910 году отец умер, мальчика растила мать, Ремезова Валерия Адольфовна. На жизнь она зарабатывала педагогическим трудом: преподавала в школах и в ФЗУ.

Михаил Ремезов учился в Единой трудовой школе № 192, что находилась на улице Красных Курсантов, в здании бывшего Второго кадетского корпуса. Успешно закончив I и II ступень, поступил на Высшие курсы искусствознания Института истории искусств (отделение кино). Будучи студентом, успел опубликовать несколько своих стихотворений в коллективном сборнике «Спектр». (1927. Издание авторов! Тираж — 200 экз.) За юношеским эпатажем прочитывается подлинная горечь.

В ночном городе

Кто-то у трубы водосточной склонился и плачет
бессильно,
Видно, устало пытался тебя превозмочь —
Город огнистый, квадратный, таинственный,
пыльный…
Улица… Ночь…
Черный, тяжелый туман почему-то казался
свинцовым,
Гнусно над миром смеялся гнилой сифилитика нос.
Можно ли в городе этом прожить молодым и здоровым
—
Это вопрос…
Встали рядами огни, уходящие вдаль
безвозвратно,
Были до боли несхожи тьма и бестрепетный свет.
Может быть, ты, не сдержавшись, к утру
возвратишься обратно —
Может быть, нет.

Злобно и гадко кривляясь, уродливо корчатся тени,
Не умирает безжалостный города гул.
На этой каменной, жесткой и мокрой ступени
Кто-то уснул.

По окончании Курсов вместе с Николаем Кладо, Климентием Минцем, Александром Разумовским и Григорием Ягдфельдом — учениками Сергея Юткевича — уехал в Туркмению, штатным сценаристом на «Туркменкино»[71]. Однако на экраны никакие фильмы с его фамилией не вышли. Сценарии Минца, Разумовского и Ягдфельда были подвергнуты разгрому, возможно потому, что они были созданы «под непосредственным влиянием группы поэтов “ОБЭРИУ”. Картины их не сохранились и ни разу не упоминались ни создателями, ни киноведами»[72]. И все они были вынуждены срочно вернуться в Россию.

В архивах ФСБ лежит навеянная этой поездкой забытая поэма Михаила Ремезова «Поездка в направлении сна»[73], датированная 1931 годом. Вот фрагменты оттуда:

«Осенью 1930 г. автор пересек СССР в направлении ю-в. Он был приглашен штатным сценаристом на одну из окраинных кинофабрик. Путешествие было связано для него с рецидивом некоторых настроений…

…Из осени он въехал в лето.
Поездка, в сущности, была
Командировкой. И при этом
Сулила встречи и дела.
Скандировал: «Командировка!»
Неторопливо вспоминал
Каких-то женщин имена,
Осенних дней тупую ковкость,
Отъезда спешку, первый снег
И договора жирный росчерк.
И в потеплевшем полусне
Тяжелый поезд полз на ощупь…»

Вернулся, работал по договору сценаристом на ленинградской Кинофабрике, на «Лентехфильме», писал сценарии для технических и учебных картин, был «автором-договорником» детского отделения ГИЗа. Незадолго до ареста женился. Жена Валентина была моложе его на два года, служила в конторе «Стальсбыт».

Проза окружающей жизни и странные стихи. Продолжим цитировать поэму «Путешествие вокруг комнаты»:

«Это были странные стихи, наивные, и кликушеские, и неожиданные для самого автора.

Смотри, в котле вскипают буквы,
Темнеет, бухнут и тогда
Навар из крови или клюквы,
Навар из грязи видим вдруг мы
И опускаем карандаш.

Странен человек, когда он пишет. Это последняя, предельная духовная нагота — я никогда не решусь писать в чьем-то присутствии. Привыкаешь быть голым при женщине, но к этой наготе привыкать, пожалуй, не стоит…»

В поэме очевидно влияние обэриутов. Ремезов и не скрывал на допросе (протокол от 13 апреля), что был близок им. Сообщил, что Климентий Борисович Минц, с которым он вместе учился в Институте истории искусств, привлек его еще в 1928 году в кружок под названием «Студия оптимистов». Именно Климентий Минц был одним из организаторов первого публичного выступления обэриутов в ленинградском Доме печати — «Три левых часа». Во время этого выступления был показан созданный К. Минцем и А. Разумовским монтажный кинофильм «Мясорубка». К. Минц так описывал сюжет этого фильма: «… Бесконечные товарные поезда с солдатами — на фронт. Они ехали так долго, что публика потеряла терпение и стала кричать: “Когда же они приедут, черт возьми?!” Но поезда с солдатами всё ехали и ехали. В зрительном зале стали свистеть. Но как только события стали развиваться на театре военных действий — во время сражений, кинематографические кадры стали всё короче и короче, в этой кошмарной батальной мясорубке превращаясь в “фарш” из мелькающих кусочков пленки. Тишина. Пейзаж — вместо паузы. И снова поехали нескончаемые товарные поезда с солдатами!..»[74]

Далее цитируем письмо киноведа П.А. Багрова к одному из авторов этой книги: «Скандал разразился не вокруг “Мясорубки” (она была далеко не самым эффектным номером на вечере “Три левых часа”), а вокруг следующего фильма Минца “Ваши глаза” (1929). Тут была страшная травля в ленинградской прессе, и после этого-то Минц и бежал из Ленинграда — в ту самую Среднюю Азию, где оказался и Ремезов. Возможно, Минц его за собой потащил — этого я уже не знаю… Формально Минц свою скандальную картину сделал под эгидой ФАСС — Фабрики советского сценария, одним из основателей которой он был. Но действительно, слово «оптимизм» звучало постоянно. Минц писал и говорил о декларации оптимизма, манифесте оптимизма, премьере оптимистов, иллюзионе оптимистов и т. д. Возможно,

после исключения Минца из ФАСС “Студия оптимистов” и возникла как самостоятельная единица».

Вопросов о «Студии оптимистов» Михаилу Ремезову не задавали, но он по собственной инициативе сообщил, что Климент Минц за эту картину был исключен из числа студентов, что деятельность созданного Минцем кружка «Студия оптимистов» была направлена против советской действительности и откровенно издевалась над ней, что кружок был разгромлен рабкорской общественностью, но после существовал нелегально на квартире Минца. Михаил Ремезов даже добросовестно припомнил фамилии тех, с кем вместе он в «Студии оптимистов» получал первый опыт «кружкового» нелегального общения: Домбровский, Маневич-Чарли, Магдолина Лазовская, Азадовский… По счастью, кажется, никто из них в 1932 году арестован не был.

В 1930 году Михаил Ремезов уже активно участвовал в деятельности кружков, организованных М. Бронниковым. В круг Бронникова его ввел киновед Николай Ефимов. Ефимов и Бронников вместе работали в Кинокомитете, где собирали и изучали материалы по истории кино.

Михаил Ремезов показал на допросе, что Ефимов представил ему Бронникова «как чрезвычайно интересного человека, обладавшего большой эрудицией», и что Бронников поразил Ремезова «своей творческой продуктивностью, законченностью своей фундаментальной линии, целиком идущей вразрез с современностью и враждебной существующему политическому строю, и своим упорством, с которым он шел по пути создания организационно оформленного мира, отрешенного от советской действительности».

Вероятно, определение «организационно оформленный мир» имело отношение к созданной Бронниковым системе кружков, где Ремезов был активным участником. Он тоже на квартире у Шишмаревых и Власова, в доме 20 по 1-й линии Васильевского острова, изучал в Штрогейм-клубе творчество американского режиссера Эриха фон Штрогейма, в кружке «Бандаш» занимался практической работой по производству и распространению фотофильмов, в «Шекспир-Банджо» обсуждал вопросы драматургии, в «Дискуссионном клубе» высказывал свои соображения по политическим вопросам и вопросам искусства.

В.А. Власов дал показания:

> На вечерах «Дискуссионного клуба» раз в пятидневку все члены по очереди должны были выступать и читать свои теоретические или литературные произведения. Я

выступал с докладами, Ремезов читал свои сценарии.

Из протокола допроса Михаила Ремезова:

> С первых наших дней встреч Бронников стал говорить о создании клуба, который объединил бы меня, Бронникова и Ефимова, предлагая организовать Пруст-клуб и заняться изучением творчества этого писателя… Мы под руководством Бронникова организовали «Безымянный клуб», регулярно там собирались… «Безымянный клуб» Бронникова являлся антисоветским, задачи которого лежали в отрыве искусствоведческой молодежи от советского искусства. Бронников зачитывался переводами из Пруста, Кокто и Корделя (Видимо, Ремезов назвал П. Клоделя. — *Авт.*) и старательно прививал нам свои монархические взгляды… Для Бронникова был характерен именно такой прием для вовлечения молодежи в круг его политических интересов, активно враждебных существующему политическому строю.

Не забыл Михаил Ремезов упомянуть о монархизме в повести Бронникова «Две короны ночью».

Говоря о литературных предпочтениях Бронникова, Михаил Ремезов назвал и советских авторов: Сельвинского, Олешу.

Каялся в том, что, следуя совету Бронникова, писал не для Кинофабрики и не для ГИЗа, а для клуба. Согласился с тем, что «Путешествие вокруг комнаты» и «Поездка в направлении сна» «… были антисоветскими по своему содержанию и направлению. Каждая вещь написана в индивидуалистических, упаднических и пессимистических тонах».

Произведения М.Н. Ремезова были квалифицированы как контрреволюционные. Автора объявили врагом советской власти и обвинили в фашистской и антисоветской агитации, то есть в преступлениях, предусмотренных по ст. 58–10 УК.

М.Н. Ремезов виновным себя признал.

Приговор получил легкий: выселение из Ленинграда, лишение права проживания в 12 пунктах и Уральской области на три года, прикрепление к определенному месту жительства.

Был выслан в Тамбов, через год получил разрешение поселиться в Малой Вишере. Продолжал писать. Создал своеобразный трактат об искусстве «Письма о реализме»[75]. Каждое из девяти писем имеет адресата: Михаил Ремезов обращается к давним друзьям — к Николаю Ефимову, к Татьяне Шишмаревой, Василию Власову, Григорию Ягдфельду… Одно из

писем пишет к своей жене Валентине Ремезовой: «Одержимый манией проповедования и оказавшись без аудитории, я начал писать эти письма. Все творческие отходы (стихи, отрывки, страницы из дневника) я прокладывал между письмами. Смешно считать их образцами нового стиля: это не более как антракты».

Давай жизнь

Давай, давай хорошую жизнь.
Много бананов и молока.
Женщину
с белым лицом.
Давай
выкинем Пруста в окно.
Много дорог,
а луна —
одна,
и под ногами
дно.
Подумай: завтра начнется война —
что тебя, что тебя ждет впереди?
Ты ведь
совсем
один.

1933

* * *

Шаги и дни. И больше ничего.
И сон. Меня сопровождает детство.
Нечаянно я сохранил его
Бесценное и легкое наследство.
Какой подбор запретов и угроз!
Гремят ключами, запирают двери,
Молчат. Но я отказываюсь верить,
что это жизнь и что она всерьез.
Игра, игра. Стою над тишиной.
Ручные люди. Одичалый камень
и прошлое. Но не тревожить память,
Но не терять улыбку. Решено.

1933

* * *

Какая непохожая природа!
Морозный воздух, дряхлая вода,
Заборы, звезды, ветер в огородах.
Пришел февраль — и это навсегда…
…Вот женщина. Но разве в этом дело?
Подчеркнуто одета, в меру зла,
Садилась рядом, пальцами скрипела,
И ты был рад, когда она ушла.
А вот слова: Придумай и забудь.
Не то опять увидишь за словами
разношенную, как халат, судьбу
и годы верного существованья.
И вот художник. Есть закон пути.
Но бедствовать налево и направо,
забыть искусство, унижаться, льстить, —
какая выторгованная слава!..
…Привет, мой друг! Навряд ли ты оценишь
такой судьбы высокие блага;
случайно или от неуваженья,
но их тебе никто не предлагал.
Решай — тебе ли горевать об этом?
Ты знаешь, потолстев от неудач,
что если остальное под запретом,
то до себя тебе рукой подать.
Ну что ж, начнем? Но нет, еще не время.
Твои друзья и далеко, и спят.
Ты не решаешься на вдохновенье.
И медлишь. И предчувствуешь себя.

1933

О дальнейшей трагической судьбе Михаила Ремезова неожиданно узнаем из документальной книги поэта Сергея Рудакова «Город Калинин». Они встретились в блокадном умирающем городе: «Наша манера разговаривать, видя за всем не то чтобы смешную, но несерьезную, оборотную сторону, т. е. уменье угадывать декоративный, кажущийся, наружный облик

всего внешнего, как нельзя лучше подошла в этих условиях. <…> Он тогда сказал, оценивая будущее: надо представить, что мы уже убиты, и тогда каждая лишняя минута будет казаться неожиданным подарком»[76].

Михаил Ремезов пришел к Рудакову на Колокольную, читал свои «Письма». «Почти стемнело на третьем письме. Он стоял спиной к обледенелому окну и торопился дочитать. Было ясно, что следующего раза может уже не быть».

Прочел стихи, написанные совсем недавно, 5 января 1942-го:

Садись к окну, готовь себе обед —
Овсяный суп, стакан пустого чая.
Смотри на мир. Подумай — сколько лет
Ты прожил бы, его не замечая.
Зато теперь, когда пришла беда,
Ты видишь все, ты стал самим собою.
Будь благодарен ей — она всегда
Была твоей единственной судьбою.
Она решила, что тебе терять,
И эту жизнь, слепую и пустую,
Оборвала — и вот уже опять
Тебя ведет, уча и указуя.

Сказал, что жена его умерла еще в декабре. Недавно умерла мать, но она пока лежит непохороненная… «Жил он на канале Грибоедова… в сторону за Мариинским театром. Квартира — бывшая дворницкая, в одноэтажной каменной пристройке в глубине двора. Дверь из крохотной кухни — прямо в снег. <…> Приходя, я стучал в стекло. Сквозь слой льда он разглядывал, кто стучит. Потом отпирал дверь. Я каждый раз, входя во двор, не без страха смотрел — есть ли следы на снегу, мог ли он еще выходить за хлебом. Сговорились, что, если будет худо, он заранее подымет защелку французского замка. 15 февраля следов на снегу не было и замок не был спущен…»[77]

Ефимов Николай Николаевич
«Пионер киноведения»

Протокол допроса

23 марта 1932 г. я, уполномоченный СПО Бузников А.В., допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Ефимова Николая Николаевича, 1905 г. р., сына служащего. Проживает: Детское Село, ул. Пролеткульта, д. 13, кв. 4. Научный сотрудник Гос. института искусствознания (ТАИС). Холост, родные: отец — Николай Павлович, мать — Екатерина Николаевна. Живет на заработок. Образование высшее, Институт истории искусств. Беспартийный. Не судимый.

Я входил в антисоветский кружок «Безымянный клуб», руководимый и направляемый М.Д. Бронниковым. Этот кружок, согласно намеренью Бронникова, преследовал задачу переработки через искусство, враждебное существующему политическому строю, входящей в него молодежи в антисоветском плане. Собираясь регулярно, мы зачитывали собственные и иных авторов антисоветские произведения и обсуждали их. Мы дискутировали широко вопросы искусства, философии и политики, причем Бронников всегда учил нас, что подлинное, истинное искусство может быть лишь враждебным политике, современному политическому строю. На собраниях клуба ставились доклады о киноискусстве, трактуемые нами с точки зрения враждебной социальной системы.

В дальнейшем я обязуюсь конкретизировать и детализировать данные мною показания.

Н. Ефимов.

23 марта 1932 г.

Допросил: Бузников.

Коллеги Николая Николаевича Ефимова называли его «пионером киноведения». Так оно и есть: еще в юности заболев новым поразившим общество недугом — киноманией, он не

избавился от него до конца жизни. Историки кино считают, что Н.Н. Ефимов в течение многих лет был самым крупным знатоком западного, в особенности немецкого, кинематографа в нашей стране.

Николай Николаевич Ефимов родился в 1905 г. в дворянской семье в Царском Селе. О его родителях почти ничего не известно; по словам друзей и сослуживцев, Николай Николаевич не любил о них рассказывать. Он вообще был замкнутым и немногословным человеком и при этом восхищал своей неисчерпаемой памятью.

В положенное время родители отдали мальчика в Николаевскую мужскую классическую гимназию, переименованную после революции 1917 г. в 1-ю трудовую школу. Сегодня на мемориальной доске, висящей на стене здания, выбиты фамилии прославленного директора и знаменитых учеников, в том числе Н.Н. Ефимова:

«В этом здании бывшей Николаевской мужской классической гимназии в 1896–1905 годы жил и работал выдающийся русский поэт и педагог Иннокентий Федорович Анненский. Здесь учились поэты Н. Гумилев, Н. Оцуп, Г. Раевский (Оцуп), В. Кривич, Д. Кленовский, Вс. Рождественский, искусствовед Н. Пунин, стратонавт А. Васенко, географы В. Визе, М. Павлов, врачи М. Глазунов, П. Светлов, композитор В. Дешевов, деятели театра и кино: Н. Акимов, В. Горданов, И. Гольдберг, Ю. Свирин, О. Иванов, Н. Ефимов, Р. Мирвис».

Учеба в школе совпала с тяжелыми, переломными для всей страны годами. Царскому Селу, где располагалась царская резиденция, суждено было испытать и ужасы революционных событий, и последовавшие вслед за ними дни Гражданской войны. О них вспоминала царскоселка Людмила Алексеевна Баранова (Зегжда), с детства знакомая с Н.Н. Ефимовым: «В нашей квартире было шесть комнат и большая кухня. Вот эта кухня и стала прибежищем для всей семьи, т. к. дров для отопления всей квартиры не было. На кухне готовили, ели, купались в корыте, а спать уходили в комнаты и ложились в “ледяные” постели. Там на кухне мы и встретили 1920 год. Я впервые участвовала в традиционной встрече Нового года, оставшейся от старого доброго времени, но год начинался недобрый… Можно ли сказать, что мы голодали? Бабушка выдумывала разные “форшмаки” из картофельной шелухи и селедочных голов, лакомством были лепешки из кофейной гущи на сахарине»[78].

Можно предположить, что обстановка в доме Ефимовых мало отличалась от той, о которой рассказано в заметке Л. Барановой. Между тем большая и дружная семья Зегжда, славившаяся своим

гостеприимством, фортепианными вечерами, веселыми детскими праздниками, привлекала молодого Николая Ефимова. Он стал частым гостем в их доме.

По допросу от 8 апреля 1932 года видно, что Ефимов был очень напуган арестом, поэтому рассказывал о дружественной семье Зегжда, приводя очень опасные сведения и ложные факты, новые и новые фамилии.

> С Бронниковым М.Д., организатором и идеологом «Безымянного клуба», я познакомился в семье Зегжда.
>
> С семьей, которая живет в Детском Селе постоянно, я знаком еще с очень давних времен — со школьной скамьи. Семья Зегжда — чрезвычайно оригинальная семья, по нашим временам. Это крайние реакционеры, чрезвычайно гордящиеся своим потомственным дворянством и сохранившие зверскую ненависть ко всему новому, ко всему советскому. Во время моих регулярных и весьма частых посещений этой семьи (сейчас я там не бываю) я имел возможность наблюдать следующее: каждую субботу к ним в Детское собирались все четыре брата Зегжда со своими семьями, а также собиралось еще много другого народа. Бывало и много молодежи, которая обосабливалась в свой кружок.
>
> Из молодежи там бывали: Тихонравова, Дидерикс — сын фабриканта, Брандорф, Бронников и другие. Старики, т. е. взрослые, обособлялись также в свой кружок, проводя чаще всего время за картами. Дом Зегжда вообще жил на открытую ногу, и там я постоянно встречал новых лиц. Разговоры, ведущиеся постоянно в этом доме, носили крайне антисоветский, почти черносотенный характер. Особенно восторженно встречались всякие махровые анекдоты, измывающиеся над современностью. Для всех братьев Зегжда — один из них хозяин того дома, о котором я говорю, инженер (Алексей Станиславович и их… (Пропуск в тексте. — *Авт.*)) чрезвычайно также характерен, крайняя нетерпимость к евреям. Слово «жид» вообще не сходит у них с языка.

В 1924 году, когда до ареста было еще далеко, Н.Н. Ефимов, закончив школу, поступил на открывшийся факультет киноискусства Высших государственных курсов искусствознания при Государственном институте истории искусств (ГИИИ).

Его преподавателями были А.А. Гвоздев, И.И. Соллертинский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, Г.М. Козинцев и Л.З. Трауберг,

деканом факультета — С.С. Мокульский. Да и первый выпуск факультета киноискусства богат именами. На одном курсе с Н.Н. Ефимовым учились И.З. Трауберг, М.Г. Шапиро, Э.М. Арнольди, К.Б. Минц, Г.Б. Ягдфельд. Запомним последние два имени: они еще встретятся в нашем повествовании. Уже через год Н.Н. Ефимова пригласили в состав только что образованного кинокомитета, и после окончания учебы он остался научным сотрудником в этом учреждении. В это время комитетом заведовал С.С. Мокульский, а единственным сотрудником был Э.М. Арнольди.

Глубокие знания в области западноевропейского кино и феноменальная память позволили Ефимову, еще только выпускнику киноведческого факультета, сразу же стать научным сотрудником кинокомитета. Помимо того, еще в студенческие годы (1926 г.) Н.Н. Ефимов выпустил в издательстве «Academia» составленную им первую книгу, сборник «Немецкие киноактеры», в которую входили 127 биографических статей и справок. С тех пор его справедливо считали ведущим специалистом по германскому кино.

Друг и сокурсник Н.Н. Ефимова, киновед Э.М. Арнольди писал: «Неисчерпаемыми запасами памяти всегда владел Н.Н. Ефимов. Когда-то мы с ним развлекались проверкой собранных в его памяти сведений. Я раскрывал наугад какой-нибудь журнал и читал перечень артистов, а Николай Николаевич называл фильм, в котором они участвовали. Однажды, в ответ на названные мною имена из старого немецкого журнала, он уверенно сказал: нет такого фильма, в котором снимались вместе эти артисты»[79].

В Царском Селе, когда жизнь наладилась, члены семьи Зегжда стали делать оперные постановки. Ефимов, скорее всего, был не только зрителем, но и вдохновителем этих спектаклей. Баранова (Зегжда) писала в своих воспоминаниях: «… организаторы музыкальных постановок взялись за оперу Даргомыжского “Русалка”. Опера эта с ее прекрасной музыкой и замечательной постановкой имела огромный успех. Зрители требовали от инициаторов следующих постановок, и окрыленные успехом организаторы задумали осуществить очень сложную постановку оперы Гуно “Фауст”. Мне помнится, что эта опера была выбрана специально, чтобы заглавную партию Маргариты спела Зинаида Васильевна Оглоблина (моя тетя) своим прекрасным голосом — лирическим сопрано. Ранее она пела на сцене 1-й школы “Письмо Татьяны” из оперы Чайковского “Евгений Онегин” с большим успехом. По специальности она была врач-хирург, окончившая в 1912 году 1-й женский медицинский институт. Петь она училась в Детском Селе у

педагога Буткевич, которая жила в доме Урусовой (имя ее я, к сожалению, забыла). Партия Маргариты была ее дебютом на сцене ратуши»[80].

Известно, что Николая Ефимова связывали какие-то особенные отношения с Зинаидой Васильевной Зегжда-Оглоблиной. В 1944 году она получила от Ефимова письмо из госпиталя, в котором он вспоминает ее Маргариту.

В гимназии, где с музой я дружил,
Где Иннокентий Анненский бродил,
Был Пушкин бронзовый с кудрявой головой.
Явились Вы впервые предо мной,
Вы слышите, как музыка звучит?
Вы были лучшею из многих Маргарит.
«Король жил в Фуле, и пришла печаль…»
Так пели Вы за прялкой под рояль.

А через два года, в 1946 году, в 1-й хирургическом отделении больницы им. Эрисмана, профессор З.В. Оглоблина лечила и буквально поставила на ноги тяжело раненного в годы войны Н.Н. Ефимова. Но подробности их дальнейших отношений нам неизвестны, тем более что З.В. Оглоблина вскоре умерла в 1951 году в возрасте 67 лет.

Наверное, Зинаида Васильевна не знала о том, что говорил Ефимов на допросах о ее семье, да и судя по тому, что она в 1946 году была на свободе, работая профессором в больнице, сведениям, порочащим семью Зегжда, просто не дали ходу.

Однако Н. Ефимов тогда, в 1932 году, давал откровенные показания и на свое кинематографическое окружение, тем самым все более увеличивая круг людей, уличенных им в антисоветских взглядах. В частности, на том же допросе 8 апреля он подробно рассказывал о своих знакомых кинематографистах, о которых нам почти ничего неизвестно:

…Как я уже сказал, в этом доме я и познакомился с Бронниковым, с тех пор игравшим в моей жизни чрезвычайную роль и ставшим для меня наиболее близким другом и наставником.

После моего знакомства с М.Н. Ремезовым, которого вскоре же я привел к Бронникову, мы все трое решили организовать «Безымянный клуб». Эта антисоветская организация создалась у нас в первую же нашу совместную встречу в начале 1930 г. С тех пор вплоть до отъезда Ремезова в Ашхабад собрания нашего

клуба происходили регулярно. Эти собрания, проходившие организованным порядком, обычно посвящались чтению своих собственных литературных произведений, а также взаимному ознакомлению с журналами «Журнал без имени», издававшимся мною, и «Журнал с именем», издававшимся Бронниковым. Кроме того, ставились специально приготовленные к собраниям клуба доклады и рефераты, трактовавшие ту или иную искусствоведческую критику с антисоветской точки зрения.

Бронников стремился привить членам клуба интерес к современной западноевропейской фашистской литературе и повести клуб по этому руслу. Обычно он выступал сам с чтением переводов, как то: Пруста и других современных мастеров воинствующей прозы и поэзии Запада. Большое тяготение он испытывал сам и нам старался внушить к фашисту Морану, написавшему, как известно, непримиримо воинственную книжку «Я жгу Москву». Из тех же соображений он старался усиливать мой интерес к Фрейду — в философском отношении весьма реакционеру, под знаком которого была написана мною антисоветская прозаическая вещь «Земля отброшена влево», зачитанная мною на «Безымянном клубе», а также на Безымянном же клубе был сделан ряд докладов, в частности, о «Земле» Довженко, вызвавший особо горячие дебаты на наших собраниях. На этих наших собраниях дважды была моя знакомая Фанни Моисеевна Минц[81] — сотрудник кинофабрики (живет на Бассейной), которую я предполагал вовлечь в наш «Безымянный клуб», но которая разошлась с Бронниковым на почве различного отношения к формализму.

Фанни Минц — убежденная формалистка. Минц училась вместе со мною на киносекции Института истории искусств, и оттуда я ее знаю. Она придерживается резких антисоветских воззрений и весьма нетерпимо относится к современному строю. Особую ненависть ее вызывает Сталин и вся сталинская политика индустриализации и коллективизации страны. Всем, кто так или иначе выступает против современной политики, она горячо симпатизирует. Во время деятельности правой оппозиции она испытывала горячие симпатии к Рыкову, Бухарину и Каменеву, но, когда они пошли на попятную и признали свои ошибки, она воспылала к ним ненавистью. Процесс Промпартии ее сильно взбудоражил, и она долго носилась с именами попавших на скамью подсудимых, поднимая их на щит и призывая брать пример с этих людей. В раскаяние этих людей она не поверила. Обладая огромной выдержкой, большой силой воли, прекрасной способностью спорить и доказывать правоту своей точки зрения, она, в противовес Бронникову, является сторонницей

решительных мер и решительных действий, вплоть до террора.

В деятельность свою она, несмотря на наши близкие отношения, меня не посвящала. Краешком я узнал о существовании этой деятельности тогда, когда в один из острых политических моментов последнего времени она принесла мне с просьбой спрятать у себя свою киноколлекцию, объяснив свой поступок тем, что она ожидает прихода к себе «непрошеных гостей» и ареста — своего. На мою реплику, что я, в силу своего примыкания к антисоветскому объединению, могу скорее ожидать репрессий, она ответила, что опасность ареста ее во много раз реальнее и значительнее.

В самое последнее время, уже после моего выхода из «Безымянного клуба» и после резкого разрыва моего с Зегждами на политической почве — Зегжды заявили, что они не могут поддерживать личных отношений с теми людьми, которые полностью не разделяют их политических антисоветских взглядов, — я мало-помалу стал уходить и от Минц. Но под новый 1932 год я послал ей обычную поздравительную открытку с обычными для меня вопросами о фильмах, понравившихся ей за сезон 1931 г., где, кстати, спрашивал ее о настроениях и жизни за то время, пока мы не виделись. Ответ Минц показался мне очень странным и опасным. Она прислала мне открытку без подписи, написанную печатными буквами. Эта открытка, минуя почту, была передана швейцару моего учреждения. В открытке этой Минц написала мне примерно следующее: «Вы совершенно правы, что политические несогласия прерывают личные связи». Открытка заканчивается так: «…иду на вас (т. е. на людей, перестраивающихся на все советское) или к черту». Эту открытку я переписал в свой дневник особо сокровенных записей, писанный латинскими буквами. Там она есть на последней странице. Зная политические взгляды Минц, ее решительность и непримиримость, я уверен, что эта последняя фраза открытки написана Минц не зря, а имеет под собой какую-то практическую подоснову. Узнав об аресте Бронникова, я послал Минц предупреждение с тем, чтобы она приготовилась к возможному аресту и ее.

Минц находится в большой дружбе с художником ГОМЭЦа[82] Домбровским и его женой Беккер (в тексте протокола фамилия написана неразборчиво. Мы предполагаем, что речь о Елене Юрьевне Геллер. — *Авт.*), к которым близки я и Бронников. Одно время Бронников чрезвычайно часто посещал Домбровских, а те, в свою очередь, — Бронникова. Оба они, и Домбровский, и Елена Беккер, учились также в Институте истории искусств и представляют собою в жизни типичных

богемцев, однако настроенных антисоветски и считавших даже меня чуть ли не большевиком, который в один прекрасный день сможет донести о них в ГПУ. Последний период сталинской политики чрезвычайно озлобил Домбровского, который теперь все более и более откатывается на крайне правые позиции. К Домбровским же вхож кинорежиссер Минц (однофамилец Ф.М. Минц. — *Авт.*) и член группы арестованного Ювачева (Хармса). Минц, совместно с Домбровским, как я знаю, имели антисоветскую группу «Оптимисты», состоявшую из киноработников, куда входили также Чарли Маневич[83] и Магдалина Лазовская, во всем следовавшая Минцу[84]. Группа эта существовала еще в самое последнее время, но возобновилась ли она после возвращения Минца из Ашхабада, мне неизвестно. В Ашхабад Минц уехал в конце 1930-х годов (видимо, 1920-х. — *Авт.*) после своего изгнания из Ленинградской кинофабрики. Туда же он увез с собою сценариста Ягдфельда, также учившегося вместе со мною на киносекции Института истории искусств. На Ашхабадской кинофабрике Минцем была организована контрреволюционная вредительская группа, которая занялась тем, что сознательно стала растрачивать средства фабрики на абсолютно ненужные съемки; снимали, например, в течение целого дня одни облака, — и проводя антисоветскую линию в продукции фабрики.

В группу помимо Минца входили: Ягдфельд, Ремезов, оператор Селивестров, проникшийся особым увлечением к «обэриутской» программе Минца. Ягдфельду Минц предлагал написать сценарий на тему о необходимости поставить СССР под огромный стеклянный колпак, с тем чтобы никакие влияния не проникали из-под этого колпака на другую половину мира и чтобы производимый в стране эксперимент территориально не расширился бы.

Ягдфельд взялся написать такой сценарий, но ничего такого, что бы можно было бы протащить через цензуру обманным путем, у него не вышло.

Деятельность группы Минца обошлась Ашхабадской кинофабрике в большую копеечку и разорила фабрику. Эта деятельность вскрылась по случайному поводу: склоки на романтической почве, и после статьи, появившейся в московской киногазете, Ашхабадская фабрика была закрыта, и Ремезову, Минцу и другим местное ГПУ предложило покинуть Ашхабад. Об этой ашхабадской истории я слышал от Ремезова. Минц в настоящее время работает в «Востоккино» режиссером.

Н. Ефимов.

8 апреля 1932 г.

Допросил: Бузников.

Николай Николаевич Ефимов получил относительно мягкий приговор: «лишить права проживания в 12 п.п. и Уральск. обл. сроком на 3 г., с 20.03. с прикреплением». После освобождения ему удалось остаться в обойме советских киноведов. У него даже выходили монографии. В 1936 году — монография «Георг Вильгельм Пабст», в 1937-м — «Франческа Гааль» (написанная в соавторстве с Арнольди). «В Зубовском особняке на Исаакиевской, — писал автор статьи о киноведах П. Багров, — Ефимов проработал до самого 1936 года, когда кинокомитет был распущен. Тогда же была ликвидирована и “материальная база” киноведения на Исаакиевской — Кинокабинет, созданный в 1924 году первым историком отечественного кино Б.С. Лихачёвым. Троих сотрудников: Н.М. Иезуитова (на тот момент он был заведующим), Арнольди и Ефимова — “приютили с имуществом упраздненного кинокабинета в Ленинградском Доме кино”, где они “могли заниматься культмассовой работой и, в порядке частной инициативы, научными исследованиями”»[85].

Скончался Н.Н. Ефимов в 1975 году.

Цена, которой далось ему освобождение и дальнейшая работа, была очень высокой. Его сослуживица Ариадна Леонидовна Сокольская вспоминала: «Николай Николаевич был человек насмерть запуганный, совершенно стертый человек, прибитый — это сквозило во всем его облике. Тридцать седьмой год обрушился на них на всех: ведь была арестована большая часть довоенных сотрудников института. Он очень боялся советской власти и все время опасался прогневить начальство, что нас всех безмерно раздражало. У меня с ним был конфликт, потому что, когда мы стали делать первый секторальный сборник “Молодые режиссеры советского кино”, Ефимов ужасно возражал против того, чтобы в сборнике участвовали Нея Зоркая и Майя Туровская. Он был хорошим фактографом и считал себя настоящим киноведом, а все эти “барышни” (и мы в том числе) его раздражали: мы пришли из других профессий и работали по-другому. Арнольди все-таки как-то соотносился с современностью и потому был живым человеком. А Ефимов считал, что он единственный все понимает, а на самом деле не понимал ничего. Но, повторяю, он был человек пуганый. А мы, наверное, были молодые и жестокие. Вглядываться, почему и откуда это, мы не хотели. А у него, наверное, была тяжелая биография. Страхи его были оправданы. Он был гораздо более достойным человеком, чем нам представлялся тогда»[86].

Рейслер Александр Владимирович
«…В душе была ожесточенная ясность, надорванность и пустота…»

Сведения о семье А.В. Рейслера можно почерпнуть в мемуарной книге искусствоведа Михаила Германа, старшего сына писателя Юрия Германа, «Сложное прошедшее». Вспоминая детство, Михаил Герман с огромной нежностью говорит о матери («ею начинался и заканчивался мир»), Людмиле Владимировне, урожденной Рейслер, родной сестре Александра Владимировича Рейслера. Рассказывает Михаил Герман и про деда: «Владимир Павлович Рейслер родом из мелкого служилого остзейского дворянства, натурализовавшегося в Петербурге, кажется, при Анне Иоанновне. Инженер-путеец, отличный специалист (он окончил Институт путей сообщения одним из первых), фанатически честный, недалекий и педантичный, он был монархистом, но Николая II, как большинство здравомыслящих профессионалов, не любил и стояние на последней площадке царского поезда, обязательное для начальника дороги во время “проезда высочайших лиц по вверенному ему участку”, равно как и получаемые вслед за тем столь же обязательные часы или табакерки с бриллиантами воспринимал как унижение. <…> На детей он страшно кричал, сам их лечил: чем бы ни заболевали, заставлял принимать касторку»[87].

В начале своей карьеры Владимир Павлович Рейслер служил в Управлении Вильно-Ровенской и Пинской, а затем — Полесской железных дорог (с 1901 года стал начальником Управления). Поэтому в деле А.В. Рейслера и будет указано место рождения — Вильнюс.

О служебной карьере деда и о его жизни в послереволюционное время Михаил Герман сообщает следующее:

«Перед революцией дед стал уже начальником, кажется, Московско-Курской дороги, тайным советником с двумя звездами, ждал “действительного тайного” и “Александра Невского”. Вместо этого случилась Февральская революция, и ему предложили место товарища министра путей сообщения во Временном правительстве. Он решительно отказался: “Я присягал государю императору” (это при всей нелюбви к Николаю II!)”. Его посадили. А большевики выпустили как “жертву Временного правительства”. Тайного советника, кавалера и монархиста.

Дед был вполне аполитичен, а может быть, не слишком хотел задумываться: с Дзержинским в бытность того народным

комиссаром путей сообщения стал охотно работать — нравилось, что “большевики восстанавливают железные дороги”»[88].

Действительно, Ф.Э. Дзержинский, заняв в 1921-м пост наркома путей сообщения, возвращал к работе профессионалов из «бывших». И в середине 1920-х Владимир Павлович Рейслер занимал немалую должность — был председателем Петроградского окружного комитета по перевозкам, то есть начальником Петроградского округа путей сообщения.

В семье было три сына и четыре дочери. Известно, что одна из дочерей закончила с золотой медалью консерваторию. Сыновья пошли по инженерной специальности. Старший Георгий (Юрий), как и отец, закончил Институт инженеров путей сообщения. Сразу после революции эмигрировал. Через Бессарабию и Германию добрался до Америки. Был действительным членом Общества русских инженеров в США и одновременно членом епархиального совета и старостой Святоотеческой церкви в Нью-Йорке.

Владимир Павлович Рейслер, «избежав неминуемой расправы», умер в Ленинграде в 1930 году.

Бывшая отцовская квартира на Васильевском острове (Малый пр-т, д. 1, кв. 29) давно уже была коммунальной. В одной из комнат жила со своей семьей Людмила Владимировна, в другой — ее брат Александр Владимирович с женой Марией Федоровной и сыном Орестом. Средства к существованию давал личный заработок его как заведующего отделом сбыта на телефонном заводе «Красная Заря».

К сожалению, ничего не известно о том, как рос Александр, в какой школе он учился. Вероятно, институт по какой-то причине не закончил (на допросе он скажет, что образование имеет среднее).

На заводе «Красная Заря» Александр Рейслер познакомился с Михаилом Бронниковым.

Михаил Юрьевич Герман написал в своей мемуарной книге: «А с дядьями расправились. Александра (дядю Шуру) арестовали в начале тридцатых по делу какого-то литературного объединения»[89].

Сегодня мы можем сказать точнее: это был кружок под названием «Бодлеровская академия». Участники кружка — четыре представителя технической интеллигенции: М. Бронников, П. Азбелев, Б. Ласкеев и А. Рейслер. Собирались у Бронникова, в доме № 25 по 10-й линии Васильевского острова. Похоже, никто из них, за исключением самого руководителя объединения — Михаила Бронникова, не был знаком с работой других кружков.

Само название — «Бодлеровская академия» — свидетельствует о подчеркнуто эстетской направленности этого

объединения. М. Бронников на допросе показал:

Из этих лиц под своим руководством я организовал группу, носящую название «Бодлеровская академия», по имени буржуазно-дворянского поэта-упадочника Бодлера… Все названные лица пишут стихи, которые как по форме, так и по содержанию не могут быть напечатаны в советских условиях. Некоторый процент их произведений посвящен политическим вопросам, трактуемым с антисоветской точки зрения. Политические и социальные установки их творчества враждебны современности.

Заведующий отделом сбыта завода «Красная Заря» Александр Рейслер, исправно исполняющий свои служебные обязанности, на одном из собраний «Бодлеровской академии» читал свою прозу — повесть «Голодный вечер»:

«В этот вечер 1919 года тусклый осенний туман волочился по улицам Петрограда. Редкие прохожие, встречаясь в мутно-серой мгле, обменивались недружелюбными взглядами и уже издали начинали обходить друг друга. На их лицах, странно просветленных от полуголодного существования, лежала печать подозрительности и озлобления. Было видно, что голодал не только желудок, а весь организм, каждая его клетка, что в душе была ожесточенная ясность, надорванность и пустота…»[90]

Один из этих прохожих, бывший офицер Лев Игнатьевич Бартеньев, завернул на Пантелеймоновскую улицу. Он шел к своему бывшему денщику, а ныне портному и члену домового комитета бедноты Петру Ивановичу Петрушину. Шел к нему, надеясь поменять у него на продукты свою офицерскую шинель. И далее перед слушателями повести предстает сцена унижения Бартеньева. Петрушин разговаривает с ним нарочито заискивающим, а по существу наглым тоном. Он не торопится дать ему за шинель съестное. И во время всего разговора Лев Игнатьевич от запаха сала постоянно глотает слюну. В комнату неожиданно входит та, кого он когда-то любил, но не смел признаться ей в этом — Ольга, жена его друга, офицера, зверски убитого Петрушиным. Теперь она петрушинская сожительница, продавшаяся ему за еду для своей 15-летней дочери Зиночки. С Зиночкой Петрушин намерен венчаться. Торжествуя, сообщает он об этом Бартеньеву и уходит… Озверевший от голода и унижений, Бартеньев насилует Ольгу — женщину, которую он в прошлой жизни боготворил…

20 марта 1932 года пришли за Александром Владимировичем Рейслером («1896 г. р., из дворян, сын действительного статского советника»). Через два дня был первый допрос. Дело вел уполномоченный 4-го отделения СПО Бузников А.В. поочередно

со следователем Федоровым.

Из протокола допроса от 28 марта 1932 г.

В нелегальный антисоветский кружок «Бодлеровская академия» я вошел в 1928 г. Кружок, состоящий исключительно из инженерно-технических работников, возглавляемый Бронниковым, собирался до моего ареста регулярно. На собраниях кружка мы зачитывали и обсуждали наши антисоветские произведения, в которых полностью отображалось наше политическое мировоззрение. Характеристика моего творчества достаточно ярко иллюстрируется следующими моими произведениями:

1. «Красный гром», в котором рисуется Красная армия в эпоху Гражданской войны, является пасквилем. В этом произведении путем концентрации отрицательных моментов во второстепенных участниках, я дал картину грабежа, насилий, поджогов, которые производились Красной армией в момент вступления в усадьбы, города, деревни и т. д. Мои описания Красной армии во время Гражданской войны ничем не отличаются от описаний белой прессы.

2. «Голодный вечер» — задачей этого произведения под маской эротики являлся показ бедственного положения бывших людей, находящихся в Советском Союзе, с целью вызвать у читателя сожаление к ним.

3. «В зимнюю ночь» — в этом рассказе показом разложившегося рабочего, жена которого под влиянием изнасилования становится проституткой, я хотел показать нравственное и бытовое состояние рабочего класса в СССР. Эта вещь, как и все остальные, является поклепом на советскую действительность и должна была вызвать ненависть у читателя к существующему строю.

Рукопись повести А.В. Рейслера «Голодный вечер», конфискованная у него при аресте, сохранилась в архиве ФСБ. Другие же его произведения — повесть «Красный гром», рассказ «В зимнюю ночь» — канули безвозвратно…

На допросе 9 апреля А.В. Рейслер говорил о политической позиции членов «Бодлеровской академии» — приверженцев демократической республики («Красная армия в период столкновения с врагом окажется быстро деморализованной, так как крестьянину — основному контингенту армии — в будущей войне нечего будет защищать»), об их убеждении в «высокой и ведущей роли русской интеллигенции», об их пораженческих

настроениях («интеллигенция в настоящий период… не в силах организованно, без внешней помощи бороться против советской власти)».

Вероятно, под давлением следствия сказал:

Успехи советского строительства перерабатывали меня и увлекали: полностью и целиком стать на рельсы советской действительности мне не давало мое участие в антисоветском кружке «Бодлеровская академия». Я понимаю теперь, что моя двойственность нетерпима в современных условиях, и сурово осуждаю себя за нее.

Из обвинительного заключения

Азбелев Павел Петрович, Рейслер Александр Владимирович, Ласкеев Борис Федорович:

а) будучи монархистами и сторонниками вооруженной интервенции по убеждению и авторами к-р литературных произведений, состояли членами фашистского кружка «Бодлеровская академия»;

б) вели монархистскую и пораженческую а/с агитацию и пропаганду путем распространения собственных к-р литературных произведений и устных выступлений.

Означенные преступления пред. ст. 58–10 УК.

Виновными себя признали.

Приговор: лишить А.В. Рейслера права проживания в 12 п.п. и Уральск. обл. сроком на 3 г., с 20.03 с прикреплением <к определенному месту жительства>.

По воспоминаниям его племянника М.Ю. Германа, А.В. Рейслер через несколько лет вернулся в Ленинград. «Когда на заводе заговорили о повышении и стали “оформлять секретность”, выяснилось, что в его “деле” существует пометка о запрете жить в столицах и крупных городах. <…> Александр Владимирович поспешно уехал в Орел. Там несколько времени спустя его вновь арестовали и вскоре расстреляли»[91].

Из Книги памяти Орловской области: «Рейслер Александр Владимирович. Родился в 1896 г. в г. Вильнюсе; диспетчер завода. Проживал в г. Орле. Арестован в 1937 г. Приговор: расстрелять».

К сожалению, более подробных сведений мы пока не имеем.

Его сестры — Ольга, Юлия, Мария — погибли в блокаду, брат Глеб «сгинул в войну», брат Юрий умер в 1965-м в Нью-Йорке.

Азбелев Павел Петрович
«И будет юный внук из нас / Лепить свои кувшины»

Из протокола допроса

21 марта 1932 года я, уполномоченный СПО А. Бузников, допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Азбелева Павла Петровича, 1900 г. р.; сын личного дворянина, отец — генерал-майор царского флота; проживающего в г. Ленинграде, 1-я улица Деревенской Бедноты, д. 5, кв. 3; место службы: экономист ЦНИГРИ[92]. Женат, жена Татьяна Ивановна Рыталова, мальчик Петр и дочь Татьяна, новорожденная. Отец — Петр Павлович, служащий, завод «Пирометр».

Показания по существу дела:

Будучи выходцем из классово-враждебной современности дворянской среды, проникнутой национально-националистическими идеями, я до самого последнего времени оставался идейно враждебным к современной политической системе. Эта враждебность воспитывалась и поддерживалась во мне близким общением с такими же по социальному происхождению и политическим устремлениям людьми, представлявшими замкнутый и наглухо отгороженный от современности круг. Чаще всего и систематически я посещал М.Д. Бронникова, на квартире которого происходили организованные литературные собрания, посещавшиеся помимо меня и Бронникова еще Ласкеевым и Рейслером. Все вместе мы составили литературную организацию, носившую антисоветский характер, поскольку она представляла собою отгородившийся от современности кружок, занимавшийся собственным творчеством, враждебным современности. Политические беседы, происходившие на наших собраниях, свидетельствовали об <…> наших политических установках. Такова одна из деталей моей жизни и деятельности, определяющаяся моим прошлым и моим политическим мировоззрением, проникнутым духом национализма. <…>

В архивных материалах ФСБ (дело П-74002) есть папка, где подшиты листы с рукописями, конфискованные при арестах участников «фашистских контрреволюционных» кружков. Подшиты небрежно, без указания авторов. Просто собраны в кучу.

И среди них мы нашли такое элегическое печально-

ироничное стихотворение.

О, не сетуйте, друг мой, что я не пришел к вам опять, —
Я и рад бы прийти в ваши легкие девичьи сети, —
Я опять не успел, я минуты не мог рассчитать:
Вечно мучиться временем — вот моя доля на свете.

Не нужда заставляет, а точит меня изнутри,
Как дневная бессонница, вечная жажда науки:
Столько надо нам знать, что, трудясь от зари до зари,
Перелистывать книги подчас утомляются руки.

Нас немало таких: как мы спешно, как скудно живем,
Горький век иссушил нас, мы предков беднее страстями:
За два года, что с вами я холодно, бегло знаком,
Мой отец бы влюбился, мой дед обвенчался бы с вами.

Только время мы чувствуем остро. Как явственно бьют,
Как нам резко стрекочут десятые доли мгновенья!
Все текут, утекают песчинки жестоких минут —
Проживешь, не успеешь, все кончится — смерть и забвенье!

1923

Узнать имя автора удалось практически случайно, когда открыли выпущенный в 1927 году издательством «Academia» малым тиражом поэтический альманах «Ларь». Там известные имена (К. Вагинов, П. Лукницкий, В. Мануйлов, Л. Попова, В. Ричиотти, Вс. Рождественский, Н. Тихонов, Н. Чуковский) и имена забытые. Среди последних — Павел Азбелев. Два его лирических стихотворения предваряются посвящениями: «З.К.Н.».

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, кто скрывается за этими буквами. Вряд ли узнаем, кем автор с нежностью любуется:

…Над шахматной доской
Ее рука, открытая до локтя,
Стройна и плавна, как лебяжья шея,
Клюет, сгибаясь, черные фигурки…

О жизни Павла Азбелева нам доступны только скупые сведения. Родился он в 1900 году. Рос в дворянской семье, тесно связанной с российской историей, с российским флотом, с техническим прогрессом и не чуждой литературе.

Род его матери берет начало от приглашенного Петром I для укрепления молодого русского флота голландского шкипера Геркена, отличившегося в битве при Гангуте, за что был произведен в офицеры и получил российское потомственное дворянство. Дед с материнской стороны Геркен Федор Алексеевич был контр-адмиралом, участвовал в обороне Севастополя, позже водил эскадры Балтийского флота по Тихому океану.

Отец Азбелев Петр Павлович — генерал-майор по Адмиралтейству, на фрегате «Память Азова» плавал на Дальний Восток. Одно время командовал крейсером «Аврора». Был одним из первых российских специалистов в области электрооборудования кораблей. В 1909-м вышел в отставку и принял пост директора-распорядителя акционерного общества электромеханических сооружений, стал членом Комиссии по организации сборов на развитие военного воздушного флота.

Брат отца Николай Павлович Азбелев, тоже генерал-майор по Адмиралтейству, состоял в Русском астрономическом обществе, выступал с публичными лекциями, был сотрудником журнала «Современный мир», писал приключенческие романы для подростков, занимался популяризацией зарубежной литературы. Его переводы из Киплинга опубликованы под редакцией И. Бунина в издании «Библиотека иностранных писателей». Другой брат отца Иван Павлович Азбелев был директором Северного пароходного общества, способствовал развитию в России морского транспорта, оставил Заметки о путешествии в Японию и Корею.

Жил Павел Петрович Азбелев в доме 5 по улице, которая до революции звалась Дворянской, а после революции — 1-й улицей Деревенской Бедноты. В детстве летние месяцы проводил на даче в Финляндии.

Внук его и полный тезка, российский историк, археолог, научный сотрудник Эрмитажа Павел Петрович Азбелев рассказал: «Дед в 1918 году закончил *Petrischule*, поступил в университет, на юридический факультет, но был мобилизован и, кажется, участвовал в Польском походе. После демобилизации восстановился в Университете на факультете общественных наук, окончил его через два года. Параллельно учился в Институте истории искусств, но окончил ли его или бросил — неизвестно».

Однако в материалах ГИИИ Азбелев Павел Петрович в декабре 1921-го уже числится научным сотрудником второй

категории разряда истории словесных искусств.

В 1922-м в Институте весело отмечали двухлетний юбилей факультета словесных искусств[93]. Зачитаны были шуточные стихотворные приветствия.

Б.М. Эйхенбаум:

В дни голода, тревог, печали,
Расстрелов, обысков и бед
Мы как-то раз образовали
Искусств словесных факультет…

…И вот объявлено начало:
Мороз пять градусов, и пять
Учеников собралось — мало,
Но избранные, так сказать.

Был Фиш, был Азбелев, Коварский —
Какие имена славней?
Мы угостили их по-царски
Методологией своей…
<…>

Пройдет еще пять лет — и метод
Наш постареет, как и мы:
Таков закон железный этот,
Из царства света в царство тьмы.

Но — Азбелев, Коварский, дамы!
Клянитесь все сегодня в том,
Что будем умирать когда мы,
Вы, будущие папы, мамы
И на кафедрах наши замы,
Вы издадите для рекламы
Воспоминаний целый том.

Б.В. Томашевский:

…Да здравствуют действительные члены
И научные сотрудники,
Добывающие ценности нетленные
В словесных рудниках.

Жирмунский, Пересту, Гофман,
Азбелев, Коварский, Бахмутова —
С вами не страшен гнев врагов нам…
<…>
Кто хочет стать гением —
К Шкловскому за сюжетостроением…

Воспоминаний П.П. Азбелев написать не успел — помешало неожиданное «сюжетостроение» его собственной жизни.

В том же 1922 году он был впервые арестован (что явилось поводом к аресту — неизвестно) и приговорен военным трибуналом за антисоветское оскорбление суда к шести месяцам заключения.

Но после освобождения некоторое время продолжал деятельность в области развития российской словесности. Об этом свидетельствует сохранившаяся в семейном архиве рукопись его статьи «Говорите по-русски» (по поводу иностранных слов в русском языке), датированной 24 сентября 1923 года.

П. П. Азбелев ратовал за очищение русского языка от излишних иностранных вливаний. Делился своими наблюдениями о том, как порой чужое непонятное слово трансформируется необразованными носителями языка: «Чтобы усвоить слово, надо отдавать себе ясный отчет в его значении. Вот отчего народ старается иногда осмыслить их для себя тем, что, искажая, подгоняет их под знакомые русские слова. Так образовались, например, “миродер” вместо “мародер” французского слова, “артеллерия” (от слова “артель” — то, что целую артель побить может), “секуция” от слова “сечь” вместо “экзекуция”, и т. п. (явление т. н. народной этимологии). Такое осмысление, удачное или неудачное, есть, несомненно, проявление народного творчества, угадывающего и преобразующего непонятное в понятное, сообразно мыслям и представлениям народа. Тем более творческим действием является такой случай, когда от старого слова образуется новое, когда старый ствол, корни которого лежат глубоко в народном сознании, дает новый, небывалый еще побег».

Высказывал наивные суждения о необходимости вытеснения из русского языка иностранных слов путем замены их специально образуемыми русскими словами: «напр., автомобиль — самоход, элеватор — зерносып и т. д.». Призывал заниматься словотворчеством в этом направлении: «Каждый, кто желал бы содействовать очищению русского языка от иностранных слов,

должен следить прежде всего за тем, что он сам говорит, что он сам пишет. Если он найдет действительно удачную замену для того или иного иностранного слова, то этой находкой рано или поздно, м. б., даже бессознательно воспользуется другой, и это слово станет достоянием многих».

Со справедливой страстью утверждал, что «от будущности нашего великого языка зависит, надо понимать, не только будущность народного образования, но и в значительной мере судьба всей нашей культуры».

Однако уже с середины 1920-х годов П.П. Азбелев работает экономистом в ЦНИГРИ. В 1927-м в поэтическом альманахе «Ларь» появляется его первая и единственная публикация. Возможно, в одном из напечатанных там стихотворений он пытается передать собственное душевное состояние:

Средь грузных книг, за мраморной доской
Чернильницы сидит бухгалтер старый.
Рядами цифр текут пред ним товары,
Мешки с пшеницей, рожью и мукой.
И все кругом — порядок и покой:
Колонкою встает наличье тары,
Как струны прозаической гитары
Позвякивают счеты под рукой.
Скрипит перо; темнеет; бьет четыре.
Пора домой. В натопленной квартире —
Обед, жена, под вечер — преферанс…
Так день за днем.
О большем он не бредит:
Неделя в Дебет, воскресенье — в Кредит,
И жизнь ясна, как чистовой баланс.

В июле 1927 года был арестован и полгода провел за решеткой его отец Петр Павлович Азбелев, в то время старший инспектор одного из ленинградских проектных институтов. Брата отца Ивана Павловича Азбелева арестовали в феврале 1930-го, в апреле 1931-го расстреляли.

В этом же, 1931, году у Павла Петровича Азбелева и его жены Татьяны Ивановны (урожд. Рыталовой) уже двое детей: трехлетний сын Петр (будущий историк и этнограф) и новорожденная девочка — Татьяна.

П.П. Азбелев свое время делил между семьей, службой в ЦНИГРИ, поэтическим творчеством и участием в возглавляемом

М.Д. Бронниковым кружке «Бодлеровская академия». Раз в две недели, обычно по вторникам, он проводил вечер на Васильевском, дома у Михаила Дмитриевича Бронникова.

20 марта 1932 года был арестован.

Последующие допросы вел следователь А. Федоров.

Из протокола допроса от 30 марта

Антисоветский литературный кружок «Бодлеровская академия» организовался только в 1928 г. В кружок входили Бронников, Ласкеев, Рейслер и я — Азбелев. Собрания кружка протекали все время регулярно — один раз в две недели по вторникам. Собирались постоянно на квартире у Бронникова, который знал заранее о днях наших встреч и устраивал наши собрания изолированно от присутствия его знакомых и родных. Такая изолированность давала нам возможность безбоязненно читать наши антисоветские произведения и вести беседы также в антисоветском направлении. На наших собраниях мы читали свои произведения, критиковали их, при этом старались обыкновенно для каждого члена кружка отвести специальный день. В дни, когда мы не читали своих произведений, устраивали читки и разбор творчества главным образом иностранных авторов. Чтение произведений иностранных авторов с советской тематикой в силу наших политических убеждений на наших собраниях не производилось, и если со стороны некоторых членов кружка это начинало практиковаться, то остальные резко восставали против этого и сразу же такое чтение прекращали.

Существование нашего кружка помимо предоставления возможности чтения произведений… направляло идейно наше творчество и укрепляло его в антисоветском направлении. Будучи политически враждебно настроенными по отношению к современности, мы не давали никаких возможностей к переходу отдельных членов кружка на позиции хотя бы и близкие в творческом отношении современной тематике. Мое творчество является антисоветским. В силу своих политических убеждений я в творчестве не мог подойти близко к советской действительности, так как она мною не воспринималась и была мне враждебна.

В силу этого для своих произведений я брал темы и мотивы, традиционные для прошлого. Моей задачей являлись отрыв читателей от современности и перенос его в прошлое, где все так было хорошо и было мне близко. Из этих же политических убеждений и исходило мое увлечение формой и культивирование

реакционного лозунга «Искусство для искусства». Из моих произведений антисоветской направленности могу назвать следующие: «Ода театру», «Навзикая», «Гафиз», «Корнет» и другие[94].

Из протокола допроса от 31 марта

Будучи во время империалистической войны патриотически и монархически настроенным под влиянием высшей морской среды, из которой я происхожу, а также под влиянием школьного воспитания в духе национализма, я встретил Октябрьскую революцию враждебно, считая, что она поведет страну к полной разрухе. Эти мои политические убеждения и моя враждебность к советской власти наиболее сильно оставались до 1921–1923 года. В период нэпа, когда имелось налицо восстановление частной собственности, я несколько уменьшил свою враждебность, т. к. увидел, что партия и Советская власть вынуждены идти на уступки и что это приведет к гибели советской системы управления страной и реставрации прошлого. Ликвидация кулачества, курс партии на индустриализацию и вообще политика партии последних лет вызвали во мне озлобленность, т. к. я понимал, что это ведет к укреплению существующего строя, а тем самым отдаляет возможность возврата прошлого. Продовольственные затруднения, ухудшение материального положения населения еще больше укрепили меня в необходимости возврата старого, так как я считаю, что своей политикой Советская власть и партия ведут к обнищанию России и ухудшению материального и культурного положения населения. Исходя из этих моих политических убеждений и считая, что внутренними силами невозможно совершить переворот к прошлому, я считал, что в предстоящей войне мы должны потерпеть поражение, и таким образом воюющая с нами сторона могла бы восстановить у нас прошлый строй. Как я уже ранее и показывал, политические убеждения нашли полное отражение в творчестве…

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года Павел Петрович Азбелев был лишен права проживания в 12 п. п. и Уральской обл.

П.П. Азбелев выбрал для проживания Липецк. Туда к нему приехала жена с детьми. В 1935 году, после окончания трехлетнего срока высылки, семья перебралась в Кировск на Кольский полуостров. Родился младший сын — Владимир.

В Кировске жил и ссыльный М.Д. Бронников. По

воспоминаниям внука Азбелевых, его бабушка, жена Павла Петровича Татьяна Ивановна, всю жизнь считала Михаила Дмитриевича Бронникова виновным в несчастьях своей семьи.

В 1935 году были репрессированы и отправлены в ссылку родители Павла Петровича (Петр Павлович и Елизавета Федоровна Азбелевы), а также его брат Федор Петрович и его сестра Нина Петровна Богатноу с сыном Никитой.

В начале войны Павла Петровича Азбелева вызвали в органы, велели убраться из прифронтовой полосы, и семья переехала в город Мелекесс Ульяновской области.

В августе 1941-го П.П. Азбелева мобилизовали. В 1944 году семью известили, что он погиб на фронте еще в ноябре 1941-го, на 42-м году жизни.

…Мы все умрем в урочный час,
Истлеем в комья глины,
И будет юный внук из нас
Лепить свои кувшины[95].

Ласкеев Борис Федорович
Никто никогда не прочтет ни «Инфелико-Сумм», ни «Рон-Соваль»

Про члена «Бодлеровской академии» Бориса Федоровича Ласкеева известно крайне мало.

Родился Борис Ласкеев в семье потомственного духовенства. Дед, Михаил Иванович Ласкеев, был священником Покровской церкви села Югостиц Лужского уезда. Сыновья о. Михаила Ласкеева закончили Петроградскую духовную академию. Федор Михайлович Ласкеев служил в различных храмах Санкт-Петербурга, преимущественно в храмах военного ведомства. В год рождения сына Бориса (1899-й) он был настоятелем церкви Святого Благоверного князя Александра Невского при 145-м пехотном Новочеркасском императора Александра III полку, на Малой Охте. В революционное и в послереволюционное время он — священник Адмиралтейского собора во имя Св. Спиридона Тримифунтского, находящегося непосредственно в Главном здании Адмиралтейства. В годы Красного террора погибли два его брата. В конце 1919 года Адмиралтейский собор был закрыт, и о. Федор Ласкеев служил теперь в Николо-Богоявленском соборе, который из ведения Гвардейского экипажа был переведен в разряд приходских церквей.

Борис Ласкеев по стопам деда, отца и отцовских братьев идти не пожелал и семнадцати лет поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения. Институт успешно закончил, работал в дорожном отделе Леноблтранса, с 1930-го — в проектно-изыскательной конторе «Ленпроектдор». Женился, жил с женой и сыном на Петроградской стороне (ул. Корпусная, д. 24, кв. 23). Однако уже с середины 1920-х вел и тайную жизнь.

Следователь А. Бузников записал за Ласкеевым в протоколе допроса:

В 1924 г. я входил в кружок, который работал при больнице Толстого. Кружком руководил работник больницы Ренникова. В кружок, помимо меня, входил Бронников М.Д., Заинский, Тимофеев и другие поэты и музыканты. Кружок за антисоветское направление был в том же году разогнан.

К сожалению, мы ничего не знаем о кружке «при больнице Толстого». Мы даже не знаем, о какой именно больнице идет речь. Может быть, имеется в виду Первый ленинградский медицинский институт (бывший Петроградский женский медицинский институт), расположенный на улице Льва Толстого?

Ничего не говорят нам и упомянутые в протоколе имена участников (кроме, естественно, М.Д. Бронникова). Неизвестно и содержание работы кружка. Очевидно только, что было оно связано с поэзией и музыкой. Что привело Бориса Ласкеева в кружок — и об этом тоже у нас нет никакой информации.

Зато теперь ясно, что именно в этом кружке еще в 1924 году Ласкеев познакомился с Михаилом Дмитриевичем Бронниковым. После разгрома кружка они на несколько лет потеряли друг друга из виду, встретились случайно в 1928-м (1929-м?), и Бронников пригласил Ласкеева в созданную им «Бодлеровскую академию», куда входили Александр Рейслер, зав. отделом сбыта завода «Красная Заря», и экономист геологоразведовательного института Павел Азбелев. Собирались регулярно на квартире Бронникова.

Арестован Б.Ф. Ласкеев был 20 марта 1932 года, одновременно с П.П. Азбелевым и А.В. Рейслером.

В отредактированном следователем Бузниковым протоколе первого допроса члена «Бодлеровской академии» Бориса Ласкеева читаем:

Мое вхождение в вышеназванную ассоциацию обуславливалось моим мировоззрением: я сторонник крайней идеалистической философии, утверждающей существование высшего духовного существа.

28 марта допрос вел помощник Бузникова А. Федоров. Не особо заботясь о стилистической грамотности протокола, Федоров записал за Ласкеевым:

В кружок входили исключительно лица из круга инженерно-технических работников. Политической задачей руководства кружка являлось проникновение в среду технической интеллигенции, втягивание в кружок и антисоветское разложение, используя для этого искусство, в частности, литературу как средство. Достигалось это путем отрыва членов кружка, занимавшихся, помимо своей специальности, также и литературой, от советской тематики и пролетарского метода в творчестве, насыщая его антисоветским содержанием, чтением на регулярных собраниях круга своих и чужих контрреволюционных произведений.

<…> Характерными примерами антисоветского творчества члена кружка Рейслера являются следующие произведения: «Голодный вечер», рисующий тяжелое положение б. офицера, вынужденного продавать свою последнюю одежду б. своему унтеру. Произведение «Красный гром» рисует зверства Красной армии при занятии территории во время Гражданской войны. Красная армия насилует беззащитных жителей, убивает их, поджигает их дома. Показ рабочего класса носит фашистский

характер. В его произведении «Зимняя ночь» рабочий класс Советского Союза рисуется как сборище насильников, беспробудных пьяниц, проституток.

Творчество Азбелева и мое было антисоветским. Наши произведения были направлены на отрыв читателя от современной советской действительности и перенос его в эпоху расцвета дворянства и монархизма. Как примеры моих антисоветских произведений могу указать на следующие: «Инфелико-Сумм», «Рон-Соваль» и все мои новеллы.

Из показаний Рейслера:

Поэтическое творчество члена кружка «Бодлеровская академия» Ласкеева является антисоветским. Свои произведения он насыщает жалостью и стремлением возврата к прошлому величию дворянства. Ярко может охарактеризовать его политическое кредо поэма «Лениополь», в которой он воспевает самодержавный абсолютизм как лучшую и единственно приемлемую форму государственного устройства.

К сожалению, мы не имеем ни малейшего представления о большинстве этих произведений. Конфискованные во время ареста их авторов, в архивах ФСБ они не обнаружены. Мы так никогда и не узнаем, о чем они, и никто никогда не прочтет романы с необычными названиями «Инфелико-Сумм», «Рон-Соваль».

Б.Ф. Ласкеев обвинен был по ст. 58–10 УК как «монархист, сторонник вооруженной интервенции, автор контрреволюционных произведений, член фашистского кружка “Бодлеровская академия”». Виновным себя признал.

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года был лишен права проживания в 12 п. п. и Уральской области, прикреплен к определенному месту жительства.

К какому именно — нам неизвестно. Неизвестно и как сложилась дальнейшая его судьба.

Отец Б.Ф. Ласкеева, священник Никольского собора о. Федор Ласкеев, в 1934-м успел увидеть, как с колокольни собора снимали колокола, а в 1935-м он был выслан из Ленинграда. Куда — тоже неизвестно. Жена Б.Ф. Ласкеева Маргарита Иосифовна умерла в блокаду, в 1942-м. Похоронена на Пискаревском кладбище. Ничего неизвестно и об их сыне Александре.

Крюков Алексей Алексеевич
«Я последний израненный рыцарь…»

Все, кто шел по делу «О молодежных контрреволюционных кружках и антисоветских салонах», конечно, Советскую власть не жаловали. Но большинство из них не были и ее активными врагами: просто от навязанной им формы существования пытались урвать время для существования параллельного — для общения друг с другом и с искусством, для собственного творчества, для сугубо частной жизни. С ними за это и расправились.

Но Алексей Крюков советскую власть ненавидел, ненависть свою не скрывал — более того, откровенно ее демонстрировал. Неуравновешенный, склонный к фантазиям, он кичился своими корнями, порой вел себя вызывающе, даже опрометчиво, но, встречая сопротивление, сникал, был раним, наивен и инфантилен. При всем при этом способен был к самоанализу. Запертый в камере, он станет торопливо писать о себе, вероятно, надеясь, что читающим непременно будет интересен, что поймут его исключительность: «…Я вообще из тех, кто вечно мечется, чего-то ищет и ничего не находит… был бы я по меньшей мере неблагонадежным и при царском режиме… не нашел бы я удовлетворения и за рубежом. И еще такие моменты: во мне всегда было стремление быть первым, много было честолюбия, желания выдвинуться, чем-то прошуметь, что-то от Андрея Болконского».

Действительно, самый молодой из идущих по данному делу, он еще и остро чувствовал собственную невзрослость. Заполняя анкету арестованного, в графе «Чем вы занимались до 1917 года» крупным детским почерком написал: «Ребенок».

Арестовали Алексея Крюкова утром 15 февраля 1932 года. Два дня назад ему исполнилось 23 года. Год назад он как одногодичник был призван в армию. А всего несколько минут назад его ознакомили с приказом о демобилизации. Возможно, он собирался отправиться в Ленинград пешком, благо от Лисьего Носа до центра города всего немногим более 20 километров. К вечеру рассчитывал быть дома — там ждала мама. Но в ворота воинской части въехал автомобиль с номером ОГПУ…

В следственном деле А.А. Крюкова есть показания свидетеля (или доносчика?) красноармейца Жданова, секретаря ячейки ВКП(б) батареи:

Крюков при поддержке Волкова и других выступил на

политзанятиях с большой речью по поводу коммунистической партии и ее неправильного отношения и политики по отношению к беспартийным и интеллигенции. Он заявил, что партия зажимает активность беспартийных, в нашей стране и армии царствуют постоянные зажимы и принуждения. Крюков выступил с прямой контрреволюционной пораженческой агитацией на ряде батарейных собраний… На последних батарейных собраниях Крюков и Волков заявили, что они дворяне, что они находятся в оппозиции к Советской власти, что Советскую власть они защищать не желают и к этому же призывают сочувствующих им красноармейцев.

О жизни Алексея Алексеевича Крюкова можно было бы написать роман, по своему напряжению и даже сюжету сравнимый с «Графом Монте-Кристо» Александра Дюма. В этом романе нашлось бы место потере родительского состояния, смерти отца, неправедному аресту, предательству друзей, тюремному заключению, побегу под чужим именем (ни больше ни меньше, как под именем французского принца (?!)), и снова тюремному заключению, и снова… Только финал этого романа был бы совсем не похож на финал романа Дюма: гибель героя и торжество зла.

Он был единственным сыном пожилых родителей. Отец (тоже Алексей Алексеевич Крюков) в чине адмирала служил на Адмиралтейском судостроительном заводе Морского ведомства. Адмирал Крюков женился на Анне Евгеньевне, урожденной баронессе Люденгаузен-Вольф. Жили в огромной барской квартире, хозяйкой которой была мать Анны Евгеньевны, Анна Фоминична, вдова барона, генерал-майора, члена Совета министра государственных имуществ Евгения Ивановича Люденгаузен-Вольфа.

Алексей Крюков с детства твердо усвоил историю своего рода. Дворянский род Крюковых происходил от Салхомира-мурзы, в конце XVI века принявшего крещение. В начале XVIII века предок Алексея Крюкова по материнской линии был курляндским канцлером, а предка по линии отцовской, штабс-капитана Крюкова император Павел I собственным рескриптом представил в капитул Мальтийского ордена. Родственники деда, участники заграничного похода 1813 года, члены Южного общества, декабристы Александр и Николай Крюковы получили приговор по 2-му разряду — двадцать лет каторги…

На допросе Алексей Крюков собственноручно запишет для следователя поэтическое переложение собственной генеалогии:

…И от мурз, царедворцев Батыя,
Покоривших застойную Русь,
Не в Руси уже и не в России
Я ухватки былые беру.
Я не знаю — вот этот ли канцлер,
Или этот, мальтиец-прадед,
Дали мне эти тонкие пальцы,
Синих вен чуть намеченный след.
Или тот, декабрист и гвардеец,
Под Нерчинском дробивший руду,
Сделал так, что октябрьский месяц
Для меня самый гадкий в году…

Вскоре после Октябрьской революции адмирала А.А. Крюкова арестовали. На допросе Алексей Крюков скажет, что арест отца — одна из главных причин его враждебного отношения к Советской власти. В анкете при поступлении на курсы искусствознания Института истории искусств Алексей Крюков написал, что отец его умер в 1921-м. Своей ли смертью, или в застенках ЧК — нам неизвестно.

Кружки и салоны организации об'единялись на платформе борьбы за свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры.

Армейская ячейка КРЮКОВА А.А., проводившая поражеческую деятельность организационно и идейно оформилась на базе антисоветских салонов.

К.-р. организация ставила себе задачей подготовку из среды молодежи активных монархических кадров способных открыто выступить в случае вооруженной интервенции, или крупного восстания в стране.

Практическая антисоветская деятельность организации в целом заключалась:

I. В широком вовлечении в кружки и салоны искусствоведческой и литературной молодежи, преимущественно выходцев из бывшего дворянского сословия, с последующей политической обработкой вербуемых в духе фашистской политической программы.

2. В контр-революционной фашистской и монархической агитации и пропаганде, как среди членов организации, так и во вне ее:

а/ путем распространения философской и художественной фашистской литературы запада;

б/ путем нелегального распространения в руках большого количества собственных антисоветских философских и литературных произведений, пропитанных фашистскими и монархическими установками.

в/ путем создания и распространения рукописных антисоветских журналов: "Журнал без имени", "Альманах моих друзей", "Журнал с именем"

Брат отца Петр Алексеевич Крюков, полковник, кавалер ордена Святого Георгия, полученного в Первую мировую за

личную храбрость, ушел из России вместе с Белой армией через Константинополь, обосновался в Югославии. Сестра отца Екатерина Алексеевна Крюкова смогла выехать в Финляндию. Через Эстонию добрался до Франции брат матери Николай Евгеньевич Люденгаузен-Вольф, генерал-штаба армии Юденича. В Париже оказались и другие ее братья: полковник артиллерии Сергей Евгеньевич, Владимир Евгеньевич, бывший сотрудник Управления детскими приютами, а также сыновья ее сестры Марии, юристы и поэты братья Алексей Петрович и Владимир Петрович Опочинины, и сын брата Сергея шестнадцатилетний Борис, поступивший в Париже в военную школу Сен-Сир.

Сама она, Анна Евгеньевна, вдова адмирала А.А. Крюкова, осталась в Петрограде, в той самой квартире № 5 дома 150 по набережной реки Фонтанки. Вместе с ней — сын и три незамужних сестры, живущие в советское время под усеченной фамилией Вольф: Вера Евгеньевна, Антонина Евгеньевна, Лидия Евгеньевна[96]. Так мальчик и рос в окружении четырех пожилых женщин (мать родила его в 43 года). Ходил в ЕТШ (единую трудовую школу) № 34, каждое утро засветло — вдоль Фонтанки, через Египетский мост, по Лермонтовскому проспекту до проспекта Декабристов, а там уже — и переулок Матвеева. Выбрали эту школу, находящуюся столь не близко от дома, вероятно, по семейной традиции: до революции в ее здании располагалось училище при немецкой реформатской церкви, в котором, вполне возможно, когда-то, в прошлом, учились молодые бароны братья Люденгаузен-Вольф.

Жили почти впроголодь. Анна Евгеньевна попыталась где-то служить счетоводом, но была вскоре уволена по сокращению штатов. В справке, выданной жилищным товариществом[97] гражданке Крюковой, сказано, что «она действительно безработная, никакой торговли и других побочных доходов не имеет. Получает вдовью пенсию». Жалкие рубли приносили в дом тетки Лидия и Антонина — бывшие сестры милосердия, они устроились на работу рядом с домом: в регистратурах больниц, получивших названия по именам выдающихся советских политических и военных деятелей — Урицкого и Чудновского. Тетя Вера умерла.

Алексей Крюков в 1925 году окончил в 34-й школе полный курс I и II ступени, при чем обнаружил, как написано в справке, «достаточные познания и развитие по всем обязательным предметам». В этом же году подал заявление в приемную комиссию Государственных курсов искусствознания при Институте истории искусств: «Прошу принять меня в частном порядке на платную вакансию I курса отделения истории

словесных искусств». Отвечая на обязательный вопрос анкеты об участии в общественной работе, сообщил, что в школе «состоял классным старостой в 1922/23 годах, в 1924 — председателем старостата учащихся и членом бюро конфликтно-учетной комиссии»[98].

Был принят. Появился у него новый круг общения. Именно в Институте и познакомился Алексей Крюков с Любовью Юльевной Зубовой-Моор (она в эти же годы училась там же, но на отделении театрального искусства), стал посещать ее салон, где встретил Михаила Бронникова и прочих, с кем вместе и пойдет по делу.

На допросах следователь Бузников запишет за Крюковым:

С Л.Ю. Моор я знаком несколько лет, регулярно посещая литературно-музыкальные «воскресники», устраиваемые последней на своей квартире и которые посещались антисоветски настроенными музыкантами, начинающими литераторами и пр. В числе прочих я читал там свои антисоветские стихи, участвовал в ведущихся там антисоветских разговорах об искусстве, политике, философии и пр.

Но это случится позже, а пока, будучи студентом, постоянно чувствовал Алексей Крюков собственную материальную несостоятельность, которая грозила ему исключением из института. Обращался к руководству института с заявлениями: «Ввиду тяжелого материального положения прошу предоставить мне возможность бесплатного обучения. Мать безработная. Сам я никаких заработков не имею»; «даже минимально платить я решительно не в состоянии».

В 1927 году принес заявление от матери. Оно сохранилось в личном деле студента Алексея Крюкова, написанное каллиграфическим почерком, приобретенным, вероятно, на гимназических уроках чистописания:

Согласно постановления Комиссии платности сыну моему, студенту 2-го курса словесного отделения, назначена плата в размере 4-х рублей в месяц. Находясь в крайне тяжелом материальном положении, получая 14 рублей в месяц вдовьей пенсии, прошу освободить сына моего от платы. В прошлом году помогала тетка, которая в этом году платить отказывается, т. к. она подлежит увольнению и дослуживается до первых чисел ноября, и помощь племяннику не является обязательной для тетки. Не имею возможности заплатить даже за этот месяц, т. к. из 14 р. уделить 4 р. не в состоянии. Думаю, что Вы примете во внимание академическую успешность моего сына[99].

И все-таки еще два года пришлось невероятными усилиями доставать средства для продолжения образования. На четвертом

курсе А. Крюкова от платы наконец освободили.

Словесное отделение ГИИИ недаром считалось одним из сильнейших гуманитарных учебных заведений: там читали лекции и вели семинарии профессора В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Энгельгардт, Б.М. Эйхенбаум, В.В. Виноградов, В.Б. Шкловский и другие выдающиеся филологи. В 1928–1929 годах, занимаясь французским романтизмом и пушкинской прозой, Крюков посещал семинарий, которым руководил сорокалетний Б.М. Эйхенбаум, один из ярчайших представителей отечественного формализма.

Весной 1927-го студент словесного отделения Высших государственных курсов при ГИИИ А.А. Крюков был направлен на практику в издательство «Academia».

Но главное, что наполняло его жизнь, было его собственное творчество: он переводил, писал литературоведческие статьи, сочинял стихи. По воспоминаниям Л.Я. Гинзбург, в Институте истории искусств стихи писали все: студенты, преподаватели и даже вахтер.

В личном деле студента А. Крюкова собрана информация и о его общественной работе во время обучения в институте: староста курса, дежурство в читальне, дежурство в Теобюро (там, скорее всего, и произошло знакомство с Л.Ю. Зубовой-Моор) и подготовка статьи для студенческого сборника «Пять искусств». Конечно, в этом случае он не рассчитывал на заработок — лишь бы напечатали!

Вступительная статья к сборнику говорит, что само его название «Пять искусств» обусловлено изучением пяти различных отраслей искусства на 5-ти отделениях ВГКИ, что сборник возник целиком «по инициативе активного студенчества», что он предполагает стать периодическим и что ввиду небольшого объема первого его выпуска «редакция была лишена возможности поместить ряд статей и работ»[100]. Не поместился в сборник и материал Крюкова. А так как в следующем году началась по сути ликвидация ГИИИ, соответственно прекратилось и издание сборника «Пять искусств».

Мечту о публикациях Алексей Крюков не оставлял. Втайне от матери и теток он через живущую в Тифлисе Марию Евгеньевну Опочинину поддерживал связь с ее сыновьями — своими двоюродными братьями, белоэмигрантами. В 1932-м на допросе скажет, что для передачи им посылал в Тифлис «свои литературные произведения… получил отпечатанные на машинке на папиросной бумаге два антисоветских религиозных стихотворения, принадлежащих перу Алексея Опочинина». Судьба этих произведений неизвестна.

13 марта 1932 года не слишком грамотный следователь запишет за Крюковым:

Непосредственно за границу были переданы мною по почте переводы — мои на французский язык Гумилева и Ахматовой — во французский журнал «Нувель-Наркюр-Франсез» и статью о Пушкине — в «Ревю-де-литератор-кампане», а также в нью-йоркскую газету «Свирель Совтея», печатающуюся на русском языке и издающуюся Марией Александровной Бурлюк, свое дворянско-пацифистское произведение «Проклятие войне».

На что рассчитывал этот наивный мальчик, посылая свои крамольные произведения за границу по почте!

Попытаемся разобраться в самих адресатах.

Правильно: журнал *«Nouvelle Mercure de France»*. В 1925 году там появились переводы стихов Ахматовой в составе статьи: *«Chuzeville Jean. La Poå´sie russe de 1890 à nos jours»*[101]. Но нет оснований полагать, что эти переводы принадлежат Алексею Крюкову. Тем более что ему тогда только исполнилось шестнадцать лет.

В журнале «*Revue de littérature comparå´e*», основанном в 1921 году *Fernand Baldensperger et Paul Hazard*, статьи Крюкова нет.

В 1924-м вышел в нью-йорском «Издательстве М.Н. Бурлюк» (в протоколе допроса указано неверное отчество Марии Никифоровны Бурлюк, жены Давида Бурлюка — ошибка то ли следователя, то ли самого Крюкова) 1-й кооперативный сборник преимущественно футуристического направления «Свирель Собвея». В сборнике представлены были поэты, писатели, художники — в основном русские эмигранты, живущие в Америке. Открывался он девизом «В единении сила!». Произведения Крюкова и здесь нет. Вероятно, познакомившись с изданием «Свирель Собвея» 1924 года, он рассчитывал на публикацию своего «дворянско-пацифистского произведения “Проклятие войне”» в следующем его выпуске. Но больше этот сборник не издавался.

Произведения А.А. Крюкова (редкий случай) остались в материалах его следственного дела. Он добросовестно переписал их для следователя собственной рукой, возможно, рассчитывая на то, что встретит в его лице заинтересованного читателя. Попытался даже вступить со следователем в доверительно литературоведческую беседу об одном из своих стихотворений: «Написанное под влиянием странно скрестившихся в данном случае Альфреда де Виньи (французский романтик) и Мережковского, оно оказалось очень манерным и фокусно-надуманным, никогда мною нигде не читалось и приводится мною здесь лишь для полноты антисоветской грани моего

творчества». Приведем фрагменты тех его поэтических текстов, которые он сам ценил.

Проклятье войне

…Был вечер осени поздней и теплой,
Был сад, раскинувшийся над рекою,
Переполненный цветущими левкоями
На клумб ароматных копнах.
Они были тихи и задумчивы
Под деревом, где стояли носилки.
Снаряды с шипением чиркали
По редким рассеивающим тучам.
Она гладила руками его волосы…

Поэма «Актябрь»

…Я люблю все, что дышит ушедшим,
Все, что прошлого носит намек, —
Роковые турнирные встречи
Под шуршанье атласных знамен,
Времена, когда в залах Растрелли
Свет кенкетов ложился от свод,
Когда юный престолонаследник
Танцевал с моей бабкой гавот…

Что-то наивно мальчишеское есть в таком названии: чтобы подчеркнуть свою ненависть к этому месяцу, Алексей Крюков, как пояснил сам, «нарочно назвал ее <поэму> так, через букву “А”».

* * *

Да, я знаю, вы правы, меня не признавая,
Таким, как мне, не место на пиршестве
торжествующего хама,
В священной роще меж мраморными храмами
Затаена моего творчества звенящая наковальня.
…Не признаете, потому что вы меня боитесь,
Не пускаете в печать, потому что знаете,
Что мой первый же выход станет событием,
Что в свете моей славы, сразу прочной и длительной,
Сгорят все имена вашей сбродной шатии,
Эй вы, ЛОКАФы, Анны и ФОСПы[102],
Вы, монополисты поэзии пресной,
Помните — весь рев толпы многоголосой
Смолкает при державном окрике Кесаря…

С «толпой многоголосой» Алексей Крюков к 1930 году воочию столкнулся и в своем доме, и на первой самостоятельной работе. Привычный с детства, родной, просторный дом разрушался и наполнялся чужими людьми. Его, Алешу, жившего здесь с самого рождения, маму и тетушек «уплотнили». В квартире поселились теперь: ветеринарный инспектор, чертежница, работник торгового ларька, рабочие лакового завода и завода «Большевик», воспитательница детского очага, одинокий старик-пенсионер и несколько шумных детей…

Он привык ходить по городу пешком — в школу, в институт, в издательство «Academia». Теперь же на рассвете он спешил к остановке 25-го трамвая, брал его штурмом и, зажатый толпой, больше часа добирался до завода «Электросила», а дальше — своим ходом в конец Московского шоссе. Там было построено здание в стиле конструктивизма для школы заводского ученичества (ЗУ), где выпускник Высших государственных курсов искусствознания ГИИИ А.А. Крюков получил место учителя русского языка и литературы. Теперь наконец-то появился у него собственный заработок.

Его учениками были подростки, закончившие семилетку, торопившиеся приобрести рабочую специальность и совсем не настроенные изучать литературу. Да их этим особенно и не обременяли — именно за счет сокращения часов на общеобразовательные предметы срок обучения в школе ЗУ завода «Электросила» составлял всего полтора года.

Вряд ли молодой педагог Алексей Алексеевич Крюков сумел получить удовлетворение от работы с этими ребятами. Они с

равным недоумением слушали и его чтение произведений русской классики, и его стихи, и его рассуждения о несовершенстве окружающей жизни. А порой и вовсе не слушали, заглушая его речи своим многоголосьем. Несмотря на это, на допросе Крюков скажет о том, что его работа в школе «носила антисоветский характер».

Тогда на него не донесли. Может, просто не поняли, что он от них хотел.

Призванный одногодичником в армию, Крюков с присущей ему страстью подобную работу продолжал.

На допросе следователь запишет за ним:

Признаю, что, будучи в Красной армии, я вел сознательно антисоветскую деятельность, рассчитанную на разложение беспартийной и вообще политически неустойчивой массы красноармейцев, группируя вокруг себя наиболее близких мне политически красноармейцев, например, красноармейца Волкова, выходца из дворянского сословия, хорошо образованного человека, антисоветски настроенного, и привлекая и ведя за собой таких красноармейцев, как Афанасий, Власов, Белозеров и другие, которые еще нуждались в соответствующей антисоветской обработке, но которые уже поддерживали мои антисоветские выпады, в частности, разного рода протесты против распределений командования, саботаж занятий и нарядов и пр.

Крюков расскажет на допросах, что вел он антисоветскую агитацию и на учебных занятиях, и в казарме на отдыхе, что апеллировал к недовольству красноармейцев условиями их казарменной жизни, что объяснял преимущество отрубных форм[103] землепользования, агитировал за развитие кулацких хозяйств, выступал против коллективизации деревни, «выступал с обвинением против партии, зажимающей беспартийных интеллигентов… с обвинением красноармейцев в стадности и слепоте, назвав последних “баранами, слепо следующими за партией и командованием”», что подрывал авторитет командования и партийного руководства и систематически вышучивал командиров и парторганизатора Жданова.

Это тот самый Жданов, чьи свидетельские (или доносительские?) показания уже приводились выше. Жданов мстительно обличал Крюкова, не замечая, что невольно обнаруживает его достойные нравственные принципы:

Встречая сочувствие со стороны ряда беспартийных красноармейцев, Крюков говорил, что к Васильеву отнеслись бесчеловечно, что не дело красноармейцев предавать своего товарища, что если командование нашло необходимым наказать Васильева, то пусть это и делает, красноармейцы не должны были

втягиваться в это скверное дело.

На первых допросах Крюков с вызовом говорил о том, что сознательно «занял в отношении Советской власти и всего существующего режима в целом враждебную позицию. Свое политическое мировоззрение… выявлял в литературном творчестве… и в антисоветской агитации, которую проводил на работе и в последнее время в Красной Армии».

Но через две недели он свою задиристость потерял, ему вдруг стало страшно, и он сказал, что встает на «путь искреннего признания», что в дальнейшем обязуется «детализировать данные им показания».

В начале марта на допросах показания «детализировал» — добросовестно перечислил всех своих родственников за границей, перечислил красноармейцев, которых ему удалось убедить, и стал одно за другим называть имена. Назвал однополчанина Дмитрия Волкова, своего единомышленника. Назвал частых посетителей салона Л.Ю. Моор. В первую очередь — Бронникова Михаила Дмитриевича, «поэта-дилетанта и музыканта» (по поводу него Крюков в пылу этого своего «искреннего признания» рассказал, что Бронников «перестроиться, принять Советскую власть не сможет»). Затем вспомнил: Бокоговского, артиста и антрепренера, Вержбицкого Глеба Дмитриевича, преподавателя воздухоплавательной школы, Зеленецкого Александра Александровича, Гокова Андрея, Когана-Венгеровского Виктора, Рутенберг Лидию Абрамовну, театроведа, Бруни Георгия Юльевича, музыканта, Лорис-Меликова, метеоролога, Римского-Корсакова Георгия Михайловича, Вержбицкую, автора салонных стихотворений, профессора Семенова-Тянь-Шанского и др. Сообщил, что у Мооров читали стихи разных авторов, в том числе Есенина и Пастернака, что там говорили о ГПУ, обсуждали политику в деревне, международные события, например, восстание английских моряков («Газетные сообщения о кризисе за границей встречали со злобой и комментировали в плане недоверия к ним»).

По материалам допросов Крюкова будут арестованы Дмитрий Васильевич Волков, Михаил Дмитриевич Бронников, Любовь Юльевна и Вильям Рудольфович Моор, Глеб Дмитриевич Вержбицкий.

В результате работы с А.А. Крюковым ведущий следствие уполномоченный Бузников сформулировал вывод:

К/р организация литераторов и искусствоведов проникла в ряды Красной армии и повела там среди красноармейской массы разлагающую работу, направленную к подрыву боеспособности Красной армии.

Вот в чем состояли основные обвинения А.А. Крюкова:

…Вел систематическую антисоветскую агитацию на широких красноармейских собраниях, на политзанятиях, во время учебных занятий и в других местах сбора красноармейцев полка, а также в антисоветском салоне Моор, призывая к отказу от защиты Советского Союза, выступал против колхозной политики партии и политики партии по отношению к интеллигенции — распространял через публичное чтение и в рукописях собственные к.р. литературные произведения, проникнутые монархическими и фашистскими идеями. Означенные преступления пред. ст. 58–10 и 11 УК. Виновным себя признал.

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года Крюкова Алексея Алексеевича, 1909 года рождения, по ст. 58–10 УК РСФСР приговорили к десяти годам концлагеря. Этапировали на строительство Беломоро-Балтийского канала.

К этому времени строительство канала — «гордости первой пятилетки» — шло уже шесть месяцев. Год с небольшим Алексей Крюков тоже дробил скалы при помощи ручного бурения и взрывания их аммонитом, разбирал вручную песчано-валунный грунт и отвозил его тачками за сотни метров. Только по официальным данным за 1931–1933 гг. на строительстве канала погибло свыше 12 тысяч человек.

В августе 1933-го, после официального открытия канала, Алексей Крюков был свидетелем пропагандистского посещения БелБалтЛага группой советских писателей. Подойти ни к кому из знатных гостей не решился.

Теперь вместе с другими заключенными БелБалтЛага Крюков обеспечивал эксплуатацию канала и освоение прилегающих к нему районов. За ударную работу ряду заключенных опять же в пропагандистских целях сокращали срок, иных — освобождали. Крюков в эти категории не попал. Зато попал в категорию совершавших побег. Статистика побегов из БелБалтЛага неизвестна. Но очевидно, что каждая попытка побега — это поступок из ряда вон выходящий, смелый до безумия.

Осенью 1933 года Алексею Крюкову бежать из лагеря удалось. Что двигало им? Импульсивность? Или все было продумано и подготовлено заранее? Договорился с сообщниками? Нашел проводника? Действовал в одиночку? В какой момент покинул лагерь? С каким багажом? Какую дорогу выбрал? Знаком ли был с картой? Определил ли маршрут? В каких условиях продвигался? Сколько километров прошел? Подготовил ли заранее на случай провала легенду?

Эти и десятки других вопросов остались без ответа.

В начале ноября на границе с Финляндией пограничниками 14-й заставы 5-го Сестрорецкого погранотряда был задержан неизвестный. Пытался вскрыть вены. Назвать свое имя отказался. Его доставили в Ленинград. Поместили в ДПЗ. Он продолжал упорствовать. Неизвестным заинтересовались высокопоставленные лица. Допрашивали его втроем: зам. полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Запорожец, зам. начальника Особого отдела ОГПУ в ЛВО Янишевский, начальник I отдела ОГПУ в ЛВО Озолин. Какими методами действовали при допросе — неизвестно, но получили наконец следующее «признание»:

В силу сложившихся у меня антисоветских убеждений я решил, захватив у моего приятеля французского подданного Шатовура Габриаля сконструированный им разрушительный снаряд, прийти из Франции в СССР и в октябрьские праздники произвести на Красной площади в Москве террористический акт. При производстве акта я имел в виду в первую очередь правительственную трибуну. Совершить этот акт мне не удалось, т. к. я не сумел найти в себе необходимых моральных и волевых сил. Убедившись в своей неспособности, я решил уйти во Францию обратно, но на финской границе был задержан. Принесенный мною из Франции разрушительный снаряд я бросил в реку Москву. Идея моего посещения СССР в целях совершения теракта была моим личным предприятием. Идейных сообщников у меня не было ни за границей, ни в СССР.

С моих слов записано верно и мною прочитано, в чем и расписуюсь: Мюрат.

Подпись расшифровал: Мюрат Люсьен Жером, принц.

Странная, заранее подготовленная фантазия или наивная импровизация? Как это — «прийти из Франции в СССР»? Что за «разрушительный снаряд» он захватил? Почему — принц? [104] Однако вполне реалистично и горько звучит в этом «признании» фраза: «Я не сумел найти в себе необходимых моральных и волевых сил». Через какое-то время от фантастической легенды его вынудили отказаться, и он назвал свое подлинное имя.

Находясь в камере № 271, Крюков попросил пачку листов бумаги, чтобы записать свои «собственноручные признания» и присовокупить к ним собственные же пространные размышления о судьбе революции и о своей собственной судьбе.

1 января 1934 года под грифом «Совершенно секретно» Ленинградское ОГПУ отправило в Москву доклад тов. Ягоде (зам. пред. ОГПУ), тов. Агранову (зам. пред. ОГПУ), тов. Гай (нач. ОО ОГПУ):

9-го ноября сего года на участке 5-го погранотряда ОГПУ был задержан неизвестный гражданин, пытавшийся уйти нелегально в Финляндию, который при задержании покушался на самоубийство путем вскрытия вен.

Как при задержании, так и в процессе следствия неизвестный категорически отказывался назвать свою фамилию и впоследствии выдавал себя за французского подданного принца Мюрата Люсьена Жерома, прибывшего якобы из Парижа со специальным заданием — совершить теракт над правительственной трибуной в октябрьские торжества в г. Москве, но из-за неудачи был вынужден пробраться обратно за границу.

После упорного и продолжительного запирательства неизвестный сознался, что он является не принцем Мюратом, а Крюковым Алексеем Алексеевичем, осужденным в 1932 году В. С. Коллегии ОГПУ по ст. 58–10 УК к заключению в концлагерь сроком на 10 лет, откуда совершил побег, имея намерения уйти нелегально за границу.

Задержанный Крюков вместе со следственным делом направляется в концлагерь, так как последний числится в бегах Белбалтлага. После разоблачения провокационных показаний Крюкова он написал собственноручные признания, которые по своему политическому и психологическому содержанию представляют значительный интерес.

Эти признания были к докладу приложены. Написаны они торопливо, порой сбивчиво; слова обгоняют друг друга, не всегда согласовываются. За всем за этим — потребность в постоянном анализе, весьма логичные посылки, мучительные рефлексии, почти детский испуг, крайне неуравновешенное душевное состояние. Копия доклада вместе с признаниями задержанного была приобщена к следственному делу А.А. Крюкова, которое соответственно увеличилось в объеме. Но эти признания, действительно представляющие «по своему политическому и психологическому содержанию значительный интерес», к сожалению, сохранились с лакунами. Приведем фрагменты:

Я был арестован 15 февраля 1932 г. и постановлением В. С. Коллегии ОГПУ весной того же года (кажется, 17 апреля) (правильно — 17 июня. — *Авт.*) приговорен по статье 58–10 У.К. к 10 годам концлагеря. 31 июля 1932 г. я был доставлен в Белбалтлаг ОГПУ, через несколько дней после прибытия поставлен на работу в УРО БЕЛАГ, где и проработал до дня побега (исключая мой вызов в качестве свидетеля по новому делу с 16 января по 7 июня 1933 г. <?> и мою эпизодическую работу зав. столом освобождения 3-го водораздельного отделения с 28/X

по 6/XI того же года <?>).

Прибыл я в лагерь, имея 10 лет и осознавая свою позицию следующим образом.

Обвинение мое сводилось к трем моментам:

Создание и распространение антисоветских стихотворений, участие в антисоветском «салоне».

Создание мною антисоветской группировки в армии.

Положение мое к моменту ареста было: с трудом и в процессе достаточно сложной психологической ломки намечавшийся путь от в относительной своей степени «стихийной», в сущности ребяческой даже отчасти, контрреволюционности к приятию (через вуз и завод) советской действительности и исканию своего места в ней. Путь, отмеченный целым рядом срывов, рядом антисоветских (порою сознательных, порою несознательных) поступков. В материалах следствия это было отмечено:

протоколами, составленными следователем и мною лишь подписанными, в которых с сугубой заостренностью были перечислены все мои антисоветские проступки.

Мною самим написанными показаниями…

<…>

…развивающихся индивидуума неизбежно потянутся один вверх, другой вниз, и идущий вверх неизбежно сталкивает другого, и путь вверх неизбежно влечет за собою уход кого-то вниз, совершается за счет этого ухода. Таким образом, возможен социализм (практически и осуществляемый), но невозможен коммунизм — конечная цель, ибо до тех пор, пока государство всем своим аппаратом направляет путь развития общества по данной линии, держит ставку на равнение — это равнение под условием данного нажима, т. е. искусственным образом, осуществляется. Но стоит опустить вожжи, попытаться перейти к коммунизму, дать отмереть государству, и начнется старая волынка — всплывание наверх и скатывание вниз.

То, что переделывают людей, то, что люди станут настолько сознательны, что не станут этого делать, станут такими «хорошими», — утопия, смыкание с утопическими социалистами, тоже делавшими ставку на «хороших» людей. И еще попутное соображение. Допустим, осуществлено всеобщее равенство, довольство. Оно — гибельно. История учит, что только племя, поставленное в тяжелое условие существования, становится сильным, могучим, племя же, поставленное в условия «земного рая» — дрябнет, становится безынициативным, идет к упадку. Пример — Индия.

Таким образом, складывается концепция — история вечная, борьба отдельных групп и людей (широко беря — классов), и это

постоянно и неизбежно. И коммунизм — хорошая прекрасная утопия, но уточняя — все же утопия. А раз он недостижим, так, грубо говоря, к чему и…

<отсутствуют 3 листа>

…мечтаний, мальчишеских иллюзий и надежд.

<…>

Теперь это все опостылело (может быть, временно — не знаю). Хочется одного — наивно, скажете, но это так, — быть с мамой, дать ей возможность тихо и спокойно умереть у меня на руках (ей, которую я так измучил за эти годы).

Концепция моя — не знаю, чем и как ее обрушить. Она жестокая, беспросветная. Коли есть истина, если действительно возможен коммунизм, дайте мне в него поверить, сошлите меня куда-нибудь, жестоко сошлите, в полит. изолятор может быть, дайте там все переосмыслить и переоценить. Исправим ли я — не знаю. Вам виднее. Я написал все искренно, если нужно, если увидите проблески надежды для меня — допросите еще. Коли нет, если я, по-вашему, в тупике, то жаль, что я неудачно вскрыл вены. Тогда — расстреляйте поскорее.

Крюков. VII. 33 г.

Это пишет смертельно уставший человек: «Хочется одного — наивно, скажете, но это так, — быть с мамой, дать ей возможность тихо и спокойно умереть у меня на руках (ей, которую я так измучил за эти годы)».

Розыск Крюкова прекратили, а сам он 3 января 1934 года под № 180283 поступил в распоряжение БЕЛАГа ОГПУ.

За антисоветскую деятельность в лагере 11 июля 1935 г. Леноблсудом был вторично осужден на десять лет ИТЛ. Срок отбывал в Ухтпечлаге, на Морсплаве, откуда заключенные буксировали плоты с лесом для выгрузки и перегрузки на советские и иностранные лесовозы.

Жил только надеждой на встречу с мамой.

Густо населенная чужими людьми квартира не спасала Анну Евгеньевну от одиночества. Сестер ее с ней уже не было: Антонину Евгеньевну «за сокрытие социального положения» в 1935-м выслали в Вологду, Лидия Евгеньевна, вероятно, умерла. Жила Анна Евгеньевна только тем, что раз в году, собрав внушительную передачу, отправлялась за тридевять земель — на станцию Кемь, в лагерь, на свидание к сыну.

Летом 1937-го в свидании ей было отказано. Она обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой, возглавлявшей организацию под названием «Помощь политическим заключенным».

Многоуважаемая товарищ Пешкова.

Не откажите помочь мне в получении свидания с сыном моим Крюковым Алексеем Алексеевичем, который находится на Морсплаве, Кировская железная дорога, станция Кемь, 3-й лагерный пункт 9-го отделения Беломоро-Балтийского комбината. Со слезами обращаюсь к Вам, надеюсь, что Вы сделаете все от Вас зависящее, не откажете походатайствовать. 8 мая я послала заявление в Главное управление концлагерей, прося разрешить свидание с моим единственным сыном. 20-го меня вызвали в НКВД на улицу Чайковского, где объявили, что просьба моя отклонена. Меня как громом поразило это известие, с трудом могла расписаться, шатаясь, вышла, едва дотащилась домой, почувствовала себя очень скверно. Сына я видела в прошлом году в июне месяце. Целый год жила надеждой снова повидаться с ним, и вдруг такой удар. Мне 71 год, много ли и жить-то осталось? Неужели я не увижу больше своего сына, в котором вся моя жизнь. В моем возрасте приходится считаться не годами, а месяцами. Я разлучена с ним с 1932 г., теперь ему 28 лет, так тяжело проходит его молодость. Последние его письма полны надежды повидать свою старуху мать, а я должна сообщить ему об отказе от свидания. Я даже боюсь написать ему об этом, целый год ждет он этого счастья, как он мне пишет, и вдруг нанести ему такой удар. Все пять лет я получала разрешение, последние годы — от начальника концлагерей товарища Бермана. В прошлом году это разрешение получала через Вас. Если нельзя теперь, то хоть позже, за все буду сердечно благодарна. Войдите в положение несчастной матери, которая ни днем, ни ночью не видит покоя. Со дня получения отказа я глаз не осушила, пишу Вам и заливаюсь горькими слезами. Умоляю, пожалейте.

А.Е. Крюкова[105].

Без проволочки получила письмо от заведующего юридическим отделом Помполита:

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что Вы можете обратиться с ходатайством о разрешении Вам свидания с сыном Крюковым А.А. непосредственно к начальнику Белбалтлага на Медвежьей Горе. Одновременно Ваш сын может возбудить такое же ходатайство через администрацию лагеря. Мы же оказать содействие не имеем возможности[106].

В этом же 1937-м организация «Помощь политическим заключенным» свое существование закончила.

Что по этому поводу ответила администрация лагеря матери и сыну — неизвестно. Скорее всего, больше они никогда так и не увиделись. Анна Евгеньевна Крюкова (урожд. баронесса Люденгаузен-Вольф) погибнет в блокаду в июне 1942 года.

О душевном состоянии заключенного Алексея Алексеевича

Крюкова поразительно ярко говорит его стихотворение, датированное 7 июня 1939 года. И вот что интересно — почти до последних строф не понимаешь (или стараешься не понимать), к кому обращены эти стихи:

Этой зимою мне стукнуло тридцать,
Из которых уже 8-й год заключен в спертом воздухе неволи
И, однако, только сейчас вот к Вам, к первому обращаюсь я —
не довольно ли?
Право, не слишком ли перегружена уже неудачливостью доля
Того, кому без конца суждено в этом тусклом омуте биться?

До сих пор спокойно и неколебимо я молчал,
Не докучая никому никакими мольбами и прошениями
И на душе было — не то, чтобы какое-нибудь отчаяние,
Но даже и смакование под Достоевского, что, вот, сижу я,
всяким бедствиям мишенью.

К тому же все это казалось вовсе не «всамделишним»,
А так, какой-то случайной и короткой неразберихой,
Чем-то вроде спектакля, в котором я максимально бережно
И старался проводить ту роль, на которую я был будто бы
временно запихнут.

Так все это и расценивалось, как недолговечная ерунда,
Чудной эпизод — поучительный лишь и кратковременный.
А жизнь?.. Она еще завтра начнется; и вот тогда-то,
Лихо вскинув ногу в сверкающее стремя,
Понесусь я в шири обещающе-необъятные…

Но сегодня так неожиданно вокруг этого Чибью
Зазеленели вдруг частоколы чахлого леса. —
И до чего уж это резко, прямо вот по сердцу мне бьют
Белые стволы берез, изумрудом заплесканные!

Да, в России-то ведь лето уже,
По-прежнему напряженно пульсирует жизнь,
А я? — Просто послушный наглому окрику судьбы: уже
На семь лет постаревший, полуголодный, в лагерной ветоши.

И совпало еще то, что совсем на днях
Я прочел о Вас теплые строки Байдукова[107],
А сейчас перечитываю толстовского Петра I.
И за шестью буквами, традиционным благоговеньем запахнутыми,
Я видел теперь будто бы давно мне и близкого, и знакомого,
Которым только одним к тому же и может быть прерван
Моей жизни принудительно навязанный закат.

Вкратце: с ходулей иллюзорности сброшенный,
Я заметил, что жизнь проживается ведь не дважды,
И, совершенно не в силах прозябать здесь дальше,
Вас, Иосиф Виссарионович, просто и открыто спрашиваю:

Неужели из-за кем-то раздутой 58-10
Так мне и задохнуться в этом нужнике,
В то время как, говорю это без малейшей самолести,
Я бы мог быть для страны и полезным, и нужным?

Так вызволите же меня из этой кислой плесени,
И даю Вам честное слово
Обязательно сложить такие песни,
Что всех других лучше и чудесней
Станут родину славой оковывать!

P.S. В судьбе моей много необычного,
Такого, во что заочно трудновато и поверить.
Я прошу меня вызвать в Москву, поэтому,
Надеясь, что Вы или товарищ Берия
Может быть, снизойдете до чудаковатого поэта
И переговорите со мною лично.

Крюков Алексей Алексеевич
Чибью, Строймонтажконтора

Естественно, ответа на это поэтическое обращение не было, да и быть не могло.

Вероятно, Крюков направил и в прокуратуру ходатайство о пересмотре своего дела. Пришло заключение прокурора. Вот фрагмент этого заключения:

Я, прокурор отдела по спецделам Ленгорпрокуратуры Петров А.П., рассмотрев жалобу з/к Крюкова А.А. и проверив в порядке надзора архивно-следственное дело № 56007, по которому постановлением выездной сессии Коллегии ОГПУ от 17.VI/1932 г. осужден Крюков Алексей Алексеевич, 1909 г. р., урож. г. Ленинграда, сын потомственного дворянина, мать Крюкова, урожденная баронесса Вольф-Люденгаузен, русский, р-н СССР, б/п., образование высшее, до ареста преподаватель литературы, проживал в г. Ленинграде.

Нашел:

…Армейская ячейка Крюкова А.А., проводившая пораженческую деятельность, организационно и идейно оформилась на базе антисоветских салонов.

Контрреволюционная организация ставила себе задачей подготовку из среды молодежи активных монархических кадров, способных открыто выступить в случае вооруженной интервенции или крупного восстания в стране.

Осуждение основано на показаниях самих осужденных, изобличающих друг друга, и вещественных доказательствах…

В своей же жалобе осужденный КРЮКОВ просит пересмотреть дело и освободить его из ИТЛ, однако доводов, которые бы послужили основанием к пересмотру дела, не приводит, а поэтому

ПРИЗНАЛ:

Жалобу осужденного КРЮКОВА оставить без удовлетворения, о чем сообщить заявителю.

Дело № 56007 возвратить в I-й Спецотдел УНКВД ЛО на хранение.

Прокурор отдела по спецделам: Петров.

Согласен: начальник отдела по спецделам: Григорьев.

Справка: результат жалобщику сообщен 11 февраля 1941 г.

Алексей Алексеевич Крюков полностью отбыл десятилетний срок наказания в Ухтпечлаге МГБ СССР, откуда был освобожден в июле 1945 года. Ехать ему было некуда и не к кому. Остался работать там же по вольному найму. Затем перебрался в Тульскую область.

23 ноября 1948 г. Управлением МГБ по Тульской области арестован был снова.

Произведенным по делу расследованием установлено:

Крюков в 1932 г. был арестован и привлечен к уголовной ответственности как один из активных участников контрреволюционной организации в городе Ленинграде, состоявшей из молодежных кружков и антисоветских салонов. Кружки и салоны организации объединялись на платформе борьбы за свержение советской власти и установления в стране фашистской диктатуры. <…> КРЮКОВ после отбытия наказания, оставаясь на враждебных советской власти позициях, продолжал среди своего окружения вести антисоветскую деятельность, высказывая надежду на смену существующего в СССР строя. <…> Допрошенный в качестве обвиняемого, КРЮКОВ виновным себя не признал.

Осужден был Алексей Алексеевич Крюков по ст. 58–10, ч. 1 УК РСФСР. Этапирован в Минеральный лагерь МВД СССР (Особлаг № 1). Заключенный 6-го отделения, Крюков находился в Минлаге на общих работах. Снова был арестован 3 октября 1950 г. Спецлагсудом Минерального лагеря МВД 12 апреля 1951 г. по ст. 58–14 УК РСФСР приговорен к восьми годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах[108]. Приговор подписал Начальник Управления МГБ Тульской области генерал-лейтенант Лапшин.

Вот и всё. Дальнейшие следы Алексея Алексеевича Крюкова потеряны.

В перелете отставшая птица,
Инстинктивно летящая ввысь, —
Я последний израненный рыцарь…

Из поэмы «Актябрь»

Волков Дмитрий Васильевич
«Я проводил широкую агитацию против сегодняшней политики партии и Соввласти»

Дмитрий Васильевич Волков стоит несколько в стороне от подавляющего большинства других обвиняемых по “Делу Бронникова”. Ни с кем, кроме Алексея Крюкова, своего однополчанина, он и знаком-то не был и никаких кружковских собраний не посещал, кроме опять же созданной Крюковым ячейки в 115-м зенитартполку. Кажется, и литературным творчеством не занимался.

Похоже, что до встречи с Крюковым Дмитрий Волков действовал вообще в одиночку. Во всяком случае, на допросах он, не назвав ни одного имени, заявил следующее:

Я проводил широкую агитацию против сегодняшней политики партии и Соввласти, используя для этого все аудитории и всех лиц, с которыми встречался, учась в техникуме, плавая на корабле, работая в различных учреждениях…

Советскую власть Дмитрий Волков оценивал не просто бескомпромиссно отрицательно — свое отношение к ней он теоретически обосновывал. Откуда же у этого молодого человека (на момент ареста ему было всего двадцать два года) зрелое историческое сознание?

Серьезного образования он не получил. За четыре года обучения в Морском техникуме вряд ли подготовили бы политического оппонента советской власти.

Значит, скорее всего, было чье-то влияние. Семья, родители?

Попытаемся сложить обрывки найденной информации.

Наши источники: архив Управления ФСБ по Петербургу, Ленинградской области и республике Карелии, архивы петербургских паспортных столов, мемуарная книга Олега Волкова, брата Дмитрия, «Погружение во тьму» и, главное, живая память, которая хранится в семьях племянников Дмитрия Волкова — Андрея Кирилловича Голицына и Всеволода Олеговича Волкова.

Отец Дмитрия, Василий Александрович Волков, был крупным промышленником — директором правления Русско-Балтийского завода, членом правления Русско-Английского банка. Мать, Александра Аркадьевна, — потомственная дворянка, правнучка Михаила Петровича Лазарева, выдающегося русского флотоводца

и мореплавателя, командующего Черноморским флотом, первооткрывателя Антарктиды.

В семье Волковых росли шестеро детей: два старших сына — близнецы Олег и Всеволод, две дочери — Анна и Наталья — и младшие, погодки Андрей и Дмитрий. Разговаривать с детьми принято было по-французски.

Снимали большую квартиру на Моховой, 16, в доме, принадлежавшем приятелю отца и его дальнему родственнику из старинного рода богатых новоторжковских купцов Николаю Степановичу Цевилеву. На лето обычно уезжали на дачу под Тверь. Там, в Новоторжковском уезде, близ села Пудышево, было отцовское имение.

Последний раз Волковы поехали из Петрограда в Пудышево зимой 1917-го: по решению крестьянского схода бывшим владельцам были оставлены усадебный дом, лошадь, водяная мельница и кусок пахотной земли. Такая жизнь, однако, продлилась недолго — начались бесчинства, а для Волковых начались скитания. Чтобы обезопасить своих близких, Василий Александрович вынужден был с семьей расстаться. Уехал, работал на строительстве Волховской ГЭС. В деревне под Волховом и умер в 1919-м.

После революции эмигрировали родственники жены (родной ее брат Николай Аркадьевич Левестан сумел оказаться в Париже, двоюродный — Назаров — в Белграде), эмигрировали друзья, среди них и Н.С. Цевилев. Отец Василий Александрович Волков уезжать из России не захотел.

Он говорил сыновьям: «Крысы, покидающие обреченный корабль, — образ, для русского интеллигента неприемлемый… Допустимо ли оставлять родину в беде?.. Даже смешным покажется, что из-за каких-то демагогов, вроде Троцкого и Ленина, мы поддались панике… Но как опасна для народа эта социальная демагогия… Ну что они могут дать России? Гражданскую междоусобицу, анархию, тиранию и — реки крови… А в результате тот же мужик будет расплачиваться за все эксперименты…».

Эти слова отца спустя целую жизнь записал Олег Васильевич Волков в своей мемуарной книге «Погружение во тьму», увидевшей свет сначала в 1987 году в Германии и только в 1990-м в России. Самый младший в семье Дмитрий Волков в свои неполные девять лет вряд ли в полной мере понимал страдания и размышления отца последних лет его жизни. Но старшие братья и понимали, и запомнили, и, скорей всего, через какое-то время передали подросшему Дмитрию свою память.

Близнецы Олег и Всеволод были старше Дмитрия на девять

лет. До революции они оба успели закончить Тенишевское училище (учились в одном классе с Владимиром Набоковым). Олег, собираясь изучать восточные языки, поступил в Университет. Всеволод готовился к поступлению в Академию художеств. Ну а дальше в их судьбу вмешалась советская история.

Первый раз Олега Волкова за отказ быть осведомителем арестовали в 1928 году, обвинили в контрреволюционной агитации и отправили в Соловецкий лагерь особого назначения. Всего он прошел через пять арестов, провел в тюрьмах, на каторге и в ссылке в общей сложности двадцать восемь лет. В биографию его брата-близнеца Всеволода тоже вписаны Соловки, затем — Воркутинский рудник Ухтпечлага и гибель на фронте в 1942-м…

Дмитрию, закончившему в 1926 году единую трудовую школу № 11, поступить в высшее учебное заведение мешало дворянское происхождение. С учетом флотоводческих семейных традиций (прапрадед — адмирал, дядья — морские офицеры, сестра Анна замужем за капитаном дальнего плавания) для получения специальности был выбран Морской техникум. После его окончания в 1930-м Дмитрий Волков некоторое время ходил из Архангельского порта в каботажное плавание на торговых судах Северного пароходства — о дальнем плавании из-за анкеты мечтать не приходилось. В 1931 году вернулся в Ленинград, работал плановиком-счетоводом на нефтескладе. В этом же 1931-м загремел одногодичником в 115-й зенитный полк.

Последний адрес Дмитрия Волкова — армейская казарма под Ленинградом, в районе Лисьего Носа. Ордер на его арест был выписан 8 марта 1932 года на основе доноса красноармейца Жданова и показаний арестованного Крюкова.

К 1932 году братья Дмитрия — Олег и Всеволод — уже год как по второму заходу были в лагере на Соловках. Недавно в Москве арестовали Екатерину, жену Олега (внучку российского мецената Саввы Мамонтова, правнучку декабриста Трубецкого). Сестра Наталья вместе со своим мужем Кириллом Голицыным (бывшим князем) находилась в ссылке под Тулой. Брат Андрей жил на поселении в Свердловске.

В коммунальной (бывшей барской) квартире под номером 17 в доме 16 на Моховой из большой семьи Волковых оставалась только мать — Александра Аркадьевна.

Она так и не дождалась демобилизации из армии своего младшего сына, не дождется его и из заключения…

10 марта на допросе Дмитрий Волков сказал следующее:

Сразу же после перехода в армию я встретился с Крюковым, политические взгляды которого вполне соответствовали моим, в разговоре со мной он сказал, что наши идеи мы должны

проводить и пропагандировать везде и всюду. В данном случае мы должны использовать наше пребывание в армии.

Кроме того, Крюков в повседневных встречах посвящал меня в антисоветские материалы для более плодотворного достижения наших задач.

Я стал группировать вокруг себя наименее устойчивых в политическом отношении часть красноармейцев, делая упор на беспартийных.

Вокруг меня сгруппировались: Крем, б. монтер, Фанеев, свободный художник, Кривоборский, исключенный из комсомола, которые разделяли мои политические установки и проводили соответствующую антисоветскую агитацию среди красноармейцев, их роль в отношении группы была та же, что Крюкова в отношении меня.

Я углублял антисоветские взгляды членов группы и насыщал их контрреволюционными материалами.

На последующих допросах обосновывал свои позиции:

…Считаю, что у власти не может находиться класс некультурный, неразвитый, каким является пролетариат.

…Считаю, что наиболее правильной формой управления государством должна являться республика, при полном участии в управлении всех слоев населения от помещика и капиталиста до крестьянина и рабочего. …Должна существовать полная свобода слова и собраний.

Высшая школа должна быть открыта для всех, без всякого классового различия. …Должна быть допущена полная свобода развития частного капитала и промышленности, а также индивидуального крестьянского хозяйства. …Искусство не должно подчиняться интересам классов, должно развиваться на основе индивидуальных качеств и способностей и должно быть совершенно бесклассовым.

Далее он высказал собственную точку зрения на индустриализацию, социалистический строй, борьбу с кулачеством:

Индустриализация — это сумасшедшие темпы (а иначе я их назвать не мог), подчиненные стремлению кучки фанатиков. Тяжесть ложится на плечи трудящихся. Социализм в моем понимании является утопией, идущей вразрез со всеми законами природы, и, конечно, никогда проведен в жизнь не будет. Корни кулачества не в паразитической эксплуатации, а в трудолюбии, трезвости и т. д.

Сделал категорический вывод:

Считая, что внутренние силы недостаточны для совершения акта свержения существующего строя, а также учитывая

международную обстановку, я видел единственный верный путь — это вмешательство вооруженных сил интервенции.

Следователь ОГПУ затребовал у администрации нефтесклада характеристику на бывшего счетовода, в настоящее время находящегося под арестом Д.В. Волкова. В характеристике читаем:

…Политикой плохо интересуется. В политкружке участвует пассивно, ни разу не высказался и ни одного вопроса не задал. В связи с распространением билетов Осоавиахима говорил, что по двухгодичному его опыту и наблюдению коммунисты во всех кампаниях плетутся в хвосте, что с ними иметь дело — одно горе… Явно против политики партии не возражает. В списке ударников состоит. Кандидат цехкома и уполномоченный Осоавиахима. Эту общественную работу выполняет, но без всякого рвения, энтузиазма и инициативы. Интересуется больше техучебой, чем политучебой. Основную свою производственную работу выполняет хорошо. Казенного, бюрократического подхода к работе не замечено.

Характеристика датирована 22 мая 1932 года, подписана парторгом и председателем цехкома.

Дмитрию Васильевичу Волкову, 1909 года рождения, постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ от 17 июля 1932 года согласно ст. 58, пп. 10 и 11 было определено содержание в концлагере сроком на 10 лет. Отбывать наказание его направили на строительство Беломоро-Балтийского канала, в III отдел (эвфемизм для третьего лагпункта Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря на Медвежьей Горе).

Вероятно, учитывая математическую подготовку Волкова, лагерное начальство на какое-то время сняло его с общих работ и поставило на должность счетовода. Возможно, за добросовестное исполнение этих обязанностей заключенному Волкову Д.В. постановлением Коллегии ОГПУ от 24 апреля 1934 года срок наказания был сокращен на полтора года. Однако в 1937-м, 12 ноября, он был вновь арестован. Не потому ли, что и в лагере продолжал проводить «широкую агитацию против сегодняшней политики партии Соввласти, используя для этого все аудитории и всех лиц, с которыми встречался»?

Тройкой НКВД Карельской АССР от 20.11.37 осужден по ст. 58–10, 58–11. Расстрелян 28.11.37 в 12 километрах от станции Медвежья Гора.

Волков Дмитрий Васильевич лежит в одной из 236 расстрельных ям в лесном урочище Сандармох, самом большом на Северо-Западе России тайном захоронении жертв Большого

террора.

Лозинский Михаил Леонидович
«Человек, в стороне стоящий»

В 1924 году Михаил Лозинский, будущий автор бессмертного перевода «Божественной комедии» Данте, объяснял себе и своему брату, находящемуся в эмиграции, почему он остался жить при Советах. «В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может оказаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, какой огромный он этим наносит ей ущерб: каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры». Это письмо он сумел отправить, когда ему разрешили посетить свою дачу в Финляндии[109]. Мать, сестра, брат эмигрировали. Он остался, назвав этот свой поступок «исторической миссией». За что и принес весьма ощутимую жертву.

Биография переводчика известна из заполненных им собственноручно анкет, сохранившихся в архиве Российской Национальной Библиотеки и в ЦГАЛИ. Правда, в анкетах этих есть значительные лакуны: в них пропущена информация о том, как в жизнь Лозинского вторгались ЧК — ГПУ — НКВД.

Дворянин, потомственный интеллигент, сын присяжного поверенного, прослушавший некогда курс в Берлинском университете, окончивший два факультета в Петербургском университете (юридический и историко-филологический), до революции многократно бывавший за границей, владеющий девятью языками, с 1914-го секретарь редакции журнала «Аполлон», издатель «Гиперборея», поступивший в 1915 году вольнотрудящимся в Императорскую Публичную библиотеку и дослужившийся к 1918-му до заведующего Отделением изящных искусств и технологии, одновременно — преподаватель в Российском институте истории искусств, в Институте живого слова, член редколлегии экспертов издательства «Всемирной литературы», руководитель курсов при издательстве и студии поэтического перевода — всё это уже делало Лозинского чужаком для новой власти и вызывало ее подозрения.

Ученик Михаила Лозинского, поэт-переводчик Игнатий Михайлович Ивановский, рассказывает, как Лозинского «еще в 1919 году… вызвали в Чека и задали вопрос:

— Юденич близко. Скажите честно, если в Петрограде начнутся уличные бои, на какой вы будете стороне?

— Надеюсь, что на Петроградской, — ответил Михаил

Леонидович и был, под общий смех, отпущен.

Тогда это было еще возможно»[110].

Конечно, возможно и то, что это легенда, но сама реакция задержанного, остроумная игра слов — это, бесспорно, в характере Лозинского.

И еще один эпизод из того же времени. Правда, может быть, тоже апокриф, но уж больно выразительно и об атмосфере того времени, и о детях Лозинского, и о его насмешливом взгляде на жизнь. История, зафиксированная в дневнике К.И. Чуковского. Запись от мая 1919 года:

«Нет, это не должно умереть для потомства: дети Лозинского гуляли по Каменноостровскому — и вдруг с неба на них упал фунт колбасы. Оказалось, летели вороны — и уронили, ура! Дети сыты — и теперь ходят по Каменноостровскому с утра до ночи и глядят с надеждой на ворон»[111].

«Таких людей, как мой отец, на свете больше нет»[112], — под этим названием опубликовала свои воспоминания о Лозинском его дочка Наталия Михайловна. Она рассказала, как они с братом и мамой в первые послереволюционные годы жили при гостинице «Европейская», где был тогда карантинно-распределительный пункт для беспризорных детей. Татьяна Борисовна работала там учительницей. Михаил Леонидович остался жить на кухне в промерзшей квартире на улице Красных Зорь и часто приходил к ним, находя время для игр с детьми. Сереже тогда было пять лет, Наташе — всего три года. В 1921-м девочка тяжело болела. Трагичны и трогательны страницы дневника А. Оношкович-Яцыной о душевном состоянии Лозинского во время болезни его дочки.

5 августа 1921 года Лозинский попал в засаду в Доме искусств, в комнате арестованного Николая Гумилева. Подробности этой истории теперь известны из недавно опубликованного письма филолога-романиста Г.Л. Лозинского, брата Михаила Леонидовича, от 26.08.1921 из Финляндии (ему при помощи проводника-контрабандиста удалось перейти границу) в Париж Елизавете Миллер, их сестре:

«…В четверг по не выясненным еще причинам был арестован Н.С. Гумилев, проживавший с женой в общежитии Дома искусств на Мойке. Весь день только и была речь, что о нем и о засаде, оставленной у него на квартире. Все об этом знали, знал и Миша, даже, по-видимому, предупреждавший о засаде кого-то из знакомых. <…> В пятницу утром <…> около 12 является молоденькая барышня, Мишина ученица по поэтической студии, и в волнении заявляет, что Миша утром попал в засаду в комнате Гумилева; она видела, как он шел туда, но не успела догнать,

чтобы предупредить его. Понимаешь, какое эта новость произвела впечатление! Неизвестно, по какому делу попался Гумилев: согласно одному из слухов, в связи с какой-то организацией, переправляющей людей в Ф<инляндию>. У Миши накануне в бумажнике были адреса 3 посредников, знакомых Шапировых, которые он собирался уничтожить. <…> В понедельник 9.09 до меня дошли еще более удручающие слухи, заставившие даже усомниться в Мишиной нормальности. <…> Миша вошел в комнату Г<умилева>, никого не замечая, подошел к сидевшей там (под домашним арестом жене Г<умилева>), спросил ее: “Дома Н. С.?”, затем увидел направленные револьверы, сказал: “Ах, Боже мой!” — и все.

<…> В воскресенье 7.08 Таня ездила в Новый Петергоф к сослуживице… жене видного следователя ЧК, и ей удалось добиться внимания этого важного лица… <…>

По-видимому, вмешательство чекиста произвело нужное действие, и, вернувшись часам к 5 в понедельник домой, я узнал, что Миша на свободе, а часам к 7 пришел и он сам, бледный, похудевший, и рассказал о своих злоключениях.

На него нашло какое-то помутнение рассудка: он забыл о засаде и вспомнил, когда уже было поздно. До вечера он сидел в комнате Г<умилева> вместе с его женой… <…> Благодаря интеллигентности “коммунаров” он мог проверить содержимое своего бумажника и оказать кой-какое ценное содействие жене Г<умилева>. Увели его на Гороховую, 2, причем его успели предупредить, что я знаю о случившемся. Там он просидел три ночи и два дня и одно утро на стуле в комендатуре, куда приводят арестованных для дальнейшего распределения и направления. Так как он считался задержанным, а не арестованным по ордеру, то его имя не поступало все эти 3 дня в справочное бюро, ему нельзя было посылать “передачу”, и на него не отпускалось арестантского пайка. Первый день ему что-то дали, а потом он получал только чай — то, что ему давали сердобольные спекулянтки, арестованные на дому и привезшие с собой провизию. Следователь допрашивал его об его отношении к Г<умилеву>, о взглядах Г<умилева>на политику, о собственных взглядах Миши (Миша определил себя как “филологический демократ”, т. е. как человек, относящийся с уважением к народу, носителю языка, который он изучает), о том, бывал ли Миша за границей… <…>

— Ваше счастье, — сказал следователь потом Мише, — что Вы напали на меня. Другой следователь посмотрел бы на это дело серьезнее. В будущем будьте осторожнее.

Мишу отправили обратно в комендатуру, где его, д.б., забыли

и, вероятно, отпустили только тогда, когда из Петергофа вернулся тов. Озолин (Ян Озолин — сотрудник ЧК, участвовал в следствии по Таганцевскому делу. — *Авт.*) и позвонил по телефону»[113].

В этом же 1921 году «филологический демократ» М.Л. Лозинский, заполняя в Публичной библиотеке анкету, на вопрос об отношении к партиям написал: «Политике чужд». Во время чистки соваппарата в 1929 году сказал о себе: «Я принадлежал к типу созерцателей. Человек, в стороне стоящий»[114].

В начале 1920-х он уже профессор, затем действительный член Российского института истории искусств, член Всероссийского Союза писателей. На вопрос анкеты об узкой специальности отвечает: «Иностранная литература и искусство».

«Узкая» специальность Лозинского и, при всей его, казалось бы, академичности, сохранившаяся потребность в игровом общении — это и собирало вокруг него молодежь. Летом 1919 года в доме Мурузи[115](пр-т Володарского, 24) Лозинский читает публичные лекции из цикла «Всемирная литература XIX и XX веков» и ведет практические занятия. Зимой в Доме искусств, на углу Невского и Мойки, открывает Студию стихотворного перевода.

Первые впечатления будущих студийцев: «Михаил Леонидович Лозинский, большой, высокий, близорукий, с патетическим голосом и аккуратным пробором <…> величественный, огромный и солидный, как шестистопный ямб»[116].

Обучая студийцев стихотворному переводу, Лозинский экспериментировал: учились переводить и с русского на французский, пробовали это на стихах из Ахматовой («Он длился без конца…», «Дверь полуоткрыта…»). М.Н. Рыжкина вспомнила, что, когда в журнале «Дом искусств» появилось ахматовское стихотворение «Мурка, не ходи — там сыч…», Лозинский «шутки ради предложил перевести “Мурку” на все доступные нам языки». Случилось так, что Рыжкина попала в окружение Ахматовой и, «чтобы потешить ее, заявила: “Мы ваши стихи переводили «на все языки»” — и прочла и французский и немецкий перевод», признавшись, что на английском прочесть не решается по причине произношения. «“Очень вольный перевод”, вылила она мне ведро холодной воды на голову».

Занимались одно время в помещении издательства «Всемирная литература», располагавшемся первоначально при комиссариате народного просвещения на Невском, 64. Затем вместе с издательством перебрались по другому адресу — на Моховую, против Тенишевского училища, в бывший барский

особняк генеральши Хариной. Иногда встречались и на квартирах студийцев.

19 декабря 1925 года Лозинский выступил с анализом своего метода на секции переводчиков Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей. 19 октября 1926-го повторил этот доклад на I заседании Комиссии по изучению перевода. Вот основные положения доклада:

Тема… сообщения необычная и вообще еретическая, ибо предметом ее является коллективная совместная соборная поэтическая работа.

Искусство — дело вселенское, средство общения между временем и народами…

Но в своем труде художник одинок…

Иск-во кафолично… Перекличка трагических отдельных голосов.

В искусстве пребывают живыми давно умолкнувшие голоса…

Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Все тот же ропот Андромахи
И над Путивлем тот же стон…[117]

…Творческий процесс складывается из постижения и воспоминания, слитых воедино.

Если бы этот процесс мог быть расчленен так, чтобы поэтическая идея могла быть выражена в беззвучной иероглифической формуле, была бы возможна коллективная работа над ее истолкованием и словесным воспроизведением.

Такой иероглифической формулой является всякое поэтическое произведение на чуждом языке, и выражение ее средствами данного языка возможно путем коллективной работы.

…Сумма нескольких координированных языковых сознаний располагает большим числом языковых комбинаций.

Такое содружество приводит к большему числу возможных вариантов.

Совместная работа предполагает живое общение участников, которые, собравшись вместе, одновременно и сообща изучают иностранный текст и стремятся по возможности передать его на родном языке.

Такая работа, чтобы не идти вразброд, предполагает руководителя, являющегося как бы дирижером.

Он должен быть отзывчив и деспотичен и быть вооружен

жезлом железным.

Михаил Леонидович Лозинский закончил доклад ссылкой на своего погибшего друга:

Вот те мысли, которые руководили мною, когда семь лет тому назад я, следуя дружеским настояниям Николая Степановича Гумилева, пытался организовать во «Всемирной литературе» студию стихотворного перевода[118].

Через год, в ноябре 1927-го М.Л. Лозинский вместе с некоторыми другими сотрудниками Ленинградской государственной публичной библиотеки был арестован. Через семнадцать дней освобожден без предъявления обвинения.

В семейном архиве сохранилась открытка:

ДПЗ — 3 отд. 23 камера

Дорогая моя Таня.

Я был ужасно счастлив, увидев тебя во вторник. С нетерпением жду следующего свидания. Чувствую себя вполне хорошо. А ты береги себя, не переутомляйся, когда увидишь детей, поцелуй их от меня, крепко, как и я тебя целую.

Любящий тебя,

твой М.

30.11.1927[119].

Через месяц М.Л. Лозинский оставляет свой шутливый (шутливый ли?) автограф в Памятной книжке издательства «Academia». В диалоге с давним знакомым художником Вениамином Белкиным они перебрасываются цитатой древнекитайского философа — даосиста Лао-Цзы и парафразой к этой цитате.

«Когда пустота будет доведена до последнего предела, то будет глубочайший покой…»

С подлинным верно. В. Белкин

«Когда густота будет доведена <до> величайшего предела, то будет глубочайший покой».

Антитеза высказывания…

Верно. М. Лозинский[120]

Реальная жизнь с дао сопрягалась с трудом. В Санкт-Петербургском центральном государственном архиве литературы и искусства сохранилась выписка из протокола Рабоче-крестьянской инспекции по опросу Лозинского во время чистки совaппарата в 1929 г. Приводим эту выписку с сохранением стиля документа:

Выписка из протокола № 19 заседания комиссии от 11/vi

СЛУШАЛИ: Лозинский работает в библиотеке с 1914 г. Образование юрист, но не применял на практике это образование, перешел на филологический и окончил его. Поступил в библиотеку вольнотрудящимся без содержания, а затем и занял освободившуюся вакансию. Привлекало его в библиотеку желание здесь работать. Работал весь 1914 г. в отд. социальных наук, затем перевели в отд. искусств. Принимал участие в журнале «Аполлон». С 1915 г. в этом отд. и стал им заведовать.

ВОПРОС: Вы были старым представителем общества, и для Вас политическая жизнь не была чужда и не мог пройти мимо Октябрьский переворот, как Вы отнеслись к попыткам интеллигенции игнорировать Октябрь.

´/молчи́т/«Это крупное событие, которое пришлось пережить, я принадлежал к типу созерцателей. Человек, в стороне стоящий. Мне не стоило труда и внутреннего перелома понять, что здесь делается на глазах история и люди, которые подтолкнули, этот курс был курсом исторически верным».

ВОПРОС: Значит, с точки зрения исторического курса Вы его встретили.

«Да, это совершенно так, да, так».

ВОПРОС: Вы к попыткам противодействия Октябрю отнеслись равнодушно. Как Вы отнеслись к саботажу к поражению Октября.

´/молчи́т/

ВОПРОС: В целом Ваш круг встретил враждебно Октябрь.

«Нет, я хочу вступиться за эту часть, их имена Пушик, Аппман (в документе имена неразборчиво. — *Авт.*) — отнеслись иначе».

ВОПРОС: Как Вы отнеслись к волне противодействия революции.

«Я не сочувствовал, я видел, что ничего не выйдет, слишком силен толчок. Исторически это неизбежный толчок».

ВОПРОС: Значит, нейтралитет своего рода, и для Вас исход борьбы был ясен.

´/молчи́т/

ВОПРОС: Считаете ли Вы Баймонта (предполагаем, что так в протоколе записана фамилия Бальмонта. — *Авт.*) врагом трудящихся.

«Да, он поступил некрасиво».

ВОПРОС: Не в этом дело, а, например, Бунин, по-Вашему, враг или нет, и Вам он тоже враг.

«Да, поскольку я здесь».

ВОПРОС: Поскольку Вы здесь, как Вы относитесь к эмиграции, в частности Ваш брат — эмигрант.

«Да, но он не политик, он просто ученый, не имею с ним сношений и его мнения не знаю».

ВОПРОС: Считаете ли Вы эмиграцию врагом СССР.

«Да, конечно врагом».

ВОПРОС: Вы были арестованы.

«Да, был арестован 17 дней, обвиняли в помощи мировой буржуазии, я отрицал».

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить Левинтову выяснить о привлечении Лозинского по Таганцевскому делу. Выдвинуть на персональную чистку.

Выписка верна. Подписал Звейнек[121].

В личном деле сотрудника ГПБ М.Л. Лозинского есть документ, где в графе «Проходил ли чистку госаппарата ГПБ V–VI — 1930» отмечено: «Считать проверенным»[122].

В 1931-м забрезжила надежда на публикацию переводов Эредиа, сделанных силами студийцев Лозинского. Он пригласил своих некогда молодых, а ныне значительно повзрослевших друзей к себе домой, чтобы бросить свежий взгляд на общую работу, что-то исправить, что-то доделать, усовершенствовать.

В архиве И.В. Платоновой-Лозинской хранится тетрадь, озаглавленная «Расписки по уточнению 28.09–21.10.1931». В этой тетради бывшие студийцы ежедневно в течение трех недель строго отмечали свое присутствие на возрожденных коллективных занятиях. Но видно, что одновременно они с удовольствием возвращались к своим давним, совсем не формальным отношениям. Расписывались — кто настоящей своей фамилией (Владимирова, Бронник, Малкина…), а кто и прежним прозвищем (Памбэ, Маврикий…). Забавлялись, выстраивая из росписей геометрические фигуры, порой весело по листу разбрасывали буквы. Одним словом — снова играли. И их вполне солидный руководитель в эту игру включался тоже.

М.Л. Лозинский был главным библиотекарем ГПБ и заведующим Библиотекой Вольтера. Но проработал он в этой должности всего чуть больше двух недель: назначение получил 4 марта, а пришли за ним 20-го. Несомненно и то, что он ожидал ареста: 9 числа взяли его ученика, студийца Михаила Бронникова. В один день с Лозинским — Татьяну Владимирову, Марию Рыжкину-Петерсен.

За три дня до ареста, 17 марта, в его квартиру явились с ордером на обыск. В присутствии представителя жакта т. Суворова «наложены две печати ОГПУ, одна внутри комнаты, одна снаружи». Зафиксировали следующие факты: средства к жизни М. Л. Лозинский получал в форме заработной платы и литературных гонораров, его жена — служащая Политпросветцентра, сын — практикант ленинградского отделения Теплотехнического института, дочь — учащаяся.

На допросе Лозинский спокойно рассказывал о создании и работе студии, никого ни в чем не обвиняя, не называя ни одного имени. Он с достоинством оспаривал обвинения в причастности своих учеников к контрреволюционной деятельности, отрицая политическое содержание занятий в студии.

В отличие от протоколов допросов большинства обвиняемых, в протоколе допроса Лозинского не слышно диктующего голоса следователя:

…Беспартийный. Сочувствую целям и задачам Соввласти и считаю своим долгом по мере сил способствовать росту СССР и социалистическому строительству.

…Был арестован летом 1927 г. Содержался в ДПЗ 17 дней, освобожден за прекращением дела.

Считаю себя убежденным и добросовестным участником советского строительства, и ни в одной из областей, в которых я работаю, я не могу упрекнуть себя ни в чем, что могло бы идти вразрез с интересами этого строительства.

По вопросу о моей деятельности как руководителя литературной студии сообщаю нижеследующее:

В конце 1919 г. при ленинградском Доме искусств (при Наркомпросе) была организована литературная студия, в ней я вел занятия как руководитель семинария… по стихотворному переводу. В основу занятий я положил метод коллективного перевода. …Занятия велись из года в год, иногда с многомесячными перерывами (например, с января по осень 1922 г. занятий не было ввиду моей болезни). Зимой 1922–1923 г., с закрытием Дома искусств, занятия моей студии переехали в издательство «Всемирная литература».

Закончены они были весной 1923 г. Целью моих занятий было обучение молодых поэтов, на основе коллективной работы, технике стихотворного перевода, отвечающего наивысшим художественным требованиям. Вначале для работы брался разнообразный материал и преимущественно французского поэта, т. к. этим языком владели все участники студии. Опыт работы над более трудными формами, в частности, над сонетом в лице совершеннейшего из сонетистов Эредиа, дал очень ценные результаты, и издательство «Всемирная литература» предложило моей студии взять на себя перевод всех сонетов Эредиа из его книги «Трофеи». Задание это и было выполнено к весне 1923 г. Большая часть переведенных сонетов — коллективная работа, остальные — переводы отдельными участниками, но подвергались опять-таки коллективной редакции. Ввиду ликвидации «Всемирной литературы» не вышло издание этого сборника. В нем имелось мое предисловие, написанное еще в

1923 г., где я излагаю историю моей студии и метод ее работы. Перед отсылкой рукописи в Москву я в сентябре — октябре 1931 г. предложил наиболее активным из моих студийцев совместно просмотреть и исправить ряд сонетов, меня не удовлетворявших. Работе этой мы посвятили 5 вечеров. Около 20 октября 1931 г. рукопись была вручена ленинградскому отделению «Академии».

Я должен категорически протестовать против предположения, что занятия в моей студии могли привлекать молодых поэтов как нечто вроде «убежища» от суровой советской действительности и что поэтому атмосфера этих занятий должна была быть «политически вредной». Каких-либо антисоветских настроений среди моих слушателей и сотрудников не было и в помине, руководитель же студии носителем таких настроений также не являлся. Интерес к занятиям был большой, но интерес чисто художественный, подтверждаемый к тому же увлекательностью коллективного метода работы. Результат проделанного труда — переведенная студией книга исключительного мастера стиля — свидетельствует об интенсивности этого труда. Всем участникам работы и руководителю их казалось, что они делают ценный вклад в нашу переводческую литературу и дают показательный пример плодотворного коллективного творчества. О работе моей студии я неоднократно делал доклады (во «Всемирной литературе», в Государственном институте истории искусств, во Всероссийском Союзе советских писателей), и всюду метод нашей работы вызывал живой интерес, а результаты ее — очень высокую оценку. За последние годы и иностранная секция ВССП, и секция переводчиков ФОСП[123] не раз предлагали мне возобновить мои занятия, но недостаток времени не позволял мне этого сделать.

О шутливых прозвищах участников студии. Летом 1920 г. во время поездки в Тарховку на дачу Дома искусств участники студии по поводу разных смешных случаев дали друг другу шутливые клички.

Меня прозвали… *Lehrer Lapipel* (из Буша «Макс и Мориц»), Шерфоль — Его Непостижимость герцог Шерфольский. Далее помню прозвание других: Макс, она же Максим Скуратович Скуратов — Памбэ Прембес; Мориц, она же Маврикий, архиепископ Коломенский и Тарховский, или Мориц и Фут; Гастон де Пиньяк, герцогский капельмейстер, Единственная Женщина, Молодой Утопленник и т. д.

На основе этих прозвищ вырос ряд воображаемых комических фигур, о которых молодежь писала шутливые произведения в стихах, и в прозе, и в драматической форме, подтрунивая в них и над руководителем студии, и над друг другом. Пока длились

занятия, т. е. лето 1923 г., я и некоторые участники студии (обычно раз в год) встречались частным образом; раза два-три они разыгрывали специально написанную к случаю «шерфольскую» пьесу, в которой я должен был читать роль «герцога» и т. д. После 1923 г. такие встречи стали очень редки. Последняя из них была весной 1927 г., когда была разыграна пьеска «Шептала». С тех пор (не считая пяти — если не ошибаюсь — занятий над Эредиа около 1931 г.) я со своими бывшими слушателями встречаюсь только случайно и только с двумя слушательницами чаще: одна из них работает, как и я, в Публичной библиотеке, с другой я знаком домами и бываю в ее семье раза четыре в год.

Литературный журнал этой студии «Устои» можно назвать праздной забавой, но более серьезной критики он вряд ли заслуживает.

Из обвинительного заключения по делу «Об контрреволюционных кружках и антисоветских салонах»:

Лозинский Михаил Леонидович, гр-н СССР, ур. г. Ленинграда, 1876 г. р. (в протоколе ошибка, М.Л. Лозинский родился в 1886 г. — *Авт.*), потомственный дворянин, образование высшее, литератор, служащий ГПБ, беспартийный, женат, имеет 2-х детей <…> арестовывался органами ГПУ в 1927.

а) Будучи связан с белоэмигрантскими кругами, группировал вокруг себя антисоветски настроенную литературную молодежь, намеренно воспитывая последнюю на переводных литературных образцах монархического направления;

б) создал из руководимой им редакционной переводческой студии, действовавшей в 1921–1923 гг. при издательстве «Всемирная литература», а/с литературный кружок «Шерфоль», входящий в систему к/р организации и ставивший себе задачей отрыв молодежи от современной советской действительности и переработку ее во враждебном пролетарской диктатуре духе;

в) руководил практической а/с деятельностью кружка, заключавшейся в издании а/с рукописного журнала «Устои», пародирующего советскую современность, и в регулярных собраниях кружка, на которых разыгрывались коллективно написанные пьесы, апологитирующие феодально-монархические устои общественной жизни, велись а/с политбеседы и пр.

…Виновным себя не признал, изобличается показаниями подследственных Владимировой и Петерсен.

В июне 1932-го жена М.Л. Лозинского Татьяна Борисовна Лозинская обратилась с письмом к Е.П. Пешковой:

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Согласно выраженному Вами желанию, спешу сообщить Вам подробности о деле моего мужа. Муж мой — Михаил Леонидович Лозинский, главн. библиотекарь Публичной библиотеки и литератор-переводчик с уже многолетним стажем (главные его работы за последние годы по заказам Московского и Ленинградского ГИЗа и изд. «Академия» были: переводы Гамлета, Тартюфа, ряда стихов Гёте и двух его юношеских пьес (вошли в юбилейное изд. сочинений Гёте), автобиография Челлини (изд. «Академия» готовит сейчас второе издание, т. к. первое очень быстро разошлось), Цвейга, Ромен Роллана (роман «Кола Брюньон»)), был арестован 20 марта 1932 г. и обвиняется, как мне дали справку, по 11 п. 58 ст. В один день с ним были арестованы две его бывших ученицы (М.Н. Петерсен и Т.М. Владимирова), а за 10 дней — тоже его бывший ученик М.Д. Бронников: учились они у М.Л. Лозинского в 1920–1922 г. в семинарии по технике стихотворного перевода, организованного при Доме искусств; семинарий состоял из 6–8 лиц. Занятия прекратились в 1923 г. за недостатком времени у руководителя. Главной работой был коллективный перевод сонетов франц. поэта Эредиа, на издание которых в 1931 г. был заключен с издательством «Академия» договор; для поправок и окончательной отделки стихов к печати участники собирались 2–3 раза у нас дома осенью 1931 г. Почему был арестован Бронников, я не знаю, но поводом для ареста моего мужа после Бронникова послужили шутливые стихи участников семинария, где под разными символическими и шуточными прозвищами воспевались участники работ и их руководитель: стихи эти были взяты у Бронникова среди других его бумаг. Символические шуточные непонятные прозвища и намеки могли возбудить подозрение: когда мой муж в 1927 г. в числе 8 человек служащих Публичн. библиотеки был арестован, то как раз часть этих же стихов, взятых при обыске, возбудили недоумение и ряд вопросов следователя, но объяснения М.Л. Лозинского его вполне удовлетворили, т к. муж был отпущен через две недели без обвинения. Муж мой, перегруженный служебной и литературной работой, ведет очень замкнутый образ жизни, и самая мысль об участии его в какой-либо организации совершенно невероятна и недопустима для всех хоть немного знающих его: вся его работа у всех на виду. Следствие окончено, приговор может быть скоро, и я боюсь, что дело, возникшее по недоразумению, может привести к тому, что талантливый человек будет оторван от любимого и нужного дела, которому он отдавал все силы. Если можете, помогите. Все, что я говорю, вполне точно и может быть проверено и подтверждено.

Искренно уважающая Татьяна Лозинская.

18.06.32[124].

Учитывая параноидальность органов, Татьяна Борисовна подчеркнула: «Символические шуточные непонятные прозвища и намеки могли возбудить подозрение».

По счастью, в бумагах М.Л. Лозинского остались необнаруженными при обыске яркие примеры этих «прозвищ и намеков» — веселые пародийные стихи, написанные студийцами и их руководителем еще в 1923 году, в ознаменование победного завершения работы над переводами Эредиа. По этому случаю студийцы устроили небольшой праздник, во время которого подарили Лозинскому плохонький советского производства бумажник.

Epigramme votive

О, мэтр, прими наш дар простой и небогатый,
От сердца чистого он купно поднесен.
Да будет навсегда тебе любезен он,
Как были некогда и «пинии», и «скаты».

Вдыхая сладостно сей кожи ароматы,
Ты вспомнишь Аэллу, Пеней, Горголион.
И скажешь: «Этот год угас во мгле времен,
Четыре протекло, но пусть наступит пятый»

Тебе мы предстоим, в слезах оцепенев,
Смиренный юноша и сорок восемь дев…
Как в старину руно несли к подножью бога —

Так мы несем в сей час вечеровой,
Хотя и полный чувств, но все-таки пустой.
Бумажник та-та-та из шкуры носорога.

9 мая 1923
Студия[125]

Михаил Лозинский ответил студийцам сонетом:

Памятник

Я памятник воздвиг соборно-переводный,
Где слиты голоса четырнадцати фей,
И — сонма звучного счастливый корифей —
Не требую наград за подвиг благородный.

Слух обо мне пройдет от струй Невы холодной
Дотуда, где шумит классический Алфей,
И поколения восславят мой Трофей,
Как самый редкостный и самый бездоходный.

О Муза, ты одна поэту судия!
Вплетай же в мой венец цветы Эредиа:
Дрок, сатурон, глог, мак, анемон и шпажник.

И пусть Альфонс Лемерр, увидев, что вовек
Французский подлинник не купит человек,
В бессильном бешенстве похитит мой бумажник.

М. Лозинский
9 мая 1923[126]

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года Лозинский Михаил Леонидович был приговорен к трем годам концлагеря условно.

Соответственно, из штата Ленинградской государственной публичной библиотеки М.Л. Лозинский был уволен на основании п. 9 ст. 47 КЗОТ. Причем уволен задним числом — 17.03.32, то есть за три дня до ареста.

И хотя через некоторое время был он по трудовому соглашению зачислен обратно — консультантом в сектор обработки для работы с Библиотекой Вольтера, — контроль над ним был неусыпным, сему свидетельством следующий документ:

18.08.1933
№ 33/с

Лозинский Михаил Леонидович, 1886 г. р., б. дворянин, образ. высшее юридическ. и историко-филологическое, литературовед и библиограф, трудстаж — 1910 г.

Работает в Госуд. публичной библиотеке с 1914 г. в качестве главного библиотекаря; в 1933 г. ведет специальную библиографическую работу по описанию Библиотеки Вольтера.

Был за границей в 1900–1902 гг., 1905, 1909, 1911, 1912 и 1924 гг., брат с 1924 года проживает в Париже. <…> …был

арестован органами ОГПУ два раза и имеет условное осуждение.

В общественной жизни ГПБ не участвует, буржуа по происхождению, держит себя апполитично, подозрительная нейтральность. При использовании его как специалиста нужна политическая зоркость. <…>

и. о. директора ГПБ /Звейнек/

Зав. секретной частью /Ильвес/[127]

10 марта 1935 г. Михаил Лозинский вновь был уволен из библиотеки — семья его попадала в так называемый «Кировский поток» — массовое выселение дворян из Ленинграда. Но студенты I курса физического факультета ЛГУ — юные влюбленные восемнадцатилетний Никита Толстой и девятнадцатилетняя Наташа Лозинская — спешно зарегистрировали брак. Это дало основание близкому к верхам А.Н. Толстому ходатайствовать об исключении Лозинских из печального списка.

С марта 1937 г. по начало февраля 1938 г. Лозинский работал в ГПБ по договору.

Потом, в 1940-е, будет триумфальное признание, Сталинская премия за «подвиг своей жизни» (ахматовская характеристика) — бессмертный перевод «Божественной комедии» Данте. М.Л. Лозинский переводил, превозмогая физические страдания, зная, что смертельно болен…

Из дневника Л.В. Яковлевой-Шапориной (запись от 03.02.1955):

«Я сейчас вернулась с кладбища. Мы похоронили Михаила Леонидовича и Татьяну Борисовну Лозинских. От нас ушли люди такого высокого духовного и душевного строя; эта семья — видение из другой эпохи. <…>

Оглядываешься кругом и никого не видишь. Такая спаянность сердечная до самого конца, до “остатного часа”, до могилы и за могилой. <…>

“Эти похороны — легенда”, — сказал Эткинд, и он же в Союзе писателей на гражданской панихиде лучше всех охарактеризовал М. Л. и отношение к нему младшего поколения. “В жизни Михаила Лозинского не было ни одного коварного, ни одного лицемерного поступка, ни одного темного пятна”.

<…> 31 января ему вспрыснули морфий, он заснул, спокойно дышал, потом перестал дышать, умер в два часа дня. Около него были дети. Татьяна Борисовна, когда М.Л. заснул, легла отдохнуть, сказав, что у нее очень тяжелая голова. <…> Ее, спящую, перевезли в Свердловскую больницу, и вечером 1 февраля Наталья Васильевна позвонила мне: “Татьяна Борисовна скончалась”. Я была совершенно потрясена. В ней была такая внутренняя чистота, тонкость, доброта. Больно, так больно, что ее

больше не увидишь. <…>

Вот прожили вместе больше сорока лет и ушли вместе…»[128]

Рыжкина-Петерсен Мария Никитична *Макс-Памбэ-Скуратов*

Переводчица, библиотекарь и журналистка Мария Рыжкина-Петерсен была арестована в один день со своим учителем Михаилом Лозинским, всего через три дня. Почему выбор следователей по делу № 249-32, или «Делу Бронникова», пал именно на нее, остается до конца не ясным.

Мария Никитична оставила свои воспоминания, которые хранятся сегодня в Москве, в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Они-то и стали для нас основным источником сведений о ее жизни и, в частности, событиях 1932 года.

«Однажды в воскресенье я подъезжала на извозчике к дому. В санях, в ящике, находился обеденный сервиз или часть его, которую Дина (Дина и Елена — сестры М.Н. Рыжкиной. — *Авт.*) сочла нужным отдать мне. В самом деле, сервиз на двенадцать персон был великоват даже для ее жадности. Плохо было то, что сервиз находился еще на Кузнечном (вероятно, на Кузнечном находилась часть сервиза. — *Авт.*), у Елены, а зять Мамонтов был как раз незадолго перед тем арестован! За что? Уж не знаю. Когда я подъехала к дому на Васильевском, от подъезда отделился (именно “отделился”, а не отошел) какой-то тип, в тогдашней форме ГПУшников, сменившей пресловутые гороховые пальто дореволюционных филеров: черное пальто с кроликовым воротником, черная кепка и высокие сапоги. Мне стало не по себе: вывезти что-нибудь из квартиры арестованного могло дорого обойтись. Но шпик скрылся, я управилась с моим сервизом и вернулась к Марье Оскаровне (сестра В.А. Петерсена, мужа Рыжкиной, у которой супруги жили в то время. — *Авт.*). Оскарыч устраивал тогда совместно с Лозинским выставку по случаю столетней годовщины смерти Гёте. Я уже к работам не привлекалась — вероятно, еще нечего было этикировать. Материал только подготавливался. Усердие русских интеллигентов о ту пору поистине не знало границ! Ненормированный рабочий день был для них тогда почти обязателен. И вот оба устроителя сговорились прийти в воскресенье, поработать без помехи. Однако вернувшийся домой Оскарыч, сказал мне вскользь: “А Лозинского сегодня не было!” Ну не было, так не было! Что ж особенного. Справедливо пишет Солженицын, что человек, видя кругом аресты, никак не думает, что и его может постигнуть то же самое. “Меня-то за что же?” Ну вот. А ночью раздался звонок, Мария Оскаровна пошла открывать

и вернулась с кратким: “Вас!” В прихожей стоял “чин”, солдат с винтовкой и управдом. Мы наскоро оделись, а “чин” подошел к телефону, набрал номер и сообщил торжествуя: “Мы их нашли!” Словно мы прятались. “Чин” был очень огорчен, узнав, что все принадлежит Марии Оскаровне, а нашего имущества здесь нет. И тут я сделала глупость, сказав: “Там в прихожей еще лежит моя сумочка!” А в сумочке находилось сразу два доказательства моей связи с заграницей: 1) Письмо моей золотой Минхен (кто такая Минхен, выяснить не удалось. — *Авт.*), адресованное из Ревеля Дине, в котором она спрашивала обо мне, и 2) перевод гумилевского “Слоненка” на немецкий язык, сделанный Раичкой Блох в Берлине и присланный ею О. А. Добиаш-Рождественской, которая и дала его мне на прочтение. Стало быть, примешивались к нашим преступлениям еще и чужие имена. Мысль об этом отравила мне еще более мое пребывание в одиночке. Взял “чин” и тетрадку с началом моего “труда” по истории картошки в России в беллетристической форме. Жаль, что пропал “труд” — после мне не хотелось к нему возвращаться. Да и материалов под рукой не было. “Чин” заказал машину, но она долго не приезжала, и я даже предложила ему идти пешком. Сантиментов разводить при прощании не полагалось. Я только обратилась к Марии Оскаровне со словами: “Поберегите его!”, и, обняв мужа, сказала: “Слушайся старших!”, а он, когда я направилась с моими нежелательными спутниками к двери, сказал: “Ну вот! Теперь, наконец, можно лечь спать и выспаться!” *Galgenhumor*[129] — говорят в таких случаях немцы. Посадили меня в машину и повезли. Что-то мелькало за окнами. Как раз попала в поле зрения библиотека и потом Симеоновский мост… Прием, одиночку и пр. описывать не стоит — они описаны тысячу раз. Гнусно было и нудно, а главное, боязнь повредить другим, в первую очередь, конечно, Лозинскому, а потом и Морицу. Я тогда не знала, что он “заговоренный”».

Из протокола допроса

1932 года III месяца 23 дня я, уполномоченный СПО Бузников А.В., допрашивал в качестве обвиняемой гражданку Петерсен-Рыжкину, и на первоначальном допросе она показала:

Петерсен-Рыжкина Мария Никитична, 1898 г. р., дочь купца и потомственного почетного гражданина, Ленинград, набережная Лейтенанта Шмидта, д. 7, кв. 4. Библиотекарь ГПБ, замужем, муж — Владимир Оскарович — служащий ГПБ. За границей в Ревеле проживает моя близкая знакомая Нина Федоровна Штерн,

кооптировавшаяся в 1921 году, с которой я переписываюсь. Отец имел три дома на Кузнечном переулке в Петербурге и имение в 500 десятин в Московской губернии. Образовательный ценз — высшее библиотечное, беспартийная, не судима.

М.Н. Рыжкина родилась 19 февраля 1898 г. в Петербурге. Ее родовое древо уходит корнями к старообрядцам, крепостным графов Шереметевых, разбогатевшим после освобождения и ставшим купцами-миллионерами. Переехав в Петербург, Рыжкины купили несколько доходных домов в центре города и безбедно зажили своей большой семьей.

В 1906 г. родители отдали Марию Никитичну в женскую гимназию при пансионе А.А. Ставиской. В 1909 г. гимназию купил великий князь Дмитрий Константинович и переименовал в Женскую гимназию е. и. в. великой княгини Александры Иосифовны. Одновременно это учебное заведение получило все права правительственных гимназий. В 1911 г. гимназия перешла в собственность П.А. Макаровой.

В 1915 г. М.Н. Рыжкина поступила в Женский политехнический институт, но после окончания второго курса перешла на исторический факультет Петроградского университета. Учеба доставляла Марии Никитичне истинное удовольствие, и она, несомненно, стала бы неплохим ученым-историком, однако революция 1917 г. все изменила. Имущество семьи было экспроприировано, жить стало не на что, и М.Н. Рыжкина оставила Университет, чтобы пойти работать делопроизводителем в Квартирное управление и машинисткой в Севпродуктпуть.

Служба в советских учреждениях наводила на М.Н. Рыжкину тоску, она мечтала о другой доле:

«И вот однажды, проезжая по Литейному в трамвае, я увидела на стекле вагона объявление об открытии “Литературной студии” на Литейном же, в доме Мурузи. Были перечислены и предметы, и имена лекторов, и я подумала: “Чем черт не шутит!” <…> И так однажды вечером прекрасного летнего дня пошла я в этот самый дом Мурузи. Слушала я главным образом Гумилева и Чуковского, творения которых мне были знакомы. Лекции читались в помещении бывшей детской, на стенах висели еще картинки (приложения к “Задушевному слову”?) и какие-то роскошные издания Вольфа еще лежали на подоконниках. Эта обстановка была в свое время забавно описана Елизаветой Григорьевной Полонской, равно как и сам лектор Гумилев, сидевший преимущественно на столе и вертящий в пальцах папиросную коробку. Хотя он и уверял, что может из любого человека сделать поэта, а из любого поэта — хорошего, вопрос

этот для меня оставался спорным. Определенного плана у нашего лектора очевидно не было. Он производил какие-то эксперименты и с увлечением говорил о французских романтиках Гюго, Мюссе и прочих, которыми он, может быть, занимался в свое время в Университете и теперь пользовался своими университетскими записками. <…>

Между тем студию перенесли в Дом искусств, на углу Мойки и Невского. Ну, тут было повольготнее и как-то дружнее. Давали концерты, устраивались вечера поэтов, читались доклады. <…>

Однажды в Доме искусств был назначен концерт Шопена, и я очень хотела его послушать. По ошибке или потому, что просто пришла на час раньше, я, ища себе пристанища, решила зайти в семинар “Художественного стихотворного перевода” Лозинского. Вошла. За столом сидел очень высокий, плотный, широколицый руководитель семинара М.Л. Лозинский. Перед ним — три-четыре слушательницы. Переводили стихи Эредиа, о котором я никогда не слыхала, а когда услышала, то замерла как очарованная. <…> Мне нравились стихи, мне нравился метод: участники предлагали свои варианты, которые лектор обсуждал, и наконец, мне нравился сам лектор, обладавший каким-то только ему свойственным шармом. <…> Студия поглотила меня целиком. Забежав домой, поев пшенной каши на воде или съев свою порцию воблы, я бежала в Дом искусств. Гумилев, Чуковский, по вторникам и четвергам переводы у Лозинского, а потом итальянский язык у его брата Григория Леонидовича Лозинского по средам и пятницам. Помимо этого, были еще какие-то клубные вечера только для студийцев, на которых мы пили чай из неведомой травы, ели хлеб с повидлом, сочиняли буриме и сатиры, представляли шарады и вообще действовали, как говорится, кто во что горазд…»

В 1920 г. М.Н. Рыжкина сделала попытку вернуться на кафедру Средних веков исторического факультета. По совету своей подруги по переводческой студии Раисы Ноевны Блох она стала заниматься историей средних веков под руководством О.А. Добиаш-Рождественской — выдающегося медиевиста, ученого европейского масштаба, первой женщины, защитившей в России докторскую диссертацию по всеобщей истории. По предложению Ольги Антоновны М.Н. Рыжкина начала писать работу о Первом крестовом походе и о деятельности папы Урбана II.

«Надо было на основании четырех сохранившихся латинских хроник изложить это дело по моему разумению. Моих знаний латинского хватало для этого предприятия. И я принялась. Как подсобный материал была дана мне еще какая-то статья Добиаш, и я с удовольствием отметила, что она приписывает цитату

одного монаха — другому… Находка! Но моя попытка посвятить себя Средним векам так и остановилась на Крестовом походе».

Поняв, что по-прежнему не может совмещать учебу со службой, М.Н. Рыжкина окончательно ушла из Университета.

В том же 1920 г. она получила неожиданное предложение от К.И. Чуковского занять место его секретаря.

«Судьба готовила мне новое поле деятельности: секретарство у Корнея Чуковского. Он благоволил ко мне, и мы нередко зубоскалили с ним и в доме Мурузи, и в Доме искусств. Секретарей у него в ту пору переменилось великое множество. Был секретарем Михаил Слонимский, столь же тощий, как его талант, был, кажется, и Николай Никитин, был и Илья Зильберштейн (впоследствии секретарь Щеголева). <…> Договорились мы с моим новым работодателем скоро, и я на другой день приступила к моим обязанностям. Жил Чуковский на Кирочной улице на углу Манежного переулка, имел жену и четверых детей. Обязанности мои были многообразны, и я, в шутку, именовала себя “секретарем с мелкой стиркой”. Ну, до этого дело не доходило, но присмотреть за Мурочкой — младшей дочкой, мне поручалось не раз. Приходилось иной раз кое-что переписывать на машинке, а главное — гонять во все концы города на манер рассыльного. О ту пору Корней был по преимуществу детским писателем, написал “Мойдодыра”, которого должен был иллюстрировать Юрий Анненков. Последнему я с первого взгляда приглянулась, и он потом осведомился у Корнея: “А эта барышня не купеческого звания?” — и попал в точку. Потом он даже вроде как попытался “соблазнить меня” и свел в кафе на Литейном, но скоро раздумал: уж очень я была не осведомлена в новой живописи и не сексапильна — тюфяк тюфяком! К тому же и супруга его Елена Борисовна держала его в строгости. <…>

Приходилось мне по поручению Чуковского посещать и других интересных людей. Была у Добужинского, была и у Чехонина, но постеснялась попросить их “нарисовать мне птичку”. Была у сенатора Кони, ветхого деньми, но еще выступавшего с докладами о былых временах. В студии ходила шутка: “Сенатор Кони выступит с докладом «Всемирный потоп по личным воспоминаниям»”. <…> Бегала я с рукописями Корнея на Галерную, к какому-то издателю по фамилии Беленький. Корней перекроил тогда свою статью о футуристах, смягчив в ней многое, ибо футуристы были тогда в почете. А жаль! Первая редакция была куда хлестче. Не скажу, чтобы у меня дело с моим работодателем шло всегда гладко. Иной раз он ругал меня “поповна”, а главное — не платил денег. «Памбочка (о прозвище

Рыжкиной Памбэ см. дальше. — *Авт.*), Вам очень нужны деньги?” — спрашивал он меня иной раз умильно, а я думала: “Отец семейства. Четверо детей. Могу и подождать”. Я ждала, что расстраивало мой бюджет.

Кончилась моя секретарская деятельность у него крупным скандалом на Рождестве 1922 года».

Новый секретарь не был таким безотказным, и в дневнике Чуковского появилась горькая надпись: «С тех пор, как от меня ушла Памба, моя работа застопорилась»[130].

В знаменитой «Чукоккале» сохранилась запись шуточного стихотворения М.Н. Рыжкиной:

Колыбельная (допотопная)

Заслоняет горизонт
Нам сегодня мастодонт;
У пещеры поперек
Развалился диплодок;
Словно парою литавр,
Лязгнул пастью бронтозавр.
Все желают одного —
Слопать сына моего.
Я им сына не отдам:
Я три дня не кушал сам[131].

В своем «Дневнике» Чуковский записал такой небезынтересный случай, связанный с М.Н. Рыжкиной:

«Была у меня секретарша Памбэ (Рыжкина). Она отыскала где-то английскую книжку о детенышах разных зверей в зоопарке. Рисунки были исполнены знаменитым английским анималистом (забыл его имя). Памбэ перевела эту книжку. <…> Увидал книгу Памбэ Маршак. Ему очень понравились рисунки, и он написал к этим рисункам свой текст — так возникли “Детки в клетке”, в первом издании которых воспроизведены рисунки по английской книге, принесенной в издательство Рыжкиной-Памбэ, уверенной, что эти рисунки будут воспроизведены с ее текстом»[132].

Весной 1921 г. в Петрограде начал выходить юмористический журнал «Мухомор». М.Н. Рыжкина решилась послать туда несколько своих стихотворений. Подписалась она своим еще гимназическим прозвищем: Памба. Объясняется это тем, что в

юные годы она увлекалась Киплингом, а у него одно стихотворение начинается словами «Толстый Памба, жирный Памба», ну а М.Н. Рыжкина была тогда весьма корпулентной девушкой. К ее большому удовольствию, стихи журнал принял, и это была ее первая публикация. Правда, в журнале перепутали последнюю букву псевдонима и подписали их именем Памбэ. Именно такое написание прозвища — Памбэ — Рыжкина и будет использовать дальше в качестве псевдонима, в том числе и в кружке Лозинского.

Изнывая от бремени службы в многочисленных советских учреждениях, М.Н. Рыжкина искала себе более подходящую работу. Одно время она устроилась учителем математики в школе для военных и библиотекарем в другое военное учреждение. И вот наконец той же весной 1921 г. ей повезло: благодаря протекции М.Л. Лозинского ее взяли в только что образованную Комиссию по национализации книжных запасов при Центропечати.

«В эту Комиссию ежедневно свозили на грузовиках книги из бесхозных, то есть эмигрантских квартир, из национализированных книжных магазинов, из пустующих дворцов и прочее, и прочее. Разбирали их, работая по совместительству, многие сотрудники Государственной публичной библиотеки и других библиотек. Занимался этим и Лозинский. Присоединилась к этому делу и я. Но не на складе, а в качестве “разъездного агента” с удостоверением и печатью, уполномочивающими меня обнаружить все бесхозные библиотеки, опечатать их и передавать Комиссии».

Примерно в это же время М.Н. Рыжкина получила свой первый заказ на прозаический перевод для издательства «Всемирная литература». Она работала с большим рвением, особенно потому, что роман написан рифмованной прозой и ей казалось важным передать не только содержание, но и форму этого произведения. Однако перевод оказался испорчен редактором пушкинистом Н.О. Лернером, который уничтожил все рифмы. Редколлегии издательства с большим трудом удалось уговорить М.Н. Рыжкину закончить работу, но она согласилась сделать это только при условии, что книга выйдет под псевдонимом переводчика — М. Елагина.

Переводческая работа во «Всемирной литературе» была необходима Марии Никитичне, как воздух, иначе жизнь казалась ей невыносимо скучной. Тем более что как раз тогда студия закончила перевод сонетов Эредиа.

«Наше издательство (Госиздат или Академия?) неожиданно отказалось печатать наши переводы. Причина: оказалось, что

Олерон-Глушков, в прошлом соратник Ленина, когда-то в ссылке перевел и “Трофеи”, и “Завоевателей золота”, и “Романсеро”. Ему было, конечно, отдано предпочтение, и мы разошлись несолоно хлебавши. <…> Кончилась целая эпоха наших жизней. То, что она может отозваться таким громким эхом в 1932 году, и в голову не приходило».

Действительно, в жизни М.Н. Рыжкиной кончилась целая эпоха, зато началась другая, не менее важная. По рекомендации В.А. Чудовского ее приняли на службу в Публичную библиотеку.

«Публичная библиотека! — пишет она в “Мемуарах”. — У ее порога играла я ребенком с Тузиком и санками, а на меня, может быть, поглядывал из окна Иван Афанасьевич Бычков, просидевший тогда уже двадцать лет на своем месте в Рукописном отделении… Помню, какое необыкновенное впечатление произвели на меня залы, когда учительница русской литературы Боровкова-Майкова водила нас, пятиклассниц, на экскурсию и как я на следующем уроке заявила, что буду непременно ходить туда и была разочарована ответом, что учеников средних заведений туда не пускают! А потом, студенткой, сиживала и в читальной зале, и в Русском отделении… И вот теперь стать сотрудницей (научной или хотя бы полы подметать! но быть обладательницей всех 5 000 000 томов!!!)».

21 ноября 1923 года Чудовский отвел М.Н. Рыжкину к главному библиотекарю Русского отделения, выдающемуся библиотекарю, библиографу и филологу В.И. Саитову. Проработав рядом с ним целый год без жалования, но обучившись нехитрому библиотечному делу, она была переведена в штат: сначала в читальный зал, а потом в отдел комплектования. В ГПБ М.Н. Рыжкина приобрела настоящих друзей: А.Д. Люблинскую, Н.В. Гуковскую, А.И. Доватура и многих, многих других. Легендарный сотрудник библиотеки И.А. Бычков обучал ее работе с рукописями, А.Н. Римский-Корсаков, сын композитора, посвящал в тайны богатейшего нотного собрания, А.А. Ларонд учил сложному, но захватывающе интересному библиографическому делу.

Вскоре у М.Н. Рыжкиной появился свой, уже хорошо знакомый участок работы. Она перешла в отдел комплектования, где ей поручили разбирать поступившие в фонды реквизированные библиотеки Государственной думы, богатейшую библиотеку профессора-юриста, поэта и литературного критика Б.В. Никольского, коллекцию эльзевиров[133] графов Орловых, нотное собрание графов Юсуповых и т. д. Она также отбирала для Публичной библиотеки книги и рукописи из Елагинского,

Строгановского, Красносельского и других дворцов-музеев. По сути говоря, она продолжила заниматься тем, чем занималась в Комиссии по национализации книжных запасов при Центропечати, но в гораздо больших масштабах. В 1924 году вышла совместная книжка М.Н. Рыжкиной и А.И. Оношкович-Яцыной «Мышонок и луна» (М.; Пг.: Гос. изд.). В следующем году она была переиздана.

«Теперь мне предстояло разбирать коллекцию эльзевиров, наиболее полную, как говорили, в мире. Описание эльзевиров — наука особого рода. Имелся, конечно, печатный каталог на французском языке для ориентации, имелась и линеечка слоновой кости для измерения полей («обрезанный» или «необрезанный» экземпляр), а это очень важно в библиотечном деле.

Самое лучшее было то, что ящики с эльзевирами помещены временно в так называемом “Кабинете Фауста”, тогда еще не изуродованном варварами XX века. А “Кабинет Фауста” был одновременно и кабинетом директора библиотеки Э.Л. Радлова, и ежедневно общаться с ним было для меня дополнительным удовольствием. Эрнст Львович благоволил ко мне. <…> Посетители приходили в отделение не только к Эрнсту Львовичу, но и ко мне. Их было два: В.О. Петерсен, который спрашивал меня, не знаю ли я, где ключ от такой-то витрины, которого я в глаза не видала, хотя и принимала участие во всех устраиваемых выставках. Это был предлог, чтобы между прочим договориться о каком-либо совместном предприятии, и А.И. Доватур, приходивший брать сочинения своих Стратонов и Плиниев».

Знакомство с сотрудником ГПБ, искусствоведом и библиотековедом Владимиром Оскаровичем Петерсеном стало большим событием в жизни М.Н. Рыжкиной. В.О. Петерсен был почти на пятнадцать лет старше, участник Первой мировой войны, рядовой в армии А.И. Деникина. В Публичную библиотеку он пришел в 1921 году и в отделении изящных искусств занимался обработкой графических коллекций, а позднее возглавил этот отдел. М.Н. Рыжкина помогала ему в организации выставок: писала этикетки (со временем у нее сформировался образцовый библиотечный почерк), подбирала материал, развешивала экспонаты. В конце концов они поженились.

«Но библиотека все еще ни о чем не догадывалась. Я по-прежнему сидела в кабинете Эрнста Львовича, описывая мои эльзевиры, и мои два посетителя по-прежнему появлялись под разными предлогами. “Знаете, — наконец сказал Эрнст Львович, — это нехорошо, что к Вам двое ходят. Вы уж кого-нибудь одного выбирайте. Вам кто больше нравится: Петерсен

или Доватур?” Я решила созорничать. “Да мне больше нравится Петерсен, только я думаю, он меня не возьмет!” — “Ну что…” — “Нет, правда, Эрнст Львович, вот вы его родственник (родство и правда какое-то существовало), поговорите с ним”. — “Что ж, можно”. — “Только теперь не стоит, — продолжала озорничать я, — скоро отпуска начинаются, он пойдет в отпуск, я пойду в отпуск, а вот осенью я Вам напомню!” На том и порешили. <…>

В конце мая мы оба попросили наше начальство дать нам на часок отпуск и, получив разрешение, отправились порознь в ЗАГС, помещавшийся в бывшем дворце великого князя Сергея Александровича на противоположном берегу Фонтанки».

В 1926 г. М.Н. Рыжкина возглавила Дублетный фонд ГПБ.

В библиотеке мне было раздолье! Меня пересадили в Дублетное отделение. Огромное помещение в четвертом этаже библиотеки, куда сваливались все дублеты[134], привозимые к нам из разоренных частных библиотек. Историями полков (роскошные издания иной раз) можно было бы вымостить площадь Александринского театра. Предстояло кой-как рассортировать их, расставить на полках, чтобы получить хоть поверхностное представление об имеющихся там сокровищах. Были там «рожки да ножки» бывшей Государственной Думы, Духовной академии и пр. и пр. Иногда мне давались списки «дезидерат»[135] разных провинциальных библиотек, иногда появлялись и представители этих библиотек и искали сами. <…> Я была сама себе голова и, признаюсь, иной раз бездельничала, читая книги, или даже спала на тюках эстонских и латышских газет, бог весть откуда доставленных к нам в библиотеку.

Так прошло еще несколько лет.

Неожиданно появилась возможность вновь попытаться опубликовать переводы Эредиа, и набравшиеся опыта студийцы принялись за редактуру своих сочинений. Весной 1932 года Рыжкину арестовали.

О характере допроса и следователе Бузникове, который вел их дело, М.Н. Рыжкина пишет так:

«На допросе следователь меня спросил, как я думаю: за что меня посадили? “Арестован кто-либо из знакомых”. — “Кто?”— “Мой зять недавно арестован — м. б., в связи с этим?” Мне вспомнился сервиз и шпик у подъезда. Нет, причина была все же в аресте Бронникова. Стендаль в своей *“La vie de H. Brulard”*[136] часто пишет, что не помнит того или другого лица или события, несмотря на их важность, потому что чувство, переживаемое им, было так велико, что заслоняло внешнее. Так было и со мной. Я не помню лица моего следователя, многоуважаемого тов. Бузникова (да будет имя его известно

потомству (*dans ses heures perdues* он был детским писателем!)) [137]. Допрос начался с того, что на меня накинулись вчетвером какие-то “чины” (Бузников в том числе) и орали что-то с целью запугать меня; потом Бузников *solo* посоветовал мне во всем признаться и сказал, что все другие уже признались. Примитивный приемчик, который мне был известен из чтения о старых судебных процессах, хранившихся в моем Дублетном отделении. На дурацкие вопросы нечего было отвечать. “Вы не за других бойтесь!” — был рефрен всех угроз, а я действительно боялась за других, в том числе и за мужа, потому что если б его привлекли к делу… Наконец Бузников показал мне какой-то протокол, в котором Бронников признавался, что мы были монархической организацией и готовили черт знает что. Протокол был написан не рукой Бронникова, и я ему, конечно, не поверила, но я действительно боялась, боялась, боялась, боялась… и в конце концов подписала какую-то филькину грамоту. Только бы отвязаться, ведь все было решено и подписано. Только бы не видеть этой подлой рожи, только бы уйти в камеру. Будь что будет. Один раз я, впрочем, не могла не усмехнуться, когда Бузников, дубася кулаком по столу, орал: “Вы герцогиня? Вы герцогиня?” — “Нет! Я — генерал!”— честно призналась я».

После допроса М.Н. Рыжкину отвели под конвоем в одиночную камеру. В «Мемуарах» она дает описание тюремного быта и того, что происходило дальше:

«Я просидела, т. е., собственно, “проходила” (шесть шагов от окна к двери и обратно) еще недели две, а тем временем ветер переменился, т. к. у Лозинского были “покровители” и кто-то одумался. Надежда Мандельштам пишет, что у жены Лозинского была какая-то “кузина”, но это был Алексей Толстой, “рабоче-крестьянский граф”, любимец Сталина и свекор дочери Лозинского. Однажды надзиратель предложил мне: “Напишите заявление, чтобы Вас вызвали на допрос!” И тут я сделала величайшую глупость моей жизни — я отказалась. Если бы не трусость — меня, может быть, и выпустили бы. Но я просто не могла сладить со своими нервами. А потом, ровно через месяц, меня перевели ночью в общую камеру. Этот эпизод я попыталась изложить теперь (март 1978) в статейке для “Русской мысли”[138] — парижской эмигрантской газеты. Статья была напечатана с большим опозданием. Не думаю, чтобы Управление ДПЗ хотело сделать нам с Е.А. Фе (сотрудница Публичной библиотеки. — *Авт.*) приятный сюрприз, соединяя нас в одной камере, но мне это соединение пришлось очень кстати. Поговорить по душам с “единомышленницей” (в широком

смысле) было уже очень успокоительно и приятно. “Устроила” меня Е.А. также очень удобно. В переполненной камере счастливицы спали втроем на двух койках, остальные — на скамьях, на столе, на полу — как придется. Я очутилась третьей в союзе между добродушной монахиней и сестрой Е.А. — Ольгой, очень приятной воспитанной особой, с которой можно было поговорить об Эрмитаже, столь близком моей душе. Койки наши были расположены возле самой двери, с которой поступал воздух из коридора (дверь — решетчатая), и это было в переполненной камере большим преимуществом. Должна сказать, что пребывание в камере было в общем и целом сносно. В этот год, как говорили, ленинградские и московские тюрьмы заключили “социалистическое соревнование” (вот поди ж ты, куда проник этот лозунг!) на чистоту и опрятность. И в самом деле, если кто-либо обнаружил у себя вошь — всю камеру вели в баню, а помещение дезинфицировали. Баня была хорошая — в царские времена строили практично, и большевики еще не успели ее изгадить. Хочу тут же сказать, что низший персонал был несравненно гуманнее вышестоящих. Были у нас две надзирательницы: Тоня и другая, по прозвищу Командарм. Принося почту, Тоня неизменно говорила, передавая мне открытку: “Петерсен! От мужа! Вот это любовь до гроба!” — и при моем “выпуске” (не освобождении) позволила мне сохранить открытки, вопреки запрещению. “Тоня, милая, вы же их читали! Ну, оставьте их мне!” — попросила я. “Ну ладно, возьмите уж!” А Командарм оказался и совсем на высоте. Студентка Нина очень боялась, что ее больная мать в ее отсутствие умерла, потому что открытки получала только от отца. И вот, однажды в полночь, когда все уже спали, Командарм через решетку окликнул: “Ну ты, Нина! Открытка от матери! Видишь — жива!” Она спокойно могла бы отложить это сообщение до утра, но жалость одолела. Если Командарм ругался в коридоре, требуя прекратить пение: “Потише там, 36-я! Без концерта обойдемся!” — то это означало, что начальство поблизости. В противном случае петь (не очень громко) не возбранялось. Петь у нас было кому, и хормейстером у нас была хористка Государственной капеллы Софья (забыла отчество) Носович, племянница знаменитого ротмистра Носовича, известного мне еще до революции, на бегах. Пела и другая студентка, дочь учителя-эсера, сидевшего при всех правительствах, от которого она усвоила “Дин-дон, слышен звон кандальный, дин-дон, путь сибирский дальний” и прочие песни в этом роде, не пользовавшиеся у нас большой популярностью. Была какая-то украинка с хорошим голосом; Носович ввела в обычай аккомпанировать пению на гребенке через папиросную

бумагу — по ее словам, этот прием применялся и в капелле. Звучало как скрипка. Приходили “чины” искать музыкальный инструмент и, конечно, ничего не находили. Развлекались, как могли. Я прочла наизусть целиком “Горе от ума”, какая-то монахиня, чтобы показать, что и она не лыком шита, прочла “Колокольчики мои”. Большим утешением были прогулки во дворе. За малейшее нарушение дисциплины обычно лишали прогулки всю камеру, и мы старались вести себя чинно. Изощрялись, однако, в мелких надувательствах: иметь иголки, например, запрещалось, но близкие прислали их в кусках мыла и пр. А у меня была другая забота. Дело в том, что перед моим арестом поговаривалось о перемещении моего Дублетного отделения куда-нибудь в Александро-Невскую лавру, например. И вот, в одиночке ко всем прочим страхам присоединился еще этот страх перед переселением. Потому что в куче макулатуры, сваленной на полу, были зарыты мои дневники разных годов. Одиночка, как огромный телескоп, преувеличивает все страхи, и мысль, что кто-нибудь обнаружит мои записки, — сводила меня с ума. Теперь, в общей, когда разрешена была переписка, я написала Оскарычу в открытке: “Давид Осипович должен мне 38 или 40 рублей. Постарайся получить — этого хватит тебе на дрова”. Никакого Давида Осиповича у нас и в заводе не было. Муж поломал голову и пошел посоветоваться к Кубе (друг В. О. Петерсена, сотрудник Эрмитажа. Полное имя неизвестно. — *Авт.*) “Ну, попробуй по буквам”, — предложил тот. Тут дело пошло как по маслу: Д. О. = Дублетное отделение. 38 или 40 = номера шкафов, а “дрова” = “сожги, что найдешь!” Так! Но дело в том, что по библиотечным правилам ходить в чужие отделения без тамошнего сотрудника не разрешалось. Оскарычу — как и всякому другому. Тут выручил мой приятель Аристидка-грек-Доватур. Ему понадобились какие-то книги из Дублетного, и он с разрешения начальства и в сопровождении Оскарыча проник в заповедник. Один лазал по полкам, другой рылся в макулатуре, и в конце концов разыскали, что надо, но не полностью… В 1939 году Вл. Вл. Майков огорошил меня сообщением, что в Рукописном отделении хранится мой дневник — “маленькая тетрадочка”![139] Но об этом я лучше расскажу в другом месте. Были разрешены и свидания. Горько было увидеться с мужем через две решетки, между которыми ходил надзиратель. Говорить было, в сущности, не о чем. Однажды он огорошил меня известием: “А Катя и Ада не поехали на дачу”. Это значит, что Катя Малкина и Мориц не были арестованы. Не зря следователь на допросе, потребовав от меня перечислить участников нашего семинара, при имени Морица ограничился вопросом: “Кто ее

муж?” — и получив ответ: “Морской офицер”, сейчас же переменил тему. Видит бог, я ни тогда, ни теперь не желала Морицу моей участи, но и дорого бы дала, чтобы узнать, кого и за какую цену продал Шведе, чтобы сделать свою блистательную карьеру впоследствии! На одном из свиданий сообщил мне муж, что и Лозинский уже выпущен на свободу. За него я порадовалась, а себя лишний раз упрекнула в глупости и «боязни за других». Время шло. Состав заключенных менялся. Выслали монахинь, одни ревели, другие складывали свои манатки (вязаные скатерти и занавески), одна рассказывала, что на утверждение следователя: “Бога нет!” — ответила: “Вы образованные — вам лучше знать”. Покинула камеру и Фе. И, наконец, у двери появился “чин”, окликнув, как всегда: “Носович! Есть такая?” и “Петерсен! Есть такая?” (мы стояли в списках по алфавиту), повел нас в какие-то служебные комнаты. Отдельно друг от друга, конечно. В помещении на столе была развернута карта необъятной матушки-России. Мне было объявлено, что я высылаюсь на три года из Ленинграда и могу выбрать себе местопребывание везде, кроме двенадцати университетских городов и Урала. Последнее было неожиданно и неприятно, т. к. я намеревалась ехать к Гавриилу (брат М.Н. Рыжкиной. — *Авт.*), который о ту пору уже покинул свой Троицк и обосновался в Челябинске при помощи Бориса, своего пасынка, работавшего на Челябинском тракторном заводе. Обсуждая в камере возможность высылки, Носович, я и художница Сафонова (дочь дирижера) решили выбрать Курск и держаться вместе. Я подписала, что приговор мне известен, и назвала Курск. Чин засмеялся: «Нет, нет, не Курск». — “Да почему же?” — “Ну, как хотите!” А потом, через несколько дней, снова раздалось: “Носович! Есть такая. Петерсен! Есть такая? С вещами собирайтесь”. Собрались. Посадили нас в какой-то комнате, и тут я увидела Танечку Владимирову, участницу нашего семинара, безобиднейшее существо в мире, которую утопил проклятый Бронников. Я не знала, захочет ли она меня узнавать, и потому ограничилась тем, что встала у ней на виду. Она узнала, и мы завели разговор, но она нагнала на меня страху, сообщив, что нас отправят по этапу. Что такое этап, я знала из рассказов Чудовского: мужчин замертво выносили! Это было для меня полной неожиданностью: у меня не было ни продовольствия, ни необходимого снаряжения, например, чайника, кружки… К счастью, Танечка ошиблась! Нас стали поодиночке выпускать и пропускать через некую “богатырскую заставу”, причем я, на радостях, что дело обошлось лучше, чем я думала, обрела снова юмор и сказала, пропускающим меня молодцам: “Счастливо оставаться! Ха-ха-ха!”

Хочу еще раз с благодарностью упомянуть “низший персонал”: они не потеряли образа человеческого. Однажды упомянутая Нина сказала на прогулке охранителю: “Когда вы нас выпустите, наконец?” “Такую красивую выпускать жалко!” — галантно ответил парень. А Командарм однажды вел себя воистину великодушным. Курили у нее ужасно много. Курили даже махорку (Носович, певица Гос. капеллы!). Я тогда воздерживалась и уступала ей мои папиросы за исполнение “Я вас люблю! Люблю безмерно!” из “Пиковой дамы”, но часто все курильщики сидели на мели и умоляли Командарма раздобыть им табачку. “Откуда я вам табаку возьму? Что, у меня табачная лавка, что ли?” — огрызалась она, но под вечер, когда начальства не было слышно, появлялась за решеткой: “Ну вы, курильщики! Вот вам!” — и просовывала кисет махры. При выходе из тюрьмы заключенным иногда задавался вопрос: “Не имеют ли они жалоб на персонал?” Отвечать полагалось: “Претензий не имею!”, потому что за похвалы с нашей стороны персонал мог получить нагоняй от начальства. Так вот, хоть пятьдесят шесть лет спустя, а благодарю и Тоню, и Командарма за сочувствие и добросердечность».

Выписка из протокола выездной сессии коллегии ОГПУ в ЛВО от 17 июня 1932 г.

Слушали: Протокол № 249-32 г. гражданки Петерсен-Рыжкиной Марии Никитичны по ст. 58.10 УК.

Постановили: Петерсен-Рыжкину Марию Никитичну лишить права проживания в 12 п.п. и Уральской области сроком на (3) три года, считая срок с 20 марта 1932 г., с прикреплением. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ.

Верно: (подпись неразборчива. — Авт.)

Помощник уполномоченного РСО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО.

В Курске Мария Никитична не смогла найти ни работы, ни жилья и переехала в Задонск Воронежской области, где устроилась чертежницей Задонской землеустроительной партии и в районный отдел Земельного отдела. По окончании срока ссылки (20 марта 1935 года) она собиралась вернуться в Ленинград, но 2 марта был арестован и выслан в Караганду ее муж, и она последовала за ним. С большим трудом ей удалось устроиться на работу секретарем химической лаборатории, но 6 июля 1936 года умер от аппендицита В.О. Петерсен. М.Н. Рыжкина уехала в Челябинск, но и там не нашла библиотечной работы. В конце концов ей пришлось опять наняться на постылую канцелярскую

службу.

Только в 1938 году М.Н. Рыжкина смогла вернуться ближе к Ленинграду, в город Пушкин (бывшее Царское Село. — *Авт.*): и опять скучная счетоводческая работа, на этот раз на шпагатной фабрике «Серп и молот». Все же через год удалось перевестись — тем же счетоводом — в Ленинград на шпагатную фабрику «Нева». С марта 1941 года работала по совместительству в Ленинградской театральной лаборатории. Единственной радостью стала предложенная старой подругой А.Д. Люблинской (далее Рыжкина называет ее Шуней. — *Авт.*) небольшая, но зато творческая работа: переписка французской рукописи XVIII в. Сидя в Рукописном отделении библиотеки, М.Н. Рыжкина с упоением предавалась блаженному занятию.

И тут случилось чудо.

«Я переписывала, а по отделению иной раз проходил заместитель директора Зейдле. “А вот Марья Никитична хотела бы опять вернуться к нам”, — сказала однажды ему Шуня. “А ее сейчас и приму!” — ответил он. Действовал он, разумеется, не из любви ко мне, а потому, что библиотеку действительно за эти годы “доделали до ручки”. Былые академики и профессора добровольно уступили свои места всякой шушере».

Сначала Марию Никитичну направили в Общий каталог, приписанный к Отделу обслуживания, но вскоре по ее просьбе перевели в Отделение полиграфии, где хранились ценные книги на иностранных языках. Читателей там было мало, и она часто проводила часы за чтением какого-нибудь увлекательного сочинения.

«Однажды летом, когда я без большого усердия предавалась моим библиотечным трудам, в отделение вошла отлучившаяся на время Пелагея Федоровна Горбатенко (заведующая отделением полиграфии. — *Авт.*) и объявила: “Война с Германией! Сейчас будет общее собрание в Читальной зале!” Ввиду полного единодушия, царившего между нами, мы не обменялись с ней ни словом».

В «Мемуарах» есть немало страниц, посвященных страданиям ленинградцев в начале блокады. «Вымирали целые квартиры, целые семьи. При встречах уже не спрашивали “жив ли такой-то?”, а “умер ли уже?”. Хорошо было тем, у кого родственники умирали в начале месяца, — карточек сдавать не надо было и оставшимся в живых можно было подкормиться. Похороны, в общем, не представляли особых затруднений. Покойника зашивали в простыню, клали на детские салазки и несли в так называемый районный морг. Там покойников складывали как дрова, а вечером приезжала пятитонная машина, и трупы грузили

в нее для доставки за город».

При первой же возможности М.Н. Рыжкина эвакуировалась из Ленинграда в надежде перейти на сторону немцев. Случай представился в районе Тихорецка (Краснодарский край) в конце 1942 года. Через несколько месяцев гитлеровцев выбили из города, и М.Н. Рыжкина вместе с ними бежала в Германию. После окончания войны она занялась журналистикой и потихоньку печатала в эмигрантских газетах и журналах свои воспоминания. М.Н. Петерсен прожила долгую жизнь и умерла 19 августа 1984 года в Доме для престарелых, расположенном недалеко от немецкого города Эркрата (Северный Рейн — Вестфалия).

Владимирова Татьяна Михайловна
«И опрокинуты на грязь…»

Из протокола допроса

…Я входила в антисоветскую литературную группу «Шерфоль», руководимую и направляемую переводчиком и поэтом Михаилом Леонидовичем Лозинским и поэтом-дилетантом М.Д. Бронниковым. Наш кружок представляет собою ядро переводческой студии, организованной Лозинским, Замятиным и другими и закрытой в 1922 году властями за антисоветскую линию. Наш кружок «Шерфоль» существовал нелегально, собираясь на частных квартирах, и, помимо продолжения перевода сонетов дворянского поэта Эредиа, занимался изданием нелегального журнала «Устои», пародировавшего современность, политически враждебную нашему кружку.

Арест и последовавшая высылка переводчицы Татьяны Михайловны Владимировой не поддаются никакой логике, если таковая существовала в преследовании людей ОГПУ. Скромная, тишайшая, всегда старавшаяся быть незаметной, Татьяна Владимирова меньше прочих походила на политическую преступницу, которая может принести хоть малейший «вред Советской власти». Между тем Т.М. Владимирова попала в жернова жестокой репрессивной системы, и ей была суждена полная лишений недолгая жизнь.

А начиналось все радостно и безмятежно. Татьяна Владимирова родилась в 1895 году в Петербурге в музыкальной семье. Ее дед, Меер Итцегсон, еврей из города Порхова Псковской губернии, был скрипачом. По его стопам пошел и отец Татьяны Михайловны, Михаил Владимирович Владимиров (настоящее имя и фамилия Моисей Меерович Итцегсон). Он родился в 1870 году в городе Порхове Псковской губернии. Первоначальное музыкальное образование получил дома, а в 1882 году, после принятия православия, приехал в Петербург и поступил в консерваторию. Теорию композиции М.В. Владимиров изучал под руководством профессора Н.Ф. Соловьева, а инструментовку — у А.К. Лядова. После окончания консерватории работал в Панаевском оркестре дирижером и гобоистом, а с 1897 года стал во главе известного симфонического оркестра графа А.Д. Шереметева. С 1901 года служил также преподавателем

Придворной капеллы и музыкальной школы Балтийского флота в Кронштадте. В 1903 году М.В. Владимиров дирижировал на Вагнеровских празднествах в Берлине и получил там золотую медаль и диплом *«Für hervorragende künstlerische Leistungen»*[140]. После революции Михаил Владимирович занял место профессора консерватории, где учил будущих дирижеров. Переложил много фортепианных произведений для оркестрового исполнения, сотрудничал в музыкальных изданиях.

Мы так подробно остановились на жизни и творческом пути М.В. Владимирова, потому что это важно для разрешения одной загадки, смысл которой разъясним чуть позже.

Мать Т.М. Владимировой, Серафима Августовна (в девичестве Стрэм), происходила из семьи кронштадтских ремесленников и до рождения дочери работала хористкой в оперном театре.

Окончив гимназию в 1913 году, Татьяна Михайловна начала работать на канцелярских и бухгалтерских должностях в различных петербургских учреждениях, а после октября 1917 года — в Комиссариате продовольствия 2-го городского района Ленинграда: сначала в секретариате, а затем заведующей врачебным подотделом. В 1920 году была переведена в 3-й Пункт охраны материнства и младенчества («матмлада»), где и прослужила двенадцать лет — до самого ареста.

В Студию художественного перевода М.Л. Лозинского Т.М. Владимирова пришла в конце 1919-го или в начале 1920 года. Во всяком случае, в дневнике другой студийки, А.И. Оношкович-Яцыной, есть запись от 9 мая 1920 года о том, что она сделала вместе с Т.М. Владимировой какой-то перевод, вызвавший похвалу Чуковского.

Собрания проходили в квартирах студийцев, и чаще всего — в большой профессорской квартире Владимировых на проспекте 25 Октября, 22–24 (угловой дом с ул. Желябова, 14). Там же отмечали общие праздники.

Татьяну Владимировну все любили за ее терпимость, скромность, несомненный переводческий талант. Перевод Т. Владимировой сонета Эредиа:

Вакханалия

Внезапный слышен вопль, и сломана преграда.
То тигры вырвались и, ярости полны,
Ворчат и прыгают, и, ими сметены,

Вакханки в бегстве мнут долины винограда.

Кусая черный грозд, безумная менада
Струит багряный сок на полосы спины
И брюха белые зверей, что сплетены
И опрокинуты на грязь и пурпур сада.

К телам поверженным ползут со всех сторон
И чуют хищники, дыша тяжелым жаром,
Еще краснее кровь под золотым загаром.

Но бог, неслыханной игрою опьянен,
Взметая легкий тирс, на самку, в буйстве диком,
Самца рычащего натравливает криком[141].

Для нее эти занятия были глотком воздуха, тяжелая атмосфера бухгалтерий и канцелярий советского образца наводили на нее тоску. В кругу «шерфольцев» она имела прозвища Диана, Единственная женщина герцога Шерфольского. У Лозинского сохранился шуточный сонет Татьяны Владимировой:

Папе крестному

Гордыня герцогства, державный повелитель,
Единовластный вождь, кем славится народ.
Ряд верных подданных покой твой стережет,
Ценою жизни он отдаст твою обитель.

Ответ вам, дерзкие: в безумстве не хотите ль
Грозить, что свергните наш царственный оплот?
Ужель когда-нибудь наш цепкий хоровод,
Шерфольцы, разомкнет враждующий воитель?
<…>

Диана, Единственная женщина[142]

20 марта 1932 года в квартире Владимировых произвели обыск.

Протокол

На основании ордера полномочного представителя ОГПУ в ЛВО за № 1130´20 марта 1932 года произведен обыск в доме № 22⁄24, кв. 75 по проспекту 25 Октября у гражданки Владимировой Татьяны Михайловны в присутствии управдома т. Смилги. Согласно данным задержаны: гр-ка Владимирова Татьяна Михайловна. Взято для доставления в ПП ОГПУ в ЛВО следующее (подробная опись): письмо Пушкина, бумажные деньги царского образца.

Опечатано: комната Владимировой Татьяны Михайловны.

Сотрудник ПП ОГПУ в ЛВО

<подпись неразборчива>

Бумажные деньги царского образца можно было в то время найти практически в любой квартире. А вот что за письмо Пушкина изъяли сыщики в квартире Владимировых, представляется неразрешимой загадкой.

По этому поводу можно высказывать любые предположения, и позволим себе некоторые из них: 1) Семья Итцегсонов жила в небольшом городке Порхове Псковской губернии уже в пушкинские времена. Город находится в 160 км от имения Пушкина Михайловского по дороге в Петербург. В одну из своих поездок Пушкин мог задержаться в Порхове и оставить Итцегсонам письмо или записку; 2) Кто-нибудь из просвещенной семьи Итцегсонов мог купить или получить в дар письмо Пушкина от своих порховских родственников или знакомых; 3) Пушкин был хорошо знаком с графами Шереметевыми. М.В. Владимиров мог получить письмо Пушкина в дар от А.Д. Шереметева, когда был главным дирижером его оркестра. Скорее всего, все три разгадки неверны, но, не зная содержания письма, можно без конца соревноваться в изобретении всё новых и новых версий. Подождем археологических и историко-филологических раскопок в исполнении архивистов петербургского ФСБ.

В допросах Владимировой появляются рассказы о разыгранных в кружке Лозинского пьесах, о которых другие подследственные не говорили.

…В кружке писались и разыгрывались свои пьесы, тематика которых была также далека от современности. В этих пьесах были люди дворянско-монархического происхождения, изнывающие от ничегонеделания, влюбляющиеся и путешествующие. Такие пьесы, как «Шептала» и др., носили чуждый, неприемлемый для советского искусства контрреволюционный характер, преследовавшие одну и ту же цель — отгородиться от современности, оторвать от сегодняшних задач членов кружка,

воспитать их во пьесах: «Шептала», «Все мы жаждем любви», «О Мэри Пикфорд» и др. названия, которых я не помню. К пьесам лиц перешли не сразу, начав устраивать постановки с шарад. Игра этих пьес происходила на квартире у Бронникова, у Лозинского, у меня и у Малкиной.

Татьяна Владимирова была осуждена за антисоветскую деятельность и получила статью 58–10. Признала себя виновной. Рыжкина-Петерсен рассказывает, что ее приятельница боялась и ждала этапа. Но в приговоре от 17 мая 1933 года говорилось:

Постановлением тройки быв. ПП ОГПУ ЛВО от 17 мая 1933 года Владимирова Т.М. лишается права проживать в 12 п. п. и Уральской области сроком на 3 года, считая срок с 20 марта 1932 г.

Все-таки не лагерь, а ссылка. Место, которое избрала Т.М. Владимирова, — небольшой старинный городок Любим, расположенный на востоке Ярославской области при слиянии рек Обноры и Учи. Население Любима составляло в это время чуть более пяти тысяч человек.

После кипящего культурной жизнью Ленинграда жизнь в Любиме казалась Т.М. Владимировой тягостной. Ее выматывала рутинная работа счетоводом в инвалидной артели и не оставляла мысль об умершем в Ленинграде вскоре после ее ареста отце.

После отбытия срока высылки Т.М. Владимирова вернулась в Ленинград. Найти службу в городе оказалось невозможным, и ей пришлось уехать в село Хутынь Новгородского района, где она устроилась бухгалтером подсобного хозяйства в Психиатрической больнице.

В начале мая 1939 года Т.М. Владимирова подала в отдел частных амнистий ВЦИК СССР просьбу о снятии судимости:

В 1932 г. 20 марта я была арестована и согласно решения Коллегии ОГПУ в ЛВО от 1 апреля 1932 г.[143] осуждена по ст. 58–10 и выслана в г. Любим Ярославской области на 3 года.

Осуждена я была за участие в переводческом кружке, во главе которого стоял М.Л. Лозинский. Нами был переведен сборник сонетов французского поэта Эредиа, являющегося старинным мастером стиха.

Встречи с членами кружка помимо переводов носили настолько эпизодический характер, что мне трудно припомнить. Во всяком случае, с 1923 по 1928 г. я виделась с остальными переводчиками 6–7 раз, и ни мною, ни остальными участниками в моем присутствии никаких антисоветских выступлений допущено не было.

С 1928 г. по окончании переводов я совершенно не встречалась с переводчиками нашего кружка и лишь в 1931 г.

была несколько раз у руководителя М.Л. Лозинского для внесения поправок в переводы ввиду предполагавшегося их издания. <…>

В настоящее время мне неизвестна судьба остальных участников нашего кружка, за исключением его руководителя — М.Л. Лозинского, который в текущем году удостоен правительственного ордена «Знак почета».

Конечно, я не имею тех заслуг перед советской властью, которые имеет М.Л. Лозинский, но в своем маленьком деле я вкладывала все свои силы и знания в то дело, которое мне поручалось, и начиная с Октябрьской революции по сегодняшний день я честно служила и служу партии и правительству.

Во время моей высылки в г. Любим я подавала в 1933 г. просьбу о помиловании, но ответа не получила. Теперь я вновь прошу снять с меня судимость.

Несмотря на то, что в ссылке и после возвращения я всюду встречала хорошее к себе отношение, мне мучительно тяжело сознавать, что я не равная моим незапятнанным сослуживцам. Я прошу снять с меня судимость и даю слово, что всю свою жизнь посвящу честной, беспорочной работе на пользу Советской власти.

Т. Владимирова.

3 мая 1939 г.

P.S. Весьма возможно, что я упустила в своей просьбе что-нибудь существенное. Поэтому очень прошу, если надо, затребовать у меня любые дополнительные сведения, в крайнем случае вызвать в Москву, но верить моей искренности и честности, дать мне возможность окончить свою жизнь без гнетущего меня пятна.

Я не представляю себе жизни, если Вы откажете в моей просьбе.

Адрес: п/о Хутынь Новгородского района Ленобласти.

Бухгалтерия 6-й Психиатрической больницы.

Т.М. Владимировой.

Прошел почти год, когда наконец Т.М. Владимирова получила ответ:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 23

ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ОТ 31 МАРТА 1940 Г.

Слушали: Дело № 164051 УНКВД Ленинградской области —

о снятии судимости Владимировой Татьяны Михайловны, 1895 г. р., уроженки г. Кронштадта, русская, гражданка СССР, беспартийная.

Постановили: Судимость и связанные с ней ограничения с Владимировой Татьяны Михайловны — снять.

Начальник Секретариата Особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР Иванов.

После получения известия о снятия судимости Татьяна Михайловна вернулась в дорогой ей Ленинград. Но жизнь оказалась к ней жестока. Владимировой не удалось пережить первую блокадную зиму, и она умерла от голода в январе 1942 года. Похоронена она на Пискаревском кладбище.

Моор-Зубова Любовь Юльевна, Моор Вильям Рудольфович
«Смирился гордый, укрощен строптивый»

Доставленный 26 марта 1932 года в 18 ч. 50 мин. в коматозном состоянии в больницу ленинградского Дома предварительного заключения шестидесятишестилетний Вильям Рудольфович Моор, не приходя в сознание, скончался того же 26 марта в 22 час. 45 мин. от паралича сердца, что засвидетельствовала дежурный врач этого учреждения Корнеева. (Правда, в запутанных материалах следствия сказано, что «Моор В.Р. умер в ДПЗ от припадка хронического заболевания уремией».)

Жена Вильяма Рудольфовича, Любовь Юльевна Зубова-Моор, находилась в это время там же, в ДПЗ, под следствием, его сестра Ирен фон Радлофф с начала 1920-х была в эмиграции, а его пасынка Александра Александровича Зеленецкого, арестованного в 1930-м по «Делу Академии наук», год назад решением коллегии ОГПУ отправили в лагерь.

Вероятно, первым о смерти В.Р. Моора узнал его сын, студент консерватории Георгий Моор, когда на следующий день явился на улицу Воинова с передачами для родителей. Оглушенный этим известием, пошел на улицу Достоевского, к Анжеле — своей сестре по отцу. Врач-психиатр Анжела Вильямовна Барабанова совершенно потеряла контроль над собой: у нее началась тяжелая истерика, она плакала и кричала, что никогда не забудет и не простит убийц отца… Через несколько лет она сама некоторое время проведет за решеткой, после освобождения вернется к своей должности главного психиатра Ленинградской области, умрет в блокаду в марте 1942-го и будет похоронена на Пискаревском кладбище.

Восстановить отдельные страницы жизни семьи Мооров помогли материалы, собранные Ниной Владимировной Лукиной[144], и рассказы, сохранившиеся в памяти Вильяма Петровича Барабанова, внука В.Р. Моора, профессора-химика Казанского технологического университета.

Окончивший жизнь в 1932-м в тюремной больнице Ленинграда, Вильям Овид Моор впервые оказался в этом городе тридцать лет назад, в 1902-м. Приехал сюда из Рима вместе со своей первой женой, новорожденными дочками-близнецами и няней-итальянкой Луизой. Приехал с семьей по требованию свекра, Василия Васильевича Радлова (настоящее имя — Фридрих

Вильгельм фон Радлофф), выдающегося российского этнографа, археолога, востоковеда-тюрколога немецкого происхождения, академика, директора Института этнографии.

Откуда родом его зять Вильям Моор, из какой он семьи, где прошла его юность — до недавнего времени не было точно известно. По данным Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Моор закончил в Нью-Йорке Колумбийский университет. В следственном деле он фигурировал как немецкий еврей. Родственники его второй жены считали, что он был венгром. Его дочь от первого брака Анжела Вильямовна называла себя англичанкой. Но в ответ на наш запрос в архив Колумбийского университета мы получили информацию о том, что в личном деле студента *W. Moor'a* с его слов указано место его рождения — *Fünfkirchen, Hungary*.

Итак, в 1886 году уроженец Венгрии Вильям Овид Моор в Нью-Йорке поступил в Медицинский колледж американского Колумбийского университета и закончил его в 1889-м по специальности «Внутренние болезни». Стал практикующим врачом, доктором медицины. Занимался исследованиями в области химии и фармацеи и их апробацией в практической медицине. Результаты его научных исследований были положительно отмечены в американских специальных медицинских изданиях. Петербургский еженедельник «Практический врач» откликнулся на «крайне важное открытие американского врача *W. Moor'a*», предложившего новое противоядие при отравлениях морфием и опиатами. Автор публикации д-р В.Ф. Вильямович высказал надежду на то, что, если в России хотя бы отдельные врачи примут на вооружение открытие Моора, значит, удастся «спасти жизнь нескольким больным»[145].

В Нью-Йорке Вильям Овид Моор встретил гастролирующую по Америке актрису Анну (домашнее имя — Нина) Радлофф. В 1898 году их брак был зарегистрирован. По настоянию мужа Нина рассталась со своей актерской карьерой. Отправились путешествовать по Европе, в Риме у них родились дети…

Связи Моора с семьей В.В. Радлова шли еще и по другой линии: сестра Вильяма Овида вышла замуж за брата его жены Анны, сына академика Александра Васильевича Радлова, приехала в Россию и жила там до своей эмиграции в начале 1920-х как Ирен фон Радлофф[146]. В России Вильям Овид Моор уже под именем Вильяма Рудольфовича Моора в 1903 году, чтобы подтвердить свой американский диплом, сдал соответствующие экзамены в Петербургской военно-медицинской академии, получил российский диплом лекаря и назначение старшим

врачом в один из лазаретов Академии. Продолжал лабораторные исследования. Публикации об этих исследованиях встречаются в «Известиях Императорской академии наук».

Кроме того, он имел большую частную практику. Снимал шестикомнатную квартиру на Васильевском острове в доме 34 по 9-й линии, неподалеку от своего знаменитого тестя, который жил в Академическом доме на углу Университетской набережной и 7-й линии.

В 1906 году умерла дочка В.Р. Моора — одна из близнецов, четырехлетняя Ромочка. В 1908-м умерла жена. Дочку Анжелу он делил теперь с Василием Васильевичем Радловым: большую часть времени девочка проводила у деда. Получила прекрасное домашнее образование — владела шестью иностранными языками. Сам Вильям Рудольфович знал восемь языков, а про академика В.В. Радлова говорили так: «Европейские не считаются, а восточных — сорок пять».

Через некоторое время Вильям Рудольфович Моор снова женился. Но если первая жена по его требованию оставила сцену, то вторая свою актерскую профессию бросать не собиралась.

Успешному практикующему врачу и ученому В.Р. Моору было тогда сорок пять лет, его новой жене — около тридцати.

Любовь Юльевна, Любочка, Любаша — родом из вологодских дворян Зубовых. Ее родители, Юлий Михайлович и Софья Петровна Зубовы, владели имением Кузнецово в Кадниковском уезде Вологодской губернии. В начале 1900-х годов это имение Юлий Михайлович вынужден был заложить, чтобы получить средства на образование своих детей. Любочка проучилась два года в вологодской женской гимназии, затем ее отвезли в Петербург в Смольный институт.

В городе Кадникове по инициативе и во многом на средства председателя Общества трезвости Ю.М. Зубова было построено большое деревянное зимнее здание «Народной аудитории». Здесь открылся театр, где гастролировали разные провинциальные труппы и играли местные любители. Отзывы о спектаклях часто публиковали “Вологодские губернские ведомости”. В Кадникове и началось у Любочки увлечение театром. В последние свои каникулы она была златокудрой феей Раутенделейн — героиней спектакля по романтической сказке Герхарта Гаупмана «Потонувший колокол».

В 1901 году Любовь Зубова закончила Смольный институт со званием домашней учительницы, а в 1902-м обвенчалась с другом детства, студентом юридического факультета Петербургского университета Александром Зеленецким. Родился сын Сашенька. Однако уже через год этот брак распался, и, скорее всего, по

инициативе Любовь Юльевны, которую тяготила замкнутая домашняя жизнь. Малыша она отвезла в Кузнецово, к родителям, сама поступила на драматические курсы. Роли опять-таки играла романтические, в частности, Жанну д'Арк (по прологу из «Орлеанской девы» Шиллера). Выделенные ей отцом деньги закончились, и когда в связи с предполагаемым новым браком встал вопрос о необходимости оплатить развод, оказалось, что ни у нее, ни у ее бывшего мужа средств для этого нет. Просить у будущего мужа не могла.

Пришлось обратиться за помощью к родителям. Тем более что деньги были нужны и на оплату уроков английского языка, чтобы легко чувствовать себя в семье, где этот язык родной.

Доктор Моор лечил невесту от затянувшегося бронхита, покупал ей билеты в театр, занимался с ней пением. Рассказал ей, что сам когда-то собирался на сцену, но родные воспротивились.

В 1910 году брак Любови Зубовой и Вильяма Моора был официально зарегистрирован. В 1911-м — родился сын Георгий. Привезли из Кузнецова в Петербург и Сашеньку Зеленецкого.

Любовь Юльевна взяла двойную фамилию Зубова-Моор, сохраняя прежнюю, под которой она привыкла появляться на сцене. Насколько велик был талант Любови Зубовой, мы можем только догадываться, а вот актерской страсти у нее точно было предостаточно. Во время войны она беспрестанно выступала в лазаретах: танцевала тарантеллу, русский танец, андалузский, *«Danse de la Gipsy»* под музыку Сен-Санса. Чтобы быть в форме, занималась пять раз в неделю у частного педагога-хореографа, ходила к аккомпаниаторше разучивать романсы.

А быт становился тяжелым. В 1918 году на почве голода заболел и умер академик В.В. Радлов. Как позже принято стало говорить, «успел умереть», ибо он в 1930-м будет назван среди обвиняемых по так называемому Академическому делу, а в 1932-м его вспомнят и в связи с делом «О контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и а/с литературных салонов».

После смерти деда Анжела оказалась полностью на иждивении отца.

У нее были непростые отношения с мачехой, но она с нежностью относилась к своему маленькому брату Жоржику.

В.Р. Моор служил врачом в разных учреждениях: в приюте для инвалидов, в 16-й, 20-й, 13-й лечебницах Василеостровского района, в амбулатории на Гаванской…[147]

Но средств на большую семью не хватало. Очень много денег уходило на дрова, и все-таки чаще всего зимой температура в комнатах не поднималась выше 1 °С.

Доктор продолжал заниматься научной работой. В советской России его не печатали; при содействии своих знакомых иностранцев он отправлял статьи за границу. Работы его появлялись в журнале Американского химического общества, в немецком журнале «Аналитическая химия». Любовь Юльевна время от времени работала инструктором драматических кружков в домовом комитете, в студиях «Имени 9 января 1905 года» и «Союза молодежи». Занималась в Драматической школе Сорабиса (Союза работников искусств) при театре Академической драмы.

Семейная жизнь Мооров не была гладкой: бытовое неустройство, некоторая экзальтированность Любовь Юльевны, усталость и расстроенное здоровье Вильяма Рудольфовича — все это подогревало семейные конфликты.

В одном из писем, с ностальгическим чувством вспоминая идиллию родового гнезда, Любовь Юльевна жаловалась матери:

Я живу в сумасшедшем доме… и, если бы я время от времени не уклонялась душою и сердцем куда-то в сторону и не жила своими фантазиями и мечтами, — я повесилась бы. …Я и Сашенька слышим ежедневно от доктора упреки в том, что мы едим его хлеб… Доктор — высоко талантливый человек, может быть, выше и лучше нас всех, но он «иностранец», и для нашего славянского христианского мировоззрения, которым проникнута душа русского интеллигентного человека, доктор — «некультурная душа». Из-за своей нервности он выливает на нас все помои своей души. У нас нет семьи, нет родного дома, мы счастливы или спокойны только вне нашего дома; нет любви, которая спаивала бы нас в одну семью. Каждый живет своим миром, в своем углу, глубоко несчастный и одинокий. Мы теперь не голодаем, но голод по любви и по ласке у нас ужасный. И вот, думая о нас, я невольно сравниваю и, вспоминая и представляя Вашу жизнь с папочкой, я прихожу в умиление и преклоняюсь перед Вами… Ваша жизнь семейная с папочкой — идеал жизни. Я бесконечно благодарна Вам за это; за то, что так светло было мое детство; за то, что получила от Вас и папочки силу воли, мужество и душевную бодрость и молодость душевную. …Доктор объясняет, что это у него только нервность и заботы, что, если бы не было у него забот, он был бы самый добрый человек на свете…

Раздражало Любовь Юльевну и увлечение доктора спиритизмом:

На этой почве у меня с ним было много столкновений и ссор. Если бы он был человеком спокойным, я не имела бы ничего против сеансов, но каждый раз столько было волнений, что мне казалось прямо пагубным это занятие. Правда, доктор добился очень многого, исследовал всё научно и опытом убедился, что

существует загробная жизнь, что человек умирает не весь и что можно сообщаться с умершими. Он даже пишет об этом книгу. Он не только разговаривал, получал сообщения, но даже слышал и видел духа… Усталый, целый день занятый больными то в лечебнице, то на квартире, то дома, доктор по вечерам устраивал сеансы, которые иногда продолжались за полночь, что, конечно, никому из нас не было полезно. Я иногда прямо уходила из дома, так меня это угнетало. Доктору же было обидно, что я не отношусь к этому с таким же горячим интересом. Но, правда, я верю в загробную жизнь без всяких научных исследований и доказательств.

И тут же опять жалобы на собственное одиночество:

Словом, у доктора свой круг интересующихся спиритов, у Жоржика — друг Ваня и дворовая банда, у Сашеньки — товарищи и подруги, еще прежние школьные, а у меня — решительно никакого общества. …Никуда не хожу, ко мне тоже решительно никто не приходит, и поэтому иногда тоже хандрю за полным отсутствием какого-либо общества или развлечения.

В 1921 году семейное неблагополучие усугубилось тем, что специальным циркуляром Народного комиссариата здравоохранения частную практику объявили противоречащей «основным началам правильной организации медико-санитарной помощи и общим основам социалистического строительства»[148]. Одно время В.Р. Моор вообще числился безработным — жил, как сам он указывал в анкете, «ликвидацией вещей». Появились и жилищные проблемы: Мооров «уплотнили», квартира теперь стала коммунальной.

В середине 1920-х Любовь Юльевна, заполнив анкету, в которой уменьшила свой возраст на десять лет и назвала отца не землевладельцем, а служащим земства, поступила на Театральное отделение Института истории искусств. В той же анкете сообщила, что вместе с детьми живет на иждивении мужа[149]. В конце 1920-х в бытовом отношении стало чуть легче: В.Р. Моору разрешили частную практику. Александр Зеленецкий закончил Университет (исторический факультет), некоторое время работал в Этнографическом музее при Академии наук, а затем — переводчиком в Геолого-разведывательном институте и стал жить самостоятельно. Анжела закончила медицинский и вышла замуж.

Л.Ю. Зубова-Моор, защитив диплом в Институте истории искусств, начала выступать с лекциями-концертами, составляла по заказу литмонтажи о победах молодой советской республики. Эти литмонтажи исполняла в клубах «Василеостровская живая газета», для которой писал музыку ее сын Жоржик. Трудно сказать, как относился доктор к этому семейному тандему. Но

известно, что добрые семейные традиции он поддерживал. По воспоминаниям Петра Петровича Барабанова, мужа его дочери Анжелы, молодые приглашались по воскресеньям к Моорам, и общий разговор за обедом вне зависимости от темы часто шел на английском языке.

«Я пишу бесполезные стихи» — это из письма Любови Юльевны сестре. Что она имела в виду? Складывание по заказу рифмованных строк? Или грустное констатирование собственной невостребованности?

Ее поэтические опусы очень неравноценны, но иногда появляются строчки, заставляющие поверить в ее тоску по какой-то другой, несостоявшейся жизни:

Подмостков нет, и нет колонн…
Где занавес? Где хор? Где сцена?
Где зрители? Где царь Креон?
Где изменившая Исмена?..

Вероятно, в конце 1920-х Любовь Юльевна уже не чувствовала себя столь одинокой — у нее появился свой круг если и не близких друзей, то по крайней мере приятных собеседников. Скорее всего, они познакомились в стенах ИИИ. Трудно сказать, кто и когда первым пришел в ее дом, но знакомые приводили своих знакомых, и вот уже здесь, привлеченные приятным обществом, стали часто бывать музыковед, сын композитора Андрей Николаевич Римский-Корсаков, молодой пушкинист Лев Борисович Модзалевский, молодой писатель и журналист Борис Борисович Вахтин, поэт-переводчик Сергей Сергеевич Советов, географ и энтомолог Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский… Михаил Дмитриевич Бронников привел сюда двадцатилетнего литератора, поэта Алексея Крюкова. Он прочел у Мооров несколько десятков своих поэтических произведений. М.Д. Бронников читал свою прозу под названием «Мраморная муха», переводы из Кокто…

Вильям Петрович Барабанов, сын дочери Моора Анжелы Вильямовны, рассказывает: «В доме Мооров всегда были интересные люди, связанные с наукой, медицинской практикой, искусством. Это сохранилось и в нашей семье во второй половине 1930-х годов (вспоминаю детей академика Карпинского, Наташу Бехтереву, народовольца Морозова, профессора консерватории Николаева). Разговор шел на русском, французском, английском, немецком, итальянском языках».

Доктор Моор приглашал к себе в кабинет Глеба Дмитриевича Вержбицкого, преподавателя литературы Военно-медицинской академии РККА, художников Бориса Владимировича Пестинского, Павла Семеновича и Веру Кирилловну Наумовых, химика Леонида Николаевича Куна, служащую Совторгфлота Татьяну Владимировну Билибину, музыканта Г.Ю. Бруни… Там, за закрытой дверью, происходило недоступное другим таинство.

Потом все вместе сходились в столовой. Снова читали, сменяли друг друга за роялем. Наверняка обсуждали и политические проблемы.

Приходил на эти встречи и старший сын Любови Юльевны — геолог и переводчик Александр Зеленецкий, сотрудник Геологоразведочного института черных металлов. Бывали и супруги Барабановы: врач Анжела Вильямовна и Петр Петрович, молодой инженер.

Неизвестно — сама ли Любовь Юльевна назвала встречи на своей квартире салоном, или это слово всплыло уже на следствии.

Хозяйка дома артистически декламировала собственные стихотворения, одно из которых — «Шахматы», как позже будет отмечено следствием, — «содержало в себе прямые политические мотивы»:

На шахматной доске король и королева,
Два офицера, две туры и два коня.
Я вся взволнована: ты атакуешь слева,
Ты красных пешек рать направил на меня.

Мои придворные, рассеянны от злости,
Столпились жалкою, беспомощной толпой.
И королева, из слоновой белой кости,
Закрыла короля с бездушностью слепой.

«Гардэ!»… Я не хочу, я не могу поверить,
Что жалких пешек строй меня разбить готов,
Но гордости моей пришлось вполне измерить
Всю горечь и позор плененья и оков!

Король спасается один, без королевы,
Он вправо бросился — войска его спасут!
Но красные ряды, теснившие налево
И справа, строй на строй, атаку вновь ведут.

«Мат королю!» Увы, тебе я проиграла.
На шахматной доске алеет красный строй.
Но я реванш хочу, хочу начать сначала
И ставлю шахматы дрожащею рукой.

Август 1929 г.

…Еще в 1921 году Любовь Юльевна писала матери:

У нас тут по соседству происходили свои драмы. Арестовали 10 сентября одну даму в нашем доме, очень симпатичную. Увезли, запечатали ее квартиру, а дочь ее, двенадцатилетнюю девочку, следователь поручил нам. Мать исчезла бесследно, видимо, расстреляна. Дочка жила у нас два месяца и уехала к тете в Архангельск. Без нее уже раскрыли квартиру (приехал какой-то комиссар из ЧК), вывезли все, кроме мебели, и поселились сотрудники из ЧК, так что теперь не осталось и воспоминания о жившей там семье… И такие современные драмы в столице бывают часто… и, думаю я, немало страдает невинных…

Через несколько лет о подобных вещах писать в письмах уже никто не решался.

В 1930-м арестовали Александра Зеленецкого. Вильям Рудольфович Моор, у которого с пасынком не всегда были идиллические отношения, горячо хлопотал об облегчении его участи, пытался объяснить следствию, что молодой человек «не умеет говорить неправду. …Вся его вина в том, что он не марксист и, вероятно, при допросе откровенно сказал свое мировоззрение». (В 1957 году во время дополнительного расследования так называемого Академического дела А.А. Зеленецкий откажется от своих показаний, данных в 1930-м, и заявит, что эти «признательные» показания получены «в результате незаконных методов следствия».)

В 1930 году и сама Л.Ю. Зубова-Моор в Москве попала под облаву и оказалась в «Бутырках», в общей женской камере вместе с уголовницами. Спали «ложками», то есть сорок человек на одних больших голых нарах.

Окна известью залиты,
Прокопченный потолок,
Скользки каменные плиты
И в дверях — тугой замок.

Нары горбятся коряво,

Воздух густ и нестерпим,
Полуголые «халявы»
Бранью хлещутся сквозь дым.

На веревках самодельных
Тряпок мокрых вороха.
И в тупой тоске безделья
В каждом слове смрад греха…

Карты, песни воровские,
Боль, пронзающая плоть…
Цепенею от тоски я,
Чем бы душу расколоть?..

Любовь Юльевну вскоре выпустили. Вильям Рудольфович уверял, что помогла его «негасимая лампада», зажженная им под ее портретом. Стал жену называть нежно — «вновь найденная». Она же ласково-снисходительно говорила о нем — «Докторчик».

В том же 1930 году осенью взяли соседа Мооров по квартире Леонида Николаевича Куна. Он работал лаборантом в химической лаборатории завода «Механобр». Возможно, не без его помощи проводил Вильям Рудольфович свои химические опыты… Через полгода прошел слух, что Л.Н. Кун расстрелян…

10 марта 1932 года в дом № 34 по 9-й линии Васильевского острова, в квартиру № 5 явились с ордером на обыск и арест Любови Юльевны Зубовой-Моор. (В этот день взяли еще шесть человек — членов так называемых «фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов».)

В тюрьме Любовь Юльевна написала стихотворение под названием «Одиночка № 224». Текст этого и некоторых других стихотворений она через год, уже из лагеря, послала в письме Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому[150].

Одиночка № 224

На стекле цветок армерий* (слово написано
неразборчиво. — *Авт.*)
Прихотливый, странный цветок.
Сноп лучей рассыпает веер —
Освещает пустой потолок.

На стене лебедь выгнул шею.
Черный круг — его водоем**.
Профиль черный похож на Кощея.
Каменеет со мной вдвоем.

Примечания Л.Ю. Зубовой-Моор под стихотворением:

* Пятна рыжего и зеленого на стекле.

** На стене вечером силуэт умывальника.

За доктором В.Р. Моором пришли через три дня… О его смерти Любовь Юльевна узнала гораздо позже от какой-то своей знакомой, с которой ей потом пришлось сидеть в общей камере.

Через год с лишним, уже в лагере написала стихотворение «Памяти доктора медицины Вильяма Овида Моора»:

Дома… Золото света и вечер…
За роялем — склоненные плечи…
Песни Шумана: «Du, meine Seele»…
Было… Прошло навсегда… Неужели!?

«Рыжая Ганна» и «Бедный Петер»,
За окном рыдающий ветер…
Город родной… Любимые лица…
Время разлуки так длится, так длится…

Где они: «Rose, Meer und Sonne?»[151]
Песни и голос тот умиленный:
Одна мне осталась «Waldeinsamkent»[152]
Да свист и рыдание осенних флейт.

Следственное дело В.Р. Моора не содержит материалов его допросов, так как (цитируем обвинительное заключение, сохраняя его стилистику):

Арестованный на основании данных следствия Моор В.Р. скончался в ДПЗ от припадка хронического заболевания уремией, не дав показаний, что затруднило выяснение о полной мере шпионской деятельности к.р. группировки… Следствием установлены два члена к.р. группировки, передававшие Моору сведения разведывательного характера.

Г.Д. Вержбицкий «признался», что информировал Моора и его пасынка Зеленецкого о ходе подготовки кадров комсостава:

рассказывал ему о количественном составе учащихся и о политическом состоянии школ.

Г.Ю. Бруни на допросах показал, что докладывал Моору о посещаемости церквей и сектанских молебствий, о настроениях профессуры и студенчества, об очередях перед магазинами и разговорах людей на улицах; заявил, что через германское консульство Моор переправлял свои работы за границу.

Б.В. Пестинский подтвердил, что Моор посылал для печати свои статьи в Германию, где они и издавались, имел связи с заграницей, в частности, с братом в Америке.

Сама по себе врачебная практика В.Р. Моора уже вызывала у следствия особое подозрение, так как обеспечивала «широкие возможности сношений с различными людьми».

Следствие резюмировало:

…Одно из формирований к.р. организации — а/с салон Л.Ю. и В.Р. Мооров проводил шпионскую работу… Шпионской деятельностью организации руководил доктор В.Р. Моор.

Для пущей аргументации обвинения вспомнили про бывшего тестя Моора — академика-китаеведа В.В. Радлова, умершего в 1918-м, но в 1930-м проходившего как немецкий шпион по «Академическому делу». Даже включили в обвинительное заключение протокол допроса двухлетней давности востоковеда А.М. Мерварта. Он свидетельствовал о том, что директор Музея антропологии и этнографии академик Радлов якобы направил его в Индию для собирания сведений политического характера, интересных германскому Генштабу. Мерварта приговорили к пяти годам исправительных работ. Он умер в заключении в мае 1932 года, пережив на два месяца доктора Моора.

Итак, В.Р. Моор был объявлен немецким шпионом, завербованным много лет назад академиком Радловым.

Следователи потребовали от арестованных охарактеризовать политическую ориентацию салона Мооров. М.Д. Бронников отметил его пораженческие настроения:

Доктор говорил, что война между Японией и СССР неминуема и что в этой войне Япония не будет ни в коем случае изолирована, но, напротив, максимально поддержана с Запада. В возможность для СССР выйти из такого двойного нападения победительницей Моор категорически не верил, и это убеждение давало ему бодрость в политическом прогнозе ближайшего будущего.

Специальный раздел обвинительного заключения по следственному делу № 249-32 назывался «Мистико-спиритуалистическая деятельность организации».

Мистика, спиритизм давно входили в круг интересов Вильяма

Рудольфовича Моора — вероятно, еще с тех пор, когда звался он Вильямом Овидом. Он, скорее всего, был знаком с опубликованной в 1899 году в американском журнале *«The New World»* статьей профессора Колумбийского университета Хайслопа (*J.H. Hyslop*), у которого он, Вильям Моор, возможно, сам и учился. Статья называлась «Бессмертие и психическое исследование». Занимаясь биохимическими исследованиями, Моор, конечно же, опирался на теорию химического строения органических веществ, созданную выдающимся российским химиком А.М. Бутлеровым. Не мог Вильям Моор пройти мимо страстного увлечения Бутлерова медиумизмом и спиритизмом. «Верование в то, что лежит вне области научного знания, может уживаться рядом с полнейшим признанием реальных истин науки» — эту мысль Бутлерова Моор полностью разделял.

М.Д. Бронников на допросе сказал о внимании Моора к идеалистическим воззрениям академика Деборина. Наверное, в этом доме обсуждалось постановление ЦК партии от января 1931 года, по которому философ-марксист А.М. Деборин за то, что назвал Ленина учеником Плеханова в философии, был обвинен в «меньшевиствующем идеализме» и снят с поста ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма». Многие так называемые «меньшевиствующие идеалисты» были арестованы, погибли в тюрьмах и концлагерях, но сам Деборин избежал этой участи и с 1935-го до конца жизни оставался в числе наиболее влиятельных представителей философских элит в СССР. Моору же ко всем прочим обвинениям присовокупили и его интерес к короткому периоду «заблуждений» правоверного советского академика.

Б.В. Пестинский сообщил, что доктор Моор состоял в масонской ложе «Полярная звезда». Г.Ю. Бруни уточнил: салон Моора посещал руководитель масонской организации «Полярная звезда» Б.В. Астромов-Ватсон (настоящая фамилия Кириченко).

Следствие установило: «Мистическая линия организации не является самопроизводной, а берет свое начало от существующей в Ленинграде организации сатанистов, строго законспирированной, грозящей физическим уничтожением всякому, кто выдаст организацию властям».

Звучит страшно. Но тут явно очередная путаница. В те годы подобная организация в Ленинграде не была зафиксирована. В деле ленинградских масонов 1926 года, по которому проходил Б.В. Астромов-Кириченко-Ватсон, вопрос о сатанизме не поднимался. Этот человек (настоящая фамилия — Кириченко, прозвище — Остромов, позже изменившееся в Астромов, а Ватсон — псевдоним, под которым после окончания кинотехникума он

снялся в трех фильмах) — фигура одиозная, однако до сих пор трудно сказать с уверенностью, кто он. Авантюрист? Заурядный осведомитель? Наивный романтик? Ставленник НКВД? Во всяком случае, он никогда не руководил «Полярной звездой», но в возглавляемую им ложу *«Tres Stellae Nordicae»* («Три северных звезды»), что располагалась в его квартире на Большой Московской, 8, входил и Георгий Юльевич Бруни. Возможно, через Бруни и произошло знакомство Моора с Кириченко-Астромовым-Ватсоном. К моменту ареста В.Р. Моора Астромов-Кириченко отбыл три года ссылки в Сибири и благополучно проживал в Гудаутах (благополучно — до следующего своего ареста в 1940-м, после которого он уже навсегда сгинет в ГУЛАГе).

Следствие резюмировало:

Салон Мооров является наиболее старым а/с формированием группировки, который растил внутри себя организаторов и руководителей к.р. кружков.

В подтверждение этому постулату обвинительное заключение цитировало протокол допроса самого молодого из подсудимых, Алексея Крюкова:

В основе моей антисоветской деятельности в армии лежало мое тесное общение с антисоветски настроенными кругами гуманитарной интеллигенции, в частности с антисоветским салоном Л.Ю. Моор, я не порывал связи с ним и после того, как я поступил в армию, эти лица знали о моей антисоветской деятельности в армии и поддерживали ее.

Литературный салон Л.Ю. Зубовой-Моор, по мнению следствия, «удачно конспирировал шпионскую деятельность В.Р. Моора».

Результативная часть обвинительного заключения относительно организатора этого салона выглядела следующим образом:

Моор Любовь Юльевна, гр. СССР, 1891[153] г. р. (?), ур. Вологодской губ., потомственная дворянка и дочь крупного помещика той же губернии, артистка, б/парт., замужняя, имеет двух детей — сына Георгия 20 лет и сына Александра, сосланного за шпионаж, под судом не была.

а) являясь монархисткой и сторонницей вооруженной интервенции, организовала у себя на квартире антисоветский салон с ежедневными собраниями, из числа членов которого вышли все организаторы и руководители молодежных к.р. групп и кружков организации, кои встали на путь активной борьбы с Соввластью, под влиянием антисоветской обработки, полученной ими в этом салоне;

б) принимала активное участие в а/сов политических беседах на темы вооруженной интервенции, о политике партии в деревне, о международном положении и проч., ведущихся постоянно на собраниях салона;

в) распространяла в рукописях и через громкое чтение собственные к.р. литературные произведения;

г) способствовала мужу своему Вильяму Рудольфовичу Моору в проводимой им шпионской работе и в его антисоветской мистико-спиритуалистической деятельности. Будучи осведомлена в общих чертах о шпионской деятельности Моора, не воспрепятствовала этой последней путем доведения до сведения органов предварительного дознания;

д) вовлекала в а/с салон литературно-учащуюся молодежь из театральных, кино и музыкальных учебных заведений, способствуя а/с обработке указанной молодежи.

Означенные преступления предусмотрены ст. 58–10 У.К. Виновной себя признала частично. Изобличается показаниями подследственных.

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17.06.1932 по ст. 58–10 УК РСФСР Любовь Юльевну Зубову-Моор приговорили к трем годам исправительно-трудовых лагерей.

Ее брат Михаил Юльевич Зубов, музыкант, выпускник Ленинградской консерватории, который в это время жил в квартире Мооров, рассказывал в письме родным: «Жорж был у матери с сестрой (Анжелой). Говорит, что она седая, и плачет, и хохочет, нервная, болела и болеет (ноги распухли, лихорадит, идет процесс туберкулезный). {Ее отправляют} на три года в концентрационный лагерь. Ее обвиняют в том, что она была руководительницей антисоветского салона (это что гости у них бывали). Энергии у нее уже нет, словом, это тень, производящая неприятное впечатление…» Рассказал, что докторскую комнату наконец распечатали, что должна там поселиться важная дама. Она еще не ночует, но уже привезли ее мебель. Какая-то женщина приходила мыть окно и пол. Ключ от входной двери в общий коридор в этой суматохе потеряли, поэтому, пока не вызвали слесаря, эта женщина и грузчики ходили через комнаты соседей…

Меньше чем через год, в апреле 1933-го, сам М.Ю. Зубов будет арестован и выслан в Казахстан.

…Л.Ю. Зубову-Моор поездом повезли в сторону Саранска, высадили на станции Потьма. (По иронии судьбы соседняя станция называлась Зубова Поляна.) Дальше по узкоколейке — на 13-й лагерный пункт Темниковского лагеря ОГПУ. Этот лагерь образован был совсем недавно — в июне 1931 года — как центр

нескольких исправительно-трудовых лагерей, расположенных в густых лесах и непроходимых болотах западных районов Мордовской АССР. В 1932-м численность заключенных Темлага составляла около 23 тысяч человек, в 1933-м — уже около 31 тысячи.

Заключенные работали на лесоповале. Лес поставлялся в Москву. О тяжести общих работ и условиях лагерного быта свидетельствуют выразительные цифры: по официальной статистике, в 1933 году в Темлаге погиб каждый шестой заключенный, то есть 4578 человек — 14,8% от среднегодового состава.

Тем удивительнее характер воспоминаний Л.Ю. Зубовой-Моор о ее лагерной жизни. Лесоповал ее не коснулся.

«Я была так занята: восемь часов канцелярской службы, затем репетиции спектаклей, в которых я играла главные женские роли. Режиссером был артист МХАТа, тоже, видимо, по недоразумению высланный в Темниковский лагерь. Хоть и уставала очень, но много была зато на свежем воздухе. …Я так честно трудилась и так безупречно себя вела, что лагерное начальство удивлялось: зачем меня лишили свободы и в чем можно меня исправить? Начальник лагеря снимал фуражку, встречая меня, и мне было разрешено гулять вне лагеря на природе».

Что все это значит? Такое ощущение, будто она сама себя загипнотизировала. Одна-единственная фраза из ее воспоминаний возвращает нас к реальности: «Спальные бараки были построены так: две доски и между ними засыпаны опилки, в которых было множество клопов. …Стояли мисочки с водой, в которых мы топили нападающих на нас насекомых».

А дальше снова голос человека, с готовностью принявшего собственное унижение: «Моей обязанностью было писать стихотворение к очередному номеру выходящей в лагере газеты. Бывали съезды всех лагпунктов, и меня тогда усаживали около президиума. Потому что я от имени заключенных должна была приветствовать съезд».

Вот пример ее восторженных рифмованных строк:

В Мордовии, в лесах ее зеленых,
Вдоль ветки Потьменской раскинут лагерь наш,
И всем, до лагеря в труде незакаленным,
Дают отбыть здесь трудовой свой стаж.

Смирился гордый, укрощен строптивый,
Квалифицирует, воспитывает труд,

Прилежен стал, кто прежде был ленивый,
Ударник честный — прежний вор и плут.

Леса, леса! В вас вторглась наша сила!
Бригада в лес… Топор стучит, звенит пила,
Москве березу Потьма отгрузила,
Для химзаводов льется кровь-смола…

Случайно, видно, у нее это получилось, но от рассказа о льющейся крови, пусть и «для химзаводов», как-то жутковато.

И еще, и еще, и еще — нескончаемый поток слов, строк, к поэзии никакого отношения не имеющих. Будто сама себя убеждает и убедила!

…Боремся с лесом, с собой, и даем.
Страна нас исправить хотела.
Мы новых советских людей куем
И песни труда во весь голос поем —
Пусть знает страна наше дело!

…Темлаг, Темлаг! Из многих чувств, рассеянных и шатких,
Ты углубил одно: любовь к моей стране…

Так она прославляла «героику» подневольного труда.

Однако в письме Любови Юльевны А. П. Семенову-Тян-Шанскому слышится ее прежний голос: «2.X.1933. …Хочется дать о себе весточку. Не могу победить этого желания, вспоминая счастливое прошлое. Обо всех неожиданных трагических событиях, постигших меня и мою семью, Вы, вероятно, слышали. Касаться их не буду и не могу. Раны не заживают. Хочу написать о настоящем времени… Я нахожусь в Кривякине (около Воскресенска), в 2 ½ часах езды от Москвы… Работаю, как работала и на Потьме, в качестве телефонистки на коммутаторе… Здесь, в Кривякине, управление лагеря… Строим мы железную дорогу. Работы, вероятно, хватит на год, если не больше. Кроме основной работы я с первого дня пребывания в лагере (с 21 июля) занята культработой. Не было ни одного спектакля, ни одного концерта, в которых бы я не участвовала… Постановки оформляются очень тщательно, так как есть и художники, и

декораторы, и всевозможные технические силы. Были такие постановки пьес, как “Рельсы гудят”, “Наша молодость”, “Альбина Мегуровская”, оформление которых было не хуже, чем в Москве или Ленинграде… В концертах я исполняла свой эстрадный репертуар (в одиночке я вспомнила 140 вещей, которые помню наизусть). Много читаю Пушкина и однажды прочитала всего “Медного всадника”…

Здесь трудно с книгами. Хотелось бы побольше читать.

Мой адрес: п/о Кривякино Московской обл. Лагерь ОГПУ. Управление. Телефонистке Л.Ю. Моор.

Может быть, напишете несколько слов о себе. Буду очень счастлива».

Получила ли Любовь Юльевна ответ на это свое письмо — неизвестно.

В это письмо было вложено стихотворение:

Моя усталость выше гор

Ф. Сологуб

Что позади осталось в вольной воле?!
Не знаю. Трудно мне. Усталость выше гор.
Что жизнь хранит во мне, в моей прискорбной доле?
Быть может, звезды? Люди? Солнечный закат?
Быть может, список длинный-длинный тех утрат,
Что позади остался в вольной воле?
Я жизнь люблю как жизнь, и сны мне не отрада.
Утешений и забвений мне не надо.
При мне, всегда при мне неволя и позор.
Любви взаимность, нежность дружбы, счастье, жалость —
Все для меня прошло. Их в новой жизни нет.
Как эхо, для меня всегда один ответ:
Мне трудно… Больно… Выше гор моя усталость[154].

В этом же 1933-м у дочери Вильяма Рудольфовича Моора Анжелы Вильямовны Барабановой родился сын. Ребенка назвали в память деда — Вильямом.

Срок Любови Юльевне скостили — вышла на волю не через три, а через два года. Правда, в 1935-м их с сыном Георгием как дворян выслали из Ленинграда. «Из нашего дома, — вспоминала Любовь Юльевна, — выслали шесть семейств, а когда мы через два дня сели в вагон, то весь поезд оказался переполненный коренными ленинградцами, отправленными на пять лет в Оренбург без предъявления какого-либо обвинения».

Окончательно вернулись они в Ленинград только в 1959-м.

Вильям Петрович Барабанов рассказывает, что в те годы часто встречался с Любовью Юльевной. «Она работала в обществе “Знание”, читала лекции, в том числе и о молодом Володе Ульянове. О тюрьме и ссылке не рассказывала. О муже Вильяме Рудольфовиче вспоминала с нежностью. …Иногда шутила, что ее репрессировали, потому что Зубовы еще в екатерининское время выступали против советской власти».

Вержбицкий Глеб Дмитриевич
«Жил на свете муравей…»

Из протокола допроса

31 марта 1932 г. я, уполномоченный 4-го отдела СПО Федоров, допрашивал в качестве обвиняемого Вержбицкого Глеба Дмитриевича.

…1904 г. р., сын врача, г. Кронштадт, прожив. Советский пр-т, д. 7, кв. 57, преподаватель науч. отд. (рабфак) Военно-медицинской академии и Школы военных сообщений, жена Наталия Сергеевна — домохозяйка, бездетный, образование высшее — ЛГУ, не судился, у белых не служил.

По существу дела показал:

Признаю себя виновным в том, что, входя в антисоветский литературный и мистический салон доктора Моора и его жены, я в разговорах сообщал участникам его, в частности доктору Моору и его пасынку Зеленецкому, ряд сведений разведывательного характера о Школе военных сообщений, где работал преподавателем.

Глеб Вержбицкий, как сказано в протоколе допроса, происходил из семьи врачей. Его отец, врач-эпидемиолог Дмитрий Титович Вержбицкий, окончил Императорскую медицинскую академию и получил место ординатора в Николаевском морском госпитале в Кронштадте. Как флотский врач Д.Т. Вержбицкий принял участие в походе госпитального судна Российского общества Красного Креста «Орел», сопровождавшего Вторую Тихоокеанскую эскадру в походе вокруг Африки и во время Цусимского сражения. Вернувшись в Кронштадтский госпиталь, он вскоре заразился от больного и умер, оставив жену и четверых детей.

Мать Г.Д. Вержбицкого, Анастасия Алексеевна (урожденная Буренина), происходила из купеческой семьи. Училась в одном классе Самарской женской гимназии вместе с Е.П. Пешковой, будущей женой А.М. Горького, и М.И. Ульяновой, сестрой В.И. Ленина. Уже овдовев, окончила женский медицинский институт и стала первой женщиной-врачом того же морского госпиталя в Кронштадте. В 1915 г. император Николай пожаловал ей золотую медаль «За усердие». Близкий друг семьи, санитарный врач флота Михаил Мелентьев, в своих воспоминаниях писал: «Анастасия Алексеевна Вержбицкая, единственная женщина-врач на флоте до

войны, осталась вдовою с четырьмя детьми и старухою матерью без всяких средств к жизни и без врачебного диплома. Получив звание врача, добилась у морского министра места в морском госпитале. Человек с большою волею, собранной к одной цели — поднять детей, она завоевывает в Кронштадте особое положение как детский врач в рабочей среде. Здесь ее знают все, и к ней идут. Постепенно к семье приходит полное благополучие. Дом — полная чаша. Два мальчика — Борис и Глеб — в реальном, девочки — Ольга и Татьяна — учатся дома и музыке, и языкам. Ведь дом согрет любовью и заботой бабушки Анны Ивановны. Во дворе, на улице, в квартале — это первая семья. Ее все уважают, любят и берегут»[155].

Глеб Дмитриевич Вержбицкий рос младшим сыном в семье. Он родился в 1904 году в Кронштадте, через три года после старшего брата — Бориса. Борис участвовал в Кроштадтском восстании, получил ранение позвоночника и какое-то время был полностью прикован к постели. Непостижимым усилием воли и изнурительными физическими упражнениями он преодолел недуг, поступил на физико-математический факультет Ленинградского университета, закончил его на отлично, защитил кандидатскую диссертацию и остался преподавать на кафедре дифференциальных и интегральных уравнений. Помимо того, Борис Дмитриевич преподавал курс математики в Кораблестроительном институте. Война помешала ему защитить докторскую диссертацию, а 30 января 1942 года ученого арестовали как участника контрреволюционной организации среди преподавателей Ленинградского государственного университета. 7 марта 1942 года, не дождавшись суда, Б.Д. Вержбицкий умер от дистрофии в тюрьме УНКВД ЛО.

Когда началась Первая мировая война, в Кронштадте исчезли даже самые необходимые продукты. Время от времени на остров с материка поступала помощь, и тогда пользовавшаяся полным доверием морского начальства доктор Вержбицкая раздавала ее больным детям рабочих.

После революции 1917 года положение только ухудшилось. В мае 1918 года, в связи с наступлением германских войск на Петроград с севера, советское правительство отдало приказ взорвать расположенный вблизи Кронштадта форт Ино. А.А. Вержбицкая писала М.М. Мелентьеву:

«Положение у нас в городе очень серьезное. На Ино был страшный взрыв. Народ волнуется. Того и гляди, начнется побоище. В городе холера. Умерло несколько врачей. Голод раскрывает свои объятия. Еду достают с большим трудом. Хлеба дают по четверти фунта в день. Что делать с детьми, не

знаю»[156].

Интерес к социальным проблемам привел Г.Д. Вержбицкого на факультет общественных наук этнолого-лингвистического отделения Ленинградского университета, который он окончил в октябре 1924 года. В 1925 году его приняли в штат Пушкинского дома на должность технического сотрудника. По всей вероятности, этому способствовала рекомендация Б.Л. Модзалевского, чей сын Лев был близким другом Глеба Дмитриевича по университету. Работу в этом в ту пору лучшем научном гуманитарном учреждении страны он совмещал с преподаванием в Кронштадтской школе повышенного типа РККФ и в Нормальной школе военных сообщений им. Фрунзе. Однако вскоре совмещение трех должностей стало физически невозможным, и с ноября 1928 года Г.Д. Вержбицкий вынужден был уволиться из Пушкинского дома.

Можно предположить, что в это время или несколько позже Лев Борисович Модзалевский привел Г.Д. Вержбицкого в литературный салон Л.Ю. Моор. 20 марта 1932 года Глеба Вержбицкого арестовали вместе с некоторыми другими посетителями кружка.

Из протокола допроса от 31 марта 1932 г.

На квартире доктора Моора регулярно собиралась группа литераторов и художников, составляющих антисоветский литературный салон. На собраниях салона присутствовали в качестве постоянных посетителей: Бронников, Комарова, Соколов, Билибина, Пестинский, Бруни и я. Кроме того, очень часто бывали ученицы какой-то студии, фамилий которых я не помню. Литературным направлением салона руководила жена доктора Моора — Любовь Юльевна Моор. На регулярных собраниях салона читались антисоветские произведения членов салона, велись беседы на литературные и политические темы, также в антисоветском направлении. Политическая направленность литературным вечерам салона давалась Л.Ю. Моор и Бронниковым, которые всегда выступали не только со своим творчеством, но и с отдельными докладами о состоянии современной литературы и ее путях. В частности, в одном из своих докладов Бронников указывал на то, что пролетарская литература и творчество вообще и не могут быть признанными, т. к. по своему содержанию и по форме не могут быть восприняты действительными знатоками и ценителями литературы. Подчиненное классовым требованиям искусство ведет к его

гибели. Мы должны культивировать и углублять лозунг «искусство для искусства». Л.Ю. Моор и другие присутствующие горячо поддержали Бронникова, т. к. эта установка вполне отвечала взглядам присутствующих на литературу и искусство. Л.Ю. Моор неоднократно указывала, что мы можем воспринять и должны учиться на образцах творчества А. Ахматовой, Гумилева и Клюева. Бронников в своих выступлениях неоднократно указывал на гибель и утрату классического репертуара.

С чтением антисоветских произведений в салоне выступали Бронников, Моор Л. Ю., Билибина и я. Я сейчас не помню названия вещей, которые читались тремя первыми лицами. Лично я читал «Девушку с каштановыми косами», «На белой березовой коре» и ряд других произведений, не имеющих названия. Мое творчество является антисоветским в силу крепкой насыщенности моих произведений индивидуальными, кулацкими — в смысле идеологическом — мотивами и упадничеством. Мое творчество было направлено на отрыв читателя от советской действительности и перенос его в прошлое, насыщенное мечтой.

Из обвинительного заключения

Вержбицкий Глеб Дмитриевич, гражданин СССР, уроженец Кронштадта, 1904 года рождения, сын врача, образование высшее, беспартийный, женат, бездетный, преподаватель литературы в военно-учебных заведениях, под судом не был:

а) будучи врагом соввласти и автором контрреволюционных произведений, состоял членом антисоветского салона Моор;

б) передавал доктору Моору и сосланному за шпионаж по делу контрреволюционной организации «Академии наук» Зеленецкому сведения шпионского характера об укомплектовании военно-учебных заведений, политико-моральных настроениях слушателей, случаях отказа от прохождения военной подготовки и прочее;

в) вел антисоветскую пораженческую агитацию, участвуя в антисоветских политбеседах на собраниях салона и распространяя собственные антисоветские литературные произведения… <…>

Означенные преступления предусмотрены статьями 58-6 и 10 Уголовного кодекса.

Виновным себя признал.

Вержбицкий отбывал лагерный срок на строительстве Беломорканала. В мае 1935 года ему удалось выйти на свободу. Правда, свободу относительную, ведь заключенным по этим

статьям не позволялось селиться ближе, чем 100 км от крупных городов. Начались тщетные поиски работы. Еще до своего ареста он работал техническим служащим в Пушкинском доме, и отец его университетского товарища Льва Модзалевского, пушкинист, публикатор и комментатор сочинений Пушкина Б.Л. Модзалевский, готовил к печати академическое издание писем поэта. Он-то и поручил Г. Вержбицкому, казалось бы, техническую, но на самом деле сложнейшую работу — составление именного указателя ко всем трем томам пушкинского собрания сочинений. Последний том вышел уже после смерти Б.Л. Модзалевского, и сын готовил его во многом по материалам отца. Так бывший лагерник получил ко времени своего освобождения неплохой подарок.

О его дальнейшей жизни сохранились отрывочные заметки. Одну из них находим в книге воспоминаний Е.Б. Черновой:

Кадр. 1936. 20 июля. № 33.

«Однажды, когда я сидела в издательстве Академии наук, ко мне подошел Глеб Вержбицкий, он только что вернулся из ссылки. Он строил Беломор. За что он попал в ссылку, он и сам толком не понимал: была какая-то *madame* Моор, у которой он был на литературном вечере, а больше инкриминировать нечего. Глеб — товарищ по Университету Левы Модзалевского, проходил в Пушкинском доме практику, был в меня немножко влюблен и вот теперь после ссылки пришел ко мне. Но помочь ему было очень трудно: в академические учреждения “бывших” ссыльных не разрешалось брать, тем более что жить Глеб имел право только не ближе 105 километра. Он снял комнату где-то за Любанью, а в Ленинграде устроился у родных и знакомых, рискуя своим и их покоем. Кроме того, надо было зарабатывать, Глеб стал сотрудничать с писателем Павлом Евстафьевым, имевшим статус члена Союза писателей, но писать не умевшим. Писал Глеб, подписывал Евстафьев и платил Глебу какой-то процент гонорара. Чтобы поднять продуктивность Глеба, Евстафьев еще пытался его спаивать. Летом я подрабатывала на курсах по подготовке в вуз и на экзаменах. К проверке экзаменационных работ я привлекла Глеба. Работа срочная: горы экзаменационных работ надо проверить к устному экзамену, т. е. практически в два-три дня. Помню, сидим ночью, поддерживаем бодрость черным кофе; Глеб кладет проверенную работу и торжественно говорит: “Трёшка! (за каждое экзаменационное сочинение тогда платили три рубля)»[157].

После выхода на свободу Вержбицкий пытался встроиться в жизнь, в том числе и литературную. Естественно, ни о каких публикациях речи не шло. В одном из писем, которое

опубликовал его друг и наставник Михаил Мелентьев, видно, что Вержбицкий пытался как-то продать свои литературные труды.

1937. 19 сентября. Вологда.

Дня через три отправляюсь на Медвежью Гору. Вот опять пытаюсь начать новую жизнь, которую по счету! Как хорошо, что я съездил в Москву. Встреча с Вами была для меня большой радостью и почти литературным фактом. Ведь Вы не только человек, которого я любил и люблю, Вы также персонаж моей повести «Голубые дачи». Над ней я работаю давно. Повесть эта о Лебяжьем, о хороших, немного смешных людях, о соснах, грибах и морских камнях «пять братьев». Это мое <…> от фельетонов, рецензий и прочих газетных дел. Наша встреча разрешила сразу одну из главных сюжетных линий. Я убедился, что шел в работе верным путем.

Теперь о другом. Посылаю Вам рукописи. Будьте добры, пристройте их в Литературный музей. Материал, несомненно, ценный. Поэма «Солдатская жизнь» до сих пор, по-моему, считалась анонимной. На моем экземпляре указан автор и кто он. Затем этнографические материалы: дневник слов сибирского купца, записи по народной медицине, хозяйственные и кулинарные рецепты. Кроме того, сборник романсов 1858 года, официальный документ 1820 года, и, наконец, литографированный сборник «Цеха поэтов» — «Новый Гиперборей», автографы и рисунки поэтов. Это очень редкая вещь — тираж всего 20 экземпляров. Думаю, что мои материалы будут куплены музеем. О цене не говорю — чем больше, тем лучше.

Большое Вам спасибо за это.

Ваш Глеб Вержбицкий[158].

Продажа рукописей через Мелентьева в Государственный музей, видимо, оказалась невозможной. Уже в следующем письме он в отчаянии пишет, что жена сидит в Вологде без работы. Денег нет. Но вскоре им с женой удается выбраться в Керчь к ее матери. Наступает короткий период отдыха. Но затем он снова пытается вернуться к привычной жизни.

В 1938 году Мелентьев записывает в дневнике:

«Два слова о Глебе Вержбицком. Бодр, хорошо зарабатывает и очень прославился, хотя и под псевдонимом, т. е. псевдоним здесь несколько современный: Глеб пишет “исполу” для одной легализованной бездарности. Тот все печатает под своим именем. Живет Глеб в Вишере, работает же в Ленинграде, на квартире у своего “патрона”»[159]; «11 ноября. Петергоф. “Пришел Глеб Вержбицкий. Его писания имеют успех, но печатается все это под другой фамилией. Глеб остр, насмешлив и умен”»[160].

Эти дневниковые записи отсылают к воспоминаниям

Черновой, которая пишет о работе Вержбицкого литературным негром у писателя Павла Евстафьева, который занимался исследованием истории военных поселений, но, видимо, не справлялся с литературной работой. Однако судьба писателя тоже была незавидной: он был арестован и расстрелян в 1941 году.

Еще один штрих к образу и судьбе Вержбицкого прибавляет неожиданная находка небольшого рассказа о нем в неопубликованных записных книжках Ольги Берггольц.

«Глеб Дмитриевич Вержбицкий. Трясется, дрожит и мигает все лицо.

“Я, право, иногда думаю, что уж меня нет, каким-то Голядкиным стал”.

В 32 г. был арестован, 58–11, посещал какую-то артистку, она кем-то оказалась. Был 1 допрос, получил 3 г. на Беломорканале.

Строил, затем был отправлен на Байкало-Амурскую магистраль. Жили в тайге, отстреливались от волков. Работал сначала физически, затем в лагерн. газетах.

Освобожден досрочно, получил грамоту ударника — “Вот, пожалуйста, посмотрите, нет уж, Вы, Ольга Федоровна, взгляните, вот и мой портрет, это я, и вот она, грамота ударника”.

Только что без еров говорит. Словоерс[161].

Вернулся в Ленинград, затем, в начале 35-го выслан. Сначала Вологда. В газете.

“Там ко мне нач. гор. милиции хорошо относился. Он, видите ли, стихи писал, его Евгением Онегиным прозвали, ну, и приходил ко мне их читать. Я не печатал, нет, нет, не думайте, не печатал. Но он мое общество ценил и говорил: «Я вижу, что ты в поэзии понимаешь, пока я тут начальником — живи спокойно»”.

Потом выгнали из Вологды. Это был 37 год.

С семьей скитался по всей России — нигде не давали работы.

Просился обратно в лагерь. “Хоть конвоиром, понимаете”.

Приятель, “лицо” в лагере, сказал: “Вот тебе 25 р., через 2 часа отходит поезд — уезжай. Я тебя спасаю. А то прибавят через этаж или дадут известку”.

В другом лагере сказали:

“У нас раньше гром мазурки был, а теперь педагоги, не советуем”.

Поехал на Куйбышевский узел, — “тоже наше строительство”, но даже там не взяли.

Наконец осел с женой и ребенком в Вишере.

“Существую случайной литературной работой. То корректуру правлю, то вот анализ детских сочинений делал, по полтора рубля тетрадка. Приятель вот устроил, написал лекции о

Шекспире для Ин-та повышения квалификации учителей, конечно, анонимно". Жена — научн. сотрудник Ин-та Севера, тоже пропадает втуне. Сам Вержбицкий кончил Университет, филолог, литературовед, знает три языка, работал в Ак. наук, в Пушкинском доме. Образованный, знающий человек.

В лагере на каменных работах — "меня придавило, но совсем немножко". В лагере — "один начальник со мной грубо обошелся, ну, допустил нетактичность (избил). Я ему потом сказал: извините, у меня 2 ночи, а вы все 4 хотите. Но потом он пытался это загладить и впоследствии очень, очень хорошо со мной обращался. Так что жаловаться мне не на что. Обращались со мной очень хорошо…"

Разноска приказов по лагерю. Приказ о нач<альнике> лагеря — расстрелять за издевательство над заключенными. "Я приказ несу, он уже расстрелян, а жена-то его еще в конторе нашей работает, ничего не знает… Ну, я ей приказа не положил — знаете, все-таки женщина"»[162].

Берггольц пишет о нем в 1944 году, возможно, зная, что его уже нет на свете.

В феврале 1942 года Глеб Дмитриевич Вержбицкий умер в блокадном Ленинграде от истощения и был похоронен на Смоленском кладбище.

В своих воспоминаниях Мелентьев писал:

«4 ноября. Сегодня подтвердилась весть о смерти в Ленинграде Глеба Вержбицкого и Бориса, его брата. Первый умер в феврале дома от голода — дистрофии. Второй — в марте в тюрьме. "Он был бодр, у него была энергия, были широкие научные замыслы, и он бы выжил, если бы не катастрофа, случившаяся с ним". Так пишет мне его сестра.

А Глеб накануне своей смерти был у Натальи Павловны Вревской, посидел у нее вечер и не раз возвращался к тому, что он скоро умрет…

Жена и сын Глеба еще перед войной уехали в Керчь и погибли там от бомбежки. Так, по крайней мере, уверяет брат жены Глеба. А сестра Глеба пишет мне: "Не знаю, насколько это верно. У меня есть основания сомневаться в этом". В браке Глеба не все было обычно. Он жил всегда один и с любовью говорил о жене и сыне. Следующее его стихотворение я склонен считать автобиографичным:

Жил на свете муравей
С перехватом в талии.
Спи, Ирина, слез не лей.

Жил на свете муравей.
Кроткая ракалия.

Упросил он быть женой
Муравейку черную.
Дом построил под сосной
С кухней и уборною.

Провозился ночи три.
Ползал днем за пищею.
Приколачивал драпри,
Украшал жилище.

Муравейка в дом вошла
Властною походкою
И за правило взяла
Быть супругой кроткою.

Муравей же все терпел,
Нежный и внимательный.
Ах, всегда такой удел
Муравьев мечтательных.

Так и жили, но всему
Есть конец положенный.
Вдруг подняло кутерьму
Сердце в сумке кожаной.

Муравейке вспала блажь
Бросить дом супружеский:
“Собирай-ка мой багаж.
Помоги по-дружески.

Не хочу я на луга.
Прячь любовь под кителем.
Мне противен муж-слуга,
Жажду повелителя.

Здесь я чувствую тоску
И пройду над безднами
К темно-синему жуку
С лапками железными”.

От невыносимых мук

Изменяясь в счастии,
В тот же день ее супруг
Проводил туда, где жук
Держит в лапках счастие.

Возвратился… в горле ком.
Ночью страшной, темною
Муравей разрушил дом
С кухней и уборною.

И травой ножа острей
Перерезал талию…
Так скончался муравей.
Кроткая ракалия.

“Во время своей болезни, если постепенное умирание от голода можно назвать болезнью, Глеб много говорил о своей повести «Голубые дачи», собираясь закончить ее, когда поправится. Ведь он не знал сначала, что умирает. Рукопись этой повести я не видела и не знаю, где она”. Так пишет мне сестра Глеба»[163].

Бруни Георгий Юльевич
Стремление найти «цифровую формулу божества»

Из протокола допроса

Уполномоченный Бузников допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Бруни Георгия Юльевича, 1870 года рождения, уроженца г. Ленинграда. Проживает пр-т Майорова, д. 31, кв. 9. Род занятий — аккомпаниатор, музыкант. Семейное положение: жена Любовь Александровна, рассказчица, дочь Татьяна — декоратор, сын Владимир — конторщик Ленкомтранса. Отец имел поместье и дом. Образовательный ценз — высшее, консерватория. Беспартийный, не судим, у белых не служил.

Судьба семьи еще одного участника собраний литературных и художественных кружков и салонов Георгия Юльевича Бруни повторяет судьбу многих иностранных семей, приехавших в Россию, постепенно укоренившихся в ней и верно ей служивших. Его прадед Антонио Бруни, реставратор и мастер декоративной живописи, в 1807 году оставил Милан в надежде покорить Петербург и получил в российской столице должность «лепного, живописного и скульптурного мастера при царскосельских дворцах». Сын Антонио Бруни, академик живописи Федор Антонович Бруни, окончивший Академию художеств и ставший одним из виднейших русских художников-академистов, известен как автор картин, фресок и мозаик Исаакиевского собора, замечательных портретов и картин на исторические темы, хранящихся в крупнейших музеях России. Он также занимал должности хранителя живописных коллекций Эрмитажа и ректора Академии художеств.

Отец Георгия Бруни, Юлий Федорович, был даровитым архитектором, сделавшим чертежи для возведения домов Г. Романова, Г. Струбинского и других, а также перестройки и надстройки двух этажей женской половины школы при Евангелической лютеранской церкви Св. Петра. Он считался мастером планировки и внутренней отделки дворцов; ценители восторгались его акварелями и работами в области прикладного искусства. Но весь Петербург знал Юлия Федоровича как гениального музыканта-импровизатора, и сын унаследовал этот выдающийся талант.

Георгий Юльевич Бруни родился в 1870 году в Петербурге. Как пишет в своих воспоминаниях художник А.Н. Бенуа, чья семья находилась в дружеских, почти родственных отношениях с семьей Бруни, Георгий Юльевич (Жорж) рос высоким, стройным и очень красивым мальчиком с типично итальянской внешностью. В детстве он несколько отставал в развитии, но родители предприняли все меры, чтобы ликвидировать этот недостаток.

Весной 1880 года десятилетнего Г.Ю. Бруни определили в гимназию императорского «Человеколюбивого общества», педагогический коллектив которой славился гуманным отношением к ученикам. Но, как пишет А.Н. Бенуа, «учился он отчаянно плохо. <…> Несомненно, что импровизации Жоржа служили известным отводом для страданий родительского самолюбия и компенсацией за то, что во всем прочем было трудно им гордиться. Впоследствии из Жоржа вышел вполне нормальный человек. После того как отец его, “знаменитый” Жюль Бруни, спустил не только все наследство, полученное от отца, но и большое приданое своей жены <…> Жорж женился и не без достоинства стал играть роль уважаемого отца семейства. <…> Его музыкальные способности нашли себе применение в том, что он по воскресеньям играл на органе в Швейцарской церкви на Большой Конюшенной»[164].

Мать Г.Ю. Бруни, Мария Александровна (урожденная Пель), принадлежала к семье знаменитых петербургских аптекарей.

После окончания гимназии Георгий Бруни поступил в Петербургскую консерваторию. Еще студентом он стал браться за разную работу: имел частных учеников (одним из его первых учеников был совсем юный Сергей Прокофьев), сотрудничал с киностудией, развлекал зрителей игрой на рояле перед началом киносеансов. Г.Ю. Бруни много работал преподавателем-аккомпаниатором: в 1908–1912 гг. в Обществе народных университетов и в консерватории; с 1912 по 1915 гг. — в школе Глассера в Петрограде. В 1915–1916 гг. он вернулся в консерваторию и начал работать сначала помощником инспектора научных классов, а с 1916 по 1932 гг. — преподавателем-аккомпаниатором.

Имя Г.Ю. Бруни впервые встречается в различных мистических и масонских кружках и объединениях еще в 1917 году, когда он вместе с фрейлиной императрицы, историком религии Ю.Н. Данзас, архитектором Е.Е. Баумгартеном и другими организовал «Союз соборной премудрости» — религиозно-философское общество, ставившее своей целью сближение православия и католицизма. После революции «Союз» распался: наиболее активных его членов выслали из Петрограда, другие

успели уехать в эмиграцию.

В начале века в Петербурге жило много французов, открывших в столице разного рода организации, ведшие миссионерскую деятельность. Зыбкость политической системы, разложение православной церкви способствовали их успеху среди столичной интеллигенции. «Союз соборной премудрости» объединял религиозно-философскую интеллектуальную элиту Петербурга, склонную к экуменизму.

Из протокола допроса

<…> Незадолго до Октябрьской революции, уже во время «керенщины», в Ленинграде было основано мистико-философское общество под наименованием «Общество соборной премудрости», одним из основателей которого был я. Среди основателей общества были Елагин Н.А. (ныне сосланный), Орбели, Баумгартен Евгений Евгеньевич (ныне умер), Лотин (имя и отчество мне неизвестны), Данзас (умерла).

Общество имело пребывание в здании Екатерининского института на набережной Фонтанки, с разрешения начальницы института собирались в гимнастическом зале того же института.

В этом обществе принимали участие священник Философов (имени и отчества не знаю), бывший в то время епископ могилевский католический (фамилии, имени отчества не знаю). В состав этого общества входили священники православные и католические — кто именно, я уже не помню.

Деятельность общества: объединение православной и католической церквей на основе мистико-философских воззрений, но без всякой политической окраски.

С приходом Октябрьской революции общество это прекратило свое существование, так как большинство членов его, в том числе и я, ушли из общества.

Одной из самых известных деятелей «Союза соборной премудрости» была Юлия Николаевна Данзас (1879–1942) — историк религии, теолог, религиозный и общественный деятель, член Философского общества при Петербургском университете. В начале 1920-х годов она перешла в католичество, приняла монашеский постриг, но вскоре была арестована и осуждена на десять лет лишения свободы в числе других петроградских католиков. Ю.Н. Данзас отбывала срок на Соловках и на строительстве Беломорканала, освобождена в 1932 году по ходатайству А.М. Горького. По-видимому, Г.Ю. Бруни не был осведомлен о ее освобождении и дальнейшей судьбе и во время

допроса считал Данзас погибшей. Между тем она прожила еще десять лет в Германии, Франции и Италии и умерла в Риме в 1942 году.

Евгений Евгеньевич фон Баумгартен (1867–1919) — архитектор, архитектурный критик. В 1891 году окончил высшее художественное училище при Академии художеств. Преподавал в Институте инженеров путей сообщения, Петербургском технологическом институте, на Женских политехнических курсах. Возглавлял строительное бюро «Е.Е. Баумгартен — А.М. Гусев». Среди построек: новый корпус Института инженеров путей сообщения, надгробие В.Ф. Габерцеттеля на Волковском кладбище и т. д. Приобрел известность благодаря историко-критическим статьям, посвященным классицизму и модерну в России, а также проблемам взаимодействия архитектуры и общества.

Могилевским католическим епископом в 1917–1919 годах был Эдуард Юльевич Ропп (1851–1939). Гайдебуров Павел Павлович (1877–1960) — актер, режиссер, поэт, театральный критик. Об участниках Елагине Н.А. и Лотине ничего найти не удалось.

О каком из братьев Орбели — Иосифе, Леоне или Рубене — идет речь в показаниях Г.Ю. Бруни, установить не удалось. Вполне вероятно, что о Леоне — он любил ходить к старцу в Вырицу и был очень набожным. Но это лишь наше предположение.

После распада «Союза соборной премудрости» Г.Ю. Бруни продолжали занимать вопросы религиозной философии и мистики. Однажды в начале 1920-х годов он познакомился с масоном Б.В. Ватсоном[165], недавно окончившим кинотехникум и принимавшим участие в съемках кинофильмов «Чудотворец» (1922), «Скорбь бесконечная» (1922) и «Красные партизаны» (1924).

Я столкнулся с масонством на чисто исторической почве. Желая углубить свои знания, я, познакомившись в киностудии с Б.В. Ватсоном, и слышавши о масонстве, и рассматривая его предметы, приносимые в студию в портфеле, выразил желание ближе ознакомиться с ним и был приглашен утром на его квартиру по Малой Московской. Рассматривал его вещи. Он предложил мне вступить в ложу. Обряд состоялся, и я сделался «товарищем мастера». Ватсон мне предложил за это уплатить за свет. Я отказался в мягкой форме. Тогда он предложил мне за уплату угощения сделать меня «мастером». Я наотрез отказался. В день регистрации РКП[166] я получил извещение, что я в проскрипционном списке, на что я обрадовался и совсем отошел

от желания объединения с масонством. В это время, когда я был в таком общении с Ватсоном, ко мне зашел Н. Сверчков, который просил познакомить с кем-либо из масонов. Я это исполнил, взяв с него слово не вступать в какие-либо сношения с ними[167].

Художник Николай Георгиевич Сверчков (1898–?) служил на Фарфоровом заводе в Петрограде и в Художественно-промышленном техникуме. Впервые арестован в 1926 году по «Делу масонов». Выслан в Нарымский край на три года. По возвращении жил в Новгороде, откуда вновь был выслан сроком на три года в апреле 1931 года. Во время войны перешел на сторону немцев, занимал высокие административные посты в нескольких оккупированных городах. После окончания войны жил в Австрии.

Следствие по «Делу масонов» стало первым прямым столкновением Г.Ю. Бруни с чекистами, и оно обошлось для него сравнительно благополучно. Но через пять лет его имя всплыло на допросе поэта А.И. Введенского в связи с делом обэриутов:

К нашей группе, как к активному в антисоветском плане ядру, примыкали различные лица из среды гуманитарной интеллигенции, политически близкие нам по своим антисоветским и мистическим настроениям. Из названных лиц могу назвать следующих: Калашникова Петра Петровича, на квартире которого происходили систематические сборища, сопровождаемые развратными оргиями, Бруни Георгий Юльевич, художник Эйснер Алексей Петрович, проживающий по Октябрьскому проспекту, Воронич, Лорис-Меликов, художницы Порет и Глебова, работающие в области детской литературы и определяемые как приспособленцы в своем художественном творчестве, художница Сафонова Елена Васильевна, на квартире которой происходят сборища антисоветских лиц, Лихачев Иван Алексеевич и другие[168].

Фамилия Бруни упомянута здесь только вскользь, но на следующий год, весной 1932-го, настал и его черед. В Ленинграде разворачивалось очередное дело, направленное против интеллигенции.

Из дополнительных показаний

<…> В 1925 г. на концерте, устроенном в бывшем здании реального училища на 12-й линии Васильевского острова, я познакомился с артисткой Любовью Юльевной Моор, женой врача Вильгельма Рудольфовича Моора. В доме я встретил Ватсона и доктора Зиккеля. Как известно, Ватсон имел связь с

католическими и неокатолическими кругами. В доме у Моор я узнал от Юлии Моор, что у них в доме бывает б. адмирал Михаил Беклемишев, с которым я встречался в обществе «Соборной премудрости». Он меня просил еще ранее, до моего знакомства с Моорами, перевести с французского катехизис неокатоликов. Узнав по содержанию некоторых глав об общности с масонством, я в переводе ему отказал, отослав книгу. Бывая у Моора, я убедился, что Любовь Юльевна окружает себя молодежью, которая собирается как бы для литературной цели. Среди молодежи я встречал: Фитингофа (имя и отчество не знаю), братьев Бронниковых — одного называют Михаилом Дмитриевичем Бронниковым (б. лицеист), Пестинского (имя и отчество не знаю), Приселкова (имя, отчество не знаю), ныне сосланного его племянника Приселкова (имя, отчество и фамилии не знаю) и некоего Михаила, с которым имел разговор о масонстве. Сам Моор чуждался молодежи, но беседовал с Беклемишевым. Пестинский (жил у Петра Петровича Калашникова, в настоящее время арестован) привел Калашникова в дом к Моорам. Калашников, в свою очередь, был хорошо знаком с католическими священниками, возглавляемыми французским аббатом Амудрю, настоятелем французской церкви на Ковенском переулке[169].

Из протокола допроса от 29 марта 1932 г.

В антисоветском салоне Моор, в котором, как я показывал, я принимал активное участие, вопросы мистики <…> занимали весьма значительное место. Руководил этой мистической деятельностью салона сам д-р Моор, группируя для этих целей вокруг себя особо доверенных участников салона. <…>

Доктор Моор, убежденный мистик и спиритуалист, неоднократно в разговорах со мной давал мне доказательства принадлежности своей к организации белого масонства. Об этом также свидетельствовал и подбор литературы в его библиотеке, часть из которой он специально выписывал из-за границы. От него я получил секретную масонскую гравюру «Синахия». Стремление некоторых участников его мистического кружка математически найти цифровую формулу божества является типичным масонским явлением. Сам я неоднократно являлся соучастником Моора в организации спиритических сеансов. Мы вызывали духов…

Из протокола допроса от 31 марта 1932 г.

<…> Высказываясь на собраниях салона постоянно крайне

антисоветски и пораженчески — я сторонник вооруженной интервенции, — я заслужил особое доверие со стороны д-ра Моора В.Р., который вовлек меня в свои мистические занятия: спиритические сеансы, знакомство и изучение мистической литературы и проч. Он знал о моей принадлежности к масонской ложе «Полярная звезда»; а затем в середине 1930 г. предложил мне сообщать ему разведывательно-шпионского характера сведения за соответствующую плату: во 1) о положении религии церковной и сект в СССР и во 2) о настроениях политико-нормального характера музыкально-литературной среды. Я ответил на это предложение Моора согласием — и с того времени стал регулярно освещать Моору указанные вопросы, каждый раз передавал последнему о посещаемости церкви, сектантских молебствий, о настроениях верующих, о материальной обеспеченности культов, а также отдельно о политических настроениях слушателей и профессуры музыкальных учебных заведений, в которых я работал, и обывательской среды, с которой я соприкасался. Сведения о росте или уменьшении очередей перед продовольственными лавками, о настроениях очередей и вообще улицы также входили в мою обязанность. На этих моментах я останавливался в каждом своем докладе доктору Моору.

Кроме того, от доктора Моора я получал специальные задания. Одно из таких заданий, я помню, касалось баптистской организации в Ленинграде, деятельность которой я осветил в специальном докладе Моору. За свою шпионскую работу я получал от Моора денежные вознаграждения в общей сумме 400–300 руб. Получение Моором от меня указанных сведений обычно проходило следующем образом: опасаясь принимать меня по делам такого рода дома, когда присутствовал в его квартире кто-либо из посторонних, он вызывал меня к телефону, и, встречаясь на улице, мы уезжали с ним за город, или на берег залива, или в лесной парк, где беседовали по интересующим Моора вопросам.

Передаваемые мною сведения Моор обычно заносил очень мелко и сокращенно по-немецки в маленькие блокнотики, специально используемые им для записи разведывательных данных.

На вопрос: кто еще информировал Моора по другим интересующим как шпиона вопросам — положительного ответа дать не могу, т. к. Моор тщательно конспирировал от меня других своих информаторов. Могу лишь высказать предположение, что в связи с его прежним родством с академиком Радловым (Моор был женат на дочери академика — в настоящее время Радлов и его дочь, первая жена Моора, умерли) у Моора были тесные связи с

некоторыми работниками Академии наук и научно-исследовательских лабораторий Ленинграда. Сам Моор также занимался в лабораториях Академии, а его пасынок Зеленецкий, уличенный в шпионаже и сосланный ныне, был работником Академии. Во всяком случае, Моор в разного рода беседах проявлял всегда исключительную осведомленность о работе Академии наук и исследовательских лабораторий, имея при себе такие материалы, которые, как правило, не выходили за стены этих учреждений. Моор мне показал однажды стенограмму речи академика Деборина, в которой Моором были отчеркнуты и проработаны места, свидетельствующие о переходе этого академика на позиции постепенного идеализма.

На вопрос: в пользу какой страны д-р Моор вел на территории СССР шпионскую работу — отвечаю, что, хотя последний при вербовке меня не сообщил мне, в пользу какой страны я буду работать, но по всем данным Моор работал для Германии. Это, в частности, подтверждают исключительно близкие связи Моора с германским консульством, через посредство которого он нелегально пересылал свои научные и иные письменные работы за границу. Характер его заданий, например, спецзадание о баптистах, также говорит о том же.

ОТ ГЕОРГИЯ ЮЛЬЕВИЧА БРУНО[170] — ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Уже в первые годы Октябрьской революции (точно года не припомню) были основаны: нелегальная группа монахинь при Пантелеймоновской церкви (ул. Пестеля), где в примыкающей к церкви комнате проживала возглавлявшая эту группу монахиня по имени, кажется, Феофания (в состав этой группы я не входил). Кроме того, образовалась и вторая группа, так называемых неокатоликов, основательницей которой была Данзас. (Церковь эта французская и основалась в Лионе, Франция.) В состав этой группы я также не входил.

Сфера деятельности этой группы «масонская», с характером политическим в интересах Франции. О существовании первой группы (монашеской) я узнал от встреченной мною в Консерватории Ольги Альфредовны Плодовской и из последующих разговоров узнал от нее, так как она была очень хорошо знакома с монахиней, возглавляющей первую группу. На предложение Плодовской поехать к монахине я ответил отказом и не ездил к ней. В то время я о второй группе ничего не слышал. <…>

Бывая у Моор, я убедился, что их дом являлся как бы передаточным пунктом между СССР и иностранными державами. Моор лечил американцев и бывал в германском консульстве, куда, по его словам, носил рукописи для переправки за границу, помимо установленного законом порядка. Книга была написана на немецком языке и, по его словам, представляла труд по специальным вопросам. У Калашникова мне пришлось быть один раз, там происходило собрание, носившее характер оргий, у Калашникова я встречал одного поэта, имя и фамилию я забыл, ныне арестован.

Признаю себя виновным, в чем глубоко раскаиваюсь перед Советской властью. Именно, что я разбалтывал обывательские отзывы о настроениях масс, религиозном подъеме некоторых сект, увлекался мистикой и состоял членом масонской ложи в качестве ученика, организации, идущей вопреки советской власти, содействовал Моору в обсуждении зарубежных сочинений с английского, которые мне переводил Моор, выносил упаднические мысли каждому встречному, не обдумывая вреда, который я причинял Советской власти. Добавляю, что Пестинский очень интересовался мистикой, исполнял рисунки мистического характера. Ставлю себе в вину, что я пользовался материальной помощью у Моора в виде единовременных небольших денежных получек, лечения, обедов, что в общей сложности составила за период времени около года 300 рублей, считая лечение.

Что только не наговорил о себе и других бедный Г.Ю. Бруни! Настоящим шпионским гнездом оказался салон Мооров, да и мистическим центром в придачу. Есть вероятность, что и следователь Бузников раздул показания до почти космических размеров, так что теперь можно было с легкостью писать обвинительное заключение: материал собран достаточный.

Из обвинительного заключения

Бруни Георгий Юльевич, гражданин СССР, 1870 года рождения, уроженец Ленинграда, потомственный дворянин, образование музыкальное высшее, аккомпаниатор-музыкант, беспартийный, женат, имеет дочь Татьяну 24 лет и сына Владимира 22 лет, привлекался органами ОГПУ по делу контрреволюционной масонской организации Астромова:

а) являясь монархистом и сторонником вооруженной интервенции по убеждению и состоя членом нелегальной масонской ложи «Треа Стэлла Нордика», был участником руководящей группы антисоветского салона Мооров;

б) вел систематическую антисоветскую агитацию внутри контрреволюционной группировки и вне ее, призывая к свержению Соввласти и намеренно распространяя различного рода пораженческие слухи;

в) по собственному желанию за соответствующую плату собирал для доктора Моора В.Р., бывшего американского подданного, различного рода шпионские сведения и выполнял специальные задания разведывательного характера, будучи завербован на эту работу Моором в 1930 г. За шпионаж Бруни получил разновременно от доктора Моора 400 рублей;

г) принимая активное участие в мистико-спиритуалистической деятельности контрреволюционной организации, участвуя в антисоветских спиритических сеансах с вызыванием духа Ленина, в черных мессах и прочих мистико-спиритуалистических действиях.

Означенные преступления предусмотрены статьями 58-6 и 11 Уголовного кодекса.

Виновным себя признал.

В результате Г.Ю. Бруни был вынесен приговор: три года концлагерей. Вернувшись в Ленинград, Г.Ю. Бруни продолжил преподавательскую и аккомпаниаторскую деятельность.

О судьбе его жены ничего неизвестно.

Дочь, художница Татьяна Георгиевна Бруни, продолжила семейную традицию. Более полувека ее имя не сходило с театральных афиш ленинградских театров. В двадцатые годы Т.Г. Бруни стала одним из художников «Молодого балета», созданного Георгием Баланчивадзе (будущим Джорджем Баланчиным). Выполненное ею в 1932 году оформление балета Д. Шостаковича «Болт» стало превосходным образцом русского художественного авангарда. Бруни успешно оформляла большое количество спектаклей в театре оперы и балета им. Кирова (ныне государственный академический Мариинский театр).

Г.Ю. Бруни скончался от голода в Ленинграде в апреле 1942 года Похоронен на Пискаревском кладбище.

Наумов Павел Семенович, Наумова Вера Кирилловна
«Но я хочу еще жить»

Из протокола допроса

26 марта 1932 года я, штатный практикант СПО Мельников В., допрашивал гражданина Наумова Павла Семеновича, 1884 года рождения, из крестьян. Прож. 12-я линия В. О., д. 31, кв. 46. Инст. Пр. Из. Искусств[171] профессор. Женат, жена — домохозяйка, дочь — Лен. Инст. Ком.[172] — студентка. Имущественное положение — заработок. Образование — высшее, окончил Академию художеств. Беспартийный. Не судился. У белых не был.

Показания по существу:

Признаю, что вся моя деятельность была направлена во вред существующему строю, так как по своему убеждению я враждебно принял новый существующий строй. Я входил в антисоветские салоны, группировался с чуждыми современности людьми и где возможно проводил свою антисоветскую деятельность. Мои мистические убеждения, так же как и мое творчество, были враждебны современности, которые я отстаивал и защищал и которые обусловили всю мою вредительскую деятельность в области искусства.

В дальнейшем обязуюсь расширить свои показания и подробно и чистосердечно рассказать о своей деятельности и деятельности антисоветского салона, куда я входил.

Протокол написан с моих слов правдиво.

Наумов

Допросил: Мельников.

26 марта 1932 г.

Павел Семенович Наумов родился в 1884 году в семье унтер-офицера Семена Васильевича Наумова в селе Козацкое Козелецкого уезда Черниговской губернии. В 1899 году поступил в рисовальную школу Н.И. Мурашко в Киеве. Там познакомился с Верой Кирилловной Царевской, своей будущей женой. После окончания школы, в 1904 году, Наумов был принят в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в Петербурге. В 1905–1906 годы, в смутное революционное время, когда обучение в училище прервалось, вернулся в Киев, рисовал под псевдонимом Заступец для

сатирического журнала «Шершень». Окончил училище в 1911 году по мастерской Д.Н. Кардовского.

Сотрудничал с Н.К. Рерихом (не отсюда ли интерес Наумова к мистическим учениям?): вместе с ним работал над росписью церкви Св. Духа в имении княгини М.К. Тенишевой в селе Талашкино. По эскизам Рериха вместе с С. Судейкиным и В. Замирайло писал декорации для постановки «Пер Гюнта» в Московском художественном театре.

В годы Первой мировой Павел Наумов служил санитаром в Царскосельском лазарете № 17, в том самом, где санитаром был и Сергей Есенин. Их дружеские отношения сохранялись и после войны. Был знаком с Николаем Клюевым.

П.С. Наумов выставлял свои живописные полотна на различных выставках: в 1910-е вместе с художниками-символистами из объединения «Голубая роза», вместе с «Союзом русских художников», близким к «Миру искусства», в 1923-м — на Выставке картин петроградских художников всех направлений.

С первых послереволюционных лет и до конца своих дней преподавал в Академии художеств, точнее, в тех учебных заведениях, которые, сменяя друг друга, возникали на месте Академии после ее упразднения.

20 марта 1932 года был арестован одновременно со своей женой Верой Кирилловной Наумовой (Царевской).

На допросе рассказывал о своих посещениях салона Мооров.

Я входил в состав антисоветского салона доктора Моора в течение ряда лет. Характеризуя это салон как антисоветский, нужно внести подразделение в практическую его деятельность, которая распадалась как бы на две части: мистически-масонскую, под руководством доктора Моора, и часть литературно-музыкальную, под руководством жены Моора, Любови Юльевны Моор. Обе эти части, ведя свою скрытую контрреволюционную работу, смыкались вечерами общей линией антисоветских бесед на разные темы, читкой тех или иных произведений, направление которых было или прямо враждебно существующему строю, или носило характер воскрешения погибшего дворянско-мещанского уюта.

Вокруг доктора Моора группировались лица, мистически настроенные, верящие в потустороннюю жизнь, отрицание материализма и имеющие общение с загробным миром. Из лиц, которых я помню, были Бруни, Калашников, моя жена и ряд других. Сам доктор Моор, прожженный мистик, не признавал существующую систему власти и старался всеми силами помешать ее плодотворной работе. Занимаясь у себя дома научными работами в области медицины, он все результаты

опытов пересылал за границу, в частности, в Америку, где они и печатались. Реализовать же свои труды в СССР он не желал, ибо не верил, что большевики могут что-нибудь понимать в науке, не верил в развитие научной мысли при этом строе, да и вообще не хотел помогать Советской власти. Помимо деловых научных связей, за границей у доктора Моора находятся в Америке брат и в Италии сестра.

Посетителями второй части салона была больше молодежь, художники, поэты, литераторы, которые приносили свои не для печати предназначенные произведения, которые зачитывались и разбирались на собраниях. Л.Ю. Моор очень часто читала сама произведения каких-нибудь старых авторов упадочнической эпохи классицизма, или выбирала какие-нибудь эротические поэмы, или же, наконец, читала свои собственные лирические, тоскующие о прошлом стихи.

Вторую часть салона посещало много народу, каждый раз приходили всё новые и новые, и поэтому я не помню всех фамилий. Назову лишь тех, кто бывал всегда, это Пестинский и Грановская — артистка.

Художник Борис Пестинский в свою очередь подробно рассказал о Наумове и его жене, в том числе и весьма странные вещи.

Из протокола допроса от 26 марта 1932 г.

Наумов Павел Семенович и его жена Вера Кирилловна Наумова, урожденная дворянка Царевская, — явно антисоветско настроенные лица, враждебно принявшие Октябрьскую революцию. Вся их деятельность, в особенности самого Наумова, с первых дней революции была направлена во вред существующему строю. Жена Наумова группировала вокруг себя антисоветский элемент, устраивала спиритические сеансы и выполняла частные заказы, рисуя иконы и картины религиозно-мистического толка.

Наумов как крупный художник занимал целый ряд ответственных должностей (в ЦОО Рабже, в Академии художеств, в ОХР[173]), чем пользовался для своих вредительских целей. Удачно скрывая свое контрреволюционное лицо, Наумов под маской левого деятеля искусства умело проводил свою диверсионную работу, оставаясь никогда не замеченным. Явные антисоветчики-художники мистики и другой контрреволюционный элемент находили в лице Наумова своего защитника, который продвигал их мистические картины,

предоставляя места работы, помогая выезжать за границу (см. предыдущий протокол).

В Академии художеств Наумовым совершен целый ряд преступлений, направленных к срыву плановой работы молодых художников и уничтожению валютных ценностей Академии.

Так, была буквально разгромлена мозаичная мастерская и выброшены на свалку колоссальное количество ценной мозаики, которую у нас в Союзе не производят и которую можно было использовать для рабочих клубов. Помещение этой мозаичной мастерской не было использовано продолжительное количество времени. Так же был разгромлен циркульный музей гипсовых слепков (единственный в мире по своему собранию слепков с редчайших статуй). Все ценнейшие слепки были свалены в кучу, разбиты и переломаны и в конце концов расхищены.

Музей живописи (два зала: Рафаэлевский и Тициановский) были превращены под общежитие и гимнастический зал, ценнейшие картины удалены — что было сделано для того, чтобы не давать молодежи учиться на старых произведениях искусства больших художников, которые якобы разлагающе действовали на молодежь. Между тем как недостатка в помещении в Академии художеств не было. И в частности, и общежитие, и гимнастический зал можно было сделать в церкви, находящейся при Академии, и в квартире бывшего священника этой церкви, который долгое время жил под покровительством Наумова, скрывая свое прошлое.

Все эти вредительские акты были проведены или при ближайшем участии Наумова, или по его инициативе.

Здесь необходимо прерваться и прокомментировать столь серьезные обвинения.

Действительно, музей Академии художеств — старейший художественный музей России — в начале 1930-х годов пережил серьезное потрясение.

В 1930 году, когда после очередной реорганизации учебного заведения с целью «привлечения… и подготовки пролетарских кадров по изобразительному искусству» был создан Институт пролетарского изобразительного искусства, приказом его ректора Ф.А. Маслова от 14 мая 1930 года музей был закрыт. Под непосредственным руководством Маслова проходил разгром всех фондов: костюмерной, анатомического кабинета, мозаичной мастерской. Произведения искусства частично были переданы в разные музеи, частично уничтожены. Были разбиты уникальные слепки, разрезаны большие живописные холсты (в частности панно, выполненные по эскизам Н.К. Рериха). Некоторые музейные площади отдали под общежитие рабфака, другие

(Рафаэлевский зал, часть «циркуля» второго этажа) распоряжением Леноблисполкома передали отдельным городским учреждениям.

По счастью, власти спохватились, и 11 октября 1932 года постановлением ВЦИК и СНК Ленинградский институт пролетарского изобразительного искусства был преобразован в Институт живописи, скульптуры и архитектуры. Музей стал возрождаться. Маслова сняли с поста ректора и против него завели уголовное дело по факту ликвидации музея.

Для Академии художеств имя Маслова осталось нарицательным: «масловщина» — так называется бесславный период истории Академии[174].

Полагаем, что на самом деле в разгроме музея непосредственной вины профессора П.С. Наумова нет.

Вернемся к протоколу допроса Пестинского, которого допрашивал В. Мельников.

Скрывая свое антисоветское лицо, Наумов не часто высказывал свои антисоветские взгляды, беседуя открыто лишь только в кругу посещавших его антисоветских людей или в кругу лиц, посещавших Моора. К Наумову приходили художник Проселков[175], антисоветски настроенный человек, его, Наумова, ученик Алексей Павлов, Хальфина[176] <…> и другие.

Дома Наумов попал под влияние своей жены, открытой контрреволюционерки, соглашался с ее взглядами и высказываниями. На работе Наумов проводил свою скрытую вредительскую работу, рассчитанную на уничтожение ценностей, срыв работы с молодежью и в конечном счете на подрыв создания большого искусства большевизма, ярым врагом чего остается Наумов.

Вера Кирилловна Наумова («гр-ка СССР, ур. г. Киева, 1894 г. р., потомственная дворянка, образование высшее, художница, безработная») была обвинена в том, что, «являясь врагом Советской власти, состояла членом а/с салона Моор, организовывала у себя на квартире из лиц, известных ей по своим а/с убеждениям, мистико-спиритуалистический кружок черно-масонского толка».

17 июня 1932 года Выездная сессия Коллегии ОГПУ постановила П.С. Наумова и В.К. Наумову «лишить права проживания в 12 пунктах проживания и в Уральской области сроком на 3 года, с прикреплением <к определенному месту жительства>».

Таким образом, как и многие другие осужденные по этому делу, супруги Наумовы постановлением Выездной сессии были на три года выселены из Ленинграда. Вероятно, срок их ссылки

сократили, так как известно, что в 1934 году Павел Семенович Наумов уже числился заведующим кафедры живописи в Академии художеств, а в 1939 году участвовал в совещании Комиссии Русского музея. «В 10 часов утра состоялось заседание расширенного состава Комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина. Обсуждали вопрос об исполнении двух художественных произведений от бытового и этнографического отделов Русского музея. Часть стояла за “внутренний” конкурс (силами художников — служащих музея), другая — за привлечение к этому делу через Союз более широких кругов художников (предложение П.И. Нерадовского). Решили пригласить в заседание Комиссии П.С. Наумова»[177].

Умер Наумов незадолго до эвакуации академии, 1 февраля 1942 года, от дистрофии третьей степени, попросту говоря — от голода. Перед смертью он написал письмо, где рассказал о последних днях своей жизни.

Письмо С.Г. Невельштейну[178]

9 января 1942 г. Ленинград

Дорогой мой друг и товарищ

Самуил Григорьевич, я лежу в постели от слабости, не могу стоять на ногах. Все это, по-видимому, от недоедания. Горе мое в том, что в самое горячее время свалился. Амбулаторного врача не могу получить, видно, на такие случаи заболевания они не считают уже особенно нужным ходить с визитами, — свалился — и черт с ним, кто-нибудь констатирует, что умер от недоедания. Но я хочу еще жить, так как надежда на скорое улучшение еще поддерживает мои слабые физические силы. Поэтому, хоть и трудно, но пишу (может быть последний раз?) Сегалу[179] и прошу поддержать меня дополнительным питанием. Пишу Бобышеву[180], чтобы заменил меня как товарищ в работе, на случай, если умру и не вернусь на работу, чтобы не было вычета из жалованья по Средней художественной школе, буду ему благодарен даже с того света.

Руки и ноги окоченевают от холода, еле могу писать. Попроси от своего имени Сегала помочь дополнительным питанием, хотя кто за ним будет ходить каждый день в Академию? Дочь слегла, жар (грипп?), жена едва держится на ногах тоже. Неужели это и будет развязкой жизни, такой жуткий, бесславный конец, умереть от голодовки? 4 января хотел прийти в школу за очередной тарелкой супа и не смог, слабость, ноги не держат, в голове шумит, пульс еле прощупывается, куда тут дойти до Академии? А у меня в Академии вся жизнь прошла…

Если не увидимся больше — прощай.

В.О., 12 л., д. 31, кв. 46.

P.S. Такие случаи товарищеской замены возможны, если согласится директор, и я прошу поддержки у милейшего Вл. Ал. Горба[181] и, конечно, в первую голову — если согласитесь Вы. Может быть, это моя последняя просьба.

П. Н.

По некоторым сведениям, Вера Кирилловна Наумова в 1946–1954 гг. работала в музее Академии художеств. Умерла в 1956-м.

Дочь Наумовых Елена Павловна Наумова (1911–1989) в 1940 году закончила архитектурный факультет Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры. Во время войны участвовала в маскировке городских исторических объектов. Работала в Государственной инспекции по охране памятников (ГИОП, сейчас — КГИОП).

Пестинский Борис Владимирович
«Выпуская использованную змею, быстро отдергивай руку»

Из протокола допроса

Пестинский Борис Владимирович, 1903 г. р., из дворян (отец — подполковник), Петропавловская ул., д. 4, кв. 36. Научный сотрудник Междуведомственного совета научных работников. Мать — учительница музыки. Заработок 400–450 руб. в месяц и лит. труды. Образование высшее. Беспартийный. Судился за развращение малолетних[182], приговорен к 3 годам лишения свободы и впоследствии к 1 году условно.

Художник и биолог-серпентолог Борис Владимирович Пестинский получил начальное образование в одной из лучших в Петрограде школ, учился живописи в мастерской профессора Д.Н. Кардовского. Б.В. Пестинского ждало блестящее будущее, обернувшееся годами ссылки и голодной смертью в далеком Ташкенте.

Биографические сведения о нем основаны на расширенной справке, представленной его вдовой в отдел рукописей Русского музея в 1987 году[183].

Пестинский Борис Владимирович (1901–1943; по др. данным г. р. — 1902, 1903) родился во Владивостоке в семье военного моряка Владимира Николаевича Пестинского и его жены Елены Осиповны. Его дед, Пестинский Николай Петрович, служил инженером-механиком на флоте.

Когда Борису было одиннадцать месяцев, мать увезла его из Владивостока в Петербург. Позднее в Петербург приехал и отец, но мать с отцом так больше и не соединились. Несмотря на это, Борис Владимирович очень любил отца и постоянно с ним общался. Владимир Николаевич Пестинский пропал без вести во время Первой мировой войны. Елена Осиповна умерла в Ленинграде в период блокады.

Родители Б.В. Пестинского были талантливыми людьми. Отец писал маслом пейзажи и корабли, хотя нигде не учился живописи. Мать прекрасно играла на фортепьяно и после революции работала преподавательницей музыки в трудовых школах. Борис Владимирович унаследовал таланты родителей. Он был высоко одарен как в художественном, так и в музыкальном отношении. Сохранились фотографии его

выступлений и в балетном кружке.

Было у Бориса Пестинского еще одно увлечение — биология. Сохранился целый ряд его детских рисунков, начиная с шестилетнего возраста, — в основном изображения реальных и нереальных животных: серна, хамелеон, журавль, фламинго, летучий змей и т. д.

Учился Борис Пестинский в гимназии К.И. Мая, как упомянуто выше, одной из лучших общеобразовательных школ в Петрограде. Выпускник этой гимназии, будущий академик Д.С. Лихачев, вспоминал: «Мне повезло. Я учился в очень хорошей школе. Школе Карла Ивановича Мая, такого великого гуманиста, педагога-гуманиста. И там у нас этого (имущественного различия. — *Авт.*) не было принято. У нас учился и сын швейцара, и внук Мечникова, и сын банкира “Митьки” Рубинштейна, который давал в долг Николаю II, учился целый ряд совершенно различных между собой людей. Но отношения между всеми были товарищескими, нормальными, и никто не задавался. <…> Это было неприлично»[184].

В гимназии Борис Пестинский увлекся естественными науками, особенно биологией. В четвертом номере школьного рукописного журнала *«Orator»* за 1917 год опубликована его научно-биологическая статья «Мнимый волосатик» о древнем типе беспозвоночных животных. В то же время он всерьез начал рисовать, что было вполне в гимназических традициях, ведь «майскими жуками» (так называли учеников) были известные художники: А.Н. Бенуа, его сын, будущий главный сценограф Ла Скала Н.А. Бенуа, Н.А. Бруни, П.К. Вениг, В.М. и Р.М. Добужинские, Н.К. и С.Н. Рерихи и другие.

В 1919 году Борис Владимирович закончил гимназию (в то время ее именовали 217-й трудовой школой) и поступил в Ленинградский высший художественно-технический институт (Академию художеств) на живописный факультет, который закончит в 1925 году с дипломом художника-живописца.

Здесь на первом курсе он занимался в мастерской профессора Кардовского по рисунку. Об этом человеке он сохранил самые светлые и восторженные воспоминания. Затем его руководителями были Петров-Водкин и Савинский. Его товарищами по Академии были Н.А. Бенуа, К. Рудаков и др.

Его дипломная работа «Лыжники» была приобретена в музей ГИЗа.

В 1926 году Б.В. Пестинский вступил в Союз работников искусств через квалификационную комиссию. Работал в клубе имени Октябрьской революции, в 1927 году участвовал в юбилейной выставке изобразительного искусства. В 1928 году

вступил в члены Ленинградского филиала Ассоциации художников России (АХР), участвовал в VII выставке «Общины художников». Начал работать в издательстве «Красная газета» и журналах «Вокруг света», «Юный пролетарий», «Ленинские искры» в качестве графика, графика-иллюстратора. В 1929 году участвовал от «Общины художников» в комиссии по приему картины художника И.И. Бродского «Ленин на Путиловском заводе». Участвовал в выставке ленинградских художников в Академии художеств. В 1930 году — член ревизионной комиссии «Общины художников». В 1931 году работал на ликвидации прорыва на заводе «Электросила» от «Общины художников». В 1932 году вступил в «Цех ленинградских художников». В том же году участвовал в выставке советского искусства в Русском музее.

Не оставлял Б.В. Пестинский и своего увлечения биологией. В 1920 году он поступил в Географический институт на зоологический факультет. Вскоре занятия в институте были заброшены, однако Пестинский продолжал изучать биологию самостоятельно.

Борис Пестинский работал в Ленинградском зоологическом саду и на Лахтинской экскурсионной станции, публиковал научные работы. «…На станции появился молодой и энергичный студент… Борис Пестинский… Окончив в 1925 году Академию художеств, он остался работать на экскурсионной станции как зоолог и художник. Экскурсии его были столь увлекательны и по-научному интересны, что многие дети в дальнейшем избрали зоологию своей специальностью».[185]

В марте 1932 года Лахтинская экскурсионная станция была расформирована. В этом же месяце Б.В. Пестинский был арестован.

Из протокола допроса от 25 марта 1932 г.

Я входил в состав и принимал участие в антисоветском салоне Мооров. Этот салон распадался на две части: мистическую, руководимую Вильямом Рудольфовичем Моором, и литературно-музыкальную, руководимую Любовью Юльевной Моор.

Постоянными и регулярными посетителями антисоветского салона были: по линии мистической и масонской — Наумов Павел Семенович, Наумова Вера Кирилловна, Бруни Георгий Юльевич, Кириченко-Астромов-Ватсон Борис Викторович, Боловко <Головко?>-Хабаров Валентин, Калашников Петр Петрович, доктор Зиккель, Хальфина Лариса Ивановна, жена Остромова, и

старший сын Моор — Александр.

По линии литературно-музыкальной: Римский-Корсаков, Модзалевский Лев Борисович, пушкинист; Советов Сергей Сергеевич, поэт, Полянский Николай Петрович, режиссер; Полянский (брат), Чистовский Лев, Павлов-Сильванский Павел Николаевич — художник, Грановская Ольга Сергеевна, артистка и другие, фамилии которых я не помню[186].

Руководитель салона доктор Моор, состоявший в масонской ложе «Полярная звезда», часто затрагивал беседы на мистические темы и подолгу уединялся в кабинете для каких-то тайных переговоров с доктором Зиккель и с Наумовым. Моор имел связи с заграницей, в частности с братом в Америке, посылал для печати свои статьи в Германию, где они и издавались.

Ближайший соратник Моора — Наумов, художник, антисоветчик, мистик, старавшийся где возможно протаскивать свои взгляды, пособствующий антисоветскому элементу. Так, в частности, Наумов давал заграничные командировки только тем художникам, которые писали только религиозные картины, и эти художники из заграницы впоследствии не возвращались (Чистовский Лев[187] и Иванов — художники). Наумова у себя на квартире устраивала спиритические сеансы. Иногда эти сеансы посещали Грановская, Калашников. Остальные лица, посещавшие доктора Моора, — все антисоветские мистики, обрабатываемые Моором и Наумовым. По линии литературно-музыкальной всегда посещавшие салон поэты и художники, преимущественно молодежь, также были антисоветски настроенными, часто читали свои произведения, написанные в антисоветском духе. Читали и произведения других авторов — Модзалевский, Советов и др. Произведения преимущественно были эротические, мистические или запрещенные к печати, антисоветские. Часто велись антисоветские беседы.

Вторая часть салона — литературно-художественная — представляла из себя по сути кадры молодежи, которые предварительно обрабатывались для первой части, т. е. для самого доктора Моора, который впоследствии дальнейшую обработку в мистическом духе брал на себя. Из таких обработанных можно назвать Боловко <Головко?>-Хабарова, который после продолжительного знакомства с доктором Моором стал законченным мистиком и ушел служить священником в какую-то церковь.

Посещавшие салон лица этих двух линий: мистическо-масонской и литературно-музыкальной — сходились вместе по вечерам, где совместно обсуждали прочитанное то или иное антисоветское произведение какого-нибудь из присутствовавших

или вели антисоветские беседы на разные темы. Например, Л.Ю. Моор часто вспоминала о том, что она урожденная княгиня Зубова и что если бы не этот проклятый советский строй, как говорила она, то она бы сейчас не жила так плохо, каталась бы в автомобилях и т. д. С радостью ждала войны и чаяла возвращения белых.

Б.В. Пестинский получил три года ссылки в Среднюю Азию. Он жил в городе Бек-Буди, а затем в Ташкенте Узбекской ССР. Борис Владимирович Пестинский был освобожден 21 марта 1935 года, после чего местом постоянного жительства избрал город Ташкент.

В Бек-Буди Борис Владимирович выполнял временные работы в качестве художника. В это время был написан портрет «Хариты Грановской», который Борис Владимирович считал своей лучшей работой. К сожалению, эта работа пропала. Перед началом Второй мировой войны (в 1940 или 1941 году) она была послана из Ташкента в Третьяковскую галерею и оттуда не вернулась. В это время были созданы другие портреты: «Татарского мальчика», «Славы Кириченко» и т. д. В это же время он написал картину «Рыбаки», которая была выставлена в Русском музее.

В Русском музее хранятся и его портреты узбекских мальчиков. Было очень сложно добиться разрешения у родителей мальчиков, чтобы они позировали художнику. В то время в захолустьях Средней Азии господствовало убеждение, что человек, изображенный на портрете (двойник изображенного человека), должен умереть. Однако Борис Владимирович быстро изучил узбекский язык и сумел завоевать доверие местного населения, которое его так полюбило, что разрешило ему писать портреты своих детей.

В 1934 году Бориса Владимировича перевели в Ташкент. Здесь он устроился в Узбекский зоологический сад Комитета наук при СНК УзССР на должность заведующего не существовавшего тогда отдела герпетологии (земноводных и пресмыкающихся). Здесь, наряду с организацией этого отдела, он занимался научными исследованиями биологии ядовитых змей и свойств их ядов, изучал особенности жизни в неволе других рептилий (пресмыкающихся). Свои работы он проводил в контакте с медиками, так как изучалась способность ядов змей обезболивать болезненные явления у человека при введении ядов в организмы.

На стене в лаборатории всегда висела составленная Б.В. Пестинским табличка:

1) Никогда не приступай к работе, если чувствуешь себя нездоровым или чем-нибудь расстроенным.

2) Не отвлекай своего внимания во время работ разговорами

и мыслями о постороннем.

3) Никогда не входи в помещение без высоких сапог из кожи.

4) Когда чувствуешь усталость, делай перерыв.

5) Выпуская использованную змею, быстро отдергивай руку…

Срок ссылки закончился 21 марта 1935 года, но Пестинский не вернулся в Ленинград, а остался жить в Ташкенте. В 1937 году Борис Владимирович приезжает в Ленинград на некоторое время и 14 февраля женится на Татьяне Владимировне Петровой, с которой познакомился еще во время работы на Лахтинской экскурсионной станции. Супруги вместе возвращаются в Ташкент.

За годы работы с пресмыкающимися Б.В. Пестинский был четыре раза укушен ядовитыми змеями: обыкновенной гадюкой еще в конце 1920-х годов в Ленинграде, эфой в 1935 году, щитомордником в 1936 году и гюрзой в 1937 году в Ташкенте. Последний укус прошел неблагополучно. В укушенном указательном пальце правой руки началась гангрена, и его пришлось отнять. Отсутствие этого пальца на правой руке, которым при работе брались змеи, не давало возможности работать с ними, и работу со змеями пришлось прекратить.

Друг и сослуживец Б.В. Пестинского Виктор Ганн вспоминает: «Пестинский был укушен гюрзой 5 августа 1937 года в 9 часов утра во время сбора яда. Гюрза порывистым ударом выбила бюкс из рук Пестинского и зубом ранила указательный палец в соединение между основной и средней фалангой правой руки. Зуб змеи разорвал сосуд (*v. dors. dig.* 2). Минут через 5 на плечо пострадавшей руки наложен жгут, на рану — сухая повязка, принято внутрь 400 граммов водки. Через 20 минут появился значительный кровоподтёк на средней фаланге. Небольшой отёк кисти. Введено внутривенно 5 куб. см двухпроцентного раствора марганцовокислого калия. В течение первых суток у пострадавшего отмечался резко выраженный тремор конечностей. К семи часам вечера температура 38,8 градуса. В 19 часов 30 минут произведено переливание крови (выпущено 300 куб. см, влито 200 куб. см). Выпущенная кровь свернулась…»[188]

В 1938 году Борис Васильевич становится членом Союза художников Узбекистана. В том же году он начинает работать ассистентом на кафедре рисунка Средне-Азиатского индустриального института и занимает должность руководителя изостудии Центрального дворца пионеров города Ташкента.

Зоолог и художник-анималист Владимир (Вадим) Моисеевич Смирин, ребенком оказавшийся в эвакуации в Ташкенте, вспоминал: «…Сам я начал рисовать с копирования книг. За этим занятием проводил по многу часов. В возрасте 11 лет впервые стал рисовать в зоопарке. Тогда же я стал заниматься рисунком в

изостудии Ташкентского дворца пионеров. Мои занятия там продолжались недолго — наш руководитель заболел и вскоре умер. Об этом своем первом учителе мне хочется вспомнить. Это был Борис Владимирович Пестинский, человек замечательный… Один раз мы с ним ходили рисовать животных в зоопарк. Я был поражен его набросками и до сих пор помню рассказ Бориса Владимировича о том, как определить возраст черепахи. Больше всего меня восхитило, как он по памяти изобразил спинной и брюшной щиты ее панциря. Вообще он нам очень много рассказывал, и его рассказы касались и изобразительного искусства, и биологии, и истории. А время было военное, голодное. Может быть, именно поэтому впечатления от этих занятий особенно яркие»[189].

Борис Владимирович Пестинский умер от голода в городе Ташкенте 13 марта 1943 года.

Билибина Татьяна Владимировна
«Деятельность протекала под знаком Клюева»

Из протокола допроса

10 марта 1932 г. я, уполномоченный СПО Бузников А.В., допрашивал в качестве обвиняемой гражданку Билибину Т.В., и на первоначальные вопросы она ответила:

Билибина Татьяна Владимировна, 1894 г. р., из потомственных дворян, отец — член Комитета по делам печати. Место жительства: В. О., проспект Пролетарской Победы, д. 22, кв. 12; работаю в конторе Совтрансфлота. Замужем, муж Николай Николаевич Билибин, Вишневецкая Варвара Николаевна — дочь и дочь Анна 14 лет. Отец владел имением, которое продал до революции. Образование среднее.

Показания по существу дела:

Признаю, что я являлась руководительницей антисоветского салона, организованного у меня на квартире, который посещался антисоветскими лицами…

8 марта 1932 года был проведен обыск в квартире 12 22-го дома на проспекте Пролетарской победы. В протоколе засвидетельствовали отсутствие у проживающей там Татьяны Владимировны Билибиной имущества. Забрали все обнаруженные рукописи. Татьяне Билибиной была выдана квитанция о том, что у нее конфискованы резинки для чулок (?!). Взяли подписку о невыезде.

Однако на следующий день пришли с ордером на арест и Т.В. Билибину увели. Дома остались ее муж Билибин Николай Николаевич, преподаватель немецкого языка, доцент ленинградского Ветеринарного института, ее мать — Кисловская Вера Владимировна и ее дочери — 14-летняя Анна и уже замужняя Варвара.

С 10 марта начались допросы. И первое, что было отмечено в материалах дела, — это тот факт, что скромная служащая конторы Совторгфлота Т.В. Билибина принадлежит к «определенной классовой группе обвиняемых» — потомственным дворянам.

Действительно, дворянский род Кисловских внесен в VI часть родословной книги Тверской губернии. Предок Билибиной Григорий Кисловский был президентом камер-коллегии и

начальником межевой канцелярии при Елизавете Петровне. В его доме воспитывался родственник Григорий Александрович Потемкин, будущий князь Таврический.

Павел Александрович Кисловский, дед Татьяны Владимировны, был известным агрономом. Владел почти тысячью десятин земли, винокуренным и сыроваренным заводами. Его сын, отец Татьяны Владимировны, Владимир Павлович Кисловский в 1880 году окончил Александровский лицей. Был гласным тверского губернского земского собрания, уездным предводителем дворянства, почетным мировым судьей. Позже статский советник Владимир Павлович Кисловский стал членом Управления по делам печати. Жена его Вера Владимировна — урожденная Оболенская.

Чем занимался В.П. Кисловский после революции — неизвестно. Возможно, умер до 1925 года, иначе его не миновала бы судьба всех, идущих по «Делу лицеистов».

Татьяна Владимировна Кисловская вышла замуж за Николая Николаевича Билибина, двоюродного брата известного художника, члена объединения «Мир искусств» Ивана Яковлевича Билибина. В то время Иван Билибин находился в эмиграции. Вероятно, это тоже сыграло свою роль при аресте Татьяны Владимировны.

Т.В. Билибиной инкриминировали связь с салоном Мооров и организацию собственного антисоветского салона. Она этого не отрицала. Помимо этого Татьяна Билибина признала, что на ее квартире было устроено несколько спиритических сеансов. Назвала некоего доктора Фейтуса, «занимающегося мистическими опытами»[190].

Сообщила, что ее квартиру чуть ли не ежедневно «посещали антисоветские лица» — Шульговский Н.Н., Мещерский Н.А., Римский-Корсаков Г.М… Назвала М. Бронникова, А. Крюкова.

Шульговский подтвердил это на допросе:

Одно время я часто посещал дом поэтессы Т.В. Билибиной, где собиралась интересующаяся литературой молодежь, несогласная с нынешним положением России, и там, читая свои антисоветские произведения, творил антисоветское дело, дело медленной, но верной борьбы за возврат к старому.

Из показаний Т.В. Билибиной:

О Шульговском следует сказать несколько слов особо. Этот человек — убежденный антисоветчик и пораженец. Он принципиально не читает газет, до последнего времени оставаясь целиком в прошлом, не желая даже сколько-нибудь приблизиться к современности. Всякое упоминание о советской действительности вызывает у него взрыв гневного возмущения и

негодования. Он живет лишь надеждой на интервенцию, с тем что Советская власть под напором вооруженных сил извне погибнет. Кто окажется в качестве нападающей стороны: Япония, Польша ли, белогвардейцы — ему безразлично. Падения Соввласти он желает любой ценой.

Дальше Татьяна Билибина рассказала, что в ее антисоветский салон «были вовлечены для соответствующей контрреволюции оной обработки ударники литературы рабочие писатели»: Толмачев Н., Фролов и Черняев, Лившиц, Коган-Венгеровский, музыкант Перельман.

Происходило слияние двух чужеродных тел — с одной стороны, еще далеко не совершенных, малокультурных рабочих поэтов, легко поддающихся в силу молодости и малой культуры различным враждебным современности веяниям, и нас — людей, вышедших из классов — чуждой среды, воспитанных на старой культуре. Это слияние действовало на так называемых пролетарских писателей разлагающе.

В салоне Т.В. Билибиной читали и обсуждали поэмы Никиты Мещерского[191] «Мятельный конь», Римского-Корсакова «Творец-разрушитель», стихи самой Билибиной, как она охарактеризовала их — «лирико-упаднические и идущие от мистического символизма Блока».

Но главное — из показаний Т.В. Билибиной мы узнаем, что в 12-й квартире 22-го дома по проспекту Пролетарской победы часто бывал Николай Алексеевич Клюев (неожиданный штрих к биографии выдающегося поэта!):

Особую любовь и преклонение как с моей стороны, так и со стороны некоторых участников моего салона вызывал к себе контрреволюционный поэт Н. Клюев, который несколько раз читал у меня в салоне свои ненапечатанные произведения. Можно сказать, что деятельность салона протекала под знаком Клюева… «Погорельщину»[192], принадлежавшую перу Клюева, я получила от своего брата Федора Кисловского. Контрреволюционную поэму Клюева «Соловецкий остров»[193] имеет мой брат Федор и зачитывал ее.

Николая Клюева по данному делу не привлекли. В 1932 году он был в Москве. До него дотянутся через два года.

Следствие установило, что:

Билибина Татьяна Владимировна

— руководила деятельностью салона, распространявшего антисоветские литературные произведения, пропагандировавшего запрещенное к опубликованию Главлитом творчество кулацкого поэта Н.А. Клюева;

— организовывала собрания по вопросам вооруженной

интервенции, поражения в предстоящей войне Красной армии;

— вербовала в число участников своего салона молодежь из среды начинающих рабочих писателей — ударников литературы, с целью контрреволюционной обработки последних и разложения изнутри пролетарской литературы;

— принимала участие в мистико-спиритуалистической деятельности контрреволюционных организаций, устраивая антисоветские спиритические сеансы и поддерживая связи с группой ленинградских сатанистов[194].

Означенные преступления предусматривались ст. 58–10 и 11 У.К.

Виновной себя признала.

Наказание оказалось несуровым: постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года по статье 58, пунктам 10, 11 УК РСФСР Татьяна Владимировна Билибина была приговорена к трем годам концлагеря условно.

Но в 1935 году вместе с мужем Николаем Николаевичем Билибиным, дочерью Анной Николаевной Билибиной, матерью Верой Владимировной Кисловской была выслана из Ленинграда. Старшую дочь Билибиных Варвару Николаевну (р. 1912) не тронули. (Она тогда была уже замужем за горным инженером Адольфом Леонтьевичем Вишневецким. Муж ее умер в блокаду. В.Н. Вишневецкая умерла в 1994-м.)

Далее следы Т.В. Билибиной теряются. По неточным данным, она умерла в блокадном Ленинграде в 1942 году.

Шульговский Николай Николаевич
Абсолютно бесстрашный человек

Из протокола допроса проведенного уполномоченным 4-го отд. СПО Бузниковым 26 апреля 1932 г.

Шульговский Николай Николаевич, 1880 года рождения, потомственный дворянин, литератор, холост, неимущий, образование высшее, беспартийный, не судившийся, у белых не служил.

Я убежденный враг Советской власти. Родившись в дворянской семье, воспитанный в стародворянском духе, учившийся на образцах дворянской литературы, я — весь в дореволюционном прошлом. С современностью, с существующим в стране политическим строем меня абсолютно ничто не связывает. Я озлоблен против Советской власти, которая, введя строгую, требовательную цензуру, лишила меня возможности печатать свои поэтические произведения, враждебные переживаемому нами времени, следовательно, лишила меня главного в жизни — известности и признания. С моими друзьями и сверстниками, с такими же, как и я, последними представителями дворянской интеллигенции, воспринявшими советский строй враждебно и озлобленно, она поступила так же сурово, выкинув их из жизни или предоставив им место где-то на задворках культурной и политической жизни страны. Я и мои единомышленники — насильно лишены возможности участвовать в современности, влиять на нее по праву культурно и интеллектуально высокоразвитых людей. Мы представляем собой внутреннюю эмиграцию, лишь благодаря жизненных случайностей, не очутившихся после революции за кордоном, по ту сторону границы.

Правовед, поэт, теоретик стиха Николай Николаевич Шульговский[195] был человеком, не умевшим и не желавшим приспосабливаться к советской жизни. Ему приходилось трудно: окружающие принимали гордость за высокомерие, увлеченность за дилетантизм, непримиримость за ненависть. В «Деле о литературных кружках и салонах» он оказался едва ли не самым старшим подследственным, и уж точно — единственным, кто не дал следователям ни малейшего шанса усомниться в своем полном неприятии советского строя. Те, в свою очередь, не дали ему возможности выжить.

Николай Николаевич Шульговский родился 14 июля 1880 г. в Петербурге в семье врача. Его отец, выпускник Медико-хирургической академии Николай Николаевич Шульговский-старший служил в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества, был помощником управляющего лечебницы в Коломенской части Петербурга, кроме того, занимался частной благотворительностью. Мать Николая Шульговского скончалась вскоре после его рождения. Растили и воспитывали его отец и тетка — сестра отца, Александра Николаевна Шульговская. Она работала переводчицей, сотрудничала в издательстве А.Ф. Маркса и в различных периодических изданиях. А.Н. Шульговской принадлежит прозаический перевод поэм Дж. Мильтона и перевод целого ряда сказок Андерсена.

Николай Шульговский на всю жизнь сохранил ей благодарность. В своей автобиографии он писал: «Она создала мне идеальное детство и юность, она развила мои природные способности и направила мою душу на все светлое, вложив в меня лучшие человеческие идеалы»[196]. Александре Николаевне Шульговской он посвящал многие свои поэтические опусы.

После окончания гимназии Человеколюбивого общества и нескольких месяцев обучения в Институте инженеров путей сообщения Н.Н. Шульговский поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Основные интересы Николая Шульговского были сосредоточены на кафедре энциклопедии и философии права, которой руководил профессор Л.М. Петражицкий. В 1900 году профессор организовал при своей кафедре кружок философии права, в который пригласил преподавателей и лучших студентов. Среди них оказался и Н.Н. Шульговский. Научные кружки в студенческой среде стали новым для того времени явлением, и кружок Петражицкого следует считать первым в Петербургском университете.

Со временем Шульговский стал председателем кружка и его историографом[197]. Под влиянием идей Л.И. Петражицкого о психологической теории права Шульговский подготовил несколько докладов, которые позже опубликовал.

В этих работах он выступал страстным приверженцем безусловного права человека на жизнь и столь же страстным ненавистником всякого насилия. «Психика культурной части общества противится таким жестоким и отвратительно мерзким наказаниям, как смертная казнь, потому что невозможно решить, а по какому же праву общество-государство может уничтожать своих членов? <…> Человек не может отнимать у кого бы то ни было то, что возвратить и дать — вне сил человеческих»[198].

Простодушный утопист, Н.Н. Шульговский наивно верил в то, что в обозримом будущем может наступить «настоящий и всеобщий расцвет гордости человеческой природы — умственных сил человека». Этому и служит, по его мнению, психологическая теория права.

В 1908 году Шульговский окончил Университет и был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию. Несмотря на несомненные успехи, занятия юриспруденцией занимали Н.Н. Шульговского лишь частично. На переломе веков он, как и многие другие образованные молодые люди, начал писать стихи. Чтобы не быть в этой области совершенным дилетантом, он поступил на филологический факультет Петербургского университета и как один из лучших студентов в 1904–1905 годах получил возможность поехать на стажировку в Гейдельбергский и Мюнхенский университеты.

Первая половина 1910-х годов стала решающей в жизни Н.Н. Шульговского: он начал печататься как поэт и занялся изучением теории стихосложения. Этому способствовали его эксперименты с формой стиха.

Так, в своей первой книге стихов «Лучи и грезы» (1912), собранной в основном из напечатанных ранее произведений в газете «Русь» и журналах «Нива», «Мир» и *«Gaudeamus»*, а также в коллективном сборнике «Стихи для декламации» он опубликовал три стихотворения, объединив их общим названием «Декады». Они состоят из десяти строчек, причем основные мысли или лирические переживания выражены в двух центральных, рифмующихся между собой строках. Для нарастания переживания служат первые четыре строки, а для успокоения — заключительные. Такого рода эксперименты встречаются и в последующих сборниках стихотворений Н.Н. Шульговского «Терновый венец» (1916) и «Хрустальный отшельник» (1917).

Также Н. Шульговский публиковал стихи и прозу в журналах, написал две пьесы, одну из них напечатал[199]. Значительное собрание его рукописных книг и сборников хранится в архивах, в частности, в ОР РНБ.

Вот пример его поэтического текста: «Забытых писем брошенная связка / Нашлась случайно в глубине стола, / Я развязал ее, и нежащая ласка / Усталое мне сердце обвила. / Читаю с жадностью поблекшие страницы. / Волнует грудь мою неровных строчек ряд, / И снова предо мной исчезнувшие лица / Замолкшими устами говорят».

Н.Н. Шульговский принимал активное участие в литературной жизни современного Петербурга. Он бывал на Башне Вячеслава Иванова, посещал заседания литературного

кружка И. Ясинского и «Вечера Случевского», писал письма Василию Розанову и встречался с С. Есениным. Вместе с С. Есениным и С. Басовым-Верхоянцевым Н. Шульговский публиковался в «Ежемесячном журнале» В.С. Миролюбова. 23 апреля 1918 г. в квартире Н.Н. Шульговского на Большом проспекте состоялся поэтический вечер, на котором он читал свои стихи вместе с такими известными поэтами, как С. Есенин, Н. Клюев и другие.

Серьезная критика его своим вниманием не удостаивала. Только однажды в газете «Новое время» появилась без подписи заметка, в которой имя Шульговского было упомянуто рядом со значительными именами:

«Из поэтической молодежи обращают на себя внимание: А. Ахматова с ее изысканно-утонченными переживаниями, облекаемыми в капризную форму; “искатель новых впечатлений” Н. Гумилев, часто почерпающий вдохновение под чужими небесами; <…> Н. Шульговский, расширяющий сферу своей поэтической деятельности за пределы узких личных переживаний и прекрасно владеющий техникой стиха…»[200]

Современный литературный критик и литературовед М.Ю. Эдельштейн — автор единственной биографической статьи о Шульговском — дает ему характеристику, по сути справедливую и все-таки, как кажется нам, излишне бескомпромиссную: «Вполне цельный и законченный психологический тип графомана, начисто лишенного представления о своем реальном месте в литературном процессе»[201].

Стоит заметить, что и многие современники Шульговского относились к нему слегка пренебрежительно. Так, к примеру, Михаил Кузмин в своем дневнике, оперируя жаргонным термином из области гомоэротической, как-то записал: «Приходил Шульговский, трогательная, несколько тупая тетка»[202].

Сочинение Н.Н. Шульговского по теории стиха «Теория и практика поэтического стихосложения» (1914) не выдержало испытания временем и сейчас известно только узким специалистам. Зато выпущенная в 1926 году книга «Занимательное стихосложение» переиздается до сих пор. Она особенно интересна детям, любящим словесные игры. Так, например, в ней приводятся стихи, в которых все слова начинаются на одну букву. Например:

Ленивых лет легко ласканье,
Луга лиловые люблю.

Ловлю левкоев ликованье,
Легенды ломкие ловлю.
Лучистый лен любовно лепит
Лазурь ласкающих лесов.
Люблю лукавый лилий лепет,
Летящий ладан лепестков.

Владимир Смиренский

Н.Н. Шульговский приводит также любопытные палиндромы, загадки, шарады, «бесконечные стихотворения» (типа «У попа была собака…»), стихи с особенными рифмами, например, «Пастушка и эхо»:

Как розы здесь растут между лесами? — сами.
Кто мне ответствует, себя в лесу тая? — я.
Знать духи здесь живут, и это неотложно, — ложно!
Уйду, не духи то; но голос лишь пустой, — стой!

К сожалению, ни в очерке М.Ю. Эдельштейна, ни в маленькой статейке Юрия Морозова, сопровождающей рассказ о «Занимательном стихосложении» Шульговского[203], ничего не говорится о его трагической судьбе. В 2017 году издательский Дом Мещерякова выпустил новое иллюстрированное издание «Занимательного стихосложения». В этой книге о ее авторе вообще нет ни единого слова.

Первая мировая война и революция 1917 года потрясли пацифистски и монархически настроенного Н.Н. Шульговского. В письме к литератору и издателю В.С. Миролюбову от 28 сентября 1919 г. он писал: «Вообще вижу, что над Россией сейчас реет не красный цвет революционного знамени, а свет красного фонаря известного заведения, да и вся страна обратилась в последнее. Кто-то будет вышибалой? Вот Вам и народ “богоносец” (бедный Достоевский), вот Вам и святая Русь!»[204]

В начале 1920-х годов Н.Н. Шульговский фактически остался без средств к существованию. Помогали лишь случавшиеся время от времени лекции по теории стихосложения в Доме искусств, впрочем, и они не приносили достаточно денег. По его сценариям и пьесам прошло несколько спектаклей в детских театрах. Более или менее постоянный заработок появился лишь в 1924 году,

когда Н.Н. Шульговский получил возможность писать внутренние рецензии для издательства «Время». Он не был особенно тонким критиком, но надо отдать должное прозорливости Н.Н. Шульговского: именно ему принадлежит первая и сугубо положительная рецензия на сборник новелл С. Цвейга «Первые переживания», вышедшего во «Времени» в 1925 году. Кое-каким подспорьем служила также редакторская и переводческая работа в том же издательстве. Так, в 1931 году вышли первые пять томов собрания сочинений Р. Роллана, куда вошел роман «Жак-Кристоф», переведенный под редакцией А.А. Смирнова целой группой переводчиков, в том числе и Н.Н. Шульговским. Н.Н. Шульговский работал на износ. Как пишет в процитированной выше статье М.Э. Маликова, из сохранившихся в архиве издательства 150 рецензий за 1924–1925 годы им написаны 120. Однако в конце 1920-х годов и этот источник доходов начал постепенно угасать: издательство вынуждено было неумолимо сокращать публикацию иностранной беллетристики.

Практически потеряв работу и заработок, лишенный привычной среды Н.Н. Шульговский нашел себе прибежище в литературно-мистическом салоне Т.В. Билибиной.

9 марта 1932 года Н.Н. Шульговский, Т.В. Билибина и Г.Ю. Бруни были арестованы и помещены в следственную тюрьму.

Из протокола допроса от 26 апреля 1932 г.

…Однако идейно мы связаны, весьма тесно связаны с миром белой эмиграции, и всякая весть из этого мира, хотя бы о том, что там идет жизнь, что там люди живут, работают творят, делают усилия к тому, чтобы помочь нам освободиться из-под гнета советского режима, радует и ободряет нас. Естественно вполне, что не соглашаясь в самом основном, в самом принципиальном — с политической системой, прочно обосновавшейся в стране, я желаю поражения этой системы, уничтожения ее и возврата к дореволюционному образу правления страной. Я — пораженец, и это заставляет меня внимательно следить за каждым неуспехом Советской власти, за каждым отступлением ее от принятой так называемой генеральной линии, за всяким обострением на международной арене, позволяющим рассчитывать на поражение ненавистного мне советского строя. Как человек творчески одаренный и культурный, я не могу не бороться с тем, что мне ненавистно. Моя борьба, внешне мало заметная, приносит, однако, вполне реальный вред существующему политическому строю. Сам я не бросаю бомб — мой возраст, мое здоровье, мои

жизненные навыки и воспитание гуманитарника не позволяют мне этого. Но молодежь, соприкасающаяся и соприкасавшаяся со мной, учившаяся на моих поэтических произведениях, по моим философским и политическим принципам, на моей ненависти к большевистской диктатуре, способна сделать то, чего я не могу сделать сам. Я горжусь моим молодым другом — Владимиром Штейном, перешедшим из Красной Армии в белую Эстонию, близким мне другом молодым поэтом Владимиром Смиренским[205], сосланным за контрреволюционную деятельность в Соловки, моими знакомыми — Юдовским и Ипполитовым, активно боровшимися с Соввластью и также арестованными и сосланными. Всюду и везде, где я имею возможность бывать, я развиваю свою точку зрения на существующую в стране власть, будя в людях желание бороться с этой властью, агитируя молодежь, которая должна составить главные кадры борцов за перемену строя.

Показания Н.Н. Шульговского на допросе говорят сами за себя и не требуют комментариев. Такую речь мог произнести только глубоко убежденный в своей правоте и абсолютно бесстрашный человек. Человек, который казался фигурой трагикомической, а оказался героической личностью.

Из обвинительного заключения

Шульговский Николай Николаевич, гражданин СССР, 1880 года рождения, уроженец Ленинграда, потомственный дворянин, образование высшее, литератор, беспартийный, холост, под судом не был:

а) будучи монархистом и сторонником вооруженной интервенции по убеждениям и автором контрреволюционных литературных произведений, состоял членом антисоветских литературных и мистико-спиритуалистических салонов, принимая активное участие в их спиритуалистической деятельности;

б) вел монархическую пораженческую антисоветскую агитацию, участвуя в контрреволюционных политсобеседованиях на собраниях салонов и распространяя собственные контрреволюционные литературные произведения.

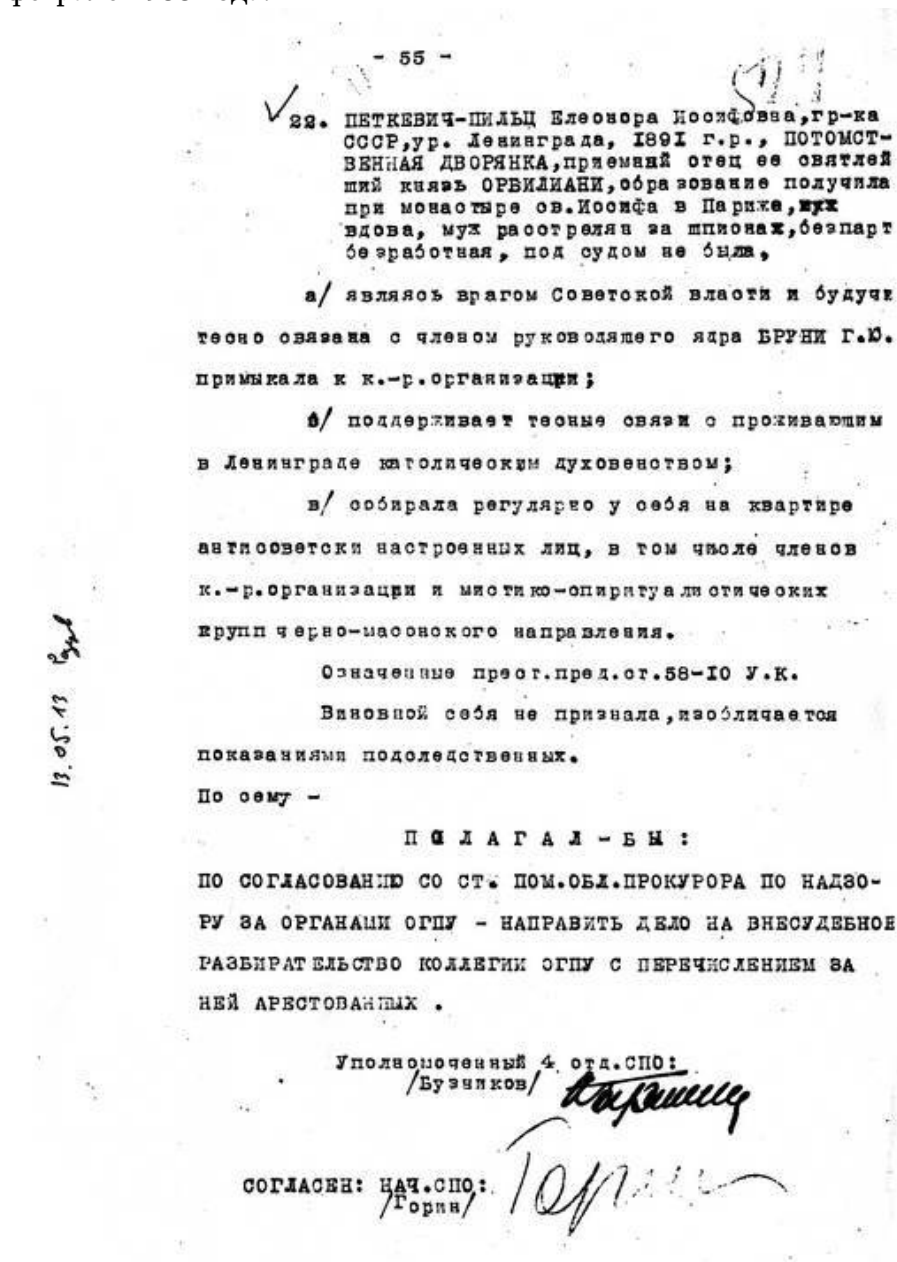
Означенное преступление предусматривает статью 58–10 Уголовного кодекса.

Виноватым себя признал.

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года Н.Н Шульговскому был вынесен приговор: три

года исправительно-трудовых лагерей.

Николай Николаевич Шульговский умер в заключении в феврале 1933 года.



- 55 -

22. ПЕТКЕВИЧ-ШИЛЬЦ Елеонора Иосифовна, гр-ка СССР, ур. Ленинграда, 1891 г.р., ПОТОМСТВЕННАЯ ДВОРЯНКА, приемный отец ее святлей ший князь ОРВИЛИАНИ, образование получила при монастыре св. Иосифа в Париже, муж вдова, мух расстрелян за шпионаж, безпарт безработная, под судом не была,

а/ являясь врагом Советской власти и будучи тесно связана с членом руководящего ядра БРУНИ Г.Ю. примыкала к к.-р. организации;

б/ поддерживает тесные связи с проживающим в Ленинграде католическим духовенством;

в/ собирала регулярно у себя на квартире антисоветски настроенных лиц, в том числе членов к.-р. организации и мистико-спиритуалистических групп черно-масонского направления.

Означенные прест. пред. ст. 58-10 У.К.

Виновной себя не признала, изобличается показаниями подследственных.

По сему -

П О Л А Г А Л - Б Ы :

ПО СОГЛАСОВАНИЮ СО СТ. ПОМ. ОБЛ. ПРОКУРОРА ПО НАДЗОРУ ЗА ОРГАНАМИ ОГПУ - НАПРАВИТЬ ДЕЛО НА ВНЕСУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КОЛЛЕГИИ ОГПУ С ПЕРЕЧИСЛЕНИЕМ ЗА НЕЙ АРЕСТОВАННЫХ.

13.05.13

Уполномоченный 4 отд. СПО:
/Бузников/

СОГЛАСЕН: НАЧ. СПО:
/Горин/

СПРАВКА: Обвиняемые - БРОННИКОВ М.Д., ВОЛКОВ Д.В., ВЛАСОВ В.А., МООР Л.Ю., БИЛИБИНА Т.В., БРУНИ Г.Ю., ШУЛЬГОВСКИЙ Н.Н. арестованы 10 марта с.г. и содержатся в ДПЗ.

Петкевич-Пильц Элеонора Иосифовна
Никаких сведений найти не удалось

Служебная записка СПО ОГПУ

1 марта 1934 г.

Начальнику 3 отд. особо уполномоченному при Коллегии ОГПУ тов. Смирнову.

При этом направляется переписка по делу Петкевич-Пильц Э.И.

Петкевич-Пильц Элеонора Иосифовна, 1881 г. р., потомственная дворянка, приемный отец ее святейший князь Орбилиани (возможно, Орбелиани?! — *Авт.*), образование получила при монастыре св. Иосифа, муж ее расстрелян за шпионаж, беспартийный.

В 1932 г. примкнула к к.р. организации фашистских молодежных кружков и антисоветских салонов в Ленинграде и была связана с членом руководящего ядра Бруни Г.Ю.

Поддерживала тесные связи с проживающим в Ленинграде католическим духовенством. Собирала регулярно у себя на квартире антисоветски настроенных лиц, в том числе членов к.р. организаций и мистико-спиритуалистических групп черно-масонского направления.

На следствии виновной себя не признала, изобличена показаниями других обвиняемых. Постановлением Выездной сессии ОГПУ в ЛВО от 17/VI 32 г. приговорена к высылке в Казахстан на 3 г., считая срок с 20/III 1932 г.

Приложение: переписка на 3 листах. (переписка отсутствует. — *Авт.*).

Пом. нач. СПО ОГПУ Андреева

Оперуполномоченный Я. Зорин

Никаких сведений, ничего, кроме этой справки и упоминания в обвинительном заключении по «Делу о контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов», о человеке по имени Элеонора Иосифовна Петкевич-Пильц нам найти не удалось.

Следователь Алексей Бузников

Неутомимый следователь Алексей Владимирович Бузников заслуживает особого разговора. Производительность его ужасающего труда была колоссальна. За четыре с небольшим года он провел несколько громких дел с огромным количеством арестованных, многие из которых были людьми авторитетными и известными. Но это не смущало его. Он горячо брался за каждое новое дело.

С конца 1931 года по март 1932-го он занимался обэриутами, лично допрашивал Даниила Хармса. Он вынудил напуганного Ираклия Андронникова написать показания, в которых были «изобличены» его товарищи: «Антисоветская группа детских писателей… которая сознательно стремилась различными обходными путями протащить антисоветские идеи в детскую литературу, используя для этого детский сектор Леногиза».

Еще не было закончено дело обэриутов, а уже на подходе возникло «Дело фашистских кружков и литературных салонов». 10 марта 1932 года уполномоченный А.В. Бузников снимал с гражданина Михаила Дмитриевича Бронникова первый допрос.

В мае, когда писалось обвинительное заключение по этому огромному делу, Бузников уже вовсю работал над делом писателя-народника, близкого друга Блока и Белого Иванова-Разумника, который потом в своих мемуарных записках вспоминал:

«Особоуполномоченный секретно-политического отдела Бузников и следователь Лазарь Коган — молодые люди, которым в совокупности вряд ли больше лет, чем мне (Иванову-Разумнику было в это время пятьдесят пять лет. — *Авт.*). Они вполне корректны и вежливы (бывает при допросах и диаметрально противоположное обращение), вполне осведомлены в своей специальности — программах разных партий, оттенках политических разногласий; гораздо менее знакомы с историей мысли — оба твердо убеждены, что Чернышевский был “марксист”; наконец — совсем беспомощны в вопросах философских, о которых, однако, пробовали говорить со мной в эту ночь. Вопросы были наивны, что возбуждало лишь улыбку. Так, например, один из следователей спросил меня — разделяю ли я “философское учение”, изложенное в X томе собраний сочинений Ленина? А на мой отрицательный ответ — сделал заключение: “Значит, вы — идеалист, а не материалист?” Когда же я ответил, что я — не метафизик, а материализм и идеализм одинаково метафизические течения, то этот элементарный ответ

оказался для обоих следователей настолько непонятным, что впредь они уже не возобновляли бесед со мной на подобные темы»[206].

Уже немолодого Иванова-Разумника, сидевшего еще в царских тюрьмах, арестовали среди ночи, застали его за писанием мемуаров, где он пытался осмыслить свое народническое прошлое. Его раздевают догола, фотографируют, кидают в переполненную камеру. И спустя несколько дней в наручниках приводят в кабинет. «Два следователя, Бузников и Лазарь Коган, — вспоминал Иванов-Разумник, — ждали меня в самой большой комнате из следовательских, в кабинете начальника ДПЗ, — вероятно, ради почета и “глубокого уважения”. Я имел удовольствие просидеть с ними в этой парадной комнате до пяти часов утра, после чего мог вернуться в свою камеру и заснуть на часок-другой до возгласа “Вставать!”. Особоуполномоченный Бузников, он же — следователь, производивший у меня обыск, надо полагать, прекрасно выспался днем; мне же пришлось проводить вторую бессонную ночь подряд. Тут я понял, почему все допросы ГПУ происходят по ночам: игра на утомлении и нервах допрашиваемых».

А дальше как по писаному. Промучив его еще третью ночь, они требуют от него написать заявление:

«Я, Иванов-Разумник, являюсь идейно-организационным центром народничества; вокруг меня за последние годы организационно группировались следующие правые и левые эсеры…» Дальше шел составленный следователями (за все время «допросов» они ни разу не предложили мне самому назвать какое-либо имя) список пяти-шести имен, весьма фантастически скомбинированных… Разумеется, следователи прекрасно знали, что никакой организации не было; однако — *position oblige*. Раз начальство велело, то найти необходимо»[207].

Собственно, эта модель была везде одной и той же. Сначала разговор о взглядах и собственной деятельности, потом под это подкладывалась идея о том, что этот человек или состоял, или был создателем антисоветской, контрреволюционной организации. Никаких оснований было абсолютно не нужно.

Вслед за делом Иванова-Разумника два «просвещенных» следователя стали «работать» уже в большой группе над делом «словарников», по которому было арестовано множество ученых и даже академиков[208]. Другое его название — «Дело Российской национальной партии». Наряду с крупными учеными здесь были музейные работники, краеведы, врачи, агрономы. Так как дело было очень большое, по нему было арестовано более тридцати пяти человек, то были подключены дополнительные силы из

московских чекистов. Его вели с сентября 1933-го — по начало 1934 года.

Объединяло все эти дела одно — арестованные принадлежали к кругу интеллигенции прежнего воспитания и образования. По воспоминаниям заключенных известно, что в эти годы еще не применялись методы физического воздействия, на подследственных давили психологически. Допросы были в основном ночными, и главное — следователь пытался с первых же допросов запугать жертву и сделать ее сговорчивой.

Жизнь следователя Бузникова, сломавшего столько судеб, а кого-то просто погубившего, открывалась нам постепенно. Основным источником стало его личное дело из архива санкт-петербургского Комитета по образованию[209], так как закончил он свою жизнь директором ленинградской школы. История его жизни демонстрирует, как иногда люди из чекистской системы выходили в обычную человеческую жизнь, что-то там делали, а затем снова ныряли обратно. И никогда не теряли связь с органами.

После триумфального подъема по службе: Бузникову поручали одно дело за другим — его ждало падение. Однако, в отличие от товарища по службе Лазаря Когана (того расстреляли в 1939 году), для Бузникова всё закончилось не так трагично. Алексей Владимирович умер в своей постели. Впрочем, жизнь его, сделав несколько зигзагов, оборвалась достаточно рано — в 1958 году в возрасте 52 лет.

В своей автобиографии, которую он писал для комитета образования в 1955 году, указывалось:

Я, Бузников Алексей Владимирович, родился 14 (27) августа 1906 года в гор. Казани.

Отец мой, Бузников Владимир Ионович, из мещан города Москвы, служил химиком на Казанском пороховом заводе.

Моя мать, Бузникова Наталья Ивановна, из мещан, занималась домашним хозяйством.

В 1914 году отец переехал на жительство в Петроград, где до революции 1917 года и после нее работал в Росс. ин-те прикладной химии по своей специальности. Умер в 1929 году в Москве. Моя мать умерла в 1924 году в Ленинграде.

Я поступил учиться в 1917 г. школу 1-й и 2-й ступени № 103 Смольнинского района Л-да[210], окончил школу в 1924 году и в том же году поступил в Ленинградский педагогический институт имени Герцена на общ. — экономич. отделение, которое окончил в июне 1929 года. 11 января 1926 года, продолжая учебу в Ин-те, поступил на службу в Вооруженные силы СССР, где прослужил в офицерских должностях с небольшими перерывами вплоть до

настоящего времени, то есть до 13 сентября 1955 года.

Тут стоит прокомментировать некоторые пункты анкеты. Так как автобиография пишется Бузниковым в гражданское учреждение, его служба в органах именуется «офицерские должности в Вооруженных силах». Это обычная практика для людей, служивших в органах.

Еще один любопытный момент. Бузников утверждает, что его родители — мещане. Согласно адресной книге «Весь Петроград» за 1917 год инженер-техник Владимир Ионович Бузников, снимающий со своей семьей квартиру в д. 35 на фешенебельной Таврической улице, имел чин статского советника. Значит, скорее всего, был он личным дворянином.

В Государственнном архиве Российской Федерации (ГАРФе) мы натнулись на загадочный документ — дело Бузникова Дмитрия Ионовича, беспартийного, тоже якобы из мещан, работающего помощником заведующего хозяйственной частью Трехгорной мануфактуры. В деле № 36128 указывается, что этот Бузников «состоял секретным сотрудником полиции и доносил на революционно-настроенных рабочих. Выступал свидетелем обвинения над участниками вооруженного восстания на Красной Пресне». Далее в деле было помечено, что оно прекращено ввиду того, что Бузникова судили в 1919 году Революционным трибуналом ОСО. В ГАРФе хранится и дело Революционного трибунала. И в нем мы нашли, что 5 мая 1919 года Бузников Д.И. был приговорен к расстрелу за то, что многие рабочие, которых он выдал, были приговорены к смертной казни. Но на этом все не закончилось. В деле Революционного трибунала указано, что рабочие мануфактуры подали кассационную жалобу с просьбой освободить Бузникова! Они пишут, что на самом деле он работал против царской власти, а сотрудничество с полицией было лишь прикрытием. Дело рассматривает управляющий делами Революционного трибунала — Генрих Ягода (!). Ясно видна его подпись и расшифровка рядом с ней. Итак, Дмитрий Ионович Бузников уцелел и умер в 1933 году[211]. Мы помним, что отец Бузникова тоже владел редким отчеством Ионович и был родом из Москвы. Совпадение фамилии и отчества может быть лишь совпадением, но не исключено, что это был не кто иной, как дядя нашего героя-следователя. И кто знает, какую роль он, избежавший расстрела в 1919 году, сыграл в судьбе своего племянника в 1926-м.

Происхождение у Алексея Бузникова, прямо скажем, непролетарское. Но в 1924 году он легко поступает в педагогический институт. Возможно, право на поступление ему дает то, что два летних периода, с июня по сентябрь, в 1924 и

1925 годах он руководит детской летней площадкой (прообраз городского пионерлагеря) в Смольнинском районе.

В 1925 году будущий следователь ОГПУ в соавторстве с неким В. Старостиным опубликовал книжку «Пионер — работа в школе» (Л., 1925.). Заметим, Бузникову — только девятнадцать лет! Книга была рекомендована северо-западным бюро ДКО в помощь вожатым и педагогам. «Не игра в общественность, — пишут авторы, — а активное участие в работе РКСМ[212], ком. Партии, советов и прочих пролетарских организаций — вот практическая основа политического воспитания детей».

В частности, в брошюре говорилось, как надо участвовать в работе пролетарских обществ: МОПРа, Культсмычки города и деревни, Авиарадиохима и др. В каждое такое общество от школы должна входить «тройка». «Например, тройка МОПРа должна собирать материал о преследовании капиталистами пионеров». Тут уже маячит будущая работа нашего героя. «…Пионеры должны добиваться, чтобы в репертуаре школьных кружков оставались только революционные пьесы…» И еще один важный момент, на котором настаивают авторы, — что пионеры должны следить, рассказывает ли учитель на уроке географии о революционной борьбе китайского народа, или только о климате и пр. На экскурсии в «Сад трудящихся» рассказывает только о тычинках и пестиках или все-таки о роли трудового народа в революционной борьбе.

В конце книги в качестве приложения приводился пример антирелигиозного воспитания для детей — рассказ об экскурсии одной московской школы в монастырь и на церковное кладбище. Дети обсуждают новейшие формы захоронения (крематорий) и с восторгом делают вывод, что это будет полезно для удобрений — «картошка хорошо будет расти»!

В январе 1926 года Бузникову двадцать лет, он только на втором курсе института. Но его берут на работу сотрудником ОГПУ Ленинградского округа. Чем он отличился? Почему его взяли в органы? Мы не знаем. Известно только то, что он продолжает писать свои «труды» и дальше. В 1926 году вместе с И. Ивановым составляет сборник материалов о XIV партсъезде «с методической проработкой для комсополитшкол и самообразования».

А в 1927-м вместе с Лазарем Коганом, с которым впоследствии они провернут не одно дело, они напишут книжку «Основные вопросы XV конференции ВКП(б)», которая выйдет в ленинградском издательстве «Прибой».

Когда в 1956 году начнется реабилитация и Бузников будет вынужден отвечать на вопросы — правда, не находясь в

заключении, как его жертвы, а приходя на беседы в прокуратуру, — он предусмотрительно валит всё на расстрелянного Лазаря Когана. На допросе он скажет, что работал в ОГПУ с 1926 по 1934 год сначала уполномоченным, а затем контролером, потом оперуполномоченным.

Итак, в конце 1920-х он не оставляет литературное поприще, тем более что ему удается совместить работу в органах с обучением в институте. В вечернем выпуске «Красной газеты» за 28 марта 1928 года в статье «К вопросу о детской литературе» он разбирал ряд книг «вредных и неприемлемых» и обвинял их авторов в монархизме: «В книге “Театр для детей” Васильевой и Маршака (изд-во “Радуга”), — писал Бузников, — авторы уверяют детей в том, что “король должен служить примером для своих подданных, как ему это и ни тяжело”, что “королевское слово нарушать нельзя…”. Действующие лица сказок сборника — цари, короли, царевичи и придворные. В прологе к этой театральной сказке директор театра и писатель обращаются друг к другу не иначе как “господин директор”, “господин писатель”…»

Именно как «специалисту» ему и поручат дело обэриутов. Спустя годы в 1974 году в разговоре с В. Глоцером о Хармсе художник Василий Власов будет вспоминать свои допросы, рассказывая о том, что у них с Хармсом было два общих следователя, специалисты по литераторам и художникам. «Эти два следователя работали вместе, — говорил Власов, — по очереди допрашивали, иногда вдвоем, причем назывались они в Ленинграде Сашка и Лёшка. Лёшка был, как он сам объяснял, литературовед, занимался Горьким и даже напечатал какую-то статью до этой своей карьеры. Кто был второй, я не знаю, — может быть, его по комсомольской линии направили, он был редкостного добродушия человек. И склонный к веселью, человек был жизнерадостный. Тот, второй, специалист по Горькому, человек был мрачный»[213]. Сашкой называл себя именно Лазарь Коган, а Лёшка — скорее всего, наш Алексей Бузников. Про Горького Власов что-то мог напутать, а может быть, статьи Бузникова о пролетарском писателе просто канули в вечность.

Однако сами следователи накрепко вошли в память ленинградской интеллигенции, которая сидела на Шпалерной в начале 1930-х годов.

Возвращаясь из ссылки, М.Н. Рыжкина написала небольшое стихотворение:

…Ах! Неизведанных бед полн для меня Ленинград!
Там вероломны друзья! Там, как змеи, шипят управдомы,

там, неизбежен, как рок, грозен и неумолим,
взору невидимый смертным, видящий помыслы смертных,
жизни владыка моей, Бузников страшный живет!

В листке кадров Бузников указывает, что проработал в ОГПУ, которое уже превратилось в НКВД, до октября 1935 года. Но в протоколе допроса от 4 августа 1956 года, связанного с реабилитацией арестованных «Российской национальной партии», он говорит, что, работая в Секретно-политическом отделе в 1933–1934 году, он вел дела на арестованных государственных преступников. То есть он показывает, что работал в органах лишь до 1934 года. Однако в справке о бывшем сотруднике НКВД по Ленинградской области говорится, что 1 апреля 1935 года он исключен из списков как переведенный на негласную работу (агент). Кстати, тогда же в феврале месяце 1935 года Лазарь Коган тоже будет сначала переведен на другую работу, а затем, видимо, арестован и расстрелян.

Здесь очевидно то, что по следователям ударило кировское дело. Кирова убили 1 декабря 1934 года, а вслед за этим началась волна арестов среди чекистов. Менялись кадры, шли чистки в аппарате Ягоды. Но тут нельзя не отметить, что по статистике больше всего расстреливали чекистов — евреев, поляков, латышей. Одновременно шла замена аппарата НКВД на сотрудников русской, то есть титульной национальности. Именно поэтому Бузников еще вернется в органы, но прежде он поработает директором детской киностудии «Ленфильм» до октября 1936 года. И тут его тоже устроят «по специальности». И хотя на студии Бузников будет всего год, он невероятно активно включается в работу. Его деятельность постоянно отражается в газете киностудии «Кадр»[214].

В статье «Раскрыть образ поэта»[215] Бузников пишет: «Искусству для детей в нашей стране придается огромное значение. Партия и правительство проявляют неустанную заботу о литературе и кино для советских ребят… Такое внимание… придает нам — работникам детского художественно-производственного объединения Ленфильма, силу, бодрость и уверенность в том, что задачи будут с успехом выполнены».

В одном из июльских номеров журнала «Кадр» находим беседу с директором детского объединения А.В. Бузниковым «Дадим нужный фильм»[216]: «В связи с расширенным совещанием по детскому фильму при ЦК ВЛКСМ мы предполагаем некоторое

расширение производственных планов 1936-го и, главным образом, юбилейного 1937 года».

Он сообщает, что на утверждение в ГУКФ (Государственное управление кинофикации) направлена картина «Чудесный корабль», закончена картина «Леночка и виноград» (по сценарию Е. Шварца и Н. Олейникова), в плане — «Сережа Костриков» по сценарию Пантелеева, «Брат и сестра» по сценарию Шварца, «Барон Мюнхаузен» по сценарию Заболоцкого. Заказан сценарий Светлову на тему рождения комсомола.

Весьма любопытно, что Бузников работает над фильмами вместе с Евгением Шварцем, Николаем Заболоцким, Николаем Олейниковым, Дойвбером Левиным — ближайшими друзьями его недавнего подследственного Даниила Хармса. Был Бузников и директором фильма «Юность поэта», а консультировал создателей фильма пушкинист Л.Б. Модзалевский, чье имя не раз встречается в протоколах допросов, им, Бузниковым, подписанных.

«…Не удовлетворяясь существующим планом, мы предлагаем созвать совещаниие детских писателей по вопросам тематического плана и конкретного привлечения их к созданию картин, главным образом для младшего возраста. Чрезвычайно желательно, чтобы такие писатели, как Маршак, Чуковский, Будогосская, приняли участие в этой работе», — заявляет он.

А в следующем номере Бузников рассказывает, как идут съемки кинокартины «Федька»[217]: «Можно уже сейчас сказать, что Федька будет любимым героем миллионов советских ребят».

Неожиданно в газете появляется критика в его адрес, его ругают за «прохладное отношение к работе», «полную бездейственность», затянувшуюся работу над фильмом «Юность поэта», а значит, и «несоответствие ни экономическим, ни производственным возможностям».

Бузникову не удастся избежать ареста.

Он был арестован 23 октября 1936 года УНКВД по Ленинградской области, то есть тем ведомством, в котором работал. Он обвинялся по ст. 58, п. 10 в том, что «в июне 1936 г., находясь в поезде Ленинград — Минеральные Воды, среди ехавших пассажиров проводил контрреволюционную агитацию, направленную к дискредитации постановлений и распоряжений Советского правительства». Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 1 июня 1937 года заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 марта 1939 года предыдущее постановление отменено. Освобожден он был 2 апреля 1939 года.

Об этом деле и аресте Бузников не пишет и не указывает

нигде. В трудовом листке у него сказано, что с октября 1936 по апрель 1939 года он не работал по болезни. При этом Бузников с киностудии был уволен заблаговременно — 1 октября 1936 года. То есть до своей «поездки» в поезде Ленинград — Минеральные Воды и этой бредовой агитации. По всему видно, что Бузникова зачем-то нужно было посадить, и поэтому с октября месяца ищется повод, чтобы это осуществить. Скорее всего, от него требовалось дать показания на Лазаря Когана, дело на которого было уже давно заведено. Удивительно и то, что дата освобождения Бузникова и дата расстрела Когана почти рядом. Когана расстреляли 2 марта 1939 года, а постановление об освобождении Бузникова вышло 26 марта 1939 года; 2 апреля он вышел на свободу.

Может ли это быть простым совпадением? Может. Но все же события выстраиваются именно в такой последовательности, которая наталкивает на определенные выводы. Не случайно и то, что во время допросов 1956 года он так предусмотрительно говорит о том, что все решения по следственным делам принимал именно Коган.

С июня 1941 года Бузников, как сообщает он в анкете, сотрудник спецорганов Балтийского флота и Ленинградского военного округа в звании ст. политрук-подполковник. Скорее всего, эти органы занимались тем же самым, чем на земле занимался СМЕРШ. Искали врагов среди военморсостава.

Послевоенная волна репрессий, связанная с «ленинградским делом», задела его достаточно безболезненно. В 1949 году его уволили на пенсию. С 1950-го он служил начальником Управления гидрографии. А потом, в 1955 году, стал директором с правом ношения военной формы 1-й ленинградской школы-интерната с особым режимом, то есть для малолетних правонарушителей. Можно представить, как он, этот «мрачный человек», по воспоминаниям его подсудимого Власова, «перевоспитывал» этих ребят. К слову, сам Бузников был женат и, судя по анкете, у него были сын и дочь.

Как уже говорилось выше, в августе 1956 года его допрашивали в связи с реабилитацией ученых, краеведов, музейщиков, погибших и выживших после «Дела славистов». Возможно, именно эти допросы и даже санкции в связи с участием Бузникова в репрессиях привели к тому, что 13 ноября 1958 года бывший следователь ОГПУ-НКВД Алексей Владимирович Бузников, скончался.

Приложения

Люди, осужденные по «Делу Бронникова»

Азбелев Павел Петрович (1900–1941) — экономист ЦНИГРИ.

Адрес: Ленинград, 1-я ул. Деревенской Бедноты, д. 5, кв. 3.

Участник кружка: «Бодлеровская академия».

Арест: Впервые арестован в 1922 г. По «Делу Бронникова» арестован 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. лишен права проживания в 12 п. п. на 3 года и Уральской обл.

Дальнейшая судьба: Выслан из Ленинграда в Липецк, в 1935 г., отбыв трехлетнюю ссылку, переехал с семьей в Кировск (Ленинградская область), где работал экономистом. В июле 1941 г. был как политически ненадежный выслан в Мелекесс (ныне Дмитровград), в августе того же года мобилизован, в ноябре погиб на фронте.

(Отец Петр Павлович Азбелев репрессирован в 1927 г., брат Федор Петрович Азбелев погиб в блокаду в январе 1942 г.)

Билибина Татьяна Владимировна (1894–1942?) — служащая Совторгфлота.

Адрес: Ленинград, В.О., пр-т Пролетарской Победы, д. 22, кв. 12.

Руководитель кружка: Литературный салон Билибиной Т.В.

Арест: 9 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. — 3 года лагеря условно.

Дальнейшая судьба: В 1935 г. вместе с мужем Билибиным Н.Н. и дочерью Кисловской В.В. выслана из Ленинграда. Далее ее следы теряются.

Бронников Михаил Дмитриевич (1896–1942?) — литератор, киновед, конторщик завода «Красная Заря».

Адрес: Ленинград, В.О., 10-я линия, д. 25, кв. 3.

Руководитель кружков: «Штрогейм-клуб», «Бандаш», «Дискуссионный клуб», «Академия», «Фабзавуч», «Безымянный клуб», «Шекспир-Банджо», «Бодлеровская академия».

Участник кружков: «Шерфоль», Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров.

Арест: 9 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР — 3 года концлагеря.

Дальнейшая судьба: Выпущен из лагеря досрочно. Отправлен

на поселение в Кировск. Новый арест — 5 июля 1941 г. 6 мая 1942 г. особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58–10 УК — 5 лет ИТЛ. Далее его следы теряются.

Бруни Георгий Юльевич (1870–1942) — музыкант-аккомпаниатор.

Адрес: Ленинград, пр-т Майорова, д. 31, кв. 9.

Участник кружков: Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров, Мистико-спиритуалистический салон Наумовой, Литературный салон Билибиной Т.В.

Арестован: 9 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР — 3 года концлагеря.

Дальнейшая судьба: Погиб в блокаду в апреле 1942 г.

(Сын Владимир Георгиевич Бруни тоже погиб в блокаду.)

Вержбицкий Глеб Дмитриевич (1904–1942) — преподаватель Военно-медицинской академии РККА.

Адрес: Ленинград, Советский пр-т, д. 7, кв. 57.

Участник кружка: Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров.

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР — 3 года лагеря.

Дальнейшая судьба: После освобождения вернулся в Ленинград. Погиб в блокаду в феврале 1942 г.

(Брат Борис Дмитриевич Вержбицкий арестован 30 января 1942 г. Умер в тюрьме от дистрофии.)

Владимирова Татьяна Михайловна (1895–1942) — бухгалтер 3-го пункта охраны Матмлада.

Адрес: Ленинград, пр-т 25 Октября, д. 22–24 (угол ул. Желябова, 12), кв. 75.

Участник кружка: «Шерфоль».

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР лишена права проживания в 12 п. п. на 3 года.

Дальнейшая судьба: Проживала в г. Любим Ярославской обл., работала пом. бухгалтера Первомайской артели инвалидов. Освобождена 27 марта 1935 г. С декабря 1937 г. — ст. бухгалтер подсобного хозяйства психиатрической б-цы в дер. Хутынь Новгородского р-на Лен. обл.

(Сестры и мать погибли в блокаду.)

Власов Василий Адрианович (1905–1979) — сотрудник издательств «Молодая гвардия», «Детгиз»; художник.

Адрес: Ленинград, В.О., 1-я линия, д. 20, кв. 32.

Участник кружков: «Штрогейм-клуб», «Бандаш», «Шекспир-Банджо».

Арест: 9 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58-10-11 — 5 лет концлагеря с заменой на 5 лет ссылки в Башкирию.

Дальнейшая судьба: Постановлением ОСО НКВД СССР от 15 ноября 1934 г. освобожден досрочно.

Волков Дмитрий Васильевич (1909–1937) — счетовод на нефтескладе, одногодичник в 115 зенартполку.

Адрес: Ленинград, ул. Моховая, д. 16, кв. 17.

Участник кружка: Ячейка в 115 зенартполку.

Арест: 8 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 и 58–11 — 10 лет концлагеря.

Дальнейшая судьба: Наказание отбывал на Беломоро-Балтийском комбинате НКВД. Арестован 12 ноября 1937 г. Тройкой НКВД Карельской АССР от 20 ноября 1937 г. осужден по ст. 58-10-11. Расстрелян 28 ноября 1937 г. на ст. Медвежья Гора (Сандармох).

Ефимов Николай Николаевич (1905–1975) — киновед, работник кинокабинета ГИИИ. Автор книг «Немецкие киноактеры» (1926), «Георг Вильгельм Пабст» (1936) и др., множества статей в газетах и журналах.

Адрес: Детское Село, ул. Пролеткульта, д. 13, кв. 4.

Участник кружков: «Безымянный клуб», «Дискуссионный клуб».

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. лишен права проживания в 12 п. п. на 3 года.

Дальнейшая судьба: С 1959 г. — научн. сотр. Сектора кино Лен. ин-та театра, музыки, кинематографии.

Крюков Алексей Алексеевич (1909 — после 1951) — преподаватель ФЗУ завода «Электросила», литератор, литературовед, переводчик, одногодичник в 115 зенартполку.

Адрес: Ленинград, наб. реки Фонтанки, д. 150, кв. 5.

Участник кружка: Ячейка в 115 зенартполку.

Арест: 15 февраля 1932 г.

Приговор: Постановлением ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР — 10 лет концлагеря.

Дальнейшая судьба: Этапирован в Белбалтлаг. Совершил побег, задержан на сов. — финской границе 9 ноября 1933 г. 11 июля 1934 г. вторично осужден на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в Ухтпечлаге. После освобождения проживал в Тульск. обл. Арестован 23 ноября 1948 г. Осужден по ст. 58–10 УК РСФСР. Этапирован в Минлаг МВД СССР. Арестован 3 октября 1950 г. Осужден 12 апреля 1951 г. спецлагсудом Минерального лагеря МВД по ст. 58–14 УК РСФСР на 8 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Далее его следы теряются.

(Мать погибла в блокаду.)

Ласкеев Борис Федорович (1899–?) — инженер Ленпроектдора.

Адрес: Ленинград, ул. Корпусная, д. 24, кв. 23.

Участник кружка: «Бодлеровская академия».

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. лишен права проживания в 12 п. п. и Уральской обл., прикреплен к определенному месту жительства.

Дальнейшая судьба: Неизвестна.

Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) — гл. библиотекарь ГПБ, переводчик.

Адрес: Ленинград, ул. Красных зорь, 73–75, кв. 26.

Участник кружка: «Шерфоль».

Арест: 20 марта 1932 г. Виновным себя не признал.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР — 3 года лишения свободы, условно.

Дальнейшая судьба: Лозинский М.Л. — один из создателей школы поэтического перевода. В 1946 году за перевод «Божественной комедии» Данте был удостоин Сталинской премии 1-й степени. Умер в 1955 г. от тяжелой болезни.

Моор Вильям Рудольфович (1865–1932) — врач, частная практика.

Адрес: Ленинград, В.О., 9-я линия, д. 34, кв. 5.

Участник кружка: Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров.

Арест: 13 марта 1932 г.

Дальнейшая судьба: Умер в ДПЗ 26 марта 1932 г.

Моор (Зубова) Любовь Юльевна (1891–1970) — актриса, чтец-декламатор. Выступала в клубах с лекциями-концертами.

Адрес: Ленинград, В.О., 9-я линия, д. 34, кв. 5.

Арест: 9 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. по ст. 58–10 УК РСФСР — 3 года концлагеря.

Дальнейшая судьба: Срок был сокращен. В 1935 г. выслана из Ленинграда.

(Брат Михаил Юльевич Зубов в 1933 г. выслан в Казахстан, в 1943 г. умер в Вологде от голода. Сын Зеленецкий А.А. в 1930 г. был арестован по «Академическому делу», отправлен в ссылку на Урал, в 1935 г. освобожден с ограничением проживания.)

Наумов Павел Семенович (1884–1942) — художник.

Адрес: Ленинград, В.О., 12-я линия, д. 31, кв. 46.

Участник кружка: Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров.

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии ОГПУ в ЛВО от 17 июня 1932 г. лишен права проживания в 12п.п. и Уральск. обл. сроком на 3 года, с прикреплением.

Дальнейшая судьба: Умер в блокаду.

Наумова Вера Кирилловна (1894–1956?) — художница.

Адрес: Ленинград, В.О., 12-я линия, д. 31, кв. 46.

Руководитель кружка: Мистико-спиритуалистический кружок Наумовой.

Участник кружка: Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров.

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии ОГПУ в ЛВО от 17 июня 1932 г. лишена права проживания в 12 п.п. и Уральск. обл. сроком на 3 года, с прикреплением.

Дальнейшая судьба: Неизвестна.

Пестинский Борис Владимирович (1901?–1943) — художник, биолог-серпентолог.

Адрес: Ленинград, ул. Петропавловская, д. 4, кв. 36.

Участник кружка: Мистико-спиритуалистический салон Наумовой.

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. выслан в Среднюю Азию на 3 года.

Дальнейшая судьба: С 1934 г. жил и работал в Ташкенте. Освобожден 21 марта 1935 г.

Петкевич-Пильц Элеонора Иосифовна (1881–?)

Адрес: Неизвестен.

Участник кружка: Мистико-спиритуалистический и литературный салон В.Р. и Л.Ю. Мооров. (Ни в каких материалах по этому кружку не проходит.)

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии ОГПУ в ЛВО от 17 июня 1932 г. выслана в Казахстан на 3 года.

Дальнейшая судьба: Неизвестна.

Рейслер Александр Владимирович (1896–1937) — зав. отделом сбыта завода «Красная Заря».

Адрес: Ленинград, В.О., Малый пр-т, д. 1, кв. 29.

Участник кружка: «Бодлеровская академия».

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. выслан из Ленинграда, лишен права проживания в 12 п. п. и Уральской обл. на 3 года, прикреплен к определенному месту жительства.

Дальнейшая судьба: Жил в Орле. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Ремезов Михаил Николаевич (1908–1942) — сценарист, журналист.

Адрес: Ленинград, ул. Ораниенбаумская, д. 7, кв. 5.

Участник кружков: «Штрогейм-клуб», «Бандаш», «Дискуссионный клуб», «Безымянный клуб», «Шекспир-Банджо»

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. выселен из Ленинграда, лишен права проживания в 12 п. п. и Уральской обл. на 3 года, прикреплен к определенному месту жительства.

Дальнейшая судьба: Был выслан в Тамбов, через год получил разрешение поселиться в Малой Вишере. Умер в блокаду.

(Жена и мать тоже погибли в блокаду.)

Рыжкина-Петерсен Мария Никитична (1898–1984) — библиотекарь в ГПБ.

Адрес: Ленинград, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 7, кв. 4.

Участник кружка: «Шерфоль».

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. выселена из Ленинграда, лишена права проживания в 12 п. п. и Уральской обл. на 3 года, прикреплена к определенному месту жительства.

Дальнейшая судьба: Во время войны ушла с немцами. Умерла в эмиграции.

Шульговский Николай Николаевич (1880–1933) — литератор, лингвист, стиховед, автор книги «Занимательное стихосложение».

Адрес: Неизвестен.

Участник кружка: Литературный салон Билибиной Т.В.

Арест: 9 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. — 3 года концлагеря.

Дальнейшая судьба: Умер в заключении в 1933 г.

Шуппе Георгий Николаевич (1906–1994) — физик, научный сотрудник Ленинградского электротехнического института.

Адрес: Ленинград, ул. Бармалеева, д. 28, кв. 8.

Участник кружков: «Бандаш», «Дискуссионный клуб», «Шекспир-Банджо».

Арест: 20 марта 1932 г.

Приговор: Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 г. выслан в Казахстан, без права выезда сроком на 3 года.

Дальнейшая судьба: Перебрался в Ташкент. В течение 1939–1942 гг. несколько раз сидел в Ташкентской внутренней тюрьме. Основал научную школу физической электроники в Узбекистане.

Кружки, указанные в «Деле Бронникова»

«БАНДАШ»

Содержание работы

• Практическая, производственная работа по созданию и распространению фотофильмов.

• Созданы сценарии фотофильмов: «Женщина-стрелок», «Бар», «Ангина», Портнихи», «Прачки», «Цирк» (сценарий Бронникова о бывшем генерале, ставшем на чужбине клоуном).

• Был заключен договор с издательством «Молодая гвардия» на создание книжки фотоиллюстраций на тему об утильсырье. Книжка была забракована.

Адреса

В.О., 1-я линия, д. 20, кв. 32 (квартира Шишмаревой-Власова)

В.О., 3-я линия, д. 10, кв. 10

Руководители

Бронников М.Д.

Участники

Власов В.А.

Ремезов М.Н.

Россет Н.В.

Петров Ю.Н.

Гроссет-Волжина Н.А.

Шуппе Г.Н.

Езерский

Гушнер С.Е.

Порет А.И.

Минц Ф.М.

Сафонова

Блетова

Макарова Т.

Москаленко К.

«ШТРОГЕЙМ-КЛУБ»

Содержание работы

• Изучение и пропаганда творчества американского режиссера, актера, сценариста Эриха фон Штрогейма.

• По заказу издательства «Теа-Кино-Печать» работа над монографией о Штрогейме.

Адрес

В.О. 1-я линия, д. 20, кв. 32 (квартира Шишмаревой-Власова)
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Шишмарева Т.
Власов В.А.
Ремезов М.Н.
Петров Ю.Н.
Россет Н.В.

«ШЕКСПИР-БАНДЖО»

Содержание работы
• Обсуждение вопросов драматургии. Театр без зрителей.
Адрес
Неизвестен
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Шишмарева Т.
Власов В.А.
Ремезов М.Н.
Россет Н.В.
Петров Ю.Н.
Шуппе Г.Н.
Гроссет-Волжина Н.А.

«ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ»

Содержание работы
• Дискуссии по мировоззренческим, политическим вопросам, по вопросам искусства.
• После доклада Ф.М. Минц о «Земле» Довженко разделились на «землистов» и «антиземлистов».
• Чтение зарубежных журналов.
Адреса
В.О. 1-я линия, д. 20, кв. 32 (квартира Шишмаревой-Власова)
В.О., 10-я линия, д. 25, кв. 3 (квартира Бронникова)
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Ремезов М.Н.
Ефимов Н.Н.
Минц Ф.М.

Шуппе Г.Н.
Арнольди Э.М.
Геллер Е.Ю.
Домбровский Л.В.

«АКАДЕМИЯ»

Содержание работы
• Учебные цели.
Адрес
Неизвестен
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Имена неизвестны

«ФАБЗАВУЧ»

Содержание работы
• Учебные цели.
Адрес
Неизвестен
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Имена неизвестны

«БЕЗЫМЯННЫЙ КЛУБ»

Содержание работы
• Издание рукописных журналов «Журнал с именем», «Журнал без имени» (издавал Ефимов).
• В 1932 г. планировался выпуск «Альманаха моих друзей». Предполагаемый состав: французские поэты в переводе Бронникова, литературный сценарий Ефимова, фрагменты «Улисса» Джойса в переводе Шишмаревой.
Адрес
Неизвестен
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Ремезов М.Н.
Ефимов Н.Н.
Минц Ф.М.

Геллер Е.Ю.
Домбровский Л.В.

«БОДЛЕРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ»

Содержание работы
• Кружок поэтического творчества.
Адрес
В.О., 10-я линия, д. 25, кв. 3 (квартира Бронникова)
Руководитель
Бронников М.Д.
Участники
Азбелев П.П.
Рейслер А.В.
Ласкеев Б.Ф.

«ШЕРФОЛЬ»

Содержание работы
• Кружок родился из Студии перевода под руководством М.Л. Лозинского (при издательстве «Всемирная литература»), в начале 1920-х годов работавшей над коллективным переводом сонетов Эредиа.
Адрес
Улица Красных Зорь, 73–75, кв. 26.
Руководитель
Лозинский М.Л.
Участники
Бронников М.Д.
Блох Р.Н. (Во время следствия находилась в эмиграции.)
Шведе А.И.
Рыжкина-Петерсен М.Н.
Владимирова Т.М.
Малкина Е.Р.

ЯЧЕЙКА В 115-М ЗЕНАРТПОЛКУ

Содержание работы
• Скорее всего, это не было оформленной организацией — кружка как такового не было. Наверное, Крюков, а с ним и Волков, где только могли, высказывали красноармейцам свою точку зрения на политику Советской власти.
Адрес
Предположительно — в районе поселка Лисий Нос.

Руководитель
Крюков А.А.
Участники
Волков Д.В.
Финеев
Крем
Кривоборский
Афанасьев
Власов
Белозеров

МИСТИКО-СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН В.Р. И Л.Ю. МООРОВ

Содержание работы
• Различные эзотерические практики.
• Чтение литературных произведений участников.
Адрес
В.О., 9-я линия, д. 34, кв. 5 (квартира Мооров)
Руководители
Моор В.Р.
Моор Л.Ю.
Участники
Наумов П.С.
Наумова В.К.
Бруни Г.Ю.
Кириченко-Астромов-(Ватсон) Б.В. (Во время следствия находился в концлагере.)
Хальфина Л.И.
Калашников П.
Зиккель Г.Ф.
Зеленцов А.А. (Во время следствия арестован по «Академическому делу».)
Гиккель
Шандоровский
Шабловская
Грановская О.С.
Павлов-Сельванский П.Н.
Чистовский Л.С.
Полянский Н.П.
Советов С.С.
Модзалевский Л.Б.
Римский-Корсаков А.Н.
Бронников М.Д.

Крюков А.А.
Голов А.В. (Гохов?)
Барабанов П.П.
Барабанова А.В.
Лорис-Меликов
Кун
Соколов
Софроницкий
Гутенберг
Вахтин
Вержбицкий Г.
Бокоговский
Зеленецкий А.А.
Коган-Венгеровский
Рутенберг Л.А.
Римский-Корсаков Г.М.
Вержбицкая
Семенов-Тянь-Шанский
Приселков

МИСТИКО-СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК НАУМОВОЙ В.К

Содержание работы
• Различные эзотерические практики.
Адрес
В.О., 12-я линия, д. 31, кв. 46 (квартира Наумовых)
Руководитель
Наумова В.К.
Участники
Бруни Г.Ю.
Пестинский Б.В.
Моор В.Р.
Хальфина
Наумов П.С.
Калашников П.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН БИЛИБИНОЙ Т.В

Содержание работы
• Чтения литературных произведений.
• Собрания мистического характера.
Адрес
Пр-т Пролетарской Победы, д. 22, кв. 12 (квартира

Билибиной Т.В.)

Руководитель

Билибина Т.В.

Участники

Шульговский Н.Н.

Римский-Корсаков А.Н.

Мещерский Н.А.

Голов А.В. (Гохов?)

Коган-Венгеровский

Перельман

Начинающие пролетарские писатели:

Кухтин

Толмачев

Черняев

Лившиц

Фролов

Фрагменты произведений обвиняемых [218]

Михаил Бронников

Далеко ли еще? — Версты без мала три, —
Мне встречный послушник в ответ — такой хороший,
Весь так и пахнущий Зосиминым Алешей…
— Да ты не отдыхай, — добавил он: — смотри!

Ждет батюшка тебя!.. Последние усилья…
И, ласково кивнув, — ушел — не то исчез,
Такой смолистый был, такой душистый лес…
Но к ноющим ногам не прирастали крылья…

Ведь я уж десять верст прошел до той поры,
Обедню отстояв и с замираньем сердца
Через стеклянную у жертвенника дверцу
Следив, как иерей частицы просфоры

С молитвой вынимал за тех, кого люблю я,
Чьи имена вписал на поданных листах:
За ту, чей истлевал в песках озерных прах,
За трех, мне посланных, да Бога воспою я!

* * *

Иду и не ропщу. Иду и не присел.
Стоял давно сентябрь; но с самого Сампсона
На нивы падал дождь почти без угомона,
И в тех краях овес еще не пожелтел.

Сегодня ж первый луч неубранные пашни
Так солнечно пригрел, так стойко золотил —
Что мне мерещилось: надежду приносил
Краям обиженным не мой ли въезд вчерашний?

Дозреют пажити хотя бы к Покрову —
Она, Заступница, от нас не отступилась…
Добро же, Батюшка!.. И тут со мной случилось
Хоть и не первое — но чудо наяву.

Как сладостный распев старинного молебна,
Вдыхая в легкие хоралы хвой и смол,
По благовонному я бору бодро брел,
Да было и во мне — как и вовне — нехлебно.

Но так произошло, что я не возроптал:
Уж очень ласково покоем душу встретил
Святого бор, что был самою тенью светел
И что таинственно о чудесах шептал.

Лишь тихо про себя я попросил:
«Хозяин здешних мест, прими и угости;
Ты властен приказать растению — расти!
Так повели земле дать землянику снова!»

О, я тогда не знал еще, что в житии
Его рассказано, как С…им однажды
Пришедшему к нему, страдавшему от жажды
И голода, явил дары своей любви:

Как чуть качнулся пол в его суровой келье,
По слову старческих, хвалу вещавших уст,
И посеред возрос — весь полный ягод — куст,
И голод утолил, и в душу влил веселье.

Так помолившись, я влеку мои стопы
И вскоре долу с хвой свой взор перевожу я
Без мысли, так себе… И что же нахожу я?
Большая ягода окрай моей тропы.

На тоненьком стебле к сырой земле свисая,
Густо-кирпичная, налитая от рос,
(Не тем ли сентябрем сулил созреть овес?)
Глядит, как бы закон природы нарушая.

И с благодарностью чудесную сорвал:
Какое нежное у нёба ощущенье!
— Вот Батюшкино, вот святое угощенье!

Но только очень уж его подарок мал.

И мыслям дерзостным моим как будто в пику
Я только шага три с минуты той пройду,
Как новую, еще вкуснейшую найду,
Еще огромнейшую вижу землянику.

И дальше — больше их! Одна другой вкусней,
Одна другой нежнее, налитей и пахучей!
Скажите честно мне: то чудо или случай?..
И вспоминаю я о чуде прежних дней.

Алексей Крюков [219]

1. Отрывок из поэмы «Актябрь»

В перелете отставшая птица,
Инстинктивно летящая ввысь, —
Я последний израненный рыцарь,
Не клонящий усталой главы.
Всё мое — в отлетевшем минувшем,
В настоящем — всё чуждое мне;
В нем, в котором мне откликов нет,
Голос мой отдается всё глуше.
И наследия страшные влиты
Мне в артерий бегущую кровь
Строем предков моих именитых,
Пропадающем в гуще веков, —
Всю надменную гордость сеньоров,
Повелителей ленных земель,
Я роняю презрительным взором
Настоящего скучной зимы.
И от мурз, царедворцев Батыя,
Покоривших застойную Русь,
Не в Руси уже и не в России
Я ухватки былые беру.
Я не знаю — вот этот ли канцлер,
Или этот, мальтиец прадед,
Дали мне эти тонкие пальцы,

Синих вен чуть намеченный след.
Или тот, декабрист и гвардеец,
Под Нерчинском дробивший руду,
Сделал так, что октябрьский месяц
Для меня самый гадкий в году.
Мне хранит изжелтевший пергамент
Твердый росчерк далеких царей,
Говорят об отцветшей поре
Строки старых, заброшенных грамот,
Я люблю всё, что дышит ушедшим,
Всё, что прошлого носит намек, —
Роковые турнирные встречи
Под шуршанье атласных знамен,
Времена, когда в залах Растрелли
Свет кенкетов ложился от свод,
Когда юный престолонаследник
Танцевал с моей бабкой гавот,
Когда он же, уже император,
К молодой интересной вдове
Приезжал, зимнею ночью спрятан,
Под гербами придворных карет,
Когда ласками жил Казанова,
Знали только орлы Сег-Татар;
Когда в жизни были красоты,
Когда мир был прекрасным закован.

2. XIII. Тринадцатилетие октября

Праздновала вчера Россия —
Снова могучего шествия обряд
Заводы перед трибунами приносили.
Надо или любить знамен кумач,
Или проклинать революцию.
Когда былое и грядущее бьются,
Тогда просто жить недостаточно!
Подло, бесчестно стоять в стороне
В эпохе никаких сдвигов —
Надо твердо выговорить «да» или «нет»,
Стать или торием, или вигом.

Пусть много ошибок у ВКП,
Пусть страна наша голодная, нищая,
Но во Франции тоже ведь был казнен Канет
И не хватало денег на…
…
Важно то, что пробита стена рутин,
Что Россия сдвинута с места,
А дальше она выйдет на верные пути —
Не по ней переходы тесные.
Мне дорога Россия СССР —
Раньше, чем дворянин — я русский,
Запахнувши полы шинели серой,
Держи винтовку напряженными мускулами.
На защиту полей своих дождливых и тусклых,
Ни в чем не осуждая путей, тобою признанных,
Я всегда готов, любимая Родина!

3

Не признаете, потому что вы меня боитесь,
Не пускаете в печать, потому что знаете,
Что мой первый же выход станет событием,
Что в свете моей славы, сразу прочной и длительной,
Сгорят все имена вашей сбродной шатии,
Эй вы, ЛОКАФы, Анны и ФОСПы,
Вы, монополисты поэзии пресной,
Помните — весь рев толпы многоголосой
Смолкает при державном окрике Кесаря.
И, быстро цокающим галопом зачеркивая
Размерные ритмы глухих иноходей,
Я … <пропуск в тексте> — Справедлива
арабская поговорка
«Собаки расходятся <нрзб?> — караван проходит».

(Из последних)
4

Лирика плоха, говорят; лирика — это мелочь,
Не нужная переборка личных переживаний,
Надо писать о революции в Гаване
Или о постройке нового завода в Керчи.
Пишите! Каждому ведь своя дорога,
А я буду писать о том, что мне нравится. —
Но посмотрим, когда смерть сведет наши пальцы,
Больше народа пойдет за чьими дрогами.
Революции, восстания и парламентаризмы,
Заводы, блюминги, генераторы, турбины —
Быстрый калейдоскоп последних новинок.
А любовь — экстракт и сущность жизненного,
И сквозь шум мятежей, за грохотом строек
Я провижу одно лишь — самое ценное —
Лицо любимой, красивой и стройной,
Я, заслоняющий моралистов строй.

<стихотворение оборвано>

5

Да, я знаю, вы правы, меня не признавая,
Таким, как мне, не место на пиршестве
торжествующего хама,
В священной роще меж мраморными храмами
Затаена моего творчества звенящая наковальня.

Помню из этого стихотворения только это первое четверостишие. Тематически оно строилось на противопоставлении творчества, ушедшего в глубь «грязной» действительности, и искусства (Далее — пропуск в тексте. — *Авт.*) искусства для искусства. Написанное под влиянием странно скрестившихся в данном случае Альфреда де Виньи (фр. романтик) и Мережковского, оно оказалось очень манерным и фокусно-надуманным, никогда мною нигде не читалось и приводится мною здесь лишь для полноты

антисоветской грани моего творчества.

6. Крестовые походы

Ночь нахмурилась, точно старый колдун,
Тучи собирает гроза —
На далекий Восток снова идут
Рыцари великих…
<…>
Глубоко внизу плещет река,
Берег обрывист и крут,
Поросшие лесом глыбы скал
Нависли тяжелыми грудами.
С откосов горы бросает дождь
Потоков бурных каскады,
Громко ржут породистые лошади,
Вздрагивая под грома раскатами,
Бледные лики ярких зарниц
На стали старых доспехов.
Проходят суровые северные рыцари
Дикими плоскогорьями Чехии,
Развевая стяги своей далекой земли.
Как в турнире, радостный праздник,
Они поскачут к стенам Иерусалима
По берегу Малой Азии.
И там, на песке безводных пустынь,
Яростными толпами неверных,
Будут изрублены белые кресты
Гроба Господня сервов.
Увели их всех на дальний Восток
Эти великие…
<…>
Только немногие вернулись назад,
Уцелев от резни жестокой.
Но никто из них не умел роптать,
К благородной смерти привыкнув…
Да ведь это же молодой торговый капитал,
Искавший новые рынки!..

7. 28, 29 гг.

Каждого из нас ожидает будущее.
Сейчас — настоящее. То, что было — прошлое,
А все это — какое-то темное чудище
С редкими проблесками хорошего.
В памяти — окурки годов сбереженные,
Как то, что разбросаны по пыльным булыжникам,
Грязные, истоптанные и от солнца рыжие,
С горьким привкусом никотина тяжелого.
Маятник, кем-то в свое качание брошенный,
Сшивает дней шершавых рубище…
Сейчас — настоящее. Докуренное — прошлое,
А то, что шьет, — называется будущее.

8. Толпе

Мы с тобой сразимся рано или поздно,
И сбегутся волки на кровавый бой,
Коршун закружится над равниной грозной.
Рано или поздно — я сражусь с тобой.
Будет бой ужасен — середок не будет,
Разобьются копья, вынем мы мечи,
Лязг звенящей стали степь полей пробудит,
И оттенком красным заблестят ручьи.
Мы не можем оба быть здесь королями,
И не поделить нам всей сырой земли.
Спор наш неизбежный предрешен веками —
Никогда не буду я твоим кули.
Или ты пронзишь мне сердце молодое
Мускулистым бросом острого копья —
И в степи шакалы жадные завоют…
Или на аркане поведу тебя.
И взметнусь тогда я в небо…
<…>
Горделивым взлетом смелого орла.
Ты же поцелуешь рабски и покорно

Золотое стремя моего седла.

9. 29–30 гг. Проклятье войне

Был вечер осени поздней и теплой,
Был сад, раскинувшийся над рекою,
Переполненный цветущими левкоями
На клумб ароматных копнах.
Они были тихи и задумчивы
Под деревом на садовой скамейке.
Облака шли расплывчатыми змейками,
И небо становилось все лучше.
Он рукой обвивал ее плечи
И губами ее губы тонкие…
Луны дрожащая колонка
В спокойной воде отсвечивалась…
Издалека где-то лаяли собаки…
С неба накапанной кровли
Блестящие звезды скатывались,
Потухая у теплого горизонта

(здесь что-то пропускаю — не помню)

Был вечер осени поздней и теплой,
Был сад, раскинувшийся над рекою,
Переполненный цветущими левкоями
На клумб ароматных копнах.
Они были тихи и задумчивы
Под деревом, где стояли носилки.
Снаряды с шипением чиркали
По редким рассеивающим тучам.
Она гладила руками его волосы.

Павел Азбелев

Гафиз

Гафиз ученый мудр и свят,
Он — верный сын Корана;
Гафиза чтит и стар и млад
По всей земле Ирана.

И в праздник верен он и в пост
Обрядам заповедным.
Он в обхожденьи добр и прост
И милосерден к бедным.

Но дивный путь твой, о Аллах,
Непостижим вовеки:
Творишь ты грозы в небесах,
Сомненья в человеке,

И тот, кто раз, как пряный плод,
Вкусит сомненье сердцем,
Возжаждав, ключ искать уйдет,
Простясь с единоверцем.

Но чуть шестой десяток лет
Гафиза тронул снегом,
Наруша скромности завет,
Он вдруг предался негам.

Сменил он тихую мечеть
На шумный круг веселья,
Он поцелуи начал петь,
Вино и бред похмелья.

Он снял одежду мудреца,
Смешался с грешным миром,
Морщины старого лица
Разгладил жирным пиром.

И не стыдился простереть
Хмелеющие ноги
И пьяным спать, и пьяным петь
В кофейне на пороге.

Гафиза в ужасе клянет
Приверженец мечети;

Но друга видит в нем народ,
И с ним играют дети.

И там, где он, — вино, и смех,
И звон монет на блюде…
— Великий грех, Великий грех, —
Потупясь, шепчут люди.

Гафиз смеется над ханжой
И говорит за чашей:
— Не ждет ли нас конец пустой
В летучей жизни нашей?

Мы все умрем в урочный час
Истлеем в комья глины
И будет юный внук из нас
Лепить свои кувшины;

Так прежде, чем во гроб сойти,
К червям на новоселье, —
Друзья, срывайте по пути
Цветущее веселье.

И пойте, чтоб, услад полно,
Дышало сердце звучно,
И — пейте: резвое вино
С весельем неразлучно!

Музе

Когда б ты знала, жизнь моя,
Как ты давно меня пленила,
Как с детских дней душа моя
Одну тебя боготворила!

Дитя — шести, я помню, лет, —
Уж ведал я твои услады,
Лобзать любил твой звонкий след,
Шептать Жуковского баллады;

И школьником, когда урок
Еще к утру не затвердив мой,
Уж пару самодельных строк
Я храбро клеил жидкой рифмой —

Да, я был твой, но в этот час,
К тебе от книг удрав ослушно,
Подругу лишь пустых проказ
В тебе любил я простодушно.

Когда ж мужать пришла пора
И мир страстей предстал загадкой,
Ты полюбила вечера
С зеленой лампой, за тетрадкой,

Ты нежной стала мне сестрой,
Моей наперсницей в сомненьях,
И был мой ум храним тобой
В опасных юных увлеченьях;

Ты мне шептала: «Ты поэт»,
И верил я высокой лести,
И пылкий дал тебе обет,
Как перстень клятвенный невесте.

И что ж? Теперь — не весь я твой,
Прости мне, Муза, я изменник,
Я низкой суеты земной
Полсердцем невозвратный пленник.

— Ах, Муза, Муза, не забудь,
Как трудно жило это тело,
В какие годы крепла грудь
И горло детское твердело:

Тот мир, убогий как вертеп,
Мы изживем, но не забудем,
И горько помним мы, что хлеб
Превыше песен нужен людям.

И вот — вся жизнь раздвоена:
Искусству — час, а день — заботе:
Зовет нас нищая страна

К сыновней, будничной работе.

Так надо, Муза. Не ревнуй
Меня к той жалкой жизни грубой,
Вернись, — как прежде поцелуй
В иссохшие от прозы губы:

Кого твой, Муза, кроткий взгляд
Хоть раз отметит в колыбели,
Тому без песен — ни отрад,
Ни веры, ни любви, ни цели.

1923 г.

* * *

Тот мир, убогий, как вертеп,
Мы изживем, но не забудем.
И помним горько мы, что хлеб
Нужнее песен жалким людям
<нрзб> приняв за вежды,
У глухой стены средь мертвых тел
Повторял безумные надежды
Человек ведомый на расстрел
Все прошло. Мечте безбрежной воли
Изменил, смирившись человек
Снова нам тоска убогой доли
Среди дней однообразый бег

Пронеслось высокое мгновенье
И, склонившись мыслью перед ним
Пусть его отвергшие рожденье
Смерть его как смерть героя чтим
И тугой платок
<…>

Николай Шульговский

Из рукописного сборника «Овидь безбрежная» 1924-1

Разбежались мысли серыми волками…
То голодной стаей бродят по снегам,
Вспыхивая в чащах злыми огоньками,
То клыками вспенив ненависти пламя,
Тупо в одиночку воют здесь и там.

Мысли не находят крова и покоя…
Волки-мысли… злые… детища обид.
Леденит мороз их колкою рукою,
Тщетно в месяц мертвый бьются волны воя:
Рубежи разгадок ужас сторожит.

* * *

Мой челнок, что зыбка,
Но река — во сне.
Лишь порою рыбка
Усмехнется мне
Серебристой блесткой
На агате вод
Да дергач вдруг хлестко
Крякнет из болот…
А потом надолго
Снова тишь да гладь…
Речка шепчет шелком:
Ты меня погладь.
Ляг поближе к струям,
Нам не ждать погонь,
Встречу поцелуем
Я твою ладонь.
Мы сродни с тобою,
В нас одна краса.
В сердце нас обоих
Те же небеса.
Та же грусть в улыбке,

Тот же вечный путь…
Хоть челнок твой зыбкий,
Но спокоен будь…

Автор неизвестен
Кегли палача

Очевидцы передают, что многие головы гильотинированных продолжали довольно долгое время проявлять признаки жизни в корзинах, куда их бросали.

Из мемуаров

Усталый топор гильотины
В багровую бухнул росу…
Голов две тяжелых корзины
Сегодня домой я несу.

Народ по проулкам туманным
Расходится, казнями рад…
Кому-то покажется странным
Мой пахнущий кровью наряд.

Добрался… Раскутаны шали…
Ух, что за арбузы в клети!
Недаром так мягко стучали
Они у меня по пути.

Лежат, но без грации тонкой,
Носами кто вверх, а кто вниз…
Ишь как за изгибы плетенки
Схватился зубами маркиз!

А эта мигает глазами,
Хоть тусклы зрачки у нее,
Я знатной расшаркаюсь даме:
Примите почтенье мое.

А вон укусила за ухо
Соседа одна голова…
Гражданка, ведь ты же старуха.
Не в пору ты слишком резва…

Эй, живо сюда, ребятишки.
Справляйтесь для новой игры…
Смотрите, отец после стрижки
Какие принес вам шары!

Постойте… Сначала вот эту…
Расставьте-ка кегли вразброс…
Эх, жалко… привык лишь к паркету
Аристократический нос.

…Не бойтесь отметины алой,
Что по полу будет видна.
Наутро замоет мочалой
Кровавые пятна жена…

Михаил Ремезов

Путешествие вокруг комнаты

…Эта комната — груда страниц
Неокрепшего гнева и страха,
В этой комнате я уронил
Свое детство и юность с размаху.
Это вещь. Это больше, чем вещь.
Это год. Это даже эпоха.
Это стекол и дерева похоть.
Это я (если только я есть).
Был составлен вещей коллектив,
Были вещи на ощупь легки,
Начинали мятежный концерт
С перманентным крушеньем в конце.
Я был вихрь неживого оркестра,
Был студентом второго семестра.
Здесь писал я стихи и себя.

Эта рампа моя. Эта память
Обо мне. Это будет веками
Сохраняться для нового «я».
Это утлого дерева роскошь.
Это тлен. Эти вещи умрут.
Только мраморной памяти доску
Мне поставят когда-нибудь тут.

Началось. Ноги раздвигаются как циркуль, носки со свистом режут воздух, я чувствую, как пальцы шевелятся в сапоге. Комната плывет на меня — поворот, семь шагов вперед, вещи прокручиваются в обратном порядке, и снова поворот. Я чувствую себя в путешествии. Под ногами покачивается плот. Как во сне, он мне кажется то из серых, неокрашенных досок (совсем как пол моей комнаты), то из неприлаженных, скоропалительно выброшенных изо рта строф. Он расползается в разные стороны, он неслажен. Но это неважно:

Пусть он будет достроен в пути.
Я оставил исход за собою.
Я могу бесконечно идти
Через рифы и через обои.
Я плыву от годов и монет,
Вижу двери, но это не выход,
Вижу книги — но выхода нет,
И вселенная пучится рылом.
Представительствует от нее,
И ворчит, и известкой плюет
Эта комната. Очень давно
Я живу здесь и знаю немало —
Часто пара полуночных ног
До утра меня здесь баловала.
Развозила меня по углам,
И я голубем тыкался в стены,
Где углем уплывающим мгла
Залегла и восстала системой.
Я вертелся, и жил по кругам,
И качался, и чуял причину,
С торжествующим криком «Ага!»
Выгибал свою тощую спину —
Выгибал — изогни — я магнит —
Я магнит — я моргал — я орган —

Я морган — я моргаю от страха —
В этой комнате я уронил
Свое детство и юность с размаху.

Но я забегаю вперед — это было время ночного цветения. Мысли роились, сменяли друг друга, не успев осознаться. Надо сказать, что эти ночи в конечном итоге были неплодотворными. Они были пустоцветами. Я подплывал к вещи. Я отталкивался от нее, она несоразмерно вырастала и проходила по метафоре задом наперед. Это был поединок с вещами, это был концерт в разрезе смертельной схватки дирижера с контрабасистом.

Ноги устают раньше, чем мысли.
Очередной проход — все так же
Там вещи разные растут.
Тут проросли столы и двери,
Тут печку кверху не измерить,
А тут живет и дышит стул.
И я сажуся на лету.
И я глотаю пустоту,
И ноги я переплету
Узлом. День где-то совсем далеко. Трехногий стол,
графин с водою.

В такие минуты я перечитывал написанное на ходу. Я уже чувствовал, что оно было пустоцветом, но мне еще не хотелось в это верить…

Это были странные стихи, наивные и кликушеские и неожиданные для самого автора.

В них мысль стремительна как выстрел,
Как шар земной пустой и быстрый
Рождалась. Бег и карандаш,
И я слежу ее, когда
Сквозь плоский зауми монтаж
Она прорвется белой искрой.
Тут старт. Сначала сухи строчки
Но вот в бессвязном сплаве слов
Истертых раковин кусочки

И глаз смеющиеся точки
На дне приметит рыболов
И держит сеть. Его улов
Пойдет на стол и будет наш.
Смотри, в котле вскипают буквы,
Темнеет, бухнут и тогда
Навар из крови или клюквы,
Навар из грязи видим вдруг мы
И опускаем карандаш.

Странен человек, когда он пишет. Это последняя, предельная духовная нагота — я никогда не решусь писать в чьем-то присутствии. Привыкаешь быть голым при женщине, но к этой наготе привыкать, пожалуй, не стоит. Я бы не хотел видеть себя со стороны. Почему это иногда оглянешься (именно оглянешься) на какую-нибудь совсем обычную вещь и вдруг становится стыдно. А впрочем, ну при чем тут стыд?

Тут смысл на ниточке висит,
Тут, издавна вертя ногами,
Бродил я тусклыми ночами
И пол как плот. Он как оплот
Вещей, явлений и событий —
Их быт совсем не так уж плох,
Особенно в моей орбите.
Они поднялись от земли,
Они стихами изошли…

Я вспоминаю себя тогда: вот худой и ощерившийся застыл на стуле, вот в кругу враждебных друзей говорю что-то жесткое, но неубедительное, вот вещи, обставшие меня.

Вот выпрямляюсь и расту я,
Вот я врастаю в их концерт.
Простое здесь прищурит глаз,
Окном и форточкой трещит.
То вдруг оно покрыто льдом,
То снова на дворе весна —
Оно постигло ход причин,

Пробрякав форточкой: «Ага!»
Помимо выхода вовне
Окно живет еще во мне…

…
Семь шагов вперед, поворот — и я у зеркала. Странно —

Я не увидел в нем свой профиль:
Законно или вопреки
Законам дня, законам крови,
Законам оптики прокис,
Прогоркл, протух, как ветра свист,
Мой вид. И вот большие брови
Поверх, подстрочные и вровень,
Хотят листами развестись.
Разведка бросилась в стекло —
Разметка комнаты на месте,
И только рамкой осеклось,
И мысли целиком не вместит.
И нос мой выглядит. И он
С боков и снизу искажен.

«Ага!» — буркнул я, добравшись до сущности. Было 24 августа 1927 года. Был день тяжелый своей незапоминаемостью, день, в котором все проходило мимо, день истертый как раковина.

Был день ненужный и пустой
С утра насыщен до отказа
Часов упорной суетой:
Порой в движениях и фразах
Какой-то чудился намек —
Но я понять его не мог.
Был день исчерпан до конца…
Трехногий стол, графин с водою.
И ночь казалася седою,
Давила холодом свинца.
Движеньем маятник пылал,
Таил размеренный восторг.
Я шел. И комната плыла.
И неизменен был повтор

Ее вещей. Дойдя до двери
Я верил (мне хотелось верить),
Что в полумраке, за спиной,
Гнездится мир совсем иной.
Что там отбрасывают вещи
Пустой покров привычных форм,
Что там железо и фарфор
Острее разнятся и резче,
Что та же вещь иначе ляжет
Трехмерность утеряв и тяжесть.
Я это думал. Но под взглядом
Вставали вещи прежним рядом,
Пространство мерили собой:
Казалось — прочный и скупой
Порядок их непоправим —
Они сильны, они бессменны…
И снова надвигались стены.
И снова выплывал графин…
…

Эта комната — груда страниц
Неокрепшего гнева и страха,
В этой комнате, что уронил свое детство и юность с размаху.
Этой вещью. Это больше, чем вещь.
Это год. Это даже эпоха.
Это стекол и двери похоть.
Это я (если только я есть)…

1930

Поездка в направлении сна

Поезд не двигается — Предчувствие.

Осенью 1930 г. автор пересек СССР в направлении ю-в. Он был приглашен штатным сценаристом на одну из окраинных кинофабрик. Путешествие было связано для него с рецидивом некоторых настроений…

…Из осени он въехал в лето.
Поездка, в сущности, была

Командировкой. И при этом
Сулила встречи и дела.
Скандировал: «Командировка!»
Неторопливо вспоминал
Каких-то женщин имена,
Осенних дней тупую ковкость,
Отъезда спешку, первый снег
И договора жирный росчерк.
И в потеплевшем полусне
Тяжелый поезд полз наощупь.
Был стук колес для смысла вреден,
Был с ударением на третьем.
Под этот стук немудрено
Втянуться в частоту дремот.
И сценарист в углу вагона
Уже без воли, незаконно
Существовал; над ним нависли
Обрывки образов и фраз
(но просыпаясь каждый раз,
Свои напыщенные мысли
Сознанья ясного кинжалом
Без сожаленья обрезал он).

Раздвинут смысл — и право, ловко, —
Двенадцать букв — командировка:
Так завершал Тиберий Гракх
Под рев ослов неутомимо
Свой путь в Испанию из Рима
И в кости с ликтором играл;
Так в гневном чаянье реформ
Суровый Лютер ехал в Вормс
И в Петербург, навстречу новым
Победам, — острый Казанова;
И Грибоедов — в Тегеран;
(И сценарист — почти туда же,
Не титулован и не важен,
Везет инерцию пера…
…
Неделя без Вас.
(…И дорога, как росчерк,
Гора — из земли выпирающий локоть:
Он выглядел, в сущности, очень неплохо,
Холодный на вкус и тяжелый на ощупь.
Мычали стада, вдалеке и с акцентом,

И сумерки падали как по команде,
И росчерк дороги…) Ваш образ бесценный
Возил я с собою в жилетном кармане…

1931

Глеб Вержбицкий

Вырезал несколько слов
На березовой белой коре.
В глубине заповедных лесов
Умирают легко на костре.
Полотняный мешок у бедра.
Голубые глаза горды.
Только кто-то плеснул из ведра
На горящие угли воды.
На ладонях кровавый след,
И молитвой его не смыть.
Может быть, через тысячу лет
Люди будут иначе жить.
На березовой белой коре
Вырезал день и час.
И хотел умереть на костре.
Но костер золотой погас.

* * *

Тревогу, голод — всё на слом,
В глухие стены переплета.
Историк, горбясь над столом,
Начнет неспешную работу.

И каждый выстраданный день,
Глубоко спавший по архивам,
Положит на страницы тень

Тяжелым вычурным курсивом.

Таблицы, цифры и слова,
Исписанной бумаги ворох.
Простая строгая канва
Для циклопических узоров…

Историк, больше приготовь
Чернил и перьев для работы.
На камни пролитую кровь
Замкни в тугие переплеты.

* * *

Голову казненного на блюде
Городу за пляску протяни.
Жестким камнем вымостили люди
На землю уроненные дни.

Намочила ты на эшафоте
Алой кровью шелковый платок.
Только книга в тесном переплете
Уместила, что сказал пророк.

Заблудились в улицах Предтечи,
Истины не смея передать.
И никто не выбежит навстречу
Платье новое тебе поцеловать.

Разве можно говорить Иуде
Холодны и тяжелы слова.
Точно камень на широком блюде
Мертвая застыла голова.

Я ищу средь улиц бесконечных
Девушку с каштановыми косами.
Останавливаю хмурых встречных
Своими расспросами.

Вы не видели девушки в синем берете
С меховой сероватой опушкою?
Ушла рано она, еще на рассвете,
С моим сердцем — ее безделушкою.

Нет, не видели… Дальше, измученный,
Я иду до следующей встречи,
Углубляюсь в городские излучины,
Ставлю в часовнях свечи.

Мимо мчатся, мелькая, прохожие,
Точно снежные хлопья метели.
Бездарные породы Божии,
Недостойные своей модели.

На углах крича, как сумасшедшие,
Пристают мальчишки с папиросами.
Мгла… тоска… Да где же ты, ушедшая
Девушка с каштановыми косами?

* * *

Молится девочка скромная
Справа у тихих колонн,
Кроется радость огромная
В ласковых ликах икон.

Глазки задумчиво синие
Смотрят на черный канун.
Ярких огарышей линии
Гасит мальчишка-шалун.

Сзади старуха убогая
Шепчет: «В раю упокой».
В трауре женщина строгая
Крестится тонкой рукой.

Голос колышется диакона:
«Властен гигантский Христос».

Многое в жизни оплакано
Тихими струями слез.

Густо по улицам мечется
Жизни уродливый сон.
Ясною верою светится
Угол у тихих колонн.

Делает сердце отзывчивым
Кротость Царицы Небес,
Девочка в платье коричневом
Ждет небывалых чудес.

Никита Мещерский
Мятежный конь

1.

Угрюм и печален осенний Сиваш.
Сухими шумит камышами…
Над берегом низким то недруг, то наш
Взвивает задорное знамя.
Колышется ветер с седого утра,
Стихает к полуночи мглистой.
Сегодня залягут в степи юнкера,
А завтра придут коммунисты.
Сегодня и завтра бои да бои…
Сиваш не смежает болота свои.

<…>

30.

Былое небывшим растает ли сном,

Как чары метельного страха?
Ковыльный простор встрепенется весной,
И выедет на поле пахарь.
И, травы взрезая, заржавленный плуг
Осколком зазубрится танка.
Погибли, обнявшись, здесь недруг и друг:
Буденовка рядом с кубанкой;
И череп пробитый в могиле степной…

Заржавленный плуг взбороздит перегной.

Небольшое послесловие
Полина Вахтина о себе

Родилась в июле 1948 года в Ленинграде. Отец, к тому времени уже известный геолог, ученик академика Обручева, заведующий отделом во Всесоюзном геологическом институте, проводил каждые полгода в экспедициях в Забайкалье; мать, окончившая исторический факультет ЛГУ, работала экскурсоводом. Наша семья жила в большой коммунальной квартире в центре города на улице Герцена, ныне Большой Морской. Когда-то эта квартира целиком принадлежала моим бабушке и дедушке, но постепенно их уплотнили, оставив три комнаты. В семь лет я пошла в расположенную на Невском проспекте 210-ю школу, известную многим ленинградцам по табличке, повешенной вскоре после войны и гласящей, что во время обстрела эта сторона Невского наиболее опасна. После 8 класса я перешла в 38-ю школу с физическим уклоном. Трудно представить себе человека, менее способного в физике и математике, чем я, но в школе открылся биологический класс, а я мечтала стать генетиком. Как раз в это время стали появляться книги и статьи, разоблачающие лысенковщину, и появились первые переводные и непереводные популярные книги по генетике. Я читала их взахлеб, и мой жизненный путь представлялся прямой линией, неуклонно ведшей к апогею — Нобелевской премии в области биологии. Увы, мои надежды разбились после первой же практики на биологическом факультете ЛГУ, где при слове «генетика» лица преподавателей искривлялись до неузнаваемости, и мне было предложено в качестве большого одолжения поработать на кафедре дарвинизма. Надо ли говорить, что это предложение было с негодованием отвергнуто. Неудача постигла меня и на кафедре физиологии, когда добрейший профессор Бианки, сын писателя, предложил мне ассистировать ему во время операции на беременной крысе. Позже профессор признался, что я потеряла сознание еще до того, как он взял в руки скальпель. С биологией было покончено, как и с Нобелевской премией. С горя я пошла на филологический факультет ЛГУ и под влиянием замечательного ученого В. Е. Холшевникова увлеклась поэтикой. Профессор предложил мне принять участие в большом проекте — составлении словаря рифм Державина. Я исписала тысячи карточек, перетасовывала их и так, и сяк, работала с большим увлечением, но и тут меня ждало полное фиаско: в Америке

вышел словарь рифм Пушкина, составленный при помощи ЭВМ, прообраза нынешнего компьютера. Такая машина могла сделать словарь после нескольких нажатий кнопок, так что мои карточки были торжественно сожжены — о чем я до сих пор жалею.

В девятнадцать лет я вышла замуж за Николая Борисовича Вахтина, учившегося на том же филфаке. Мы познакомились еще школьниками, когда он во время зимних каникул в Комарове запихал мне за шиворот комья снега и я заболела пневмонией. Несмотря на такое неудачное начало, мы всю жизнь счастливо прожили вместе. Через год у нас родился сын, который стал успешным физиком и отцом двух наших внуков.

Когда сын немного подрос, я поступила на работу в Публичную библиотеку и проработала там до 2010 года, когда ушла на пенсию. Первые несколько лет работы в библиотеке я занималась приведением в порядок ее архива, а потом перешла в группу исторической библиографии Отдела библиографии и краеведения (ОБиК). Работая в архиве, заинтересовалась историей Публички и выступала с докладами на многочисленных конференциях, посвященных библиотечному делу, а также опубликовала несколько десятков статей на эту тему. В ОБиКе я занялась составлением корпуса дневников и воспоминаний в литературе 1970–1990-х годов. Вместе с О.С. Острой я подготовила к изданию новонайденную в архиве Этнографического музея монографию члена-корреспондента Академии наук Н.Д. Чечулина «Русская провинция во второй половине XVIII века». Мною также вчерне откомментированы хранящиеся в Рукописном отделе Публички письма к жене из блокадного Ленинграда известного историка-медиевиста и вольтероведа В.С. Люблинского (около 200 писем). В свободное от работы время я участвовала в составлении нескольких сборников, посвященных известному филологу и переводчику Е.Г. Эткинду.

П.Л. Вахтина
16.03.2016

Именной указатель

А

Агранов, Яков Саулович 149

Адамович, Георгий Викторович 36, 37

Азадовский, Константин Маркович 92, 284

Азбелев, Владимир Павлович 128

Азбелев, Иван Павлович 121, 125

Азбелев, Николай Павлович 121

Азбелев, Павел Петрович 11, 18, 70, 113, 116, 119–128, 130, 131, 313, 327, 343–347

Азбелев, Павел Петрович (*внук Павла Петровича*) 12, 122, 127, 128

Азбелев, Петр Павлович (*отец Павла Петровича*) 119, 121, 125, 128, 313

Азбелев, Петр Павлович (*сын Павла Петровича*) 119, 125, 128

Азбелев, Федор Петрович 128, 313

Азбелева, Елизавета Федоровна 128

Азбелева (Богатноу), Нина Петровна 128

Азбелева (Рыталова), Татьяна Ивановна 119, 125, 128

Азбелева, Татьяна Павловна 119, 125, 128

Акимов, Николай Павлович 43, 46, 48, 52, 100

Александр III 129

Александра Иосифовна 187

Александров, Анатолий Петрович 68

Альтман, Натан Исаевич 30

Амудрю, Жан 255

Андерсен, Ганс Христиан 30, 288

Андреев (*пом. нач. СПО ОГПУ*) 297

Андроников, Ираклий Луарсабович 299

Анна Иоанновна 111

Анненков, Юрий Павлович 190

Анненкова, Елена Борисовна 190

Анненский, Иннокентий Федорович 100, 103

Анциферов, Николай Павлович 11

Анчаров, Михаил Леонидович 294

Арнольди, Эдгар Михайлович 42, 43, 102, 108, 109, 325

Астромов, Борис Викторович *см. Кириченко, Борис Викторович*

Афанасьев 328

Ахматова, Анна Андреевна 29, 30, 75, 78, 140, 141, 143, 167–169, 183, 240, 291

Б

Багров, Петр Алексеевич 12, 89, 91, 105, 108

Байдуков, Георгий Филиппович 155
Баланчин, Джордж (Баланчивадзе, Георгий Мелитонович) 260
Бальмонт, Константин Дмитриевич 173
Барабанов, Вильям Петрович 12, 214, 221, 234, 235
Барабанов, Петр Петрович 220–222, 330
Барабанова, Анжела Вильямовна 213–215, 217, 220–222, 231, 234, 330
Баранова (Зегжда), Людмила Алексеевна 100, 101, 103, 106
Басов-Верхоянцев, Сергей Александрович 290
Батый 135
Баумгартен, Евгений Евгеньевич фон 251
Бахмутова 123
Бахтин, Михаил Михайлович 11
Беклемишев, Михаил Николаевич 254, 255
Беленький (*издатель*) 190
Белкин, Вениамин Павлович 172
Белозеров (*красноармеец*) 144, 328
Белый, Андрей 299
Бенуа, Александр Николаевич 33, 250, 273
Бенуа, Анна Александровна (Атечка) 33
Бенуа, Николай Александрович 273
Бенуа, Пьер 40
Берггольц, Ольга Федоровна 244–246
Бергнер, Элизабет 24
Бергсон, Анри 51, 52, 81
Берия, Лаврентий Павлович 156
Бехтерева, Наталья Петровна 221
Бианки, Виталий Валентинович 367
Бианки, Виталий Витальевич 367
Бидерман 84
Билибин, Иван Яковлевич 282
Билибин, Николай Николаевич 281, 282, 285, 313
Билибина, Анна Николаевна 281, 285
Билибина, Варвара Николаевна *см. Вишневецкая, Варвара Николаевна*
Билибина, Татьяна Владимировна (урожд. Кисловская) 19, 49, 222, 240, 281–285, 293, 313, 320, 331
Блетова 17, 324
Блок, Александр Александрович 28, 284, 299
Блох, Раиса Ноевна 35, 36, 50, 186, 189, 328
Блох, Яков Ноевич 50
Бобышев, Михаил Петрович 268
Богатноу, Никита 128
Богатноу, Нина Петровна *см. Азбелева, Нина Петровна*

Богданова-Бельская, Паллада Олимповна 30
Богоковский 330
Бодлер, Шарль 113
Боккаччо, Джованни 43
Бокоговский 146
Боловко-Хабаров (Головко-Хабаров?), Валентин 274, 275
Боровкова-Майкова 193
Брамс, Иоганнес 61
Брандорф 101
Бродский, Исаак Израилевич 273
Бронников, Александр Дмитриевич 27, 58, 62
Бронников, Дмитрий Павлович 25, 27
Бронников, Лев Дмитриевич 27
Бронников, Михаил Дмитриевич 10, 11, 15–20, 23–25, 27–43, 45–53, 55–62, 69, 77, 81, 83, 86, 92, 93, 99, 101, 104–107, 113, 115, 119, 125, 126, 128, 130, 138, 146, 174, 175, 179, 180, 196, 197, 201, 205, 209, 221, 227, 228, 240, 255, 283, 284, 299, 314, 323–329, 333–335
Бронников, Павел Константинович 25, 27, 29, 34
Бронникова, Валентина Александровна (урожд. Воронец) 27–29, 34
Бронникова, Надежда (Дина) Дмитриевна 27, 34, 58, 62
Бронникова, Татьяна Дмитриевна 25, 27, 48
Бронштейн, Матвей Петрович 67
Бруни, Антонио 249
Бруни, Владимир Георгиевич 249, 259, 314
Бруни, Георгий Юльевич 20, 49, 146, 222, 226, 228, 229, 240, 249–260, 263, 274, 293, 297, 314, 329, 330
Бруни, Любовь Александровна 249, 259, 260
Бруни (Пель), Мария Александровна 250
Бруни, Николай Александрович 273
Бруни, Татьяна Георгиевна 249, 259, 260
Бруни, Федор Антонович 249, 250
Бруни, Юлий Федорович 249, 250
Будогоская, Лидия Анатольевна 308
Бузников, Алексей Владимирович 21, 22, 25, 49, 56, 63, 70, 99, 114, 119, 130, 131, 138, 146, 187, 196, 197, 249, 259, 264, 281, 287, 299–310
Бузников, Владимир Ионович 302–304
Бузников, Дмитрий Ионович 303, 304
Бузникова, Наталья Ивановна 302
Бунин, Иван Алексеевич 121, 173
Бурже, Поль 40
Бурлюк, Давид Давидович 141

Бурлюк, Мария Никифоровна 141
Буткевич 103
Бутлеров, Александр Михайлович 228
Бухарин, Николай Иванович 106
Бушен, Дмитрий Дмитриевич 33
Бычков, Иван Афанасьевич 193, 194
Бэкон, Фрэнсис 35
В
Вагинов, Константин Константинович 120, 294
Вагнер, Рихард 206
Васенко, Андрей Богданович 100
Василевская, Ванда Львовна 76
Васильев (*красноармеец*) 145
Васильева (Дмитриева), Елизавета Дмитриевна 305
Ватсон, Борис Викторович *см. Кириченко, Борис Викторович*
Вахтин, Борис Борисович 221, 330
Вахтин, Николай Борисович 368
Вахтина, Полина Лазаревна 9, 367–369
Введенский, Александр Иванович 80, 254
Вебер, Карл Мария фон 60
Венгеровская, С.Г. 266
Вениг, Павел Карлович 273
Вержбицкая (Буренина), Анастасия Алексеевна 237–239, 241
Вержбицкая, Анна Ивановна 238
Вержбицкая, Наталья Сергеевна 237, 244–246, 330
Вержбицкая, Ольга Дмитриевна 238
Вержбицкая, Татьяна Дмитриевна 238
Вержбицкий, Борис Дмитриевич 238, 239, 246, 315
Вержбицкий, Глеб Дмитриевич 146, 221, 226, 237–248, 314, 330, 360–363
Вержбицкий, Дмитрий Титович 237
Верфель, Франц 40
Визе, Владимир Юльевич 100
Вильямович, В.Ф. 215
Виноградов, Виктор Владимирович 139
Виньи, Альфред де 142
Виттенбург, Павел Владимирович 274
Вишневецкая, Варвара Николаевна 281, 285
Вишневецкий, Адольф Леонтьевич 285
Владимиров (Итцегсон), Михаил Владимирович 205, 206, 208–210
Владимирова (Стрэм), Серафима Августовна 206, 208
Владимирова, Татьяна Михайловна 35, 36, 174, 175, 179, 201, 205–212, 315, 328

Власов (*красноармеец*) 144
Власов, Василий Адрианович 11, 16, 49, 51, 56, 62, 64–66, 69, 70, 77, 79–81, 83–85, 92–94, 306, 310, 315, 323–325, 328
Войнич, Этель Лилиан 70
Войно-Ясенецкий, Валентин Феликсович (архиепископ Лука) 74
Волков, Андрей Васильевич 160, 162
Волков, Василий Александрович 160, 161
Волков, Всеволод Васильевич 160–162
Волков, Всеволод Олегович 12, 160
Волков, Дмитрий Васильевич 134, 144, 146, 159–164, 315, 328
Волков, Олег Васильевич 159–162
Волков, С.С. 71
Волкова, Александра Аркадьевна 160, 162
Волкова, Анна Васильевна 160, 161
Волкова, Екатерина 162
Волкова, Наталья Васильевна 160, 162
Волынский, Аким Львович 25, 38–40
Вольтер 59, 369
Вольф, Антонина Евгеньевна 137, 143, 152
Вольф, Вера Евгеньевна 137, 138
Вольф, Лидия Евгеньевна 137, 143, 152
Воронич 254
Вревская, Наталья Павловна 246
Всеволодский-Гернгросс, Всеволод Николаевич 48
Г
Габерцеттель, В.Ф. 252
Гай, Марк Исаевич 149
Гайдебуров, Павел Павлович 252
Гамсун, Кнут 53
Ганн, Виктор 277
Гаркави, Сергей Львович 242
Гарнетт, Дейвид 40
Гарт, Брет 70
Гауптман, Герхарт 216
Гвоздев, Алексей Александрович 102
Геллер, Елена Юльевна 52, 107, 325, 327
Герасимов, Сергей Аполлинариевич 17, 80
Герасимова, Марианна Анатольевна 21
Геркен, Федор Алексеевич 121
Герман, Людмила Владимировна *см. Рейслер, Людмила Владимировна*
Герман, Михаил Юрьевич 12, 111–113, 116
Герман, Юрий Павлович 111

Гёте, Иоганн Вольфганг фон 179, 185
Гиккель 329
Гинзбург, Лидия Яковлевна 140
Глазунов, Михаил Федорович 100
Глассер 251
Глебова, Татьяна 80, 254
Глотов, Сергей Георгиевич 12
Глоцер, Владимир Иосифович 306
Глушков (Олерон), Дмитрий Иванович 37, 193
Гоголь, Николай Васильевич 302
Гоков, Андрей 146
Голицын, Андрей Кириллович 160
Голицын, Кирилл 162
Голицын, Николай Дмитриевич 45
Голицын, Николай Николаевич 45
Голицын, Петр Николаевич 45
Голицына Н., см. *Волкова Н.*
Голов (Гохов), А.В. 330, 331
Гольдберг, И. 100
Гонкур, Жюль де 53
Гонкур, Эдмон де 53
Гораций 37
Горб, Владимир Александрович 268
Горбатенко, Пелагея Федоровна 203
Горданов, Вячеслав Вячеславович 100
Горький, Максим 238, 252, 306
Гофман, Эрнст Теодор Амадей 123
Грановская, Елена Маврикиевна 263, 274–276
Грановская, О.С. 329
Гревс, Иван Михайлович 11
Григ, Эдвард 60
Григорьев (*прокурор, начальник отдела по спецделам*) 157
Григорьев, Борис Дмитриевич 79
Гримм, Вильгельм 58
Гримм, Якоб 58
Грин, Александр Степанович 294
Гринберг, И.Л. 42
Гриффит, Дэвид Уорк 42
Гроссет-Волжина, Наталья Альбертовна 70, 323, 325
Гуковская, Н.В. 194
Гумилев, Лев Николаевич 78
Гумилев, Николай Степанович 37, 100, 140, 167–169, 171, 186, 188, 189, 240, 291, 294
Гуно, Шарль Франсуа 103

Гуров (*инженер*) 213
Гутенберг 330
Гушнер, Сергей Ефимович 70, 323
Гюго, Виктор 28, 188
Гюисманс, Жорис Карл 53
Д
Данзас, Юлия Николаевна 251, 252, 258
Данте Алигьери 165, 183
Даргомыжский, Александр Сергеевич 103
Деборин, Абрам Моисеевич 228, 257
Делиб, Лео 60, 61
Деникин, Антон Иванович 195
Дербилова, Людмила Владимировна 12
Державин, Гавриил Романович 368
Дешевов, Владимир Михайлович 100
Джойс, Джеймс 326
Дзержинский, Феликс Эдмундович 78, 112
Дидерикс А.Р. 101
Дмитрий Константинович, великий князь 187
Добиаш-Рождественская, Ольга Антоновна 186, 189
Добужинский, Мстислав Валерианович 33, 190, 273
Добужинский, Ростислав Мстиславович 273
Добужинская, Вера Мстиславовна 33
Добычина, Надежда Евсеевна 30
Доватур, Аристид Иванович 194, 195
Довженко, Александр Петрович 105, 325
Долгинцев, Виктор 66
Домбровский, Леонид Викторович 52, 92, 107, 325, 327
Достоевский, Федор Михайлович 47, 154, 292
Дункан, Айседора 41
Дьякова, Елена Константиновна 12
Дьякова, Мария Георгиевна 12, 24, 25, 34, 48
Дювернуа, Анри 40
Дюма, Александр 134
Е
Евстафьев, Павел Петрович 242, 244
Ежов, Николай Иванович 78
Езерский 323
Елагин, М. 193
Елагин, Н.А. 251, 252
Елизавета Петровна 282
Есенин, Сергей Александрович 146, 262, 290, 291
Ефимов, Николай Николаевич 11, 16, 25, 42, 92–94, 99–109, 316, 325–327

Ефимов, Николай Павлович 99–101
Ефимова, Екатерина Николаевна 99–101
Ж
Жамм, Фрэнсис 24
Жданов (*парторганизатор*) 134, 145, 162
Жид, Андре 37, 41
Жирмунский, Виктор Максимович 123, 139
Жироду, Жан 23
З
Заболоцкий, Николай Алексеевич 308
Заинский 130
Замирайло, Виктор Дмитриевич 262
Замятин, Евгений Иванович 169, 205
Запорожец (*зам. полномочного представителя ОГПУ*) 148
Звейнек (*и.о. директора ГПБ*) 174, 183
Зегжда, Алексей Станиславович 100–102, 106
Зегжда, Людмила Алексеевна *см. Баранова, Людмила Алексеевна*
Зегжда-Оглоблина, Зинаида Васильевна *см. Оглоблина, Зинаида Васильевна*
Зейдле (*зам. директора библиотеки*) 203
Зеленецкий, Александр (*первый муж Л.Ю. Моор*) 216
Зеленецкий, Александр Александрович (*сын Л.Ю. Моор*) 146, 213, 216, 218, 219, 222, 223, 226, 230, 237, 241, 257, 274, 318, 330
Зеленцов, А.А. 329
Зелинский, Фаддей Францевич 37
Земцов, Сергей Иванович 105
Зиккель, Герберт Фридрихович 254, 255, 274, 275, 329
Зильберштейн, Илья Самойлович 190
Зорин, Я. (*оперуполномоченный*) 297
Зоркая, Нея Марковна 109
Зубов, Михаил Юльевич 231, 318
Зубов, Юлий Михайлович 216–220
Зубова, Любовь Юльевна *см. Моор-Зубова, Любовь Юльевна*
Зубова, Софья Петровна 216–219, 223
И
Иванов, И. 305
Иванов, О. 100
Иванов-Разумник, Разумник Васильевич 299–301
Ивановский, Игнатий Михайлович 166
Иезуитов, Николай Михайлович 109
Ильвес (*зав. секретной частью ГПБ*) 183
Иоффе, Абрам Федорович 68
Ипполитов 294

Итцегсон, Меер 205, 208, 209
Итцегсон, Моисей Меерович (Михаил Владимирович) *см. Владимиров, Михаил Владимирович*
К
Каганович, Лазарь Моисеевич 21, 84
Калашников, Петр Петрович 254–257, 263, 274, 275, 329, 330
Каледин, Алексей Максимович 33
Калинин 72
Каменев, Лев Борисович 106
Кант, Иммануил 53
Кардовский, Д.Н. 262, 266, 271, 273
Карпинский, Александр Петрович 221
Кац, Ц.Б. 67
Кашкин, Иван Александрович 70
Киплинг, Редьярд 121, 192
Кириченко (Астромов; Ватсон), Борис Викторович 228, 229, 253, 254, 259, 266, 274, 329
Киров, Сергей Миронович 307
Кисловская (Оболенская), Вера Владимировна 281, 282, 285, 313
Кисловский, Владимир Павлович 282
Кисловский, Григорий 282
Кисловский, Павел Александрович 282
Кисловский, Федор Владимирович 284
Кладо, Николай Николаевич 89
Кленовский, Дмитрий Иосифович 100
Клодель, Поль 23, 52, 93
Клюев, Николай Алексеевич 240, 262, 284, 291
Коварский 122, 123
Коган, Лазарь 299, 300, 302, 305–307, 309
Коган-Венгеровский, Виктор 146, 283, 330, 331
Козинцев, Григорий Михайлович 102
Кокто, Жан 20, 23, 24, 53, 93, 221
Комарова 240
Конан-Дойль, Артур 19, 70
Конан-Дойль, Джин 19
Кони, Анатолий Федорович 190
Константинов, Александр Павлович 67
Кораблев, В.В. 77
Корнеева (*врач*) 213
Корнейчук, Александр Евдокимович 76
Крем (*красноармеец*) 162, 328
Кривич, Валентин Иннокентьевич 100
Кривоборский (*красноармеец*) 162, 328

Кроленко, Александр Александрович 20, 43, 48
Крюков, Александр 135
Крюков, Алексей Алексеевич 11, 20, 49, 133–135, 137–159, 162, 221, 229, 283, 316, 328, 329, 336–342
Крюков, Алексей Алексеевич (*отец А.А. Крюкова*) 134, 135, 137
Крюков, Владимир Николаевич 60, 61
Крюков, Николай 135
Крюков, Петр Алексеевич 137
Крюкова (Люденгаузен-Вольф), Анна Евгеньевна 134, 135, 137, 139, 143, 152–154, 156, 317
Крюкова, Екатерина Алексеевна 137
Кузмин, Михаил Алексеевич 37, 48, 291
Кун, Леонид Николаевич 221, 224, 330
Куранда, Елена Леонидовна 242
Курбатова, Зинаида 85
Кухтин 331
Л
Лазарев, Михаил Петрович 160
Лазовская, Магдалина 92, 107
Лао-Цзы 172
Лапшин (*начальник управления МГБ Тульской области*) 158
Ласкеев, Александр Борисович 129, 132
Ласкеев, Борис Федорович 18, 70, 113, 116, 119, 126, 129–132, 317, 327
Ласкеев, Михаил Иванович 129
Ласкеев, Федор Михайлович 129, 132
Ласкеева, Маргарита Иосифовна 129, 132
Ларонд, А.А. 194
Лебедев, Владимир Васильевич 85
Левестан, Николай Аркадьевич 160
Левин, Дойвбер 308
Левинтов 174
Лемерр, Альфонс 182
Ленин, Владимир Ильич 20, 64, 70, 160, 193, 228, 235, 238, 260, 267, 300
Лернер, Николай Осипович 193
Лермонтов, Михаил Юрьевич 70
Лесков, Николай Семенович 77
Либединский, Юрий Николаевич 21
Лившиц, Бенедикт Константинович 22
Лившиц 283, 331
Лихачев, Дмитрий Сергеевич 109, 272
Лихачев, Иван Алексеевич 254

Лозинская, Елизавета Леонидовна *см. Миллер, Елизавета Леонидовна*
Лозинская, Наталья Михайловна 166, 167, 175, 183, 184, 198
Лозинская, Татьяна Борисовна 166–168, 171, 175, 179, 180, 183, 184, 197
Лозинский, Григорий Леонидович 165, 167, 174, 189
Лозинский, Леонид Яковлевич 165
Лозинский, Михаил Леонидович 9, 11, 18, 19, 22, 23, 25, 34–37, 47–50, 81, 165–189, 192, 197, 198, 201, 205–207, 209–211, 317, 327, 328
Лозинский, Сергей Михайлович 166, 167, 175
Лорис-Меликов 146, 254, 330
Лотин 251, 252
Лукина, Нина Владимировна 12, 214
Лукирский, Петр Иванович 67
Лукницкий, Павел Николаевич 120
Люблинская, Александра Дмитриевна 194, 203
Люблинский, В.С. 368
Люденгаузен-Вольф, Анна Евгеньевна *см. Крюкова, Анна Евгеньевна*
Люденгаузен-Вольф, Анна Фоминична 135
Люденгаузен-Вольф, Антонина Евгеньевна *см. Вольф, Антонина Евгеньевна*
Люденгаузен-Вольф, Борис Сергеевич 137
Люденгаузен-Вольф, Вера Евгеньевна *см. Вольф, Вера Евгеньевна*
Люденгаузен-Вольф, Владимир Евгеньевич 137
Люденгаузен-Вольф, Евгений Иванович 135
Люденгаузен-Вольф, Лидия Евгеньевна *см. Вольф, Лидия Евгеньевна*
Люденгаузен-Вольф, Мария Евгеньевна *см. Опочинина, Мария Евгеньевна*
Люденгаузен-Вольф, Николай Евгеньевич 137
Люденгаузен-Вольф, Сергей Евгеньевич 137
Лядов, Анатолий Константинович 206

М

Мазуччо Салернитанец 43
Май, Карл Иванович 272, 274
Майков, Владимир Владимирович 200
Макарова, П.А. 187
Макарова, Тамара Федоровна 17, 80, 324
Максимов, Владимир Николаевич 80
Маликов, М.Э. 293
Малкина, Екатерина 19, 35, 36, 45, 174, 200, 209, 328

Малкина, Инна 45
Мамонтов (*зять М.Н. Рыжкиной*) 185
Мамонтов, Савва Иванович 162
Мандельштам, Надежда Яковлевна 75, 78, 197
Мане, Эдуард 65
Маневич («Чарли»), Павел 92, 107
Маннергейм, Карл Густав Эмиль 66
Мануйлов, Виктор Андроникович 120
Маркс, Адольф Федорович 288
Маршак, Самуил Яковлевич 80, 191, 305, 308
Маслов, Ф.А. 265, 266
Маяковский, Владимир Владимирович 65
Мейер, Александр Александрович 11, 266
Мелентьев, Михаил Михайлович 238, 239, 243, 244, 246
Мельников, В. 261, 264, 266
Менжинский, Вячеслав Рудольфович 78
Мерварт, Александр Михайлович 227
Мережковский, Дмитрий Сергеевич 142
Мечников, Илья Ильич 272
Мещерский, Никита А. 283, 284, 331, 364, 365
Миллер, Елизавета Леонидовна 165, 167
Мильтон, Джон 288
Минц, Климентий Борисович 52, 89, 91, 92, 102, 106–108
Минц, Фанни Моисеевна 16, 17, 105, 107, 324, 325, 327
Мирвис, Р. 100
Миролюбов, Виктор Сергеевич 290, 292
Модзалевский, Борис Львович 239, 241, 242
Модзалевский, Лев Борисович 221, 239, 241, 242, 274, 275, 308, 329
Мокульский, Стефан Стефанович 46, 102
Молотов, Вячеслав Михайлович 21
Мольер (Жан-Батист Поклен) 179
Моор, Вильям Рудольфович (Моор, Вильям Овид) 19, 20, 23, 49, 146, 147, 213–230, 234, 235, 237, 240, 241, 254–260, 262, 263, 266, 274, 275, 282, 285, 314, 317–319, 329, 330
Моор, Георгий Вильямович 213, 217, 218–220, 230, 231, 234
Моор-Зубова, Любовь Юльевна 19, 20, 23, 49, 138, 140, 146, 147, 213, 214, 216–225, 227, 229–235, 237, 239–242, 254–256, 259, 262, 263, 274, 276, 282, 285, 314, 317–319, 329
Моравская, Мария Людвиговна 30
Моран, Поль 52, 105
Морозов, Николай Александрович 221
Морозов, Юрий 292
Москаленко, Ксения 17, 80, 324

Моцарт, Вольфганг Амадей 60
Мурашко, Н.И. 262
Мурузи, Александр Дмитриевич 169, 188, 190
Мусоргский, Модест Петрович 61
Мюрат, Иоахим 149
Мюссе, Альфред де 188
Н
Набоков, Владимир Владимирович 161
Назаров 160
Наполеон I Бонапарт 149
Наумов, Павел Семенович 70, 221, 261–268, 274, 275, 318, 329, 330
Наумов, Семен Васильевич 262
Наумова, Вера Кирилловна 19, 23, 221, 261–269, 274, 318, 329, 330
Наумова, Елена Павловна 261, 268, 269
Невельштейн, Самуил Григорьевич 267
Нерадовский, Петр Иванович 267
Никитин, Николай Николаевич 190
Николаев (профессор консерватории) 221
Николай II 34, 111, 112, 238, 272
Никольский, Борис Владимирович 194
Ницше, Фридрих 41, 51, 52
Носович, Софья 199, 201, 202
О
Обручев, Владимир Афанасьевич 367
Оглоблина (Зегжда), Зинаида Васильевна 103, 104
Озолин, Ян 148, 168
Олейников, Николай Макарович 80, 308
Олерон, Дмитрий Иванович *см. Глушков, Дмитрий Иванович*
Олеша, Юрий Карлович 51, 56, 93
Олимпов, Константин Константинович 294
Оношкович-Яцына (Шведе), Ада Иванова («Мориц») 19, 25, 34–37, 40, 42, 45, 49, 167, 187, 194, 200, 206, 328
Опочинин, Алексей Петрович 137, 140
Опочинин, Владимир Петрович 137, 140
Опочинина, Мария Евгеньевна 140
Орбели, Иосиф 252
Орбели, Леон 251–253
Орбели, Рубен 252
Орбилиани (*князь*) 297
Орлова, Тамара 59
Острая, О.С. 368
Оцуп (Раевский), Георгий Авдеевич 100

Оцуп, Николай Авдеевич 100
П
Пабст, Георг Вильгельм 108, 316
Павел I 135
Павлов, Алексей 266
Павлов, Михаил Алексеевич 100
Павлов-Сильванский, Павел Николаевич 274, 329
Палатко (Палаткевич), Дмитрий Михайлович 65
Пантелеев, Л. (Еремеев, Алексей Иванович) 308
Пастернак, Борис Леонидович 51, 146
Первианс, Эдна 47
Перельман 283, 330
Пересту 123
Пестинская, Елена Осиповна 271, 272
Пестинская, Татьяна Владимировна 271, 277
Пестинский, Борис Владимирович 221, 226, 228, 240, 255, 259, 263, 266, 271–279, 319, 330
Пестинский, Владимир Николаевич 271, 272
Пестинский, Николай Петрович 271
Петерсен, Владимир Оскарович 185–187, 195, 200, 203
Петерсен, Мария Никитична *см. Рыжкина-Петерсен, Мария Никитична*
Петерсен, Мария Оскаровна 185, 186
Петкевич-Пильц, Элеонора Иосифовна 17, 297, 298, 319
Петр I 121, 155
Петражицкий, Лев Иосифович 289
Петров, А.П. 156, 157
Петров, Юрий (Георгий) Николаевич 69, 323–325
Петров-Водкин, Кузьма Сергеевич 79, 266, 273
Петроний Арбитр 31, 57
Пешкова, Екатерина Павловна 152, 179, 238
Пикфорд, Мэри 24, 46, 47
Платонов, Андрей Платонович 62, 77
Платонова-Лозинская, Ирина Витальевна 12, 174
Плеханов, Георгий Валентинович 228
Плиний Младший 195
Плиний Старший 195
Плодовская, Ольга Альфредовна 258
Полибин 66, 68
Полонская, Елизавета Григорьевна 188
Полянский, Николай Петрович 274, 329
Попова, Людмила Михайловна 120
Порет, Алиса Ивановна 17, 80, 254, 324
Поступальский, Игорь Стефанович 37

Постышев, Павел Петрович 21
Потемкин, Григорий Александрович 282
Приселков, Сергей Васильевич 266, 330
Присёлков, Михаил Дмитриевич 255, 330
Прокофьев, Георгий Евгеньевич 84
Прокофьев, Сергей Сергеевич 61, 250
Пруст, Марсель 17, 23, 24, 48, 52, 56, 81, 93, 94, 105
Прутт, Ольга Герасимовна 12
Психари, Жан 40
Пунин, Николай Николаевич 45, 78, 100
Пушкин, Александр Сергеевич 103, 141, 208, 209, 233, 241, 242, 368

Р

Радлов, Александр Васильевич 215
Радлов, Владимир Васильевич 215
Радлов, Н. 48
Радлов, С. 48
Радлов, Эрнст Львович 195
Радлова, Лидия Александровна 215
фон Радлофф, Анна (Нина) 214–216, 257
фон Радлофф, Ирен 213, 215
фон Радлофф, Фридрих Вильгельм (Радлов, Василий Васильевич) 214–217, 227, 257
Разумов, Анатолий Яковлевич 9, 12
Разумовский, Александр Владимирович 89, 91
Растопчин, Николай Петрович 84
Растрелли, Бартоломео Франческо 142
Рахманинов, Сергей Васильевич 36
Рейслер, Александр Владимирович 11, 17, 70, 111–117, 119, 126, 130, 131, 319, 327
Рейслер, Владимир Павлович 111, 112
Рейслер, Георгий Владимирович 112
Рейслер, Глеб Владимирович 112, 117
Рейслер, Людмила Владимировна 111–113
Рейслер, Мария Владимировна 112, 117
Рейслер, Мария Федоровна 113
Рейслер, Ольга Владимировна 112, 117
Рейслер, Орест Александрович 113
Рейслер, Юлия Владимировна 112, 117
Рейслер, Юрий Владимирович 112, 117
Ремезов, Михаил Николаевич 11, 16, 24, 87–97, 104, 108, 319, 323–325, 327, 352–359
Ремезов, Николай 88, 320
Ремезова, Валентина 90, 94, 97

Ремезова, Валерия Адольфовна 88, 97, 320
Ренникова 130
Ренье, Анри де 43
Репин, Илья Ефимович 64–66
Рерих, Николай Константинович 262, 265, 273
Рерих, Святослав Николаевич 273
Римский-Корсаков, Андрей Николаевич 194, 221, 329, 331
Римский-Корсаков, Георгий Михайлович 146, 274, 283, 284, 330
Римский-Корсаков, Николай Андреевич 194, 221
Ричиотти, Владимир 120
Рождественский, Всеволод Александрович 48, 100, 120
Розанов, Александр Семенович 32, 34, 58, 59
Розанов, Василий Васильевич 290
Роллан, Ромен 179, 293
Романов, Г. 249
Ромен, Жюль 43
Ропп, Эдуард Юльевич 252
Россет, Н.В. 323–325
Рубинштейн, Дмитрий Леонович (Митька) 272
Рудаков, Константин Иванович 273
Рудаков, Сергей Борисович 96, 97
Рутенберг, Лидия Абрамовна 146, 330
Рыбачок, Андрей Иванович 12
Рыжкин, Гавриил Никитич 201
Рыжкин, Никита 187
Рыжкина, Дина Никитична 185, 186
Рыжкина, Елена Никитична 185
Рыжкина-Петерсен, Мария Никитична 10, 19, 34–37, 49, 169, 175, 179, 185–204, 209, 255, 306, 320, 328
Рыков, Алексей Иванович 106
Рыталова, Татьяна Ивановна *см. Азбелева, Татьяна Ивановна*
Рюккерт, Фридрих 226

С

Савинов, Александр Иванович 79
Савинский, Василий Евмениевич 273, 275
Саитов, Владимир Иванович 194
Салхомир-мурза 135
Сафонов, Василий Ильич 201
Сафонова, Елена Васильевна 17, 201, 254, 324
Сахарова, Ольга Владимировна 12
Сверчков, Николай Георгиевич 253
Светлов, Михаил Аркадьевич 308
Светлов, Павел Григорьевич 100

Свирин, Юрий Михайлович 100
Северянин, Игорь Васильевич 30
Сегал, Александр Израилевич 268
Селиверстов 108
Сельвинский, Илья Львович 93
Семенов, Николай Николаевич 68
Семенов-Тянь-Шанский, Андрей Петрович 20, 146, 221, 225, 233, 330
Сенека 31, 57
Сергей Александрович, великий князь 196
Серов, Валентин Александрович 65
Слонимский, Михаил Леонидович 190
Случевский, Константин Константинович 170, 290
Смилга 208
Смиренский, Борис Викторович 294
Смиренский, Владимир Викторович (Скорбный, Андрей) 292, 294
Смирин, Владимир (Вадим) Моисеевич 278
Смирнов (*оперуполномоченный*) 297
Смирнов, Александр Александрович 41, 293
Смирнов, Владимир Иванович 67
Советов, Сергей Сергеевич 221, 274, 275, 329
Соколов 20, 240, 330
Соколов, И.И. 75
Сокольская, Ариадна Леонидовна 109
Солженицын, Александр Исаевич 70, 77, 186
Соллертинский, Иван Иванович 102
Соловьев, Владимир Сергеевич 170
Соловьев, Николай Феопемптович 206
Сологуб, Федор Кузьмич 234, 294
Сомина, Вера Викторовна 12
Софроницкий 330
Ставиская, А.А. 187
Сталин, Иосиф Виссарионович 21, 74, 105, 154, 155, 198
Старостин, В. 304
Стейнбек, Джон 70
Стендаль 196
Стратон 195
Струбинский, Г. 249
Суворов, В. 78
Судейкин, Сергей Юрьевич 262
Сурис, Борис Давыдович 65, 76
Сутугина, Вера Александровна 37

Т

Тамм, Игорь Евгеньевич 68
Танеев, Сергей Иванович 61
Тарле, Евгений Викторович 71
Твардовский, Александр Трифонович 77
Тенишева, Мария Клавдиевна 262
Тимофеев 130
Тихонов, А.Н. 41
Тихонов, Николай Семенович 120
Тихонравова 101
Толмачев, Н. 283, 331
Толстой, Алексей Николаевич 183, 197, 198
Толстой, Михаил Никитич 12
Толстой, Никита Алексеевич 183
Томашевский, Борис Викторович 123
Трауберг, Илья Захарович 102
Трауберг, Леонид Захарович 102
Троцкий, Лев Давидович 160
Трубецкой, Петр Петрович 162
Туровская, Майя Иосифовна 109
Турцевич, Константин 45
Тынянов, Юрий Николаевич 102, 139
У
д'Увиль, Жерар 40
Уайльд, Оскар 28
Ульянова, Мария Ильинична 238
Урбан II 189
Урицкий, Моисей Соломонович 138
Урусова 103
Усова, Анна Михайловна 79
Ф
Фе, Е.А. 198, 201
Фе, О.А. 198
Федоров, Александр Николаевич 21, 114, 125, 131, 237
Фейтус, доктор
Феофания, монахиня
Филонов, Павел Николаевич 79
Философов (*священник*) 251
Финеев 328
Фиренцуола, Аньоло 43
Фанеев (*красноармеец*) 162
Фитингоф, Георгий Петрович 255
Фиш, Геннадий Семенович 122
Флетчер, Джон 35
Фотиев, Сергей Александрович 70

Фотиева, Евгения Сергеевна 63, 70
Фотиева, Лидия Александровна 70
Фофанов, Константин Константинович *см. Олимпов, Константин Константинович*
Франк, Сезар 61
Франс, Анатоль 77
Фредерикс, Всеволод Константинович 67
Фрейд, Зигмунд 52, 78, 105
Фриш, Сергей Эдуардович 67
Фролов 283, 331
Х
Хайслоп 228
Хальфина, Лариса Ивановна 266, 274, 329, 330
Хармс, Даниил Иванович 17, 80, 107, 299, 306, 308
Хемингуэй, Эрнест 70
Ходорковский, Михаил Борисович 215
Холшевников, Владислав Евгеньевич 368
Ц
Цвейг, Стефан 179, 293
Цветкова, А. 80
Цевилев, Николай Степанович 160
Ч
Чайковский, Петр Ильич 60, 103
Чаплин, Чарльз 47
Челлини, Бенвенуто 179
Черепинина, Надежда Юрьевна 12
Чернова, Е.Б. 242, 244
Чернышёв, Александр Алексеевич 68
Чернышевский, Николай Гаврилович 300
Черняев 283, 331
Честертон, Гилберт Кит 40
Чехов, Антон Павлович 190
Чечулин, Николай Дмитриевич 368
Чистовский, Лев Смарагдович 274, 275, 329
Чудновский, Григорий Исаакович 138
Чудовский, Валериан Адольфович 45, 193, 201
Чуковская, Лидия Корнеевна 190, 191
Чуковская, Мария Борисовна 190
Чуковская, Мария Корнеевна (Мурочка) 190, 191
Чуковский, Борис Корнеевич 190, 191
Чуковский, Корней Иванович 36, 120, 166, 169, 188–191, 207, 294, 308
Чуковский, Николай Корнеевич 190, 191, 294
Ш

Шабловская 329
Шандоровский 329
Шапиро, Михаил Григорьевич 102
Шапирова, Т.Б. *см. Лозинская Т.Б.*
Шатобриан, Альфонс де 40
Шатовур, Габриаль 148
Шварц, Евгений Львович 80, 308
Шведе, Ада Иванова *см. Оношкович-Яцына, Ада Иванова*
Шекспир, Уильям 81, 179, 245
Шереметев, Александр Дмитриевич 206, 209
Шилейко, Владимир Казимирович 78
Шиллер, Фридрих 216
Шильдер, Владимир Александрович 45
Шингарев, Александр Федорович 69
Шишмарев, Владимир Федорович 79, 80, 83–85, 92, 323–325
Шишмарева, Татьяна Владимировна 17, 51, 79, 80, 83–85, 92, 94, 323–326
Шкловский, Виктор Борисович 123, 139
Шмидт, Юрий Маркович 215
Шопен, Фридерик 188
Шопенгауэр, Артур 51
Шостакович, Дмитрий Дмитриевич 260
Штейн, Владимир 294
Штейнпресс, Борис Соломонович 58
Штерн, Нина Федоровна 187
Штрогейм, Эрих фон 17, 24, 56, 92, 324
Шульговская, Александра Николаевна 288
Шульговский, Николай Николаевич 11, 22, 49, 283, 287–295, 320, 331, 348, 349
Шульговский, Николай Николаевич (*отец*) 288
Шуман, Роберт 60
Шуппе, Георгий Николаевич 16, 62–79, 81, 86, 320, 323, 325
Шуппе, Евгения Сергеевна *см. Фотиева, Евгения Сергеевна*
Шуппе, Екатерина Георгиевна 77
Шуппе, Ирина Георгиевна 76
Шуппе, Николай Георгиевич 76, 77
Шуппе, Николай Юлиусович 64
Шуппе, Юлиус Вильгельм 64

Щ

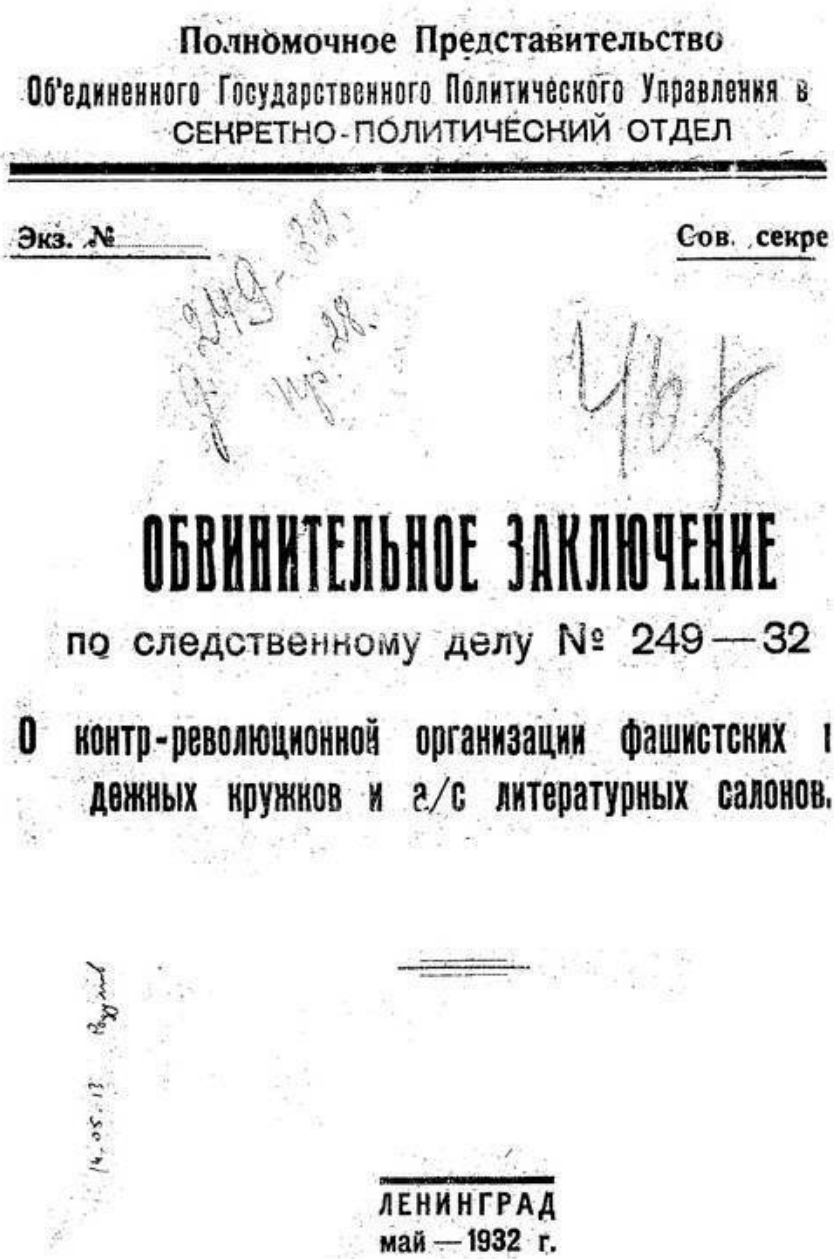
Щеголев, Павел Елисеевич 190

Э

Эберлинг, Альфред Рудольфович 275
Эдельштейн, Михаил Юрьевич 288, 291, 292
Эйснер, Алексей Петрович 254

Эйхенбаум, Борис Михайлович 102, 122, 139
Элиасберг, Карл Ильич 27
Эльзевиры (*книгопечатники*) 194
Энгельгардт, Борис Михайлович 139
Эредиа, Жозе Мария де 18, 19, 24, 36, 37, 49, 174, 176, 178–180, 182, 189, 193, 196, 205, 207, 210, 327
Эрнст, Сергей Ростиславович 33
Эткинд, Ефим Григорьевич 183, 369
Ю
Юденич, Николай Николаевич 137, 166
Юдина, Мария Вениаминовна 11
Юдовский 294
Юткевич, Сергей Иосифович 89
Я
Ягдфельд, Григорий Борисович 89, 94, 102, 107, 108
Ягода, Генрих Григорьевич 78, 149, 303, 307
Яковлев, И. 302
Яковлева-Шапорина, Л.В. 183
Янишевский (*зам. начальника Особого отдела ОГПУ*) 148
Ясинский, Иероним Иеронимович 290

Иллюстрации



Полномочное Представительство
Об'единенного Государственного Политического Управления в
СЕКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Экз. №

Сов. секре

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 249—32

О контр-революционной организации фашистских
дежных кружков и г/с литературных салонов.

ЛЕНИНГРАД
май — 1932 г.

Обложка обвинительного заключения по «Делу Бронникова».

г/ путем культивирования в к.-р. организаци
традиций монархизма и дворянской знати.

3. В окопачивании членами организации антисовет
ской ячейки в 115 зенитном артиллерийском полку с це
разложения красноармейской массы и подрыва боеспосо
ности Красной армии.

4. В шпионской деятельности отдельных членов
организации /салон МООР/.

5. Устроении спиритических сеансов, черных ме
и иных мистико-спиритуалистических действий.

По данному делу в качестве обвиняемых привлеч

1/ БРОННИКОВ, Михаил Дмитриевич,
2/ ВЛАСОВ, Василий Андрианович,
3/ ШУППЕ, Георгий Николаевич,
4/ РЕЙСЛЕР, Александр Владимирович,
5/ АЗБЕЛЕВ, Павел Петрович,
6/ ЛАСКЕЕВ, Борис Федорович,
7/ РЕНЕЗОВ, Михаил Николаевич,
8/ ЕФИМОВ, Николай Николаевич,
9/ КРЮКОВ, Алексей Алексеевич,
10/ ВОЛКОВ, Дмитрий Васильевич,
11/ МООР, Любовь Юльевна,
12/ МООР, Вильям Рудольфович x/ умер см. ниже.
13/ БРУНИ, Георгий Юльевич,
14/ ВЕРХБИЦКИЙ, Глеб Дмитриевич,
15/ НАУМОВА, Вера Кирилловна -

---

x/ МООР, Вильям Рудольфович умер в ДПЗ от припадка хронического заболевания уремией.

16/ ПЕСТИНСКИЙ, Борис Николаевич,

17/ НАУМОВ, Павел Семенович,

18/ БИЛИБИНА, Татьяна Владимировна,

19/ ШУЛЬГОВСКИЙ, Николай Николаевич,

20/ ЛОЗИНСКИЙ, Михаил Леонидович,

21/ ПЕТЕРСЕН-РЫЖКИНА, Мария Никитична,

22/ ВЛАДИМИРОВА, Татьяна Михайловна,

23/ ПЕТКЕВИЧ-ПИЛЬЦ, Элеонора Иосифовна.

x x
x

Р А З Д Е Л I-Й.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ПОЛИТХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ.

К.-р.организация литераторов и искусствоведов включавшая выше упомянутые а/о кружки и салоны по социальному составу представляет одну основную классовую группу: ПОТОМСТВЕННЫХ ДВОРЯН, ПОМЕЩИКОВ, КРУПНЫХ СОБСТВЕННИКОВ И ИХ ДЕТЕЙ.

Следствием установлено, что активные антисоветские устремления и политические взгляды членов организации в целом росли под влиянием:

а/ ПОТЕРИ в связи с революцией КРУПНЫХ НЕДВИЖИМОСТЕЙ И ДЕНЕЖНЫХ КАПИТАЛОВ И ЛИШЕНИЯ классовых служебных ПРИВИЛЕГИЙ.

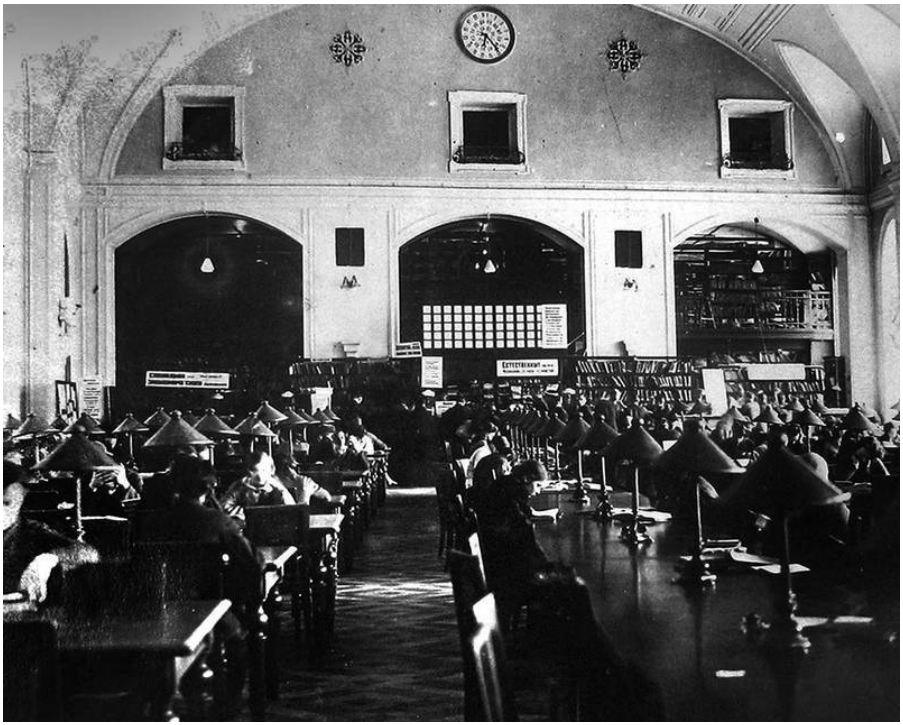
б/ УКЛОНЕНИЯ К-Р ЭЛЕМЕНТА ПОЛИТИКОЙ ПАРТИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К БУРЖУАЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И МЕРОПРИЯТИЯМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ПЕЧАТИ.

в/ РОДСТВЕННОЙ СВЯЗИ некоторых членов орг

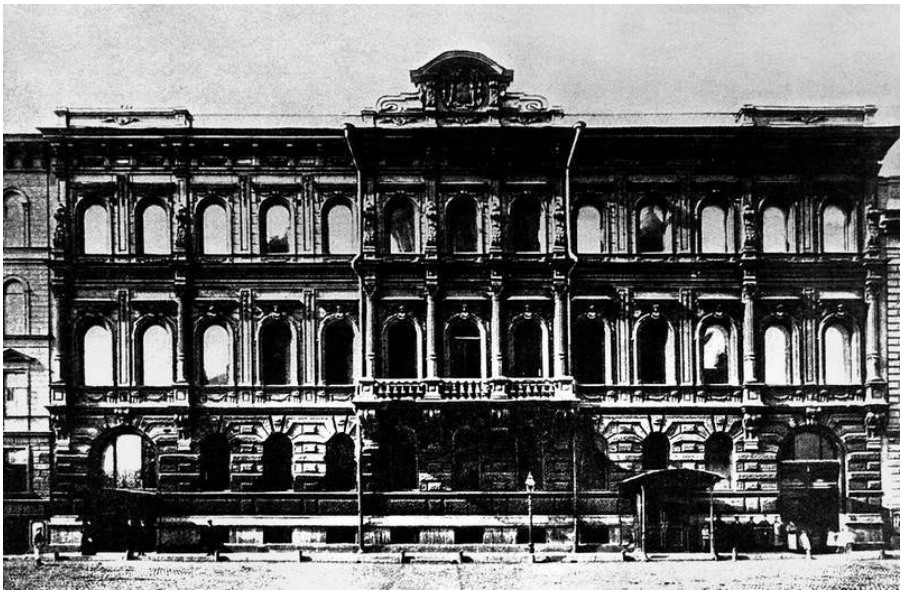
Страницы «Дела Бронникова», на которых перечислены имена обвиняемых.

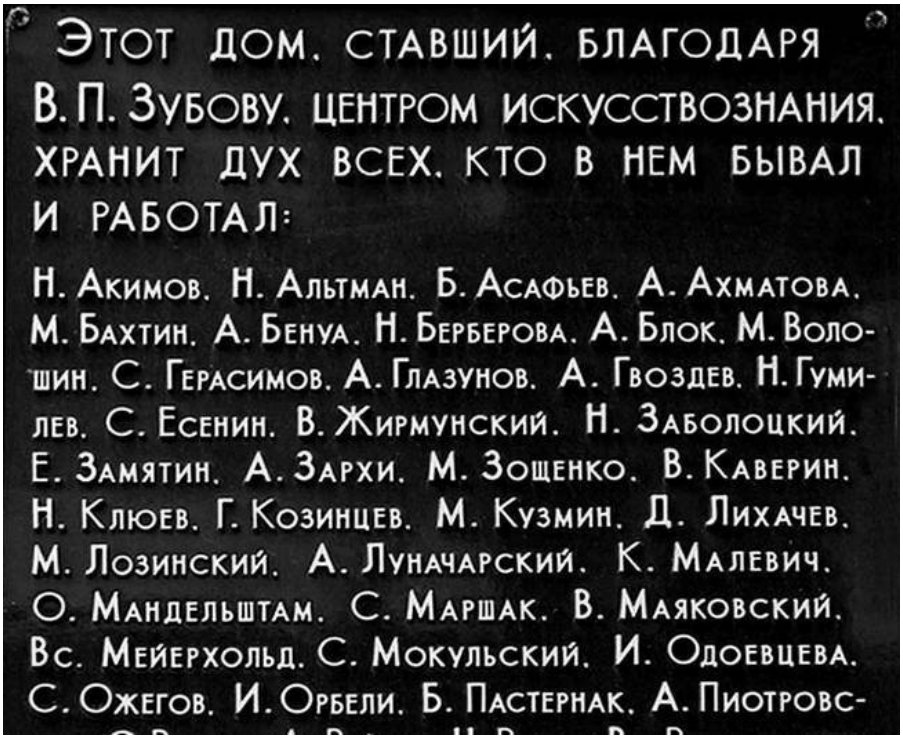
Сотрудники издательства «Academia». 1 января 1927 г. Фото М. С. Наппельбаума. Фонд Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург. *Нижний ряд:* Семен Алексеевич Тимошенко (кинорежиссер), Константин Николаевич Державин (историк литературы), Яков Александрович Кроленко (зав. московским отд. изд-ва), Николай Павлович Акимов (художник), Федор Семенович Садовский (технич. сотрудник), Эдуард Александрович Старк (лит. редактор и корректор), Геннадий Петрович Соколов (работ-ник склада), Михаил Дмитриевич Бронников (сотрудник киносекции). *Второй ряд:* Александр Васильевич Донцов (управл. делами ГИИИ), Борис Васильевич Казанский (литературовед, профессор), Виктор Максимович Жирмунский (литературовед, председатель ЛИТО ГИИИ), Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс (театровед), Николай Эрнестович Радлов (художник, искусствовед), Александр Александрович Кроленко (директор изд-ва), Михаил Леонидович Лозинский (переводчик), Федор Иванович Шмит (директор ГИИИ, искусствовед), Яков Антонович Назаренко (зам. дир. ГИИИ, литературовед), Алексей Александрович Гвоздев (театровед, председ. ТЕО ГИИИ), Имант Георгиевич Фрейман (профессор радиотехники), Всеволод Александрович Рождественский (переводчик). *Третий ряд:* Надежда Константиновна Шведе-Радлова (художник), Владимир Пантелеймонович Грачев (музыковед), Мария Александровна Смирягина (сотрудник моск. отд.), Полина Александровна Александрова (секретарь-машинистка), Исидор Михайлович Клейнер (театровед),

Александр Александрович Смирнов (литературовед, переводчик), Михаил Алексеевич Кузмин (поэт, переводчик), Людвиг Людвигович Мильх (бухгалтер), Владимир Федорович Динзе (редакц. работник), Григорий Михайлович Любарский (художник), Марта Гавриловна Строд (кассир), Любовь Александровна Рождественская (сотрудник изд-ва), Борис Аполлонович Кржевский (литературовед, редактор), Дмитрий Александрович Ершов (сотрудник магазина), Алексей Васильевич Бовин (помощник бухгалтера), Адриан Антонович Франковский (переводчик, редактор), Алексей Васильевич Смирнов (кладовщик), Стефан Стефанович Мокульский (театровед), Александр Леонидович Слонимский (литературовед).



Государственная публичная библиотека (сейчас — Российская национальная библиотека) в Ленинграде. 1930-е гг. *Вверху:* здание со стороны Невского проспекта. *Внизу:* читальный зал.





Государственный институт истории искусств (ГИИИ) на Исаакиевской площади. *Вверху:* фасад ГИИИ в 1930-е гг. *Внизу:* мемориальная доска (фрагмент) в наше время.

Михаил Бронников. Фрагмент фотографии сотрудников издательства «Academia».

Табличка с номерами квартир, сохранившаяся до наших дней на доме Бронникова.

Дом М. Бронникова, где шли занятия его кружков и откуда его увезли в тюрьму. Васильевский остров, 10-я линия, д. 25, кв. 3.

Внутренний двор и лестница в доме 25 по 10-й линии Васильевского острова.

Николай Лапшин, Татьяна Шишмарева, Георгий Шуппе. Ленинград, 1935 г. Фото из архива Г. П. Ивановой.

Татьяна Шишмарева и Василий Власов. 1930-е гг. Фото из архива Г. П. Ивановой.

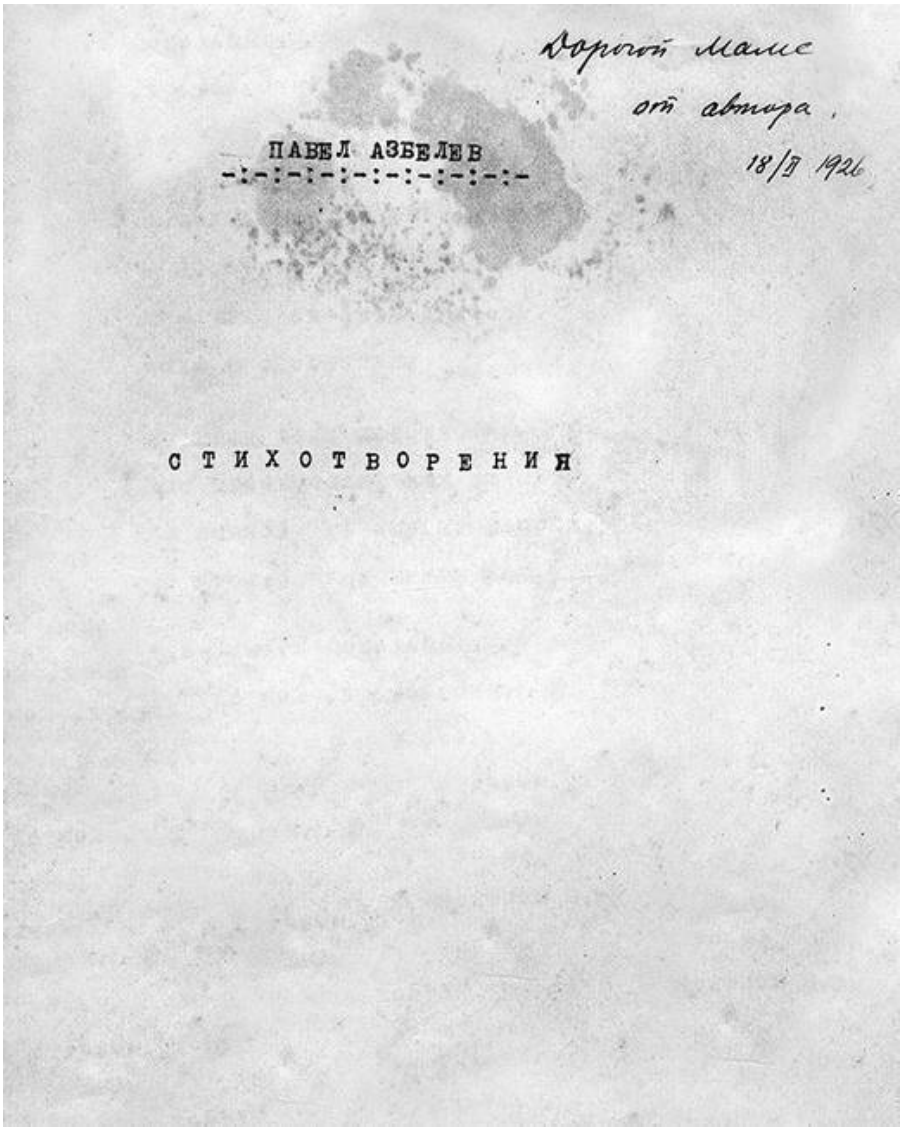
Дом, где находилась квартира Шишмаревой и Власова. Васильевский остров, 1-я линия, д. 20, кв. 32.

Семья Волковых. Вверху (стоит, с галстуком) — Всеволод, внизу (сидит) — его брат-близнец Олег. Справа от Олега (сидит) — их младший брат Дмитрий Волков. Пудышево, 1914 г. Фото из архива Вс. О. Волкова.

Михаил Ремезов. 1920-е гг. Фото из личного дела студента ГИИИ. Из фонда ЦГАЛИ.

Николай Ефимов. Сер. 1960-х гг. Фото из личной карточки в Союзе кинематографистов.

Павел Азбелев. 1920-е гг. Фото из архива П. П. Азбелева



Обложка стихов Павла Азбелева с посвящением матери. Фото из архива П. П. Азбелева.

Борис Пестинский. Автопортрет (фрагмент). 1930-е гг.

Борис Пестинский. 1930–1940-е гг.

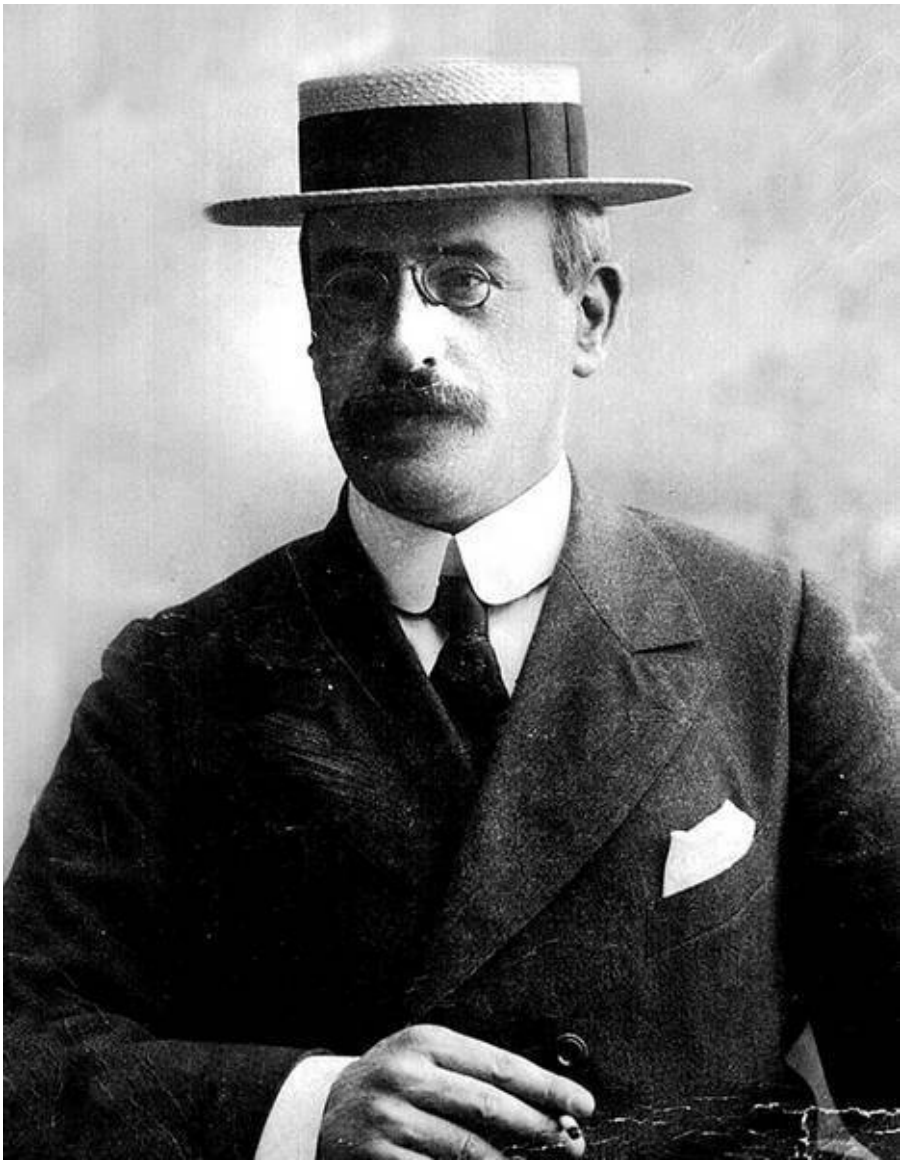
Групповая фотография кафедры философии права Петербургского университета, которой руководил Л. М. Петражицкий (шестой слева в нижнем ряду). Второй справа от него — Николай Шульговский. 1904 г

Татьяна и Михаил Лозинские с дочерью Наташей. 1920-е гг. Фото из архива М.Н. Толстого.

Михаил Лозинский. 1920-е гг. Фото М. С. Наппельбаума. Фонд Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург.

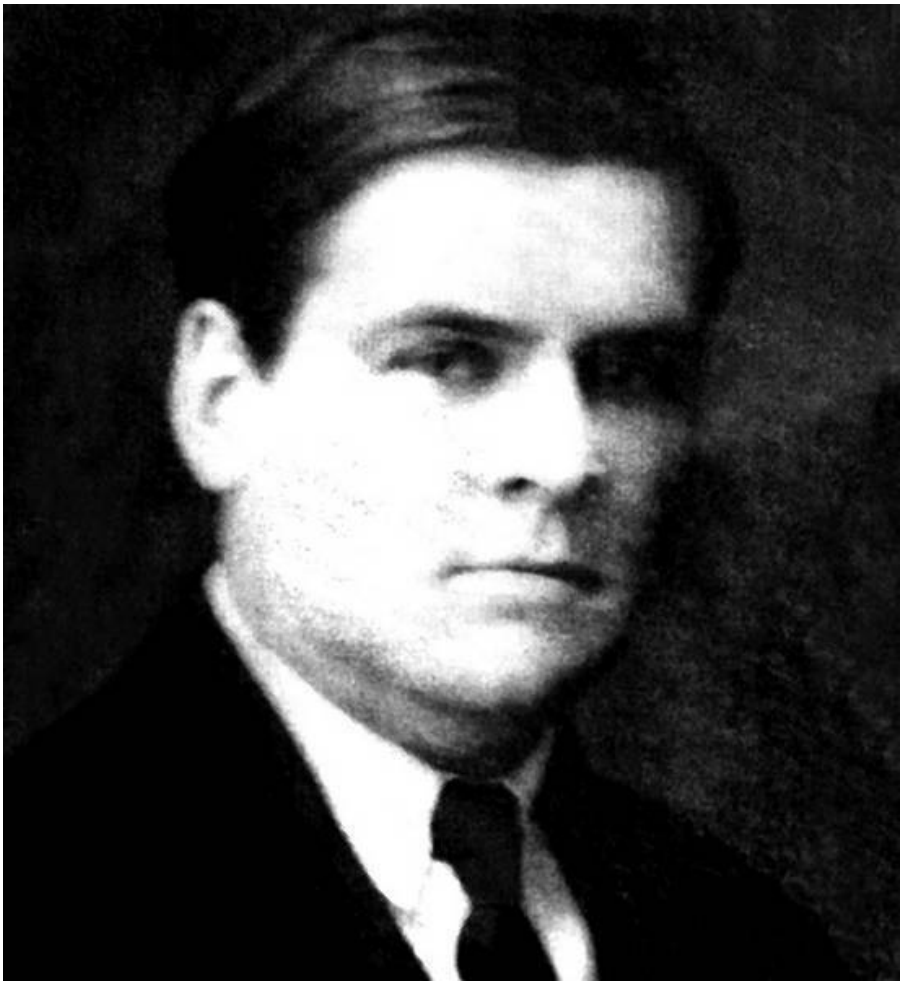
Дом, где жила семья Лозинских и собирался его кружок. Ул. Красных Зорь, д. 73–75, кв. 26.

Михаил Лозинский с детьми Сергеем и Натальей. 1940-е гг. Фото из архива М.Н. Толстого.

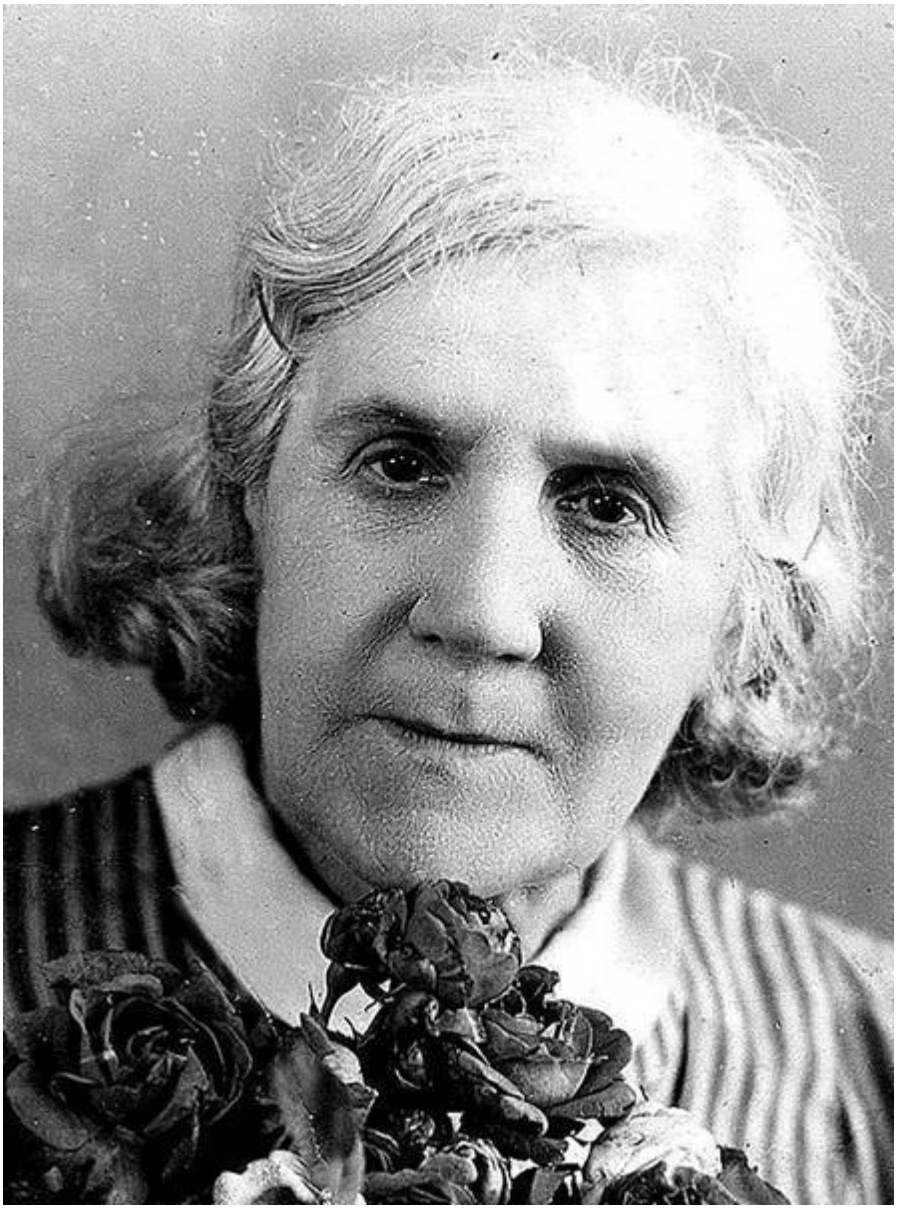


Вильгельм Моор. 1900-е гг. Фото из архива В. П. Барабанова.

Любовь Зубова-Моор. В сценическом костюме. 1910-е гг. Фото из архива Н. В. Лукиной.

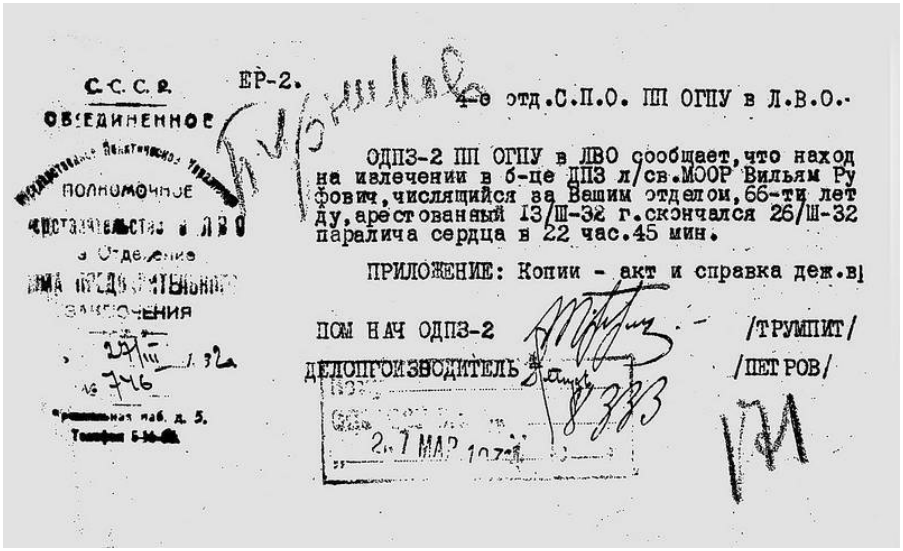


Александр Зеленецкий, сын Л. Зубовой-Моор от первого брака. 1920-е гг. Фото из архива Н. В. Лукиной.



Любовь Зубова-Моор. 1950-е гг. Фото из архива Н. В. Лукиной.

Дом Мооров. Васильевский остров, 9-я линия, д. 34, кв. 5.



С.С.С.Р. ЕР-2.

ОБЪЕДИНЕННОЕ

ПОЛНОМОЧНОЕ

4-е отд.С.П.О. ПП ОГПУ в Л.В.О.-

ОДПЗ-2 ПП ОГПУ в ЛВО сообщает,что наход
на излечении в б-це ДПЗ л/св.МООР Вильям Ру
фович,числящийся за Вашим отделом,66-ти лет
ду,арестованный 13/Ш-32 г.скончался 26/Ш-32
паралича сердца в 22 час.45 мин.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копии - акт и справка деж.вр

ПОМ НАЧ ОДПЗ-2 /ТРУМПИТ/

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ /ПЕТРОВ/

Справка о смерти В. Моора. 1932 г.

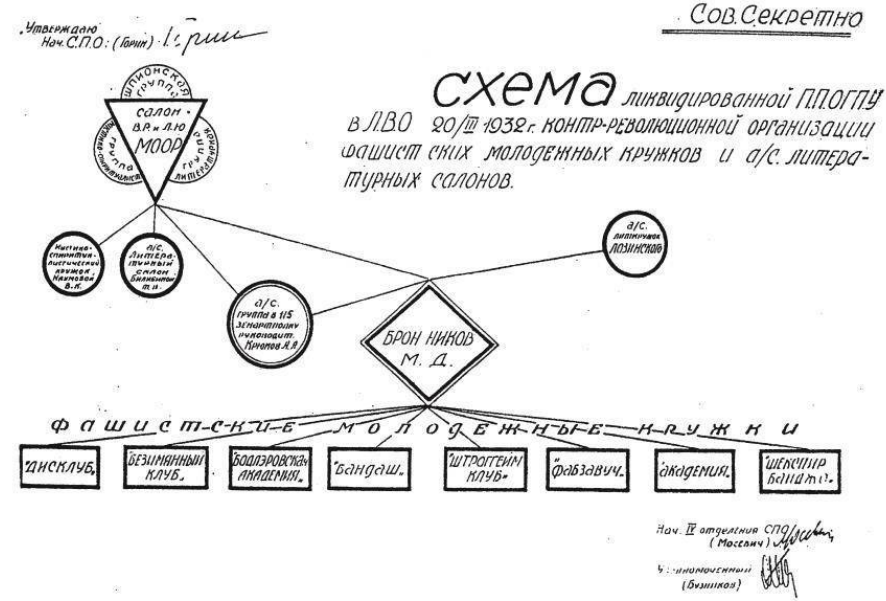
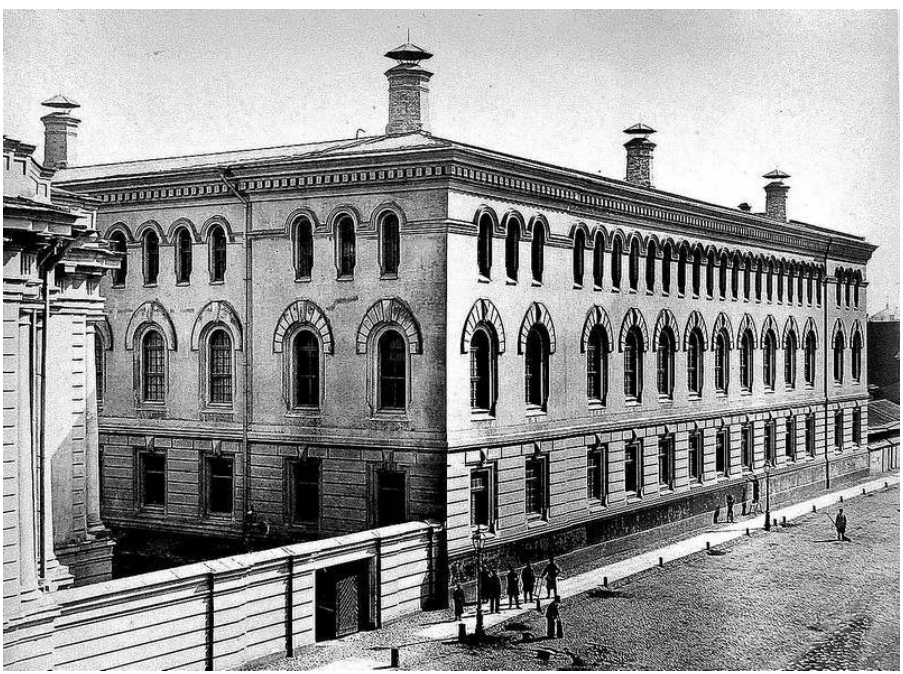
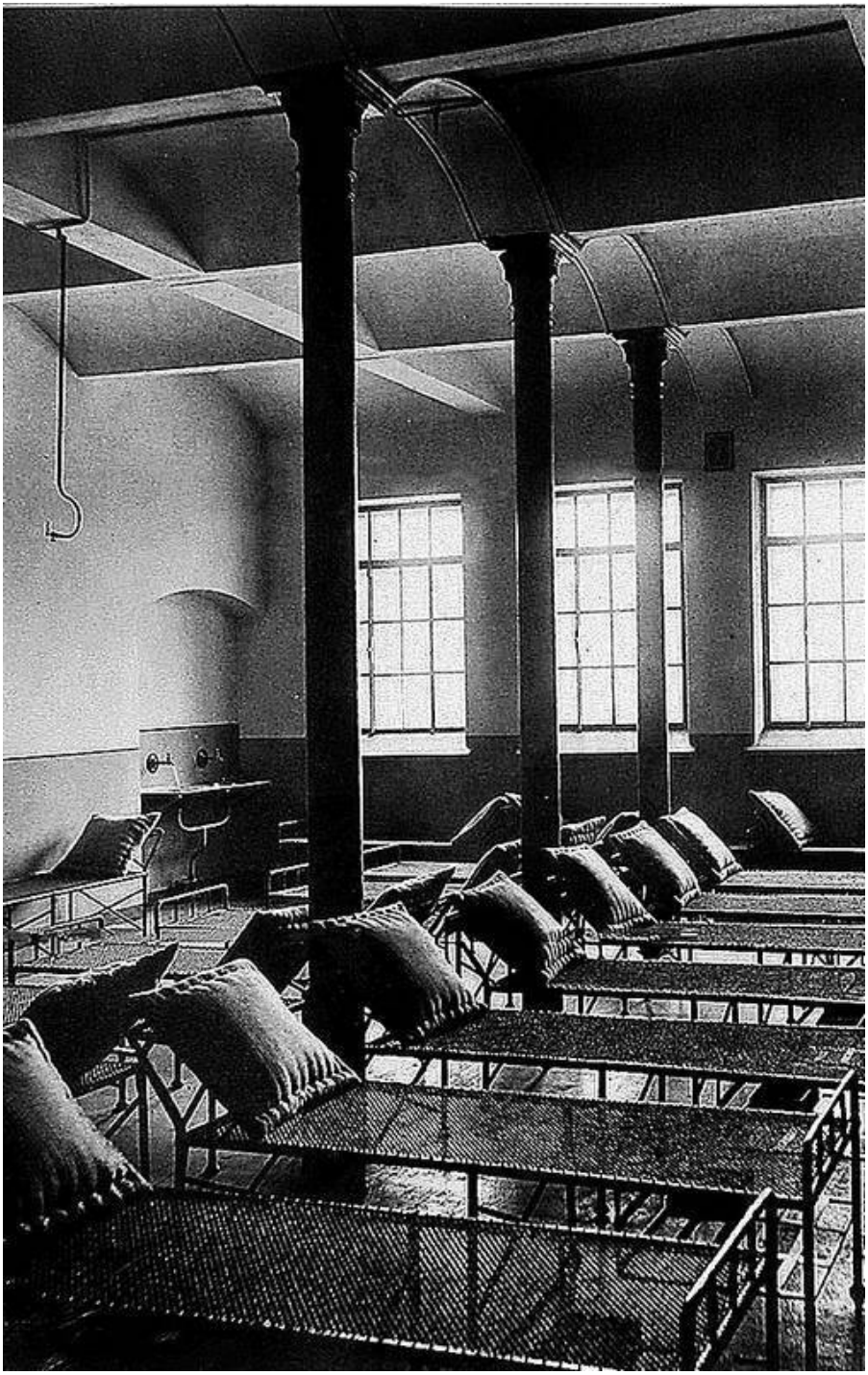


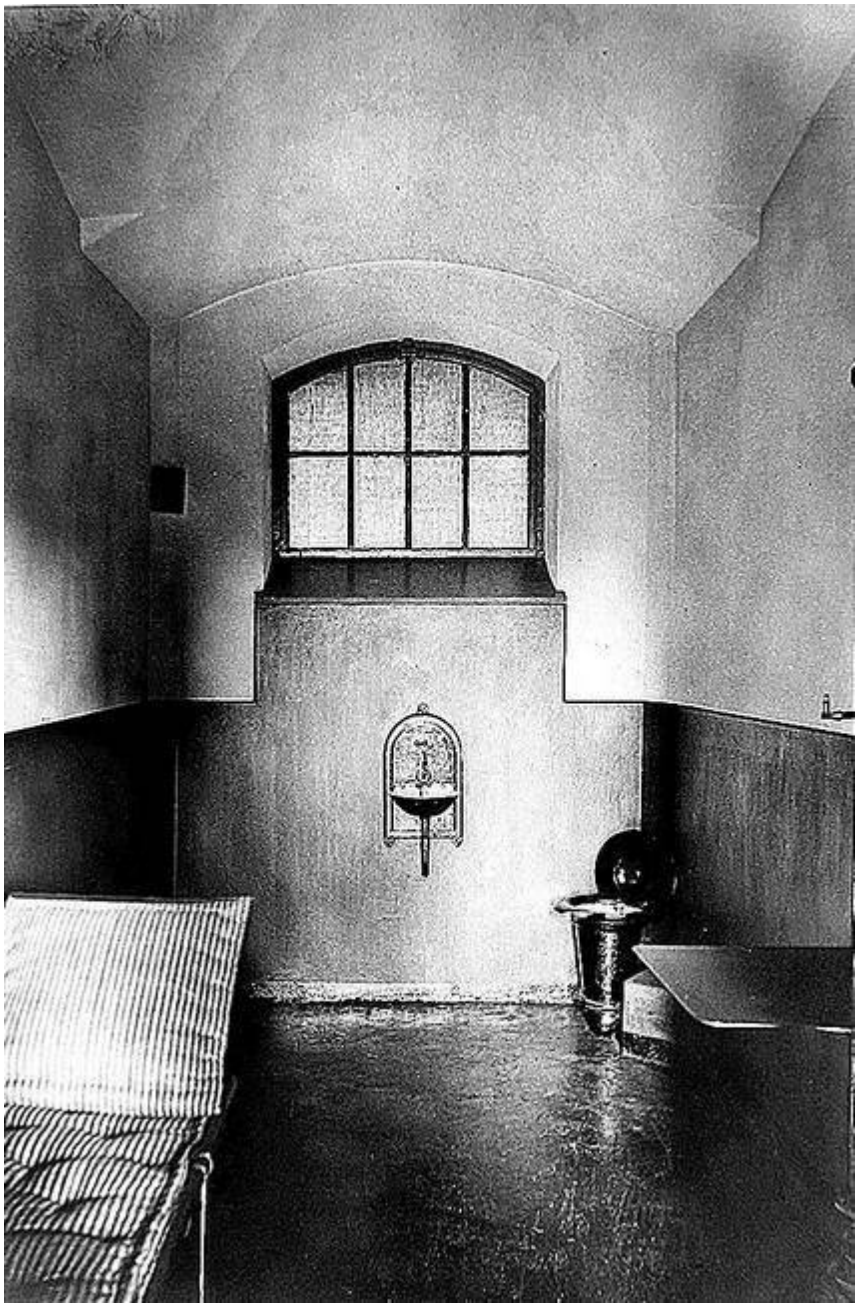
Схема кружков, подшитая к «Делу Бронникова».



Дом предварительного заключения на ул. Шпалерная, д. 25. Фасад со стороны ул. Захарьевская и внутренний двор.

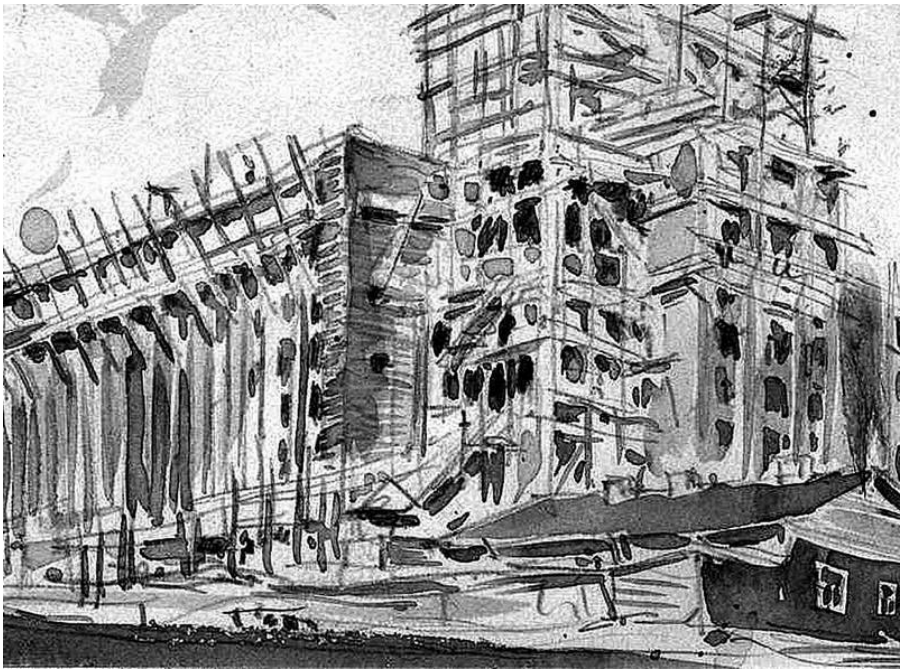


923



Вверху: галереи в мужском отделении предварительного заключения и камера ночного пребывания. *Внизу:* дверь камеры одиночного заключения и сама камера. Дореволюционные фотографии.

Вверху: дом ВЧК-ОГПУ на ул. Гороховая, д. 2. Ныне — Музей истории политической полиции России XIX — XX вв. Дореволюционная фотография. *Внизу:* сотрудники Ленинградского отделения НКВД. 1920-е гг.



Вверху: строительство Большого дома — ОГПУ-НКВД на Литейном пр., д. 4. Рисунок Н. Е. Лансере. *Внизу:* следователь А. Бузников. Конец 1940-х гг. Фото из личного дела. Архив Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга.

Юбилейный знак ОГПУ 1917–1927 гг.

СЛУЖЕБНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

подполковника запаса БУЗНИКОВА Алексея Владимировича

Подполковник БУЗНИКОВ А.В., год рождения 1907, национальность русский, образование высшее. Член КПСС с УП-1948 г. Служил в Центральном Картографическом Производстве ВМФ с I/1950 г. по IX-1955 г. на различных руководящих должностях. Последняя должность – начальник отделения оформления морских навигационных карт. В упомянутом отделении имел под своим руководством значительное число сотрудников, главным образом молодежи, среди которой пользовался авторитетом и уважением. Одновременно в 1950 и 1952 г.г. принимал активное участие в подготовке молодых кадров картографов, являясь ответственным по подготовке кадров по ЦКП ВМФ, а затем преподавателем истории КПСС на курсах производственного обучения картографов.

В настоящее время также продолжает внештатную преподавательскую работу на этих курсах. В процессе подготовки и обучения молодежи показал себя умелым и вдумчивым воспитателем и преподавателем. Систематически и последовательно работал над повышением своего общеобразовательного и политического уровня. Обладает организаторскими способностями. Дисциплинирован. Тактичен. Морально устойчив. В быту скромен. Партийные поручения выполнял аккуратно и инициативно со знанием дела. Руководил и консультировал группы сотрудников ЦКП, самостоятельно занимающихся изучением истории СССР и диалектического материализма. Выступал с докладами на теоретических конференциях и собраниях.

Участник Великой Отечественной войны. Всю войну прослужил в действующих частях и принимал участие в боевых операциях. За отличное выполнение заданий командования и безупречную службу награжден орденами: "Красное Знамя", "Отеч.войны I степени", "Отеч.войны 2 степени", двумя орденами "Красная Звезда", медалью "За боевые заслуги" и другими медалями.

В сентябре 1955 г. уволен в запас по болезни с правом ношения военной формы одежды.

Характеристика выдана для предоставления в Лентороно.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОГО

Управляющая делами КАРТПРОИЗВОДСТВА ВМФ подпись /ХАРРИСОН/

"27" ноября 1955 г.

Характеристика из личного дела подполковника А. В. Бузникова. Архив Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга.

notes

Примечания

1

Центр «Возвращенные имена» находится в небольшом помещении, выделенном Российской национальной библиотекой, тесно заставленном стеллажами с копиями дел жертв политических репрессий. Хронологически они охватывают период с 1917-го по 1953 год. Создатель и руководитель центра Анатолий Яковлевич Разумов, автор проекта Книги памяти «Ленинградский мартиролог», еще в начале девяностых копировал в архиве ФСБ (в тот недолгий период наши органы госбезопасности доброжелательно шли на контакт) следственные материалы.

2

В новом справочнике «Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрограде-Ленинграде. 1917–1991» (СПб., 2016) об этом деле нет никаких упоминаний.

О нем была короткая публикация в узкоспециальном журнале «Законность» (Стуканов А. Дело ленинградских литераторов // Законность. 2004. № 8. С. 51–52), однако в ней оказалось много небрежностей и путаницы (в частности, само дело, следствие по которому длилось с февраля по июнь 1932 года, приписано к декабрю 1934-го).

3

Здесь и далее в книге даны названия улиц, актуальные на момент следствия по «Делу Бронникова» — 1932 г.

4

Название кружка, возможно, связано с тем, что кружковцы старались в своих работах фиксировать реальность (бандаж (от *фр*. Bandage) — это устройство или пояс, который используется для фиксации, т. е. закрепления чего бы то ни было). В протоколах допросов встречается разное написание — Бандаш и Бандаж.

5

Факультеты ГИИИ с 1926 года стали называться отделами. ИЗО — изобразительный отдел, ТЕО — театральный отдел, МУЗО — музыкальный отдел, ЛИТО — литературный отдел. «…Здесь безраздельно господствовали музы. Сперва их был четыре: Лито, Тео, Музо, Изо; затем к четырем ревнивым и вечно юным сестрам — я опускаю их греческие имена — прибавилась совсем юная, пятая — Кино». (*Гринберг И.Л.* Пять муз // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 135.)

6

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. М., 1999. С. 160.

Подробнее об этом см. в главе «Следователь Алексей Бузников».

8

См. *Разумов А.Я.* Дела и допросы // «Я всем прощение дарую». Ахматовский сборник. М.; Спб., 2006. С. 258.

9

Печально знаменитую 58 статью Уголовного кодекса давали за контрреволюционную деятельность, а пункт 10 вменял ответственность за призыв к «свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению контрреволюционных преступлений». Статьи 58-2 и 58-9 — «распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания» — влекли за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

10

См. Кадетский досуг. Журнал Первого кадетского корпуса. На правах рукописи. СПб., 1912⁄1913. № 1(62) — 3(64), № 4(65) — 7(68).

11

Императорский Александровский лицей ЦГИА СПб. Ф 11, оп. 1, д. 3118.

12

Императорский Александровский лицей ЦГИА СПб. Ф 11, оп. 1, д. 3118.

13

См.: Лицейский журнал. Издание лицеистов Александровского лицея. На правах рукописи. Спб., 1915. № 3/4; 1916. № 1–3; 1917. № 1.

14

Непринужденный разговор (*фр.*).

15

О гневе. 3.15 // *Сенека.* Философские трактаты. Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб.: Алетейя, 2001. С. 400.

16

Императорский Александровский лицей ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, д. 2568.

17

ЦГАЛИ. Ф. 495, оп. 1, д. 201.

Бенуа А. Дневник. 1918–1924. М., 2010. С. 371, 420.

19

Рыжкина-Петерсен М.Н. Воспоминания. Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф-1, ед. 83. (Все фрагменты из книги М.Н. Рыжкиной-Петерсен публикуются по этому источнику.)

Оношкович-Яцына А.И. Дневник 1919–1927 // Минувшее. Исторический альманах. № 12. М.; СПб., 1993. С. 381.

Оношкович-Яцына А.И. Там же. С. 391.

22

Цветущее море (*лат.*).

Европейская поэзия XIX века. М., 1977. С. 677. (Библиотека Всемирной литературы.)

24

Г. <Адамович>. Звено. Париж, 1925. 30 ноября. № 148. С. 4.

25

РГАЛИ. Ф. 95, оп. 1, д. 357.

Оношкович-Яцына А.И. Указ. соч. С. 432.

Русский современник. 1924. № 3.

28

Цит. по: *Маликова М.Э.* Шум времени: История ленинградского кооперативного издательства «Время» (1922–1934). С. 192.

29

Гринберг И.Л. Пять муз // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 135.

Арнольди Э.М. Из воспоминаний о первых шагах нашего киноведения / Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 149.

Оношкович-Яцына А.И. Указ. соч. С. 433.

Арнольди Э.М. Указ. соч. С. 150.

33

Цит. по: *Телетова Н.К.* «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 120.

34

Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 245–246.

Оношкович-Яцына А.И. Указ. соч. С. 43.

Книгоноша. 1926. № 3–4.

Багров П. Об авторе книги и немного о ее герое // Ефимов Н.Н. Евгений Червяков. Цит. по: http://www.kinozapiski.rú⁄datá⁄homé⁄articleś⁄attaché⁄267.pdf.

Бронников М.Д. Мэри Пикфорд. Л., 1926. С. 25, 26.

Там же. С. 43.

Бронников М.Д. Эдна Первианс // Американские киноактеры. Сост. Ю. Мещанинов (Рони). Под ред. С.С. Мокульского и И.З. Трауберга. Вып. III. Л.: Academia, 1928.

41

ОР РНБ. Ф. 1120. Кроленко А.А. Academia. Памятная книжка. Записи от 31 декабря 1927 года.

42

Предполагаем, что М.Н. Рыжкиной, когда она писала через много лет свои воспоминания, изменила память: прошло скорее всего не две недели, а меньше, так как она сама будет арестована уже через десять дней после ареста Бронникова — 20 марта.

43

В архиве ФСБ (архивный № П-74002) среди конфискованных у Бронникова бумаг есть неразборчиво написанные карандашом заметки: «О мероприятиях по расширению и реформам “Бандаша”», «О значении биомеханики». «Не доклады, а устройство совместных веселых бесед». Тут же «Протокол общего собрания Штрогейм-Клуба. Присутствовали: Т. Шишмарева, М. Бронников, В. Власов. Заслушали продолжение доклада Т. Шишмаревой “Сценарий рынка подлостей”». И брошенная фраза: «Ловкий проходимец… Пролетарского в нем не больше, чем во мне».

44

Домбровский Леонид Викторович (1905–1937) — художник-плакатист, театральный художник. В начале 1930-х годов вместе с Н.П. Акимовым работал в творческой мастерской Центрального управления государственными цирками (ЦУГЦ). Его жена Елена Юльевна Геллер (в протоколах встречается написание ее фамилии с ошибкой) — студентка Института истории искусств. Они жили в одной квартире с Климентием Минцем по адресу Подольская ул., 16, кв. 16. Л.В. Домбровский, вероятно, в 1935 году был сослан в Саратов. В 1937-м он был там арестован и тройкой УВНД по Саратовской области за антисоветскую деятельность приговорен к десяти годам ИТЛ. В 1939-м из-за недоказанности преступления приговор был отменен.

45

Текст повести М. Бронникова «Две короны ночью» (1931), весь испещренный пометами следователя, хранится сейчас в архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (архивный № П-74002).

Кировский рабочий. 10 июля 1940.

47

ЦГАЛИ. Ф. 495, оп. 1, д. № 202.

48

ЦГАЛИ. Ф. 495 (Фонд А. Розанова), оп. 1. ед. хр. 175.

Композитор А.С. Розанов создал две детские оперы — «Весёлый портняжка» и «Серёжа Костриков», записанные впоследствии на Ленинградском радио и вошедшие в оперный словарь Б. Штейнпресса. Премьера оперы «Весёлый портняжка» состоялась 30 апреля 1939 года.

49

Кировский рабочий. 21 декабря 1938.

Кировский рабочий. 9 мая 1939.

51

Личный архив М.Г. и Е.К. Дьяковых.

Цит. по: *Овсянников Н.П.* // Шуппе Георгий Николаевич. 100 лет со дня рождения. Рязань, 2006. С. 45. (Далее: Шуппе. 100 лет.)

Шуппе. 100 лет. С. 45–46.

54

Палатко (Палаткевич) Дмитрий Михайлович (р. 1868, Киев — ум. после 1948, Брюссель) — живописец, иконописец; член Петербургского общества художников, участник многих выставок. После революции Д.М. Палатко жил сначала в Финляндии, затем в Бельгии. Его работы хранятся в частных коллекциях Бельгии, Финляндии, Франции и других стран.

55

ОР ГРМ. Ф. 195, ед. хр. 470, л. 14 об.

ГРМ. ОР. Ф. 195, ед. хр. 470, л. 8.

Воспоминания Ц.Б. Кац о П.И. Лукирском.
(Цит. по: http://jane.progressor.rú/grandmá/portreť/lukirski.htm.)

Александров А.П.: работа и обстановка в ЛФТИ // Воспоминания Александрова А.П. (Цит. по: http://www.famhist.ru/famhist/ap/00015f2d.htm.)

Из протоколов узнаем, кто еще был участником тех встреч.

Петров Юрий (Георгий) Николаевич (1904–1944) — художник-график, книжный иллюстратор и переводчик-испанист. В 1930 г. окончил живописный факультет Высшего художественно-технического института (Вхутеин). Автор сатирических плакатов для «Боевого карандаша». В 1936–1939 гг. участвовал в войне в Испании. Один из лучших иллюстраторов Лермонтова. В Собрании сочинений Лермонтова 1958 г. опубликованы его иллюстрации к «Испанцам», «Маскараду» и к драме «Два брата». Листы с работами художника хранятся в Русском музее. Погиб на фронте. В 1970 г. в Ленинграде вышел альбом его работ «Испанский дневник».

Гушнер Сергей Ефимович (1905–1942) — театральный художник. Окончил ВХУТЕИН. В 1937 г. был председателем комитета Выставки молодых художников театра. Участвовал в оформлении спектаклей БДТ, Театра драмы и комедии.

Гроссет-Волжина Наталья Альбертовна (1903–1981) — переводчица с английского. Окончила музыкальное училище и английское отделение Института новых языков. В середине 1930-х гг. вошла в группу Школы художественного перевода, которой руководил И.А. Кашкин. Автор многих переводов из Конан-Дойля, Стейнбека, Брет Гарта, Войнич, Хемингуэя и др. В 1967 г. подписала письмо А.И. Солженицына об отмене цензуры. Участница других «подписантских» кампаний.

Волков С.С. // Шуппе. 100 лет. С. 19–20.

61

Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф., архиепископ). «Я полюбил страдание…»: автобиографиѝ/запись Е.П. Лейкфельд. М.: Издательство им. Святителя Игнатия Ставропольского, 1998. (Цит. по: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/authh/?t=page&num=4455.)

62

ОР ГРМ. Ф. 209 (Власов), ед. хр. № 168.

63

ОР ГРМ. Ф. 195 (Сурис), ед. хр. № 440.

64

ОР ГРМ. Ф. 209, ед. хр. 168, л. 29.

Шуппе. 100 лет.

Шуппе. 100 лет. С. 36.

Шишмарева Т.В. …Написала о своих друзьях // Наше наследие. № 92. 2009. (Цит. по: http://www.nasledie-rus.rú/podshivká/9212.php.)

68

Растопчин Николай Петрович (1884–1969) — советский партийный деятель. Член РСДРП с 1903 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Петербурге, один из руководителей установления Советской власти в Костроме. В 1919–1920 гг. председатель Ярославского губкома партии. В 1924–1934 гг. член ЦКК партии.

Курбатова З. Баба Таня // Шишмарева Т.В. …Написала о своих друзьях // Наше наследие. № 92. 2009. (Цит. по: http:// www.nasledie-rus.ru/podshivka/ 9212.php.)

Большой фрагмент поэмы см. в Приложении.

71

См.: *Багров П., Бутовский Я., Марголит Е.* Многонациональный советский кинематограф // Новейшая история отечественного кино: 1986–2000: Кино и контекст: т. V: 1989–1991. СПб.: Сеанс, 2004.

72

Из письма киноведа П.А. Багрова к одному из авторов этой книги.

Фрагменты текста поэмы см. в Приложении.

Минц К. Обэриуты / публикация А. Минц // Вопросы литературы. 2001. № 1. (http://magazines.russ.rú/voplit/2001/1/minz.html.)

75

Этот трактат в начале 1980-х гг. был помещен в самиздатовский журнал «Часы»: Ремезов М. Письма о реализме (1933) // Часы. 1982. № 36.

Рудаков С.Б. Город Калинин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993. СПб., 1997. С. 213–214.

Рудаков С.Б. Указ. соч. С. 214.

Баранова (Зегжда) Л. Воспоминания старожила города // Царскосельская газета. 12 сентября 2000.

Арнольди Э.М. Из воспоминаний о первых шагах нашего киноведения // Из истории Ленфильма: Статьи, воспоминания, документы. 1920-е годы. Выпуск I. Л., 1968. С. 227.

Баранова (Зегжда) Л. Указ. соч.

81

Имя Ф.М. Минц неоднократно встречается в материалах дела, однако арестована она не была.

По данным, полученным от киноведа П. Багрова, Ф.М. Минц (р. 1906) закончила киноотделение Высших государственных курсов искусствознания при ГИИИ с квалификацией киноведа в 1930 г. Будучи студенткой, она участвовала в заседаниях Кинокомитета, что студенты делали нечасто. В начале 1930-х гг. Минц работала на Ленинградской кинофабрике помощником режиссера, печаталась в прессе, составляла библиографические указатели. Вместе с С. Земцовым Минц подготовила указатель «Кино в России», оставшийся, насколько известно, неопубликованным.

В 1934-м вышла ее брошюра «Новые книги по кино- и фотопромышленности за 1934 год». О дальнейшей судьбе ее неизвестно.

ГОМЭЦ — Государственное объединение музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий.

83

Павел («Чарли») Маневич — студент, рабочий Путиловского завода, играл в художественной самодеятельности комические роли.

О К. Минце см. в статье о М.Н. Ремезове.

Багров П. Об авторе книги и немного о ее герое // Ефимов Н.Н. Евгений Червяков. Цит. по: http://www.kinozapiski.rú/datá/homé/articleś/attaché/267.pdf.

Там же.

87

Герман М.Ю. Сложное прошедшее. Passé composé. Спб.: Печатный двор. 2006. С. 18–19.

Герман М.Ю. Указ. соч. С. 19.

Герман М.Ю. Указ. соч. С. 19.

Архивное дело ФСБ № П-74002.

Герман Ю. Указ. соч. С. 19.

ЦНИГРИ — Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт.

93

Шуточные стихотворения к двухлетию факультета словесных искусств РИИИ // Российский институт истории искусств в мемуарах. СПб., 2003. С. 109–110.

Из перечисленных стихотворений П. Азбелева в архиве ФСБ обнаружено стихотворение «Гафиз». Тексты стихотворения «Ода театру» и поэмы «Навзикая» хранятся в архиве внука Азбелева, его полного тезки Павла Петровича Азбелева.

Полностью стихотворение «Гафиз» см. в Приложении.

ЦИА. Ф. 1963, оп. 180, д. 3929, 3941.

ЦГАЛИ. Ф. 59, оп. 2, д. 791.

ЦГАЛИ. Ф. 59, оп. 2, д. 791.

ЦГАЛИ. Ф. 59, оп. 2, д. 791.

Пять искусств: Временник / Ред. И.В. Егоров. Л., 1928.

101

Nouvelle Mercure de France. 1925. 15 Septembre. Tome CLXXXII. № 654. P. 577–618.

102

ЛОКАФ — литературное объединение Красной армии и флота, созданное в СССР в июле 1930 года. В 1931 году появился одноименный журнал, позднее переименованный в «Знамя».

ФОСП — Федерация объединений советских писателей, образованная в декабре 1926 года.

«Анны» — неужели он имел в виду Анну Ахматову?

103

Этот термин появился во время столыпинской реформы. Значение слова «отруб» подразумевает отдельный участок, выделенный из общинного землевладения в персональное пользование крестьянину.

Вероятно, имелся в виду потомок Мюрата, наполеоновского маршала и неаполитанского короля, и его жены Каролины, сестры Наполеона I. Род принцев Мюратов существует до настоящего времени.

105

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1568. С. 2.

106

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1568. С. 2.

107

Г.Ф. Байдуков — советский летчик-испытатель, Герой Советского Союза, кавалер наибольшего числа орденов СССР, автор крайне комплиментарной книги «Встречи с товарищем Сталиным» (1939), адресованной детям.

Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. 3-е изд. М.: Звенья, 2004.

109

Цит. по: *Толстой И.* Круто к ветру! // Ленинградская панорама. Л., Советский писатель, 1988. С. 439.

110

Ивановский Игнатий. Воспоминания о Михаиле Лозинском. // Нева, 2005. № 7. С. 201.

111

Чуковский К. Дневник. 1901–1921. М., 2011. С. 252.

Толстая Н.М. Таких людей, как мой отец, на свете больше нет // Комсомольская правда. 2001. 21 июля.

113

Цит. по: *Тименчик Р.Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим́; М.: Мосты культуры, 2008. С. 65–68.

114

Архив РНБ. Дело Императорской (Государственной) публичной библиотеки о службе М.Л. Лозинского 1914–1937. № 2385.

115

Дом Мурузи — знаменитый доходный дом, который в городе называли по имени бывшего владельца князя А.Д. Мурузи. В этом доме, опустевшем после революции, весной 1919 года разместилась студия при издательстве «Всемирная литература». В студии читали лекции и преподавали Н. Гумилев, К. Чуковский, Е. Замятин и др.

Оношкович-Яцына А.И. Дневник 1919–1927 // Минувшее. Исторический альманах. № 12. М.; СПб., 1993. С. 381.

117

Лозинский цитирует стихотворение Владимира Соловьева «Ответ на “Плач Ярославны” К.К. Случевскому».

Личный архив И.В. Платоновой-Лозинской.

119

Личный архив И.В. Платоновой-Лозинской.

120

ОР РНБ. Ф. 1120. Кроленко А.А. Academia. Памятная книжка. Запись 31 декабря 1927 г.

121

ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 2, д. 9, л. 26–27.

122

Архив РНБ. Дело Императорской (Государственной) публичной библиотеки о службе Михаила Леонидовича Лозинского. 1914–1937. № 2385.

123

ВССП — Всероссийский союз советских писателей; создан в 1920 году на основе закрытого Дома литераторов. ФОСП — Федерация объединений советских писателей; создана в 1926 году. Задача ФОСП — «объединение различных писательских группировок, желающих активно участвовать в строительстве СССР». По постановлению ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» ВССП, ФОСП, как и другие литературные организации, прекратили свое существование.

124

Цит. по: Обречены по рождению. По документам фондов Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2004. С. 266.

125

Личный архив И.В. Платоновой-Лозинской.

126

Цит. по: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 279. (Автограф стихотворения находится в личном архиве И.В. Платоновой-Лозинской.)

127

ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 2, д. 9, л. 26.

Шапорина Л.В. Дневник. М., НЛО, 2011. С. 284–285.

129

Galgenhumor — юмор висельника (*нем.*).

Чуковский К.И. Дневник. 1922–1935. М., 2011. С. 34.

Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 212.

132

Чуковский К.И. Дневник 1936–1969. М., 2011. С. 495.

133

Эльзевиры — ценнейшие издания классических сочинений известных голландских печатников Эльзевиров, отличавшиеся прекрасным оформлением. Высоко ценятся библиофилами.

134

Дублеты — это дубли, повторы книг, имеющихся в основном фонде.

135

Дезидераты — книги, недостающие для полноты коллекций, требуемые для пополнения библиотек.

«Жизнь Анри Брюлара».

137

Dans ses heures perdues — в свободное время (*фр.*). О том, чем занимался Бузников в свободное от работы в органах время, см. в настоящем издании в статье «Следователь Алексей Бузников».

138

Мария Рыжкина-Петерсен. Слон и клоп // Русская мысль. № 3211. 6 июля 1978 г.

139

ОР РНБ. Ф. 1000, оп. 2. № 1187.

140

За выдающиеся художественные достижения (нем.).

Эредиа Ж.М. де. Трофеи. М.: Наука, 1973.

142

Из архива И.В. Платоновой-Лозинской.

143

Неясно, почему Т.М. Владимирова указывает такую дату — 1 апреля. Согласно материалам дела, приговоры всем привлеченным по делу были вынесены в июне 1932-го.

144

В архиве Н.В. Лукиной хранятся стихи, письма, документы Л.Ю. Зубовой-Моор. Цит. по: Лукина Н.В. Вологодские дворяне Зубовы. М.: Издательство «Потомки Зубовых». Ч. 1. 2004. (booksite.ru›fulltext́/zub́/ový/002́/1.htm.)

Стихи Л.Ю. Зубовой-Моор см.: http:// www.booksite.rú/fulltext́/zub́/ovy/ 004́/6.htm. Также о Л.Ю. Зубовой-Моор см.: Лукина Н.В. Поэтесса, прошедшая ГУЛАГ / Петербургский исторический журнал. № 1 (09). 2016. С. 201–220.

145

Практический врач. 1902. № 8, 9.

146

Ирен фон Радлофф и ее муж Александр Васильевич Радлов эмигрировали в Италию, сейчас их дочь (она же — внучка академика Василия Васильевича Радлова) — Лилия Радлова (Lilian von Radloff) — итальянская художница. Праправнук академика (внук его сына Владимира) — Юрий Маркович Шмидт — крупный юрист, правозащитник, адвокат по делу М. Ходорковского.

147

ЦГА СПб. Ф. 85, оп. 3, д. 187.

Огарков И.Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л., Медицина, 1966. С. 14.

149

ИРЛИ. Ф. 59, оп. 2, ед. 1196.

150

В настоящее время письма Л.Ю. Зубовой-Моор А.П. Семенову-Тян-Шанскому хранятся в его фонде в санкт-петербургском филиале Архива АН: ф. 722, оп. 2, ед. хр. 419.

151

Rose, Meer und Sonne — слова из цикла Фридриха Рюккерта «Весна любви» (положены на музыку Роберта Шумана).

152

Du, meine Seele — Ты, моя душа; Rose, Meer und Sonne — Роза, море и солнце; Waldeinsamkent — (лесное) уединение (*высок.*, *нем.*).

153

В документах путаница с датой рождения Любови Моор. На самом деле она родилась в 1882 году, но, как мы говорили выше, при поступлении в ГИИИ снизила свой возраст на 10 лет — указала 1892 год. Откуда в следственных материалах появляется 1891 год — неизвестно.

154

Санкт-Петербургский филиал Архива АН. Ф. 722, оп. 2, ед. хр. 419.

155

Мелентьев М.М. Мой час и мое время: Книга воспоминаний. СПб., 2001. С. 88.

Мелентьев М.М. Указ. соч. С. 103.

157

Чернова Е.Б. Я пишу то, что помню… СПб, 2011. С. 150. Благодарим Е.Л. Куранда, С.Л. Гаркави за указание на эту книгу.

Мелентьев М.М. Указ. соч. С. 244.

Мелентьев М.М. Указ. соч. С. 257.

Там же. С. 281.

161

Словоерс — название частицы — с (в старой орфографии — съ), прибавляемой в русском языке к концу слова в определенных ситуациях: в XIX веке — в знак почтения к собеседнику.

162

РГАЛИ. Ф. 2888, оп. 1, ед. хр. 399.

Мелентьев М.М. Указ. соч. С. 347–348.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 410–411.

165

В 1920-е гг. Б.В. Кириченко был известен именно под своим кинематографическим псевдонимом Ватсон, фамилия Астромов появится позже.

Что скрывается за этой аббревиатурой, выяснить не удалось.

167

Протокол допроса 1926 г. цит. по: *Никитин А.Л.* Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. М., 2005. С. 114.

168

Из протокола допроса А.И. Введенского (http://vvedensky.by.ru/critics/protocol.htm/).

169

Фитингоф — вероятно, речь о Георгии Петровиче Фитингофе (1905–1975) — художнике-иллюстраторе, авторе зарисовок блокадного Ленинграда. Г.П. Фитингоф долгое время был соседом по квартире и другом еще одной подследственной по этому делу — М.Н. Рыжкиной-Петерсен.

Присёлков Михаил Дмитриевич (1881–1941) — историк, палеограф, специалист по истории летописания. Впервые был арестован в 1922 г. по «Делу Вениамина Казанского», но вскоре отпущен; во второй раз в 1929 г. по «Академическому делу» приговорен к десяти годам лагерей, но в 1932 г. эту меру пресечения заменили высылкой в Галич-Мерьский. В 1935 г. освобожден досрочно и вернулся в Ленинград. Читал лекции на историческом факультете ЛГУ, с 1939 г. — декан факультета. Умер 18 января 1941 г. в день снятия судимости.

Беклемишев Михаил Николаевич (1858–1933) — адмирал, инженер-кораблестроитель. По его проекту в 1903 году была построена первая боевая подводная лодка российского флота «Дельфин».

Зиккель Герберт Фридрихович (1880–1938) — врач туберкулезного диспансера. В 1931 г. приговорен к высылке из Ленинграда сроком на три года. В 1938 г. вновь арестован и расстрелян.

Калашников Петр Петрович — окончил естественный факультет СПбУ, занимался научной работой, с 1930 г. — доцент. Участник кружка обэриутов. 10 декабря 1932 г. арестован по «Делу обэриутов», так как «вел систематическую антисоветскую агитацию», а кроме того, именно на его квартире проходили собрания этой «антисоветской группы». Приговорен к трем годам лагерей с конфискацией личной библиотеки в 5429 томов. Отправлен на работу в Свирьстрой (Лодейное поле).

Жан Амудрю (1878–1961) — аббат, католический епископ, монах-доминиканец. Настоятель Храма Лурдской Божией Матери — римско-католической церкви в Ковенском переулке. В середине 1930-х гг. — апостольский администратор Ленинграда.

170

В протоколе допроса фамилия Г.Ю. Бруни записана именно так.

171

Институт пролетарского изобразительного искусства (ИНПИИ), сейчас — Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина.

172

Предположительно — Ленинградский коммунистический политико-просветительный институт им. Н.К. Крупской.

173

Предполагаем, что в протоколе допущены ошибки. Вероятно, неграмотный штатный практикант СПО Мельников неправильно на слух записал за допрашиваемым (образованный Бузников не сделал бы подобных ошибок): ЦОО Рабже — это, скорее всего, Сорабис (Союз работников искусств), ОХР — АХР (Ассоциация художников революции).

Подробнее см.: *Богдан В.* Музей Академии художеств // Наше наследие. 2003. № 65.

175

Вероятно, имеется в виду Приселков Сергей Васильевич (1892–1958) — советский живописец; ученик Д.Н. Кардовского и К.С. Петрова-Водкина; с 1922 по 1929 г. преподаватель ВХУТЕИН. В 1929 году вместе с женой С.Г. Венгеровской проходил по делу подпольной организации правой интеллигенции под названием «Дело “Воскресений”» или «Дело А.А. Мейера». По приговору суда был выслан в Архангельск. В начале 1932 года после пересмотра дела вернулся в Ленинград.

176

Хальфина Лариса Ивановна (1887–?) — домохозяйка. С 1904 по 1906 г. состояла в социал-демократической партии. Ее первым мужем был известный масон Б. Астромов-Кириченко.

177

ОР ГРМ. Ф. 118. № 143.

178

Невельштейн Самуил Григорьевич (1903–1983) — живописец и педагог в Институте пролетарских изобразительных искусств. С 1934 г. — преподаватель, а затем директор в Школе юных дарований (позднее — СХШ (Средняя художественная школа при ВАХ — Всесоюзной академии художеств)).

179

Сегал Александр Израилевич (1905–1971) — художник театра, живописец-станковист, профессор ленинградского ВХУТЕИНа (Академия художеств). В годы войны в Ленинграде и в самаркандской эвакуации исполнял обязанности директора Института живописи, скульптуры и архитектуры ВАХ.

180

Бобышев Михаил Павлович (1885–1964) — художник театра, живописец-станковист, преподаватель. В момент написания данного письма — профессор, руководитель мастерской театрально-декорационной живописи в Институте живописи, скульптуры и архитектуры ВАХ.

181

Горб Владимир Александрович (1903–1988) — живописец и график, главным образом портретист. Педагог, долгие годы преподавал в Институте и в СХШ.

182

Сведениями о первой судимости Б.В. Пестинского не располагаем.

183

ОР ГРМ. Ф. 100, ед. хр. 609.

Благово Н.В. Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. С. 8.

Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа: Воспоминания дочери. СПб., 2003. С. 72.

Римский-Корсаков Георгий Михайлович (1901–1965) — музыковед, композитор, акустик. Учился вместе с Б.В. Пестинским в гимназии К. Мая.

Модзалевский Лев Борисович (1902–1948) — пушкинист, историк литературы, архивист. Соученик Б.В. Пестинского в гимназии К. Мая.

Советов Сергей Сергеевич (1902–1958) — литературовед, поэт-переводчик с польского, зав. кафедрой славянских литератур филологического факультета ЛГУ.

187

Чистовский Лев Смарагдович (1902–1969) — художник, ученик профессоров В.Е. Савинского и А.Р. Эберлинга в Академии художеств. Его картины хранятся в Русском музее, в Третьяковской галерее, в музеях Франции.

Ганн В. Пестинский Борис Владимирович. Цит. по: http://www.proza.ru/2010/11/28/1703.

Также о работе Б.В. Пестинского см. в популярной литературе для юношества: Нариньяни С. Эфа // Рассказы о мужестве. М.: Молодая гвардия, 1936; Станюкович К. День в Тигровой балке // Рассказы об одной экспедиции. М.: Географгиз, 1962.

Смирин В.М. О зарисовках животных // Смирин В.М., Смирин Ю.М. Звери в природе. М., МГУ, 1991.

190

Кто стоит за этим именем, выяснить не удалось. Предположим, что это псевдоним, несущий определенный смысл. Fētus — оплодотворенный, плодородный (*лат.*).

191

Филолог Н.А. Мещерский (1906–1987) по «Делу Бронникова» не проходил, так как был арестован еще в феврале 1932-го как член Александро-Невского братства. Осужден на пять лет ИТЛ. Срок отбывал в Свирьлаге. Однако в архиве ФСБ среди рукописей, конфискованных по делу Бронникова, хранится и рукопись его поэмы «Мятельный конь». Фрагменты ее цитируются в Приложении.

192

В архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (архивное дело № П-74002) находится список полного текста поэмы Н. Клюева «Погорельщина». Однако, по мнению исследователя жизни и творчества Н. Клюева К.М. Азадовского, которому был показан фрагмент ксерокопии текста, это не рука автора.

193

Имеется в виду небольшая поэма Н. Клюева «Соловки», опубликованная только в 1989 году.

194

Обвинение абсолютно голословное. Существование в эти годы так называемой группы ленинградских сатанистов ничем не подтверждается. См. об этом же в главе о Л.Ю. и В.Р. Моорах.

195

Подробно о работе Н.Н. Шульговского см. статью М.Ю. Эдельштейна http://mirror7.ru.indbooks.iń/?p=407356#n_1537.

196

Цит. по: *Эдельштейн М.Ю.* «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов»: Два письма Н.Н. Шульговского к В.В. Розанову // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 703.

197

См.: *Шульговский Н.Н.* Кружок философии права профессора А.И. Петражицкого при СПб университете за 10 лет существования. СПб., 1910.

Шульговский Н.Н. Право на жизнь. СПб., 1906. С. 62–63.

199

Шульговский Н.Н. «Аза». Религиозно-философская драма в 4 действиях, 7 картинах. СПб., 1910.

Эдельштейн М.Ю. «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов»: Два письма Н.Н. Шульговского к В.В. Розанову // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011.

Эдельштейн М.Ю. Указ. соч. С. 702.

202

Михаил Кузмин. Дневник. 1908–1915. СПб., 2005. С. 287.

Морозов Юрий. Николай Николаевич Шульговский // Наука и жизнь. № 5. 2006.

Цит. по: *Маликова М.Э.* «Время»: история ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М., 2014. С. 179.

205

Владимир Викторович Смиренский (псевдоним Андрей Скорбный, 1902–1977) — поэт и литературовед. Непременный посетитель литературных салонов, почитатель Н. Гумилева, близкий друг Александра Грина и сына Корнея Чуковского, Николая. Литературный секретарь Федора Сологуба. В начале 1920-х гг. вместе со своим братом Борисом Смиренским, К. Олимповым и К. Вагиновым сделал попытку возродить в Петрограде эгофутуризм. В эту группу, называвшую себя «Кольцом поэтов имени Константина Фофанова», вошел и Н.Н. Шульговский. Группа широко анонсировала свою издательскую деятельность и проводила шумные поэтические вечера, но в сентябре 1922 г. Петроградская ЧК прикрыла неподвластное ей объединение. Это не остановило большинство членов группы, и в 1930 г. ленинградское ОГПУ возбудило дело против «части богемствующих артистов города Ленинграда». В результате В.В. Смиренский получил пять лет лагерей по этому делу, а через год — еще десять по новому делу. Сначала он отбывал срок на строительстве Беломорканала, а потом работал инженером-гидротехником на Куйбышевском гидроузеле и публиковал свои стихи в литературном альманахе «Волжская новь». В.В. Смиренский умер в Волгодонске в 1977 г. На строки его стихотворения об Александре Грине бард Михаил Анчаров написал песню «В глухих углах морских таверн…».

Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки: По тюрьмам на родине / публ. В.Г. Белоуса; коммент. В.Г. Белоуса, Я.В. Леонтьева // Мера. 1994. № 1. С. 146–191; № 2. С. 152–210. (Цит. по: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6040.)

Иванов-Разумник. Указ. соч.

О «Деле славистов» подробнее см.: Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.

209

Архив ЛенГОРОНО. Ф. 23, оп. 1, д. 6. Личные дела директоров и завучей школ (Братцева-Бычкова) 1950–1970 гг.

210

В 1917 году, когда Бузников поступил в 103 школу, она еще называлась Городским училищным домом в память Н.В. Гоголя. Он жил на Таврической, 35, а школа находилась совсем недалеко — на 9-й Рождественской (позже 9-я Советская). Здание школы спроектировал архитектор И. Яковлев в 1912 году. (Стиль поздний модерн.) В то время строились специальные училищные дома, т. е. учебные комплексы с классами, библиотекой, часто — с бассейном.

211

Дата смерти Д.И. Бузникова найдена в справке о нем в книге Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал. (М., 1995.): «Дворянин, управ. ф-кой Прохоровской мануфактуры, после 1917 — бухгалтер, репрессирован, реабилитирован».

РКСМ — Революционный коммунистический союз молодёжи.

213

Глоцер В. Вот какой Хармс! Взгляд современников // Василий Власов. У нас был общий с ним следователь… Беседа с В.А. Власовым. (Цит. по: https://biography.wikireading.ru/196360.)

214

См., кроме цитируемых ниже: Кадр. 1936. 6 апреля. № 168; 8 мая. № 31.

215

Кадр. 1936. 29 января. № 5.

216

Кадр. 1936. 13 июля. № 32.

217

Кадр. 1936, 20 июля. № 33.

Произведения цитируются по материалам «Дела Бронникова», хранящимся в архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (архивное дело № П-74002), а также по материалам копий следственного дела, находящимся в центре «Возвращенные имена».

219

Стихи Крюкова записаны его рукой по памяти (по требованию следователя). Приводим их так, как они найдены в деле: с его комментариями и нумерацией каждого стихотворения.